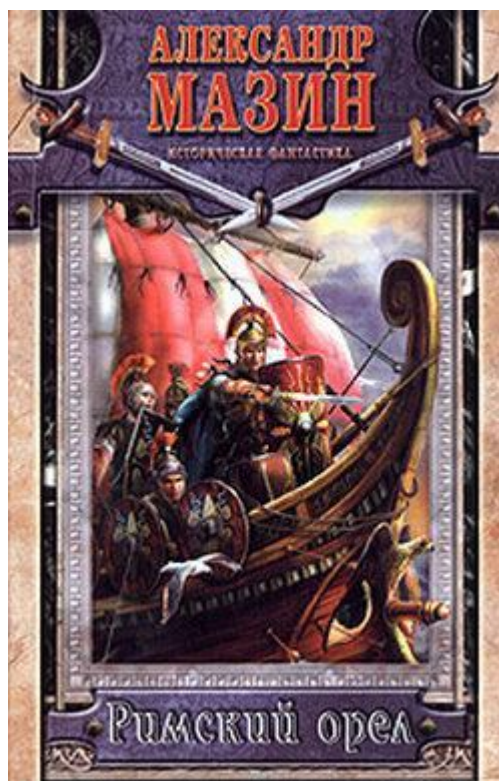

Александр Мазин Римский орел

Варвары – 2

Третий век от Рождества Христова.

Бывший подполковник ВВС России Геннадий Черепанов вместе со своим другом первым центурионом Гонорием Плавтом Аптусом, вырвавшись из плена, преодолев сотни километров вражеской территории, выходят к Дунаю.

На том берегу – Великий Рим.

Великая Римская империя – накануне великих потрясений.

Скоро на нее, истощенную гражданскими войнами, беззаконием и коррупцией, хлынут с этого берега полчища варваров и «Вечный» Рим падет...

Но сейчас, за год до того, как первый из «солдатских» императоров Максимин Фракиец облачится в царский пурпур, Рим – все еще величайшая империя в мире, грозная и могучая.

Часть первая Кентурион

*Malum nessesarium*¹

**Глава первая, в которой подполковник ВВС Геннадий Черепанов
пробует себя в роли квеманского пленника**

¹ Malum nessesarium (лат.) – необходимое зло.

Все-таки с ним обошлись деликатно. Не убили, костей не переломали, никакого членовредительства. Синяки и ушибы – мелочь. А вот он обошелся с ними менее деликатно. Нет, взяли его грамотно, Черепанов не мог этого не признать. Зажали щитами и треснули обушком по макушке. Правда, не учли, что пистолет – идеальное оружие ближнего боя. Прорваться Геннадий не смог, но три раза пальнуть успел. Рукотворные гром с молнией в трепет его противников не привели. Но выводы были сделаны. Довольно неприятные для Черепанова выводы. Впрочем, разве сам Геннадий несколько дней назад не объяснял своему космонавту-исследователю, как настоящие дикари реагируют на «колдовство»?.. Но могло быть и хуже. Это он по личному опыту знал. Был в биографии подполковника такой эпизод: две недели в южноамериканской сельве. Решил, блин, подзаработать. Подрядился во время отпуска продемонстрировать российскую технику на заморском рынке. Теплый океан, экзотика, метиски-мулатки – и еще деньги платят весьма приличные. И машина знакомая – «МиГ-25». Черепанов на них начинал. На «МиГ-25УБ». Учебно-тренировочном. Хорошая машина «МиГ-25», скоростная, маневренная. С «сушками» последними, конечно, не сравнить, но для семидесятых-восемидесятых – очень даже неплохо. По отечественным правилам на демонстрационных полетах особо выпендриваться не положено. Держаться уровня летчика «средней» квалификации. Да Черепанов и не выпендривался. Никаких закритических углов атаки, все скромненько. Разогнал до «сверхзвука» (этой модели – это еще даже и не скорость) – сдох правый движок. Черепанов бы и на одном дотянул, но тут еще с гидравликой неполадки пошли... Короче, пришлось катапультироваться. Потом говорили: диверсия. Но Геннадий эту версию не поддерживал. Полагал: техники облажались. Машина старая, налетано на ней было – будь здоров, поизносилась птичка. Ясно было только: вины летчика в катастрофе нет. Но каково самому летчику, оказавшемуся в диких горах, в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта... На крыльях-то – пустячок. Десять минут лету. А пешочком...

Нахлебался, одним словом. Вспоминать не хочется. Хуже только в Африке было, когда его двойка F-16 УРом достала.

В общем, грустно это, когда небо из подвластной тебе стихии вдруг становится недоступным пространством над головой. Но бывают вещи и погрустнее. Например, когда тебя смазывают патокой и голышом кладут на срезанную макушку муравейника.

На сей раз с Черепановым обошлись не так сурово. Правда, раздели и выпачкали какой-то липкой дрянью. Но исключительно из желания обезвредить опасного «чародея». К сожалению, господа квемены «магическими» мерами безопасности не ограничились, но вдобавок очень качественно спутали Геннадия ремнями и спеленали сетью. Так что весь немалый путь от поселка до спрятанных в дремучей чаще дикарских святынь подполковник проделал будучи подвешенным между двумя шестами, опиравшимися на крепкие квеманские плечи. Хорошо еще, что липкая дрянь, которой его щедро умастили, насекомых отпугивала. Иначе совсем кисло пришлось бы.

Путешествие в «люльке» заняло три дня. Причем каждый вечер местный шаман старательно проводил над спеленатым Черепановым «обезвреживающие» процедуры – окуривал, тряс перед носом подполковника черным посохом, украшенным змеиными головами... Он же раз в день поил Геннадия сладковатым отваром и кормил жидкой болтушкой. Остальные квемены старались держаться от «колдуна» подальше. Двое их товарищей, пострадавших от «злого волшебства», извергнутого пистолетом Токарева, уже отбыли в лучший мир. Третий, получивший сквозное ранение плеча, имел все шансы поправиться. Последнее шаман считал личной заслугой и доказательством того, что его волшба сильнее «огненного колдовства» Черепанова, о чем неоднократно сообщал пленнику. Пленник помалкивал, полагая, что скромность в данном случае – лучшая политика.

На четвертое утро шаман счел, что пленник уже достаточно безопасен, чтобы передвигаться самостоятельно. А может, носильщики утомились. Так или иначе, но Черепанова «распеленали», связали руки за спиной, накинули на шею петлю, конец ремня

вручили шаману, и дальше Геннадий двигался самостоятельно. А если, по мнению шамана, пленник делал это недостаточно проворно, шаман слегка подбадривал его «змеиным» посохом. Но делал это беззлобно, исключительно по необходимости. Вообще, шаман обходился с Геннадием по-человечески. Обнаружив, что пленник сбил ноги, сплел для него обувку вроде лаптей, старые и новые царапины и ушибы тщательно обрабатывал. И не забывал вести «душеспасительные» разговоры о том, что против могучих квеманских богов злое колдовство Геннадия – мышиный помет, не более. Польза от этих увещеваний была очевидная: Черепанов обучался местному языку, который, как ни странно, почти не отличался от того, на котором говорили в поселке.

Так проходил день за днем. Леса сменялись болотами, а болота – лесами. Мелкие речушки пересекали вброд, крупную (похоже, это был Днестр) – переплыли на плотах. Черепанов делал, что говорили, агрессивности не проявлял. Глупо лезть в драку, когда ты связан, а противников больше двух дюжин. И вооруженных к тому же. Шанс еще представится, хотя на помощь со стороны рассчитывать не стоило. Правда, поселковые, как выяснилось из квеманских разговоров, сумели отбиться. Хочется верить, что и Леха уцелел. Нелегко парню придется, но ничего. Должен справиться, толковый. Жаль, конечно, что так вышло. Зря Черепанов той ночью за похитителями поперся. Геройство разыграло, противника недооценил. И попал, как кур в ошип. Однако еще не вечер. Русского космонавта за здорово живешь не забодает. Еще повоюем.

Добрались. Славное такое местечко: остров посреди великолепного синего озера. На острове – холм. На холме – частокол. На частоколе – выставка черепов.

К холму, впрочем, Геннадия не допустили. Переправили на плоту через озеро и привязали растяжками к двум соснам. Под контролем полной дюжины очень внимательных копеечников. Вспомнили, блин, о мерах предосторожности. Черепанов даже пожалел, что не попытался удрать по дороге. Тогда все-таки был какой-то шанс... Правда, совсем маленький: если для Черепанова лес был плацдармом для выживания, то для квеманов – домом. Не говоря уже о том, что за несколько переходов до острова к его конвою присоединились еще трое: зверообразного вида охотник в шкурах и две разнокалиберные, но знающие дело собачки. И та, что покрупнее и полохматей, смахивающая на очень грязную южно-русскую овчарку, решила, будто Черепанов нуждается в ее личном присмотре. В общем, до прибытия на остров Геннадий ничего не предпринял, а после побег стал и вовсе невозможен.

Заботившийся о Черепанове шаман куда-то сгинул. Зато появился кузнец и приклепал к ноге Геннадия браслет из толстого железа, соединенный цепью с еще более толстым обручем, обвившим сосновый ствол.

И началась у подполковника омерзительная жизнь цепного волка. Для утоления жажды – озерная водичка, для утоления голода – однообразная болтушка из репы и плохо протертого зерна. Хорошо хоть лето, тепло.

Развлечений никаких, поговорить не с кем, поскольку караульщикам беседовать с пленником было либо запрещено, либо боязно.

Время от времени с холма, из-за частокола, доносились какие-то вопли и завывания. По ночам, разумеется, а как же иначе?

Остров был довольно крупный: километра полтора в поперечнике, как прикидывал Черепанов. Постоянного поселения не наблюдалось, хотя оно могло быть по ту сторону холма или наверху, за частоколом. Охранники Геннадия обитали в нескольких шалашах неподалеку. Жили на подножном корму, и куда сытнее, чем пленник: дичь, рыба, грибы-ягоды. Ароматы из их «кухни» постоянно дразнили аппетит Черепанова. Но подполковник хотя и любил вкусно покушать, в рабстве у желудка не состоял. И на караульщиков не обижался. Скорее всего, им приказали держать пленника на «облегченной» диете.

Черепанов вообще все эмоции отложил до поры до времени. Исходя из ситуации, он поставил себе предельно простую задачу: не опускаться и поддерживать форму. Исходя из возможностей: тщательно пережевывать все, что давали; мыться под дождевиком; не менее

десяти часов в сутки заниматься физическими упражнениями, но при этом не перегружаться, иначе на такой диете можно и ноги протянуть.

Караульщики на его гимнастику старались не смотреть. Полагали, видимо, что сие есть некое опасное волхование. Но не препятствовали. Вероятно, потому, что команды не было.

Так прошло одиннадцать дней.

На двенадцатый день на остров появился знакомый шаман. И не один, а с коллегами.

Черепанова опять взяли на растяжки: чтоб не трепыхался. Далее состоялся шаманий консилиум, в процессе которого подполковника тыкали различными предметами из дерева, металла и кости, изучали его физическое строение и даже реакцию зрачков на свет – путем принудительного поворачивания головы к солнцу.

Подполковник терпел, понимая, что бороться бессмысленно. Все это чем-то напоминало медкомиссию в том, потерянном времени. Зато «врачи» были несравненно колоритнее. Вместо фонендоскопов – ожерелья из волчьих зубов, вместо белых халатов – живописные одеяния из кожи и меха. Вот только с гигиеной у здешних «докторов» было неважно.

Обследование закончилось, и развернулась дискуссия. Ее предметом было: следует ли предъявить пленника богам немедленно или отложить это представление до некоего большого праздника. Скудный словарный запас подполковника не позволял уяснить детали, но суть была понятна. Главным сторонником первого предложения был знакомый шаман, главным противником – мерзкого вида дедок с лысой головой и метровой бородищей, в которой вши чувствовали себя достаточно вольготно и безопасно, чтобы время от времени выбираться из «зарослей» на променады.

Знакомый шаман настаивал, что пленник есть великий колдун. Дедок возражал, что по всем внешним признакам пленник вовсе не колдун, а просто ловкий мошенник. Но из дальних краев.

С полчаса обсуждалось предложение: не освободить ли пленника, чтобы тот сумел проявить свой дар? Лысый дедок утверждал, что легко нейтрализует любого колдуна, тем более шарлатана.

Знакомый шаман возражал, напоминал насчет метания грома, от которого умирают в муках вполне квалифицированные воины.

Из этого Черепанов сделал вывод: связь между «громом» и пистолетом его захватчиками не установлена.

Лысый дедок заявлял, что лично его «громом» не прошибешь. И никого не прошибешь, если он, дедок, поблизости.

Геннадий многое отдал бы за возможность проверить, достаточно ли наглый шаман квалифицирован, чтобы отбить пулю лысиной. Но сейчас он мысленно поддерживал линию старого пердуна.

«Давайте, ребята, освободите меня, и я вам такое „колдовство“ покажу...» Тем более до озера – метров пятьдесят, не больше.

Еще один «консультант» подал альтернативное предложение: спутать Черепанова цепями и бросить в озеро. Дескать, против огненного колдовства вода вполне уберезет, тем более когда испытуемый – в железе. Ну а ежели клиент утопнет, то, значит, не такой уж он грозный чародей, как утверждают некоторые.

Предложение вызвало бурную дискуссию. Главным доводом против было вполне резонное замечание, что ежели пленник – обычный человек, то он, будучи утоплен, утонет. Причем совершенно бесполезно, так как время для ублажения Хозяина озера нынче самое неподходящее. А заполучить неуправляемого утопленника, да еще чужого и на весь квеманский народ обиженного, и вовсе нехорошо.

Наконец лысый дедок выродил уточнение: утопить, но слегка. То есть притопить немного, да и поглядеть, чего будет. А если в процессе эксперимента выяснится, что Черепанов – человек, то есть явно станет клиент загигаться, то вытащить испытуемого, откачать и использовать в дальнейшем с максимальной эффективностью.

Геннадий слушал сей спор несколько отстраненно: словно бы и не о нем речь. Но когда его «отсоединили» от деревьев и принялись вязать, Черепанов сопротивляться не стал, поскольку бесполезно. Зато украдкой сделал гипервентиляцию легких, так что когда его со всеми предосторожностями погрузили в озеро, спокойно опустился на песочек, расслабился и попытался получить от вынужденного купания удовольствие.

В такой ситуации что главное? Не нервничать и не напрягаться. Тогда и потребление организмом кислорода сводится к минимуму. Это первое.

А второе – подавить естественный дыхательный рефлекс, связанный, как известно, с накоплением в организме углекислоты.

Посему Геннадий выждал пару минут (с его объемом легких – пустяк), а потом очень медленно начал выпускать воздух, еще более расслабляясь и стараясь впасть в состояние, какое йоги называют шавасаной, или в просторечии «позой трупа». А трупу, как известно, воздуха и вовсе не требуется...

В общем, его вытащили раньше, чем он нахлебался воды.

Положили обсыхать на песочек и возобновили дискуссию.

Проведенный эксперимент удовлетворительного результата не дал. Лысый по-прежнему настаивал, что пленник – человек. Выдающийся, бесспорно. И потому необычайно ценный, поскольку ежели такого отправить к богам с конкретным посланием, то послание это он непременно до божественных ушей доведет и на своем настоит.

Старый приятель Черепанова продолжал утверждать, что пленник – колдун. Просто нынче не в форме благодаря тому, что лично он, шаман-профессионал, пленника обезвредил. А посему следует немедленно представить пленника настоящим богам. Во избежание неприятностей.

Победил лысый. Как более авторитетный.

Представление отменили, и подполковника снова водворили на цепь.

Положительным результатом консилиума можно было считать то, что после испытания кормить подполковника стали значительно лучше. И охрана стала вести себя более раскованно. Это, впрочем, ничего не изменило. Порвать голыми руками дюймовой толщины железо, пусть даже и скверного местного качества, было невозможно.

Так прошло еще десять дней. А потом у Черепанова появился сосед. «Коллега».

Глава вторая, в начале которой квеманскому пленнику предоставляется персональное жилище, а в конце которой у подполковника появляется сосед

В этот день Геннадия переселили. Утречком с холма спустились три пожилых шамана в полном боевом, увешанные ожерельями, талисманами и прочими блестящими побрякушками, как новогодние елки.

Затем притащили охапку прутьев и жердей, из которых десятков квеманов попроще быстренько сварганили что-то вроде клетки. Вернее, двух клеток – примерно три на три метра каждая. Жерди для прочности связали между собой ремнями из вымоченной кожи. Прилично получилось. Крепко. У Черепанова немедленно возникли нехорошие предчувствия насчет предназначения данных изделий.

Когда закончили строители, за дело взялись шаманы. Разожгли костерок, набрали водички в кожаные ведра. Вскипятили водичку древним способом – закидывая в ведро раскаленные камни. Загрузили в кипяток всякой дряни... Запах от супчика пошел такой, будто собачье дерьмо варили, но шаманов сие не смутило. Когда супчик дозрел, они подхватили по венику типа банного, окунули в варево, окружили клетки и заголосили в три глотки, щедро кропя изделия кипячеными помоями. Впрочем, пением дело не ограничилось – дошло до пляски. Плясали шаманы, надо признать, лихо. Несмотря на почтенный возраст. Активно и долго.

В результате совсем умаялись и, побросав метелки, повалились на землю кто где стоял.

Охрана Черепанова и строители восприняли сие как должное. И трогать священнослужителей не стали. Зато тронули Черепанова. Пока он, не подозревая худого, взирал на таинственный процесс, один из воинов тихонько подкрался сзади и подло огрел Геннадия дубиной по голове. Или не дубиной. О том, какой предмет был использован, подполковник мог только догадываться, поскольку отключился мгновенно.

А очнулся он уже в сумерках. Внутри одной из клеток. С большой шишкой на затылке, зато без железки на ноге.

Очнулся как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие волокуши с «пассажиром».

С первого взгляда можно было понять, что прибывший не относится к привилегированным классам квеманского общества. Да и вообще к сему племени вряд ли принадлежит: обошлись с ним довольно грубо – в точности как с Черепановым. Треснули по голове обмотанной кожаным ремнем дубинкой и в бессознательном состоянии загрузили в соседнюю клетку.

Рассмотреть соседа Черепанову толком не удалось, потому что совсем стемнело.

Спалось подполковнику неважно. Видимо, даже гранитная выдержка летчика-космонавта имела предел. И этот предел был уже близок. Даже обычная установка Геннадия: принимать как данность то, чего не в состоянии изменить, есть все, что дают, и спать, когда больше нечем заняться, – старая и проверенная установка, выработанная еще в курсантские времена, – начала давать сбои. Не спалось. Мучила какая-то неопределенная... нервность. Смутное беспокойство. Ожидание нехорошего. Вернее, совсем скверного. В сочетании с полной беспомощностью.

А рядом возился, стонал, ругался на знакомом, но непонятном языке собрат по несчастью... Тоже не лучшее снотворное.

Утром, однако, настроение неожиданно улучшилось. Во-первых, солнышко согрело черепановские косточки. Во-вторых, завтрак оказался довольно приличным. В-третьих, Геннадий еще до завтрака изучил свое новое жилище и решил, что если очень приспичит, сможет его покинуть. Пара жердин была явно тоньше прочих, и, скорее всего, подполковнику по силам их сломать. В-четвертых, Черепанов наконец разглядел своего соседа, и сосед ему понравился. И симпатия, очевидно, была взаимной. А раз так, то неплохо было бы установить с ним контакт.

Глава третья, в которой подполковник ВВС знакомится с «коллегой» из вооруженных сил Великой Римской империи

Они были похожи, эти двое: оба невысокие, мускулистые, с широкими квадратными лицами, казавшимися еще шире из-за отросших бород. Разве что говорили они на разных языках, да у одного волосы светлее и не так густо покрывали тело, как у второго.

– Ты кто? – осведомился Черепанов, сопроводив слова жестом. – Ху а ю?

– Эго? – спросил второй. – Я? Я – кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт. Примипил Плавт. Ты понимаешь латынь, варвар?

Первый мотнул головой:

– Латынь – нет. Тебя – да, кентурион Плавт. И я не варвар.

– Ха! Я готов спорить... А, неважно! Тебя как звать, друг? – Кентурион тоже дополнил вопрос жестом.

– Геннадий. Подполковник Геннадий Черепанов.

– Геннадий Кереп... Как?

– Черепанов. Церебра... ² – Геннадий постучал себя по голове.

² По-латыни – череп. Здесь и далее фонетика Черепанова не вполне соответствует «общепринятому» латинскому произношению. Хотя каким оно было, правильное латинское произношение, – можно только догадываться. Но латинское «с» скорее всего произносилось именно как «к». Сравните: caesar – кайзер, кесарь, цесарь...

У него был некоторый запас латинских слов. Примерно на половину машинописной странички. В основном состоящий из популярных латинских изречений, коими подполковник Черепанов любил иногда щегольнуть. В той жизни. Вот и пригодилось невинное хобби. Хотя то, что говорил этот курчавый крепыш, подполковник скорее угадывал, чем понимал. Так на ковре «угадываешь» мысли противника. Тем легче, чем больше противник похож на тебя.

– А-а! Череп! Ясно! – Римлянин ухмыльнулся, и его собеседник тоже ухмыльнулся. Очень похоже.

Четверо караульщиков-квеманов слушали их беседу равнодушно, а вот пятому общение пленников пришлось не по нраву.

– Молчать! – крикнул он и даже примерился ударить Черепанова древком копья, но... Встретился с ним глазами и передумал.

– Похоже, Череп, эти верзилы тебя побаиваются, – заметил кентурион. – Видно, ты, как и я, задал им хорошую трепку! – Плавт изобразил, будто колет мечом, а затем скорчил физиономию, какая бывает у человека, когда ему в живот втыкают клинок.

– Пусть рискнет здоровьем, – мрачно отозвался Черепанов. – Я ему руки выдерну раньше, чем он насадит меня на свой вертел. Меа gloria non transit.

– Да, Череп, ты прав. Пришло наше время умирать, – сказал римлянин. – Умрем же со славой, верно? Хотя, как сказано одним мудрым человеком: «Живой пес лучше мертвого льва».

Геннадий понял, мотнул головой.

– *Melior est leon vivus canis mortuo!*³ Не знаю, как ты, а я бы еще пожил! Эго витус, Гонорий! Эго... – Он на секунду задумался, подыскивая подходящее слово... Спирометр... Респиратор... – Эго спира, Гонорий!

– О-о! – кентурион засмеялся. – Славно, Череп! У тебя отвратительная латынь, но я вижу: ты философ. *Dum spiro, spero!*⁴

– Примерно так. – Геннадию была знакома и эта поговорка.

– А как насчет этого? – Римлянин похлопал по деревянной решетке.

– Это? Это – ерунда! – по-русски сказал Черепанов и показал, как ломает палку о колено. – Вот с этими, – жест в сторону караульщиков, – посложнее.

Кентурион понял.

– Я бы с ними разобрался, – сказал он на своем языке. – Будь со мной мой меч...

– Гладий не обещаю, – по-русски отозвался его собеседник. – Но что-нибудь мы тебе подберем, кентурион Плавт. Что-нибудь подходящее... Мы еще с тобой повоюем. Милито, Плавт! Пара беллум!⁵

– Я-то всегда готов, Череп, – отозвался римлянин. – Лучше умереть в бою, чем сдохнуть у ног их поганных богов!

– Ты правильный мужик, Плавт, – сказал Геннадий. – Только немножко пессимист.

Кентурион засмеялся. Понял. Похоже, и с чувством юмора у него порядок. С чувством черного юмора. Внезапно Черепанов понял, что настроение его совершенно необоснованно поднялось на три позиции. Безо всяких на то объективных причин, лишь потому, что рядом появился этот римский сотник⁶.

³ *Melior est leon vivus canis mortuo* (лат.) – живой лев лучше мертвой собаки.

⁴ *Dum spiro, spero* (лат.) – пока дышу, надеюсь.

⁵ Готовься к войне. Часть известной латинской пословицы «Хочешь мира – готовься к войне». А также марка пистолета.

⁶ Численность римской кентурии (центурии) колебалась от шестидесяти до ста человек.

Летчики – суеверный народ. А космонавты – самые суеверные из летунов. Слишком многое по ту сторону атмосферы не поддается рациональному объяснению. С непредусмотренными факторами можно было бороться – используя наиболее простые системы, дублируя все, что можно... Но это далеко не всегда помогало. А бывали ситуации, когда даже двойное и тройное дублирование не защищало от случайностей, статистически маловероятных, но приводивших к катастрофическим последствиям. Посему летчик-космонавт Черепанов в случайности не верил, зато верил в благосклонность римской богини Фортуны. Нет, он не был фаталистом, во всем полагавшимся на Судьбу. Просто в список учитываемых управляющих факторов Геннадий включал эту самую случайность. Со знаком плюс или минус. Так что можно было надеяться, что серьезный парень Гонорий Плавт появился тут не затем, чтобы скрасить Геннадию последние часы.

– Нет, дружище, – сказал подполковник Черепанов. – Умереть с честью – не лучше. Пусть лучше они умрут с честью. А мы с тобой еще проживем немного...

Глава четвертая Шаманский консилиум

Им дали пожить еще немного. Четверо суток. Дни подполковник тратил на беседы с соседом, ночи – на аккуратное и незаметное расшатывание слабых прутьев. Дело двигалось. Если бы еще хороший дождик прошел и ремни намокли, было бы вообще замечательно. Но дождя не было, а на четвертый день затишье кончилось. С самого утра на острове появились шаманы. Не меньше двадцати. Большинство тут же отправилось вверх, но пятеро двинулись к клеткам.

Предводительствовал совсем замшелый дед, опиравшийся на плечи двоих «подмастерьев», чьи физиономии были так густо исчирканы шрамами и татуировками, что от положенной по рождению внешности практически ничего не осталось. Зато на костях у парочкиросло столько мускулатуры, что с лихвой хватило бы на троих. Остальные шаманы были старыми знакомцами: один – личный «куратор» Черепанова, второй – лысый дедок, руководивший его «купанием». Но в отличие от того раза, лысый пальцев не гнул, держался скромно, только походя шуганул квеманов-караульщиков.

Здоровяки подвели патриарха к клеткам и почтительно отошли. Тот тяжело оперся на клюку и уставился на Черепанова. Глаза у дедушки были на удивление ясные, прозрачные и почти бесцветные. Две блестящие лужицы на длинной физиономии, состоящей из глубоких морщин и крючковатого носа, ниже которого располагалась серо-желтая длиннющая борода, заправленная за пояс. Голову деда украшала большая засаленная шапка, выглядевшая еще старше, чем ее владелец.

Патриарх с минуту созерцал Черепанова, потом точно так же уставился на римлянина.

– Как тебе экземпляр? – поинтересовался Геннадий. Он уже довольно бойко изъяснялся на латыни, дополняя ее русскими, немецкими и английскими словами. Какой-нибудь ученый-латинист из двадцать первого века вряд ли бы его понял, но кентурион понимал.

– Идеально подходит, чтобы портить воздух, – отозвался Плавт. – А вот его парней я бы купил. Крепкие сервы.

Дедуган притопнул посохом. Здоровяки подхватили его под руки и повели прочь.

Ни одного слова не было сказано.

Зато после ухода колдунов стража оживилась. Похоже, ребятки радовались, что их служба подошла к концу. Хотя, по мнению обоих пленников, стража не слишком себя изнуряла. Кентурион не единожды высказывался, как поступил бы со своими легионерами, ежели бы те так халатно относились к своим обязанностям. Душа профессионального вояки вскипала, замечая такое пренебрежение службой. Но даже такая халтурная работенка набила сторожам оскомину. И парни не скрывали удовольствия, что наконец все заканчивается и можно разъехаться по домам.

Итак, приближалось некое событие, после которого судьба пленников должна была резко измениться. И Геннадий не был столь наивен, чтобы рассчитывать, будто их

освободят. По крайней мере добровольно.

Прошло совсем немного времени, и со стороны берега опять слышались голоса, плеск весел, а затем звук вытаскиваемых на песок лодок. Деревья заслоняли берег от узников, но нетрудно было догадаться, что на остров прибыла еще одна компания. И не маленькая.

– Похоже, нас ждут большие варварские луди ⁷, – заметил Плавт. – Не записали бы нас с тобой, Череп, в гладиаторы.

– Я думаю: дать нам оружие – будет очень большой ошибкой с их стороны. Ляпсус гигантус. Ошибка со смертельным исходом. Экситус леталис...

Латынь Черепанова вызвала у собеседника гомерический хохот. Стражники перестали болтать и с подозрением уставились на него.

Но тут же отвлеклись. На полянку гуськом вышла стайка молодежи. Дюжина парней и девчонок в самом расцвете юной красоты. Сопровождали их двое квеманов постарше, с длинными копьями, острия которых были зачем-то обмотаны тряпками.

Молодежь выглядела испуганной и возбужденной одновременно. Те, кто за ними присматривал, наоборот, пучились от важности.

Юные квеманы и квеманки увидели клетки и пришли в еще большее возбуждение. Несколько парней даже сунулись рассмотреть узников поближе. Их остановил окрик одного из опекунов.

– А, сладкие малышки! – воскликнул римлянин. – Череп, ты говоришь на их диком языке. Скажи: папа Гонорий хочет их всех!

Черепанов засмеялся.

– Ты ржешь! – недовольно буркнул Плавт. – А я так давно не имел женщины. Не удивляюсь, что бог-покровитель, счастливый Приап, лишил меня удачи. Год жизни отдал бы за час в паршивом лупанарии ⁸.

– А есть у тебя этот год? – осведомился подполковник.

Появились жрецы. Та самая тройка, которая около часа назад «освидетельствовала» Геннадия и римлянина. Но на этот раз они пришли не к ним.

Молодежь, рассеявшуюся на траве, подняли и построили. Затем...

– Нет, это пытка, – пробормотал кентурион. – Клянусь чреслами Юпитера Капитолийского! И я должен на это смотреть... Только смотреть!

– Можешь отвернуться, – предложил Черепанов.

– Ну уж нет! – возмутился кентурион. – Сам отворачивайся, если желаешь.

Но Геннадий тоже отворачиваться не стал. Собственно, никто из присутствующих на полянке мужчин не спешил отворачиваться, потому что зрелище шести девушек, сбрасывающих одежды, было достаточно увлекательно. Тем более что девушки были чрезвычайно молоды и действительно красивы. Юноши, впрочем, тоже были ничего, надо отдать им должное. Вполне соответствовали подружкам.

– Как думаешь, в царстве Орка ⁹ бабы есть? – сглотнув, спросил Гонорий.

– Скоро узнаем, – отозвался подполковник. – Если будешь думать фаллосом, а не головой.

– Я три месяца не был с женщиной, Череп! – возмутился Плавт. – Моему богу это не нравится. О чем они говорят?

Юношей поочередно подвели к «верховному» дедушке-шаману. Тот задавал им какие-то вопросы. Юноши отвечали. Но ни вопросов, ни ответов Черепанов расслышать не

⁷ Луди (лат.) – игры.

⁸ Лупанарий – бордель.

⁹ На том свете.

мог. После юношей наступила очередь девушек. Этих не столько спрашивали, сколько осматривали и ощупывали. Ничего эротического. Обычный медосмотр.

Караульщики у клеток тоже развлекались. Обменивались мнениями-предположениями насчет того, какую из девчонок и как долго они бы могли «развлекать». Постепенно голоса стали громче, дискуссия горячей. Спорщики хлопали себя по причинным местам, размахивали руками... Так увлеклись, что не заметили, как один из шаманов-здоровяков перестал исполнять роль подпорки патриарха и подошел к диспутантам.

Звук оплеухи прозвучал как пистолетный выстрел. Самый горячий спорщик отлетел шага на три, снеся по дороге рогульку с котелком. Его оппонент уставился на здоровяка... Получил в лоб, отлетел к клетке Черепанова, едва ее не опрокинув.

Остальные караульщики моментально заткнулись, и здоровяк с достоинством удалился.

Врезавшийся в клетку Геннадия квеман попытался встать, цепляясь за прутья. Черепанов взял его за локоть, помог. Квеман зыркнул злобно, выдернул руку и, пошатываясь, двинулся к своим... Не заметив, что одна из железных бляшек с его куртки осталась между пальцами узника.

«Медосмотр» закончился. Молодежи позволили одеться. Подручные расстелили на траве оленью шкуру. Шаманы уселись на нее. Главному вручили мешочек, который архижрец долго и сосредоточенно тряс, затем высыпал его содержимое на шкуру. Что именно было в мешочке, подполковнику разглядеть не удалось: все трое служителей культа наклонились, изучая результат действий старшего. Затем последовало короткое совещание, после которого от общей группы отделили юношу и девушку. Двое с замотанными копьями увели избранных наверх, за частокол. Остальные нестройной гурьбой отправились к берегу. Похоже, они были разочарованы. И Черепанов очень скоро узнал почему.

Глава пятая, в которой подполковник Черепанов получает предательский удар

– Вы оба – великие воины, – заявил шаман-куратор подполковнику.

Это случилось на следующий день.

– Что он говорит? – забеспокоился Гонорий.

– Говорит, что мы великие воины.

– Мозги у него варят, – одобрительно пробормотал кентурион. – Что дальше?

– Вам оказана великая честь, – продолжал квеманский жрец. – Одного из вас ждет великий путь!

Верховный шаман торжественно кивнул. Костяные бубенчики на его невообразимой шляпе звякнули.

– Не позднее чем солнце коснется края земли, – продолжал «опекун» Геннадия, – боги благословят одного из вас на великое дело. Переведи ему.

Черепанов перевел, насколько позволяли знания латыни.

– Звучит неплохо, – буркнул римлянин. – Пусть скажет, кого надо убить.

– Вы пришли из разных мест. Ты, – кивок на римлянина, – великий воин из великой империи. Ты, – жест в сторону подполковника, – великий герой из небесной страны.

«Надо же, – подумал Черепанов. – Работает разведка!»

– Сегодня, раньше, чем Даритель Жизни коснется Матери-Земли, будет зачат великий герой. Переведи ему.

Черепанов перевел. Менее цветисто и опустив насчет «небесного героя».

Кентурион ухмыльнулся.

– Еще лучше, – заявил он. – Зачать – это я с удовольствием! – И похлопал себя по мужскому достоинству.

Жест не остался незамеченным.

– Великий герой будет зачат, – торжественно проговорил шаман. – Но не тобой, чужеземец! Зато дух одного из вас войдет в чрево его матери, и рожденный из этого чрева

будет повелевать племенами и править там, откуда вы, чужеземцы, родом. Он поведет за собой тысячи, и они пойдут за ним, и земли, где жили ваши предки, лягут под ноги наших воинов!

«Очень поэтично, – подумал Черепанов. – Только долгонько вам, ребята, придется идти!»

– Переведи ему! – повелительно произнес шаман.

Подполковник перевел.

Кентурион задумался. Было с чего.

А шаман продолжил. И хотя речь его дышала религиозным восторгом, Черепанов этого восторга не разделял. Равно как и Гонорий. Потому что суть сказанного сводилась к следующему.

Нынче великий день. День, в который, как уже сказано, будет зачат великий герой квеманского народа. Легендарный (в будущем) завоеватель. Отцом и матерью его станут безупречные во всех отношениях юные соплеменники шамана, прошедшие аттестацию и получившие сертификат качества от верховной шаманской коллегии во главе с самим Древом Мудрости (патриарх опять звякнул бубенчиками), и посему плоть героя будет такой же идеально безупречной и при этом – плоть от плоти квеманского народа.

А вот дух героя будет двойственным. Внутренностью его станет один из квеманских богов, чье имя не будет названо. Оболочкой же – воинственная душа одного из уважаемых пленников. Того, кто окажется круче. Поскольку мнения относительно того, кто из двоих круче, разделились, задачу следует разрешить здоровым соревнованием. То бишь – поединком. Который предполагается устроить немедленно. Когда же выяснится, кто есть божественный избранник, его брненное тело будет отдано могучим квеманским богам, а освободившаяся от плоти душа войдет в чрево юной квеманки, и через положенное богами время выйдет на свет во плоти будущего завоевателя.

– Ну как тебе перспектива, нравится? – желчно осведомился Черепанов.

Римлянин сплюнул.

– Только варварам могла прийти в голову мысль, будто, зачиная героя, боги нуждаются в помощи смертных. Ха! Хочу увидеть, как этот старый пердун подсовывает Юпитеру выбранную им девку! Ладно. Одного из нас собираются прирезать.

А второго? Спроси его!

Черепанов спросил.

Ответ был уклончивый, но, похоже, второму выпускать кишки не собирались.

– Я бы не стал им верить, – заметил римлянин.

– А у нас есть выбор?

– Поглядим. Пусть только они выпустят нас наружу и дадут в руки оружие.

К сожалению, оружия им не дали. Более того, даже связали руки. Чтобы великие герои в священной ярости не убили друг друга до смерти.

В общем, их выпустили из клеток со связанными за спиной руками и поставили друг против друга.

– И что теперь? – спросил Черепанов. – Будем драться?

Римлянин мотнул головой и выругался.

– Я драться не собираюсь! – заявил он. – Потянем время. Сколько там еще до захода осталось?

Подполковник глянул вверх, на солнце...

И в этот миг кентурион прыгнул вперед и нанес Геннадию, не ожидавшему подобного коварства, страшный удар головой в подбородок.

Очнулся подполковник уже в клетке.

Римлянин располагался в соседнем «помещении».

– Ты что сделал, сучий сын? – яростно прохрипел Черепанов.

Кентурион засмеялся.

– Ты мне понравился. Череп, – сказал он. – На опциона моего первого похож. Так что

живи. Принеси потом в жертву теленка, чтоб моя душа порадовалась.

Час спустя им принесли обед: по большому горшку рагу с изрядным количеством мяса и по кувшину такого же отменного эля. Вот только рагу, в отличие от прежней пищи, было здорово пересолено. Возможно, это было проявлением щедрости (соль представляла изрядную ценность), но у Черепанова родились нехорошие подозрения.

– Постой, Плавт! – сказал он соседу, энергично зачерпнувшему из горшка. – Думаю, сейчас нам лучше попоститься.

– Хочешь лишить меня последнего в жизни пира? – возмутился кентурион. – Ну уж нет!

– Идиот! Уверен, они туда что-то подмешали!

– Ну и что? Значит, я умру в хорошем настроении! – Римлянин опять сунул пятерню в горшок.

– погоди, говорю! Глянь сюда! – Черепанов осторожно показал ему кончик сорванной с квеманской куртки бляхи. – Видишь? Еще не вечер, кентурион! И раньше, чем он наступит, нам понадобится все, на что ты способен. А способен ты, я думаю, на многое. – Подполковник погладил обросшую светлой бородкой челюсть. Она все еще ныла, черт побери этого латинянина!

При виде железной чешуйки глаза Плавта вспыхнули. Кентурион соображал с похвальной быстротой. Примерно так же, как действовал.

– Ты еще увидишь, на что способен примипил Гонорий Плавт Аптус¹⁰! – заверил он и принялся опорожнять горшок в ближайшие кусты. Потом выплеснул туда же и содержимое кувшина. И вдобавок помочился на это место, чтобы ни у кого не возникло желания шарить под кустами.

Черепанов последовал его примеру. Но сначала потратил минут десять, чтобы до бритвенной остроты наточить железную чешуйку о горшок.

«Бдительная» стража ничего не заметила: четверо квеманов азартно играли в некую игру вроде «ножичков», остальные столь же азартно болели. В общем, им было не до каких-то там пленников.

И напрасно.

Глава шестая, в которой рассказывается о том, как подполковник Черепанов и кентурион Плавт принимают участие в человеческом жертвоприношении

Выглядели они примерно так, как и представлял Геннадий. Здоровенные, черные, блестящие от жира. Все пространство внутри частокола было разделено невысокими глиняными стенами. Похоже на лабиринт для детишек. Только игры в этом «лабиринте» были не детские. И дым курений не мог перебить запах мертвечины. Идолов было четыре. Два кумира изображали мужчин, два – женщин. Рядом с каждым идолом – некое подобие алтаря. Четыре каменные плиты, положенные горизонтально у женских идолов и установленные вертикально – у мужских. В трех плитах были пробиты сквозные отверстия, через которые были пропущены ремни. На четвертой стоял горшок с ручкой, очень похожий на «ночную вазу». Золотой.

Клетки с узниками заблаговременно подняли на холм. Римлянина водрузили на возвышение. Черепанов такого почтения не удостоился – его просто засунули в угол, образованный глиняными стенами «лабиринта». Геннадий не расстроился: во-первых, и отсюда все было прекрасно видно, во-вторых, о стены было удобно подтачивать режущую кромку чешуйки – поганая железка тупилась с невероятной быстротой.

На торжественной церемонии, помимо римлянина и космонавта, присутствовали:

¹⁰ Аптус – меткий.

шестеро шаманов во главе с престарелым Древом Мудрости, восседавшим на камне напротив самого крупного идола;

пара личных телохранителей Древа, тех самых здоровяков;

двое незнакомых, немолодых уже квеманских вождей в «цивильном», то бишь без доспехов и боевого оружия, если не считать «традиционных» шлемов, увенчанных здоровенными бычьими рогами.

– Этого я знаю! – заявил Плавт, ткнув пальцем в одного из «рогатых». – Это он меня у аланов перекупил.

До заката оставалось часа три, и солнышко светило ярко. Тем не менее вид у собравшихся был достаточно зловещий. Вкупе со злобными идолами вид сей мог привести в трепет даже не слишком пугливого человека.

Но римский кентурион Гонорий Плавт, похоже, был начисто лишен страха, а у Черепанова просто не было времени пугаться: он пилил ремни, которыми была скреплена клетка. Задубевшая кожа поддавалась слишком медленно. Одно хорошо: на Геннадия никто не обращал внимания – взгляды присутствующих сосредоточились на том, что происходило у подножия идолов. А происходило там нехорошее.

Из сарайчика, прилепившегося к частоколу, вывели девушку. Бедняжка почти не сопротивлялась, когда с нее сорвали лохмотья, которые язык не повернулся бы назвать одеждой, и поволокли к подножию одного из кумиров. Быстрое движение серпа с черным гладким лезвием – и хлынувшая из перерезанного горла кровь залила каменную плиту.

А из сарайчика уже тащили такого же ошеломленного парнишку.

Еще один взмах черного серпа – и алая кровь плеснула на толстый живот деревянной «богини» с ощеренной, как у драконихи, пастью.

Снова запрыгали, завывали шаманы. В небо пополз желтый липкий дым. Тела жертв бросили на каменные плиты, привязали ремнями... Словно они могли сбежать.

Черепанов вполголоса выругался: мордовороты Древа Мудрости направлялись к клетке Плавта.

А Геннадий еще не закончил!

Здоровяки ухватились за прутья, напряглись (подполковник увидел, как набухли жилы на бычьих шеях)... Хруст, треск – и жерди вывернулись из гнезд. Прежде чем римлянин успел что-либо предпринять, квеманские богатыри схватили его и потащили к третьему, самому крупному идолу. Между двумя гигантами кентурион казался малышом. Здоровяки опрокинули римлянина на плиту-алтарь площадью с четверть боксерского ринга, прижали к камню.

К счастью, с ходу резать кентуриона не стали. Дерево Мудрости издал каркающий звук, и из хижины вполне самостоятельно, в обнимку, появились юные избранники. В чем мать родила.

Двое шаманов рангом пониже бросили на алтарь охапку шкур – сбоку от распластанного на плите кентуриона.

Девушка улеглась на спину. Она действительно была очень хорошенькая. Юноша неловко взобрался на нее. Дерево Мудрости бросил молодоженам что-то подбадривающее... Но дело не ладилось. Возможно, столь представительная аудитория мешала пацану сосредоточиться.

Шаманы наперебой подавали советы. Один из вождей шепнул что-то другому. Тот заржал.

Там временем Черепанов одолел последний ремень.

Пока все внимание участников церемонии сосредоточилось на оплошавшем юнце, подполковник очень осторожно, безо всякого шума и треска, вынул две жерди и выбрался из клетки. Пригибаясь, он проскользнул между стенами «лабиринта» и оказался позади Древа Мудрости. Его никто не заметил – кроме идолов, которые, естественно, промолчали.

Черепанов очень осторожно снял с головы старца засаленный шляпуган, взялся за волосатую голову и свернул квеманскому «епископу» шею. Аккуратно уложив безвременно

усопшего, подполковник неслышно переместился к вождям. Те оживленно беседовали и не заметили, что к ним присоединился третий. То есть заметили, но слишком поздно: когда Черепанов одновременно выдернул их ножи из чехлов и полоснул по загорелым шеям. Один хрюкнул и осел, безуспешно пытаясь остановить ладонью хлещущую кровь. Зато второй – тот самый «покупатель» Плавта – успел оттолкнуть руку подполковника, и нож лишь оцарапал горло. Вождь издал рев, достойный быка... но тут же оборвавшийся, когда тяжелая рукоятка второго ножа пришла в соприкосновение с квеманским затылком.

Но рык вождя сделал свое: на Черепанова обратили внимание.

Все дружно завопили. Один из здоровяков тигром прыгнул на подполковника. Тот ускользнул и ловко пихнул в объятья богатыря кстати подвернувшегося шамана.

Тем временем кентурион, тоже парень не промах, времени не терял: врезал по помидорам второму гиганту, подхватил черный серп...

И пошла потеха.

Собственно, Геннадий был уже не нужен. Ему осталось только наблюдать, как действует настоящий специалист.

Один здоровяк тут же свалился с перерезанными поджилками. Троих вопящих шаманов римлянин прикончил похода. И со страшной силой вогнал изогнутый конец серпа второму гиганту в лоб. Серп сломался, а квеман рухнул навзничь с обломком черного камня, блестящего на манер третьего глаза.

Весь процесс занял от силы пару секунд. Ровно столько, чтобы из хижины, сдирая чехлы с наконечников копий, выскочили еще двое квеманов.

Черепанов бросился наперехват, но кентурион успел раньше.

Один из квеманов перекувырнулся в воздухе и приземлился затылком о камень: ему между ног попало древко копья второго. Но не просто так, а с помощью Плавта, перехватившего это копье и всадившего обломок серпа в живот его прежнего хозяина.

– Извини, приятель, некогда с тобой возиться, – пробормотал подполковник, перерезав горло оглушенному вождю.

С момента, когда Черепанов свернул шею кровожадному дедугану, прошло максимум полминуты, а поле боя уже очистилось от врага. Приятно все же работать с хорошим напарником.

Таким образом внутри частокола остались лишь двое квеманов. Самых юных. Как только парнишке прекратили мешать глупыми советами, он прекрасно справился с задачей и так увлекся, что вышел на второй круг, не замечая, что обстановка существенно изменилась.

Зато подружка его пронзительно закричала, увидав над собой заросшее черным волосом лицо римлянина.

– Хочешь быть вторым? – спросил Плавт Черепанова.

Подполковник мотнул головой. Он решил, что римлянин спятил. Снаружи, по ту сторону частокола толпился народ. И этот народ уже наверняка заподозрил недоброе.

– Ты прав, – сказал кентурион. – Я тоже не люблю быть вторым, но иногда приходится.

С этими словами он схватил неудавшегося отца будущего завоевателя и скинул его с алтаря.

– Пригляди тут, – бросил он Геннадию, занимая место юного квемана. – Не бойся, детка, папа Гонорий умеет делать таких солдатиков, что твоему сопляку и не снилось.

В сарае нашлась пара круглых щитов. Остальное они содрали с убитых. В живых оставили только перепуганную бедняжку («Дал бы тебе пару динариев, да твои соплеменники все вытрясли», – сказал ей на прощание Гонорий) и ее «жениха». Последнего – исключительно по настоянию Черепанова. Кентурион собирался прирезать сопляка.

Снаружи чувствовалось шевеление, но войти никто не решался, хотя ворота и не были заперты.

Плавт взял золотой кувшин с четвертого алтаря, понюхал, пригубил:

– Ба! Череп, хочешь молока?

Черепанов был занят: пытался поджечь смоченную маслом тряпку с помощью кремня и

кресала.

– До утра провозишься! – Римлянин отобрал у него инструмент и в два счета добыл огонь. Возможно, он не стал бы помогать, если бы знал, что собирается делать Геннадий.

Пока римлянин набивал мешки добычей и найденной жратвой, подполковник довел дело до конца.

– Эй! Ты что! – заорал кентурион, когда увидел, что его новый друг поджигает квеманских идолов. – Они же отомстят!

– Спокойно, – отозвался подполковник. —

С мстью разберемся! Зато как красиво горит.

Плавт пожал плечами и обломил древко копья, оставив кусок в две ладони длиной и превратив оружие в подобие короткого меча.

– Так привычней, – пояснил он. – А теперь – вперед!

Закинув мешки за спину, друзья подхватили щиты и бросились к воротам.

Створки они распахнули разом.

– Бар-ра! – страшно заревел римский кентурион, огромными прыжками устремляясь по склону.

– Ур-ра! – вторил ему летчик-космонавт Черепанов, не отстававший ни на шаг.

Народ, столпившийся у подножия холма, порскнул в стороны: два зверовидных воина на фоне пылающих богов (дерево, пропитанное маслом, горит отменно!) – зрелище не для слабонервных. Наверняка никто из квеманов и не вспомнил, что на их стороне двадцатикратный численный перевес. Каждый думал: как бы унести ноги.

На пути чужеземцев оказался один-единственный квеманский молодец, который от страха впал в ступор.

Кентурион сшиб его щитом, перепрыгнул через тело и побежал дальше. К лодкам.

На берегу их оказалось аж пять. Пока Черепанов спихивал одну на воду, Плавт ловко продырявил днища остальным.

Через минуту они были уже в ста метрах от берега.

Вопли осиротевших квеманов разносились над водой.

– Не забудь, – напомнил Плавт, налегая на свое весло. – Ты обещал отвести от нас гнев варварских богов.

– С богами я разберусь, – заверил подполковник. – Меня больше люди беспокоят.

– С людьми разберусь я, – заявил кентурион. – Второй раз меня эти пожиратели желудей не возьмут, это точно!

Друзья переглянулись, ухмыльнулись и еще энергичнее налегли на весла.

Над покинутым островом поднимался жирный черный дым.

Глава седьмая, в которой воплощается в жизнь старинная римская пословица

– И куда мы теперь, друг Череп? – спросил Плавт, останавливаясь у развилки.

– Меня зовут Геннадий, – напомнил Черепанов.

– Хорошее имя, – отозвался кентурион. – Эллинское. Означает: благородный. Верно? Но ведь ты не эллин. Кто дал тебе такое имя, варвар?

– Родители. Тебе что-то не по вкусу, Гонорий?

Спору нет, этот римлянин – крутой парень. Но именно таким крутым парням надо время от времени напоминать, с кем они имеют дело.

Секунд десять Черепанов и Плавт играли в «кто кого переглядит».

Римлянин первым отвел глаза, засмеялся:

– Все в порядке, Геннадий. Хорошее имя. И ты тоже хорош. Так куда бы ты хотел направиться?

– Туда, откуда меня увели.

– Что за место? Твоя родина? – Римлянин был заинтересован.

– Нет. Селение. Примерно в двадцати переходах отсюда. Там остался мой друг, и я беспокоюсь, как бы с ним не случилось худого.

– Как называется это место?

Черепанов пожал плечами:

– Понятия не имею. Мы... прибыли издалека.

В общем, случайно. И даже толком языка здешнего не знали.

– Случайно? – Кентурион одарил Геннадия долгим взглядом, приподнял бровь. Но понял, что его товарищ не склонен давать объяснения.

– Твой друг похож на тебя? – спросил римлянин.

– Отчасти.

– Вряд ли он пропадет, – уверенно произнес кентурион. – Не думай об этом. Ты не можешь ничего сделать. Сейчас. Поэтому мы пойдем туда, куда хочу идти я. А я хочу вернуться домой.

– В Иллирию? – Черепанов помнил, в какой из римских провинций родился его товарищ.

– Дом легионера – его легион. Но для начала нужно выйти к границам империи. Это – там. – Кентурион махнул рукой. – Пойдем со мной, Череп. Мой легат ¹¹ Максимин – великий человек. Понравишься ему – поможет отыскать твоего друга. Он знает варваров, и они знают его. Думаю, твой земляк не останется незамеченным среди варваров, если он и впрямь похож на тебя.

– Пожалуй, – согласился Черепанов.

«Уж Леха-то, с его темпераментом и с охапкой артефактов двадцать первого века, внимание на себя наверняка обратит, – подумал подполковник. – Лишь бы только не грохнули его из-за этого темперамента и ценного имущества».

Но римлянин прав: Геннадий не в состоянии помочь Алексею. Даже дороги в тот поселок не отыщет – заплутает в здешних чащах и болотах.

– Я пойду с тобой. Куда?

– На юг. – Кентурион вскинул на плечо мешок и решительно двинулся по левой тропинке.

Геннадий последовал за ним. В конце концов, он с самого начала собирался добраться до Рима. Даже Леху в этом убедил. И решительный кентурион – именно тот человек, которого стоит иметь рядом, когда оказываешься в чужой стране. С первого взгляда видно, что Плавт – из тех, на кого можно положиться. Из тех, у кого на лбу написано: «Хочешь со мной поссориться? Давай! Увидишь, что будет!» В любом случае выбора у Геннадия нет. «*Volentem fata ducunt, nolentem trahunt*» ¹² – как говорят земляки Плавта.

Глава восьмая, в которой господа офицеры совершают разбойничий налет

Если сравнить этот лес с азиатскими джунглями или южноамериканской сельвой, – нет, никакого сравнения. Нормальная растительность юга России. Первосортный лиственный лес. Старый. С кучей грибов и ягод. С великолепными дубовыми рощами на возвышенностях, с бесчисленным зверьем. Пуганым, к сожалению.

Тем не менее Черепанов чувствовал себя в этом лесу как дома. Куда лучше, чем его римский приятель. Который, впрочем, не жаловался.

В первый день они отмахали километров сорок. Форсированным маршем. Черепанов слегка запарился (не мальчик, чай), а кентуриону – хоть бы что. Пер по лесу, как лось.

¹¹ Легат – военный или гражданский чиновник высокого ранга. В данном случае – командир легиона.

¹² *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt* (лат.) – желающего судьба ведет, нежелающего – тащит.

Причем волок на горбу килограммов тридцать всякого барахла, не считая оружия. Когда Черепанов посетовал: жаль, лошадей нет, – римлянин только фыркнул:

– Сразу видать, ты не легионер! Знаешь, как нас зовут? Мулы!

– Что? – не понял Черепанов.

– Помесь лошади и осла! Потому что не всякий осел унесет столько, сколько воин великого Рима.

– И что же он несет? – поинтересовался Черепанов.

– Во-первых, оружие. Гладий, кинжал, пилум, пила...

– Пила – это что? – спросил Черепанов. Что такое пилум, он знал.

– Тоже копье, но поменьше. Метать. Затем skutum. Это большой щит. Потом шлем, составной доспех (лорика сегментата)¹³. Это оружие. Во-вторых: сундучок для личных вещей, фляга, миска и котелок, запас пищи дней на пять, сагум...¹⁴ Когда сухой, он весит немного, но если намокнет... Дальше: строительный инструмент – кирка, мотыга или лопата...

– Слушай, – перебил Геннадий, – как же можно унести такую прорву?

– Еще как можно! – с удовольствием заявил кентурион. – Это вы, варвары, как обезьяны: все в руках тащите (Черепанов решил на «варваров» не обижаться). А у нас для того фурка есть.

– Это что?

– Такая палка. С поперечиной. И с веревкой. – Плавт изобразил руками нечто вроде подобия небольшого лука, привязанного к шесту. Очень удобно. Но это еще не все. Если местность голая, то каждый еще два кола несет. Для лагерного частокола. Ну и кошель, конечно, который у хорошего легионера никогда не бывает легким.

Черепанов представил себе навьюченного подобным образом солдата...

– И со всем этим барахлом он еще ходит?

– Еще как! – гордо заявил Плавт. – Тридцать миль¹⁵ в день. Римский сол...

– Стой! – оборвал его Геннадий.

Кентурион мгновенно заткнулся и остановился тоже мгновенно: замер с поднятой ногой.

Черепанов осторожно обогнул его, наклонился: точно. Тоненькая бечевка, выкрашенная в зеленый цвет, натянута поперек тропы. Ни хрена себе! Неужели мина на растяжке? Здесь? Сердце екнуло.

Подполковник осторожно снял со спины мешок, сложил на землю оружие. Другой конец бечевки прятался в кустарнике. Черепанов проследил его... И ощутил мгновенное разочарование. Самострел. Причем настороженный на зверя, а не на человека: слишком низкий прицел. Но ногу вполне могло продырять.

– Ага. – Гонорий протиснулся сквозь кусты, увидел самострел. – На кабана. Молодец, Череп. Глазастый.

Последнего слова Геннадий не понял, но догадался.

– А ведь это хорошая новость, – продолжал между тем римлянин. – Значит, где-то поблизости люди.

– Считаешь, это хорошо?

– Ну да! – Кентурион даже удивился. – Запасы дополним. Сориентируемся. Может, там и женщины найдутся. Мой маленький приап, – Гонорий похлопал по соответствующему

¹³ Кожаная рубаха с нашитыми на нее металлическими пластинами: лорика заменила распространенную ранее кольчугу-безрукавку, поскольку обеспечивала большую свободу движений.

¹⁴ Сагум – шерстяной плащ.

¹⁵ Римская миля – тысяча двойных шагов, примерно 1,5—1,6 км.

месту, – без женщин очень скучает.

Черепанов хмыкнул:

– И как ты собираешься их искать?

– Я бы подождал здесь, – ответил римлянин, – но не думаю, что это хорошая мысль.

– Плохая, – согласился Черепанов. – Август кончается. Если уже не кончился.

– Август ¹⁶ умер? – удивился Плавт. – А, ты говоришь о месяце.

– Да. На носу осень. Не знаю, как ты, а я предпочитаю идти, когда тепло и сухо, а не когда мокро и холодно.

Поэтому они перешагнули через веревочку и двинулись дальше. Но вскоре после полудня им улыбнулась удача.

Плавт остановился и потянул носом воздух:

– Чуешь?

– Что?

– Дым. Дымом пахнет.

– Пожар? – насторожился Черепанов.

Римлянин принялся еще разок, и узкие губы его растянулись в улыбке.

– Не-ет... Пожар по-другому пахнет. Ну-ка, пойдем! – и решительно свернул в чащу.

Спустя четверть часа Черепанов убедился, что кентурион был прав: то был не лесной пожар, а расчистка под поле. Горели обложенные хворостом пни на вырубке.

– Ну у тебя нюх! – восхитился Геннадий.

Гонорий ухмыльнулся... Но как-то криво.

– Ты меня обманул! – воскликнул подполковник.

– Но ведь это не пожар! – возразил Плавт. – Пошли, нечего время терять! – И вытянул из петли на поясе импровизированный меч. На первой же после побега стоянке кентурион подрезал древко квеманской рогатины по руке, обмотал куском кожи, а края наконечника отточил поострее. Получилось вполне приличное оружие: нечто среднее между длинным кинжалом и коротким мечом.

По хорошо заметной тропинке они вышли к дому – нет, домом это называть не стоило. Халупа, отличавшаяся от соседнего сарая только размерами.

Кентурион скинул мешок и огромными прыжками устремился к избушке.

Подполковник за ним не побежал. Поэтому у него хватило времени увидеть на земле свежие следы раздвоенных копыт. Относительно свежие. И менее заметные, но все же различимые на взрытой почве отпечатки чуней. Большие и маленькие. Да, можно было не торопиться. Обитатели халупы, кем-то предупрежденные, успели сделать ноги. Геннадий их понимал. Наверняка слух о «подвигах» двух чужеземцев уже успел широко разойтись. Ни один разумный человек не стал бы рисковать и встречаться с парой кровожадных отморозков, если у него за спиной нет небольшой армии. Тем более слухи склонны преувеличивать все, в том числе боевые возможности чужеземцев.

Так что подполковник никуда торопиться не стал. Подобрал мешок римлянина и без лишней спешки двинулся к избе, полагая, что в ней уже никого нет.

¹⁶ Август – титулование римского императора. Впервые принят «наследником» Юлия Цезаря (Кесаря, но для имен будет сохранено более привычное для нас произношение) Юнием Октавианом и означает «священный». Наш месяц август, соответственно, сохранил римское название. Кстати, июль также назван в честь первого римского императора, Юлия Цезаря. Вообще в русском языке на удивление много латинских слов, что и позволяет герою кое-как изъясняться с римлянином. Здесь нет особой натяжки и нет нарушения принципа, которого я придерживался и придерживаюсь при создании романов историко-приключенческой серии: во всем, кроме первой посылки (попадание наших современников в мир прошлого) – никакой фантастики: голый реализм и историческая достоверность. Но разумеется, латинское произношение и грамматика Черепанова поначалу оставляют желать... Например, следующая фраза: «Я предпочитаю идти, когда тепло и сухо, чем когда мокро и холодно» в варианте Черепанова (опирающемся на его словарный запас) звучит на латыни примерно так: «Мой приоритет ходить в сухой и теплый погода, не водный и холодный». Но для удобства чтения я «адаптирую» реплики героя в соответствии с правилами русского языка.

Существовала, конечно, вероятность засады, но Черепанов не мог представить здесь такой засады, которая бесшумно взяла бы Гонория Плавта Аптуса.

Геннадий ошибся. Изба не была пуста. В ней обнаружился один из местных жителей, не ударившийся в бега, вероятно, по причине преклонного возраста.

Замшелый дедок с грязно-желтой бородой до колен, который в настоящий момент беседовал с разочарованным римлянином.

Беседа не складывалась. Вообще-то кентурион не был профаном в языкознании. Как успел выяснить Геннадий, Плавт свободно говорил по-гречески и по-сирийски; немного знал парфянское наречие (на уровне армейского разговорника: «стоять!», «бросить оружие!», «где стоит ваша часть?», «нам нужен провиант!» – и далее). А вот в местном языке кентурион ничего не смыслил: не пожелал гордый римлянин изучать язык своих «хозяев». Дедок, как и следовало ожидать, латыни не ведал. Но в старческий маразм не впал и охотно отозвался на приветствие Черепанова.

Подполковник с облегчением скинул на лавку мешки.

– Спроси, где его родичи? – потребовал кентурион.

Геннадий спросил.

Ушли родичи. Давно ушли. Не догнать.

Насчет «давно» старый пенек врал, но Черепанов не стал его уличать.

Пока Черепанов беседовал, Плавт «проводил обыск» помещения. Со сноровкой, выдающей большой опыт. Хотя что в такой избушке спрячешь? Все на виду. И горшки-лари-бочонки. И окорока свиные копченые – прямо над очагом висят.

Единственными существенными находками были старый меч из почерневшей бронзы и помятый, но старательно выправленный медный шлем с куцыми ошметками некогда красного султана.

– Спроси его: золото у них есть? – потребовал кентурион.

«Откуда у них золото, у такой бедноты?» – подумал Черепанов. Хотя, может, это и не беднота? По местным масштабам.

– Где золото прячешь, дед?

Старик замахал руками: какое золото, почтенные?

– Серебро, оружие?

Ответ аналогичный.

– Пятки ему прижечь надо бы... – деловито произнес Плавт.

– Может, он не врет? – Идея пытать старичка подполковнику не очень понравилась. – Зачем нам их деньги? У нас в мешках минимум два кило золота.

Золото они на капище взяли.

– Золота много не бывает, – философски заметил кентурион. – А мне очень много золота нужно, Череп. У меня в Риме большие долги остались. Очень большие долги...

Судя по выражению лица кентуриона, свои долги он собирался платить не золотом, а железом. Но Геннадий не стал вдаваться в подробности.

– Думаю, старик не врет, – повторил он.

– Может, и не врет. Вот и узнаем. А заодно узнаем, где их бабы попрятались. Не могли они далеко уйти – со скотом и детишками.

Оказывается, не один Черепанов следы приметил!

– Давай спрашивай! – потребовал кентурион. – А ты, дед, учти: я шуток не шучу! – Плавт сунул старику под нос лезвие ножа.

Дед скосил глаза на нож, но не шибко испугался. А когда Черепанов спросил, куда спрятались его родичи, бесстрашно заявил, что незваные гости их никогда не найдут. Они могут убить старого Кнеуха, Кнеуху все равно.

– Я тебе нос отрежу. И уши. Где они?

Внезапно Черепанову показалось: ему все это снится. И во сне повторяется то, что было в жизни. Только тогда он сам сидел со связанными за спиной руками и маленький жилистый краснокожий человечек вертел у него перед носом блестящим кривым ножом. И

кричал на чужом языке. А большой чернокожий человек переводил этот крик бесцветным равнодушным голосом...

Глава девятая, в которой Геннадий Черепанов вспоминает кое-что из того, о чем предпочитает не вспоминать

Он приземлился на дерево. Относительно удачно, ничего не сломал. Даже не ободрался. Без особого труда, обрезав стропы, спустился вниз. Посидел немного на травке, приходя в себя, ожидая, пока спадет неизбежный после стресса колотун и восстановятся силы.

Объективно говоря, ситуация была аховая. Триста километров по чертовым горам, по проклятым местам, где цивилизацией и не пахнет, где, по слухам, из двуногих – только птицы и дикари с отравленными стрелами. Будь это боевой вылет, было бы легче. Хотя бы потому, что у него был бы спаскомплект – с картами и полным «джентльменским набором» для выживания. Да и искали бы его старательно и до победного конца. Всего и дело-то – остаться где-нибудь поблизости от обломков самолета и просигналить подмоге, когда она прилетит. Нет, ерунда. Это идеальный вариант – если ты грохнулся на собственной территории. А на чужой... На чужой первыми к месту падения явятся совсем другие парни. И эти парни будут настроены очень недружелюбно. Еще бы! Извечная ненависть ползающих по земле к парящим в небе. А если «парящие» в придачу имеют обыкновение швыряться напалмовыми, вакуумными, кассетными и прочими смертоносными игрушками, если они способны превращать гектары земной поверхности вместе со всеми их обитателями в огненные озера...

Так что объективно дикари лучше.

Геннадий поглядел наверх, где запутался в ветвях парашют. Высоковато. Обрезанные стропы болтались метрах в двух над головой – не допрыгнуть. То есть в принципе залезть можно: ствол густо оплетен всякими ползучими лианами. Но игра не стоила свеч.

Черепанов встал. Подвигал руками-ногами-головой, проверяя, как чувствует себя организм. Что ж... бывало и лучше. Но серьезных травм нет, и это хорошо. Значит, в путь.

За три дня он прошел километров двадцать пять. Будь у него мачете и веревка – результат увеличился бы вдвое. Самый отвратительный вариант горной местности – это горная местность, сплошь заросшая всякой ботаникой. Часто – колючей. Еще чаще – изобилующей представителями фауны. Мелкой и зловредной. Больше всего Геннадий опасался подхватить какую-нибудь дрянь вроде лихорадки или местного энцефалита. Зато с более крупными представителями животного мира проблем было значительно меньше. Вопреки кинематографическим стандартам, Черепанова не укусили ни ядовитая змея, ни паук размером с чайное блюдце. То есть он видел и змей, и пауков, но поскольку не хватал их руками и не наступал на хвосты, то змеи и пауки тоже его не трогали. У них были свои дела, у Геннадия – свои. Правда, вечером второго дня его навестила пума. Остановилась шагах в десяти от костра и с большим интересом наблюдала, как человек кушает поджаренного на костре грызуна, напоминавшего при жизни очень большую морскую свинку. Возможно, пума рассчитывала, что человек с ней поделится. Но Черепанов и в лучшие времена не был склонен к благотворительности, к тому же не собирался прикармливать диких зверей. Страх он также не испытывал. Пума размерами не превышала немецкой овчарки и ни малейшей агрессии не выказывала. А пожелай она напасть – ее трудности. У Черепанова под рукой имелся старенький, но вполне надежный кольт, которым чья-то добрая душа снабдила аварийный комплект.

И Геннадий не сомневался, что успеет им воспользоваться, если что. Но пума не напала. Посидела неподалеку с полчаса и удалилась. Огня, что характерно, она совершенно не боялась.

А на следующий день Геннадий нашел труп.

Собственно, день не складывался с самого начала. С утра. Началось с того, что

пришлось выбросить остатки «морской свинки» – мясо кишело маленькими красными и ужасно кусачими муравьями. Потом пришлось обходить полкилометра сплошных зарослей, сквозь которые без мачете пробиться невозможно. Вдобавок вода во фляге заканчивалась, а ручейки, которые то и дело попадались в прошлые дни, куда-то запропастились. Наконец Черепанов вышел-таки к речке. Но радости в этом было мало, потому что речка текла по дну узкой расщелины с совершенно отвесными и кое-где даже отрицательными склонами. До дна было рукой подать – метров двадцать. Минута – при наличии веревки. Или пара секунд полета. Других способов добраться до воды не имелось.

И при этом чертова расщелина шла аккуратно поперек маршрута.

Зато левее Черепанов углядел древесный ствол, очень удачно улегшийся поперек пропасти. И обрадовался.

А зря. Потому что весь следующий час пробивался к заветному месту через колючий кустарник, для прочности «усиленный» живой сетью из каких-то ползучих растений. Злой и исцарапанный, с помощью ножа и матерщины он наконец пробился к цели, однако цель оказалась – с подвохом. Естественный «мост» успел изрядно подгнить, облезть и покрыться слоем сизой скользкой плесени. Но мысль о том, чтобы совершить еще один бросок через колючки, сделала Геннадия достаточно решительным. Одному Богу известно, как ему удалось не повернуться. Ствол местами сгнил настолько, что руки тонули в мокрой трухе. Там же, где не было гнили, ствол на ощупь напоминал полированную гранитную колонну, щедро политую шампунем.

А внизу, между ма-аленькими (если смотреть сверху) камешками, весело струилась речка.

Но Черепанов все-таки не сверзился, перелез, взобрался на очередной холм, увенчанный здоровенным деревом, напоминавшим кедр... И увидел труп.

Труп выглядел давнишним: плоти на костях почти совсем не осталось. Хотя, может, потрудились здешнее зверье.

Черепанов не любил трупов. Ни старых, ни свежих. Этот же ему особенно не понравился. Поскольку был совсем маленьким, явно детским. И был приколот к дереву с помощью ржавых стальных костылей.

Чисто рефлекторно Геннадий проверил: на месте ли револьвер. На месте.

Преодолевая отвращение, Черепанов подошел поближе. На красноватой коре были выцарапаны какие-то знаки. Костыли вогнали прямо в них.

С макушки почти голого черепа черной паклей свисали длинные пряди волос. Чертовски маленький скелет. Даже если учесть, что здешние аборигены отнюдь не великаны. И еще одна неприятная деталь: локтевые и коленные суставы скелетика были раздроблены. Разумеется, это могли сделать и после смерти бедняги. Так же, как и прибить к дереву могли уже мертвое тело...

Дальнейшие действия Геннадия вряд ли можно было назвать разумными. Просто откуда-то изнутри возникло непреодолимое желание сделать это. И он сделал. Подобрал с земли камень побольше, выбил из дерева костыли, снял маленький скелетик, вырыл ножом неглубокую яму и похоронил останки.

На это все у Геннадия ушло несколько часов.

В общем, глупость. И он отдавал себе отчет, что делает глупость: практика выживания подобной лирики, мягко говоря, не одобряет. Но Черепанов не мог поступить иначе. Не мог, и все.

Компенсируя потерянное время, остаток дня он двигался ускоренным маршем, и к вечеру ему повезло: наткнулся на источник – маленький родничок, сочащийся между камней, на которых обнаружился еще и ужин: десятка полтора большущих улиток.

Все бы хорошо, но Геннадия не оставляло отвратительное чувство: будто кто-то смотрит в затылок. Когда стемнело, Черепанов, вопреки обыкновению, костра разводить не стал. Четвероногого зверья он уже не боялся. А вот зверья двуногого, способного на извращенное убийство ребенка... Конечно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и

в цивилизованной нынче Европе еще лет двести-триста назад «лишних» младенцев живьем в сугроб выкидывали... Однако ж Геннадий был убежден, что обилие подлецов вокруг – недостаточный повод, чтобы самому стать подлецом. Хотя и осознавал, что подобные убеждения серьезно препятствуют карьере.

Спал Черепанов на дереве. Привязавшись ремнем. Не самый комфортабельный вид ночлега. Особенно если по тебе постоянно бегают какая-то мелкая живность.

В общем, ночь прошла – и слава Богу. А утро...

Утро преподнесло неприятный сюрприз. Когда, цепляясь за лианы и побряхтывая от боли в отлежанных местах, Геннадий спустился на землю, прямо у него над ухом раздался негромкий удар. Черепанов скосил глаза и увидел воткнувшуюся в бугристую кору стрелу. Перышки на ее охвостье были ярко-алыми, а наконечник вошел в дерево совсем неглубоко. И потому было отлично видно, что он вымазан какой-то черной липкой дрянью. Отчасти поэтому Черепанов не стал делать лишних движений, когда из зарослей материализовались трое аборигенов. Причем только один из них держал в руке лук. Остальные были вооружены вполне современно: армейскими винтовками. И одеты были аборигены соответственно: двое с винтовками – в лямбда-шорты, а вот голова третьего украшена плюмажем из ярких перьев.

Этот третий выглядел особенно неприятно, хотя и остальных никто не назвал бы симпатягами: плоские коричневые физиономии, похожие на маски из крашеного дерева. А вот морда третьего и впрямь была маской: ее покрывал слой серой глины, на который были нанесены синие, красные и черные полосы. Выглядело жутковато. Но Черепанова куда больше беспокоили не морда «замаскированного» и нацеленный в живот кончик стрелы, смазанный черной дрянью. Даже карабины пугали меньше. Карабин – привычное оружие. Но отравленная стрела...

– Ты! Пистолет. Брось! – скомандовал раскрашенный на ломаном английском.

Глава десятая, в которой Черепанов узнает кое-что о религиозных пристрастиях кентуриона, а также о том, как тот решает проблемы и пресекает разногласия

– Оставь его, – сказал Геннадий римлянину. – Давай лучше пожрем горячего. Вон у них горшок с похлебкой. И искать не надо.

– Успеем, – отмахнулся Плавт. – Ну все, дед! Прощайся с ухом!

Кентурион схватил старика за волосы... Но довести операцию до конца не смог.

– Эй, Череп! Ты что делаешь? – Римлянин рванулся, но освободить руку с ножом из захвата Геннадия ему не светило. – Ты спятил! – выкрикнул кентурион, отпустил деда, замахнулся... И оказался в совершенно беспомощном положении. Нож, выпавший из его пальцев, глухо стукнул о земляной пол.

Старик квеман с опаской наблюдал за этой сценой.

– Предатель! – зарычал Гонорий, делая безуспешные попытки вывернуться из борцовских объятий Черепанова. – Помет стервятника! Я тебя убью!

Геннадий внезапно разжал руки. Рванувшийся римлянин едва не упал. Но тут же развернулся и схватился за оружие.

Подполковник демонстративно скрестил руки на груди.

Острое укороченного квеманского копья остановилось в ладони от его горла.

– Не стоит, – спокойно произнес Геннадий. – Мы нужны друг другу. И деда не трогай. Не надо.

– Пошел ты к Орку! – в ярости закричал римлянин. – Я ремней нарежу из этого старого пня!

Подполковник покачал головой:

– Нет.

– Да!

– Тогда начни с меня.

Римлянин несколько секунд бешено глядел на Черепанова. Широкое железное перо наконечника маячило в дециметре от сонной артерии. Геннадий знал, что если Гонорий захочет его убить, то так и сделает. Он умел пользоваться оружием этого времени не в пример лучше Геннадия. Но подполковник не сомневался, что кентурион не ударит. Черепанов просто и мысли не допускал, что такое возможно. И знал, что его уверенность сама по себе способна предотвратить удар. Настоящего врага такое, конечно, не остановит, но Гонорий – не враг...

– Но почему? Что тебе этот старый пень? – в сердцах воскликнул кентурион, опуская оружие.

– Не хочу, чтобы ты его трогал, вот и все.

– Но как я тогда узнаю, где спрятались его бабы? – В голосе кентуриона звучали обида и разочарование.

– Неужели ты не можешь воздержаться от женщин неделю-другую? – с легкой иронией спросил Геннадий.

Гонорий в сердцах метнул свое оружие. Квеманское копье с обломанным древком рассекло воздух – так близко от головы Черепанова, что у того даже волосы шевельнулись, – и воткнулось в стену.

– Ты не понимаешь, варвар! – напыщенно воскликнул римлянин. – Приап – мой бог! Если я не стану служить ему, он не пошлет мне ни удачи, ни милости!

– Сядь, – предложил Черепанов. – Давай мыслить логически.

– Логически... – проворчал Плавт. – Вот еще... Будто я какой-нибудь долбаный грек... Мне эта тухлая логика еще в школе надоела. Логически! Тьфу!

Тем не менее он уселся на скамью, и Геннадий тут же подсунул ему горшок с похлебкой и черную корявую ложку.

Пару минут они молча наворачивали густой квеманский супчик.

Стойкий дед глядел на них сычом, но не таковы были Геннадий с Гонорием, чтобы от недоброжелательного взгляда у них пропал аппетит.

– Ну, – сказал Плавт, когда горшок опустел, – что ты там о логике толковал?

– Почему ты думаешь, что твой бог подобен крысе? – осведомился Черепанов.

– Что? !

– А то! Только крыса жрет все подряд, любую дрянь, которую можно сожрать. Думаешь, он хочет, чтобы ты, как бестолковый щен, запрыгивал на все, что движется? Может, дело не в боге Приапе, а в твоём собственном приапе? Может, тебе нравится... сам процесс?

Кентурион нахмурился:

– Ну... Допустим, тоже нравится. Ну что? Почему не должно нравиться мне, если нравится моему богу?

– Ладно, – не стал спорить Геннадий. – Но ты сам говорил, что у тебя три месяца не было женщин.

– Говорил.

– И что твоему богу это не нравится, говорил?

– Говорил.

– И вот, в результате ты оказался на свободе и в хорошей компании! – Черепанов ухмыльнулся и ткнул себя в грудь.

– Возможно, моему богу еще меньше нравилось, что я не могу ему служить, – возразил Плавт.

– Допустим. Но в таком случае что ты суетишься? Твой бог наверняка обеспечит тебя всем необходимым.

Кентурион усмехнулся:

– А ты здорово наловчился болтать по-латыни, варвар! Ладно, не стану отрезать деду уши. Поглядим, прав ты или нет.

Он подошел к стене и выдернул из бревна оружие.

– Я не буду отрезать ему уши... – Римлянин молниеносно повернулся – и старик, хрипя, опрокинулся с лавки. – Я его просто убью, – закончил Гонорий, наступая старому квеману на живот и выдергивая оружие.

Изо рта деда хлынула кровь, и он умер.

– Не оставлять врага за спиной – так меня учили, – бросил кентурион мрачному Черепанову. – Пошли! Чует мое сердце, если его семейка вернется, то вместе с ними заявится целая прорва разъяренных варваров. Все же зря ты порубил их богов!

– Не зря. – Геннадий закинул на спину мешок. – От этого мы с тобой станем проворней.

– С чего бы?

– Будем знать, что с нами сделают, если поймают.

Глава одиннадцатая, в которой Геннадий Черепанов вновь обращается к воспоминаниям

Туземные боги, духи, зомби и прочая нечисть – существа разнообразные, капризные и непредсказуемые. Но всех объединяет одно: стремясь им угодить, люди совершают такие паскудства, о которых даже думать тошно. И при этом абсолютно уверены, что имеют право.

Индейцев в хижине было четверо. Вождь с лицом, смахивающим на перезрелую грушу, колдун (нечто неопишемое и омерзительное), толмач – амбал-полукровка с добавкой негритянской крови, и мелкий, похожий на тощего пацана индеец по имени Тца. Тца единственный вел себя естественно: вертел ножом перед носом привязанного к стулу Геннадия. Тца был в бешенстве. Он вопил, шипел и плевался.

– Я с тебя шкуру сдеру, белый. Я тебе яйца отрежу, сварю и сожрать заставлю. Зачем ты это сделал, ты... – флегматично переводил толмач.

Английский у полукровки был так себе. Для философских бесед не годился. Но чтобы вразумительно объяснить, почему Черепанова так нелюбезно приняли, словарного запаса хватило.

Девочка, труп которой опрометчиво похоронил Черепанов, была дочкой того, кто сейчас вертел у Геннадия перед носом разделочным ножом. Папаша продал ее вождю, а вождь передал колдуну для использования в ритуале, предназначенном для подкупа злых духов, чтобы те, в свою очередь, оказали поддержку племени в споре с соседями. Конфликт произошел из-за небольшой долины по соседству. В долине выращивалось нечто особо ценное белыми людьми и дорогостоящее. Черепанов подозревал: какое-то сырье для наркотиков. Тело несчастной девочки должно было провисеть на дереве сколько-то времени, после чего с ее косточками что-то такое собирались сделать... Не важно что. Для Черепанова не важно. А вообще-то очень важно, потому что колдун заявил, что все труды его – впустую. И более того – духи обиделись, и теперь их следует задабривать. Поначалу и Черепанова приняли за духа, потому что не знали, откуда он появился в здешних местах. Поэтому за ним некоторое время следили, но не трогали. Опасались. Но вскоре местные отыскали парашют и поняли, что имеют дело с человеком. А с человеком можно не церемониться. По их меркам, колдун, который зверски замучил маленькую девочку, и раскрашенный папаша, который продал собственную дочь, – закона не нарушали. А вот Черепанов – нарушил. И должен быть наказан. По местному праву выбор способа казни принадлежал вождю.

И вождь колебался: скормить ли преступника мелким сухопутным крабам, в изобилии водящимся в окрестностях, или привязать у муравейника. Вождь колебался, потому что колдун не мог уверенно ответить, какой именно способ казни более симпатичен духам. А сейчас эти двое вызвали охотника Тца (который, кстати, был одним из тех, кто выследил Черепанова) и потребовали, чтобы тот вернул поученные за дочку деньги. Поэтому Тца так рассердился и так размахивал ножом, которым, несомненно, умел пользоваться. Шаман был склонен разрешить Тца отрезать от Черепанова кусочек-другой. Вождь был против. Главным же заступником Геннадия был, как ни странно, толмач.

За трое суток, проведенных Геннадием в индейском поселке, толмач был единственным человеком, который выказал Черепанову что-то вроде симпатии. Вероятно, потому, что полукровка сам был в поселке гостем. Правда, гостем, пользовавшимся определенным уважением, поскольку у него здесь была отдельная хижина и своя «женщина», девчонка лет тринадцати, с которой толмач занимался любовью по нескольку раз в день, выказывая большую выносливость. Все это Черепанов знал доподлинно, поскольку большую часть времени валялся связанным на земляном полу хижины толмача. Черепанов подозревал, что, пользуя свою маленькую подружку на глазах пленника, полукровка демонстрирует ему, пленнику, свое превосходство. В промежутках между половыми актами толмач усаживался рядом с летчиком и обстоятельно разъяснял, в чем он, летчик, был не прав, и пытался вызвать код черепановской кредитки. Толмач был не чужд цивилизации. Как выяснилось позже, он являлся связующим звеном между этой самой «цивилизацией» и дикарями-горцами. И не одобрял идею скормить Черепанова крабам, полагая, что летчику можно найти лучшее применение. Толмач полагал, что за Черепанова заплатят хорошие деньги.

Тца схватил Черепанова за нос и взмахнул ножом... Пугал, сволочь. Без дозволения вождя этот паршивец портить лицо пленнику не рискнет. Шакал. Будь Геннадий свободен, он бы тщедушного аборигена голыми руками на части порвал. Знать бы, что все так обернется, хрен бы они его взяли так просто. Ну, как говорится: знал бы, куда упадешь, соломки бы подстелил.

Толмач что-то сказал вождю. Вождь вякнул по-своему, и Тца оставил Черепанова в покое.

Между полукровкой и вождем возникла дискуссия. Похоже, толмач предлагал Черепанова продать. Геннадий, разумеется, слов не понимал, но мулат сопровождал речь активной жестикуляцией, а слово «доллар» – оно международное. Похоже, вождь склонен был согласиться. И даже Тца успокоился: решил, видно, что и ему что-то перепадет. Жаден, паршивец. Дикарь. Черепановский «роллес», подарок хорошего человека, себе на шею повесил. На один шнурок с когтями, зубами и прочей пакостью.

Вождь уже почти согласился было, кивать начал, но тут встрял шаман. Есть такие люди: одного взгляда достаточно, чтобы понять – гнида и садист.

Разорался шаман, завизжал, зафыркал. Принялся вождя страшить, толмачу «козу» показал. Мулат стерпел, попытался вежливо возразить... Шаман перебил: завопил еще громче.

– Взял бы ты его за ноги – да и треснул о столб, – громко посоветовал Геннадий по-английски.

Толмач зыркнул на него и тут же отвернулся. Остальные даже голов не повернули. Для них Геннадий – не человек.

Чужак – и этим все сказано. Конечно, жизнь у них – не сахар. Нищета. Насекомые. Всей цивилизации – дизель у хижины старосты да спутниковый телефон – у толмача. (Вот бы украсть! Хоть на пару минут.) И оружие, разумеется.

Толмача зовут незамысловато: Сэм. Через него в селение приходит много разных полезных вещей. Например, карабины. И виски. И медикаменты.

И порножурналы, которые, впрочем, привлекают туземцев не столько содержанием, сколько цветной яркостью глянцевых картинок. Толмач – полезный чужак, поэтому к нему прислушиваются.

С его подачи пленнику предоставили даже кое-какую свободу. Посадили на цепь перед хижинкой.

И кормят полезным для здоровья неочищенным рисом. Рис – не здешний. Его насыпают из мешка с иероглифической надписью. Мяса не дают. Когда Тца убил дикую свинью, ее ели всем местным табором, но Черепанова никто не угостил.

Вообще-то туземцы – симпатичный народ. Особенно дети. Изящные, смуглые, большеглазые. Глянцево-черные волосы, белые ровные зубы. Но здешняя красота быстро

сходит на нет. Особенно у женщин, которым приходится вкалывать от зари до зари.

Детишки делают попытки пообщаться с Геннадием. Они еще не знают, что чужак – не человек. Им любопытно. Дети – и шаман. Этот еще в первый день отрезал у Черепанова клочок волос и попытался наворожить какую-то гадость. Теперь приходит и высматривает: не подействовало ли колдовство?

Геннадий развлекается тем, что обкладывает шамана по-русски, многоэтажно. Тот слушает. Вникает. Морщит собачью черную морду.

Пятый день в плену...

Толмач ушел. Звякнул по трубе, поговорил о чем-то по-испански, трахнул напоследок свою девчонку, сказал Черепанову «гуд бай, флаер» – и отбыл.

И сука-шаман воспользовался его отсутствием, чтобы уломать вождя.

На третий день Черепанову подмешали в рис какую-то дрянь, и он отключился. Пришел в себя на камешках, у ручья. Голый. Связанный по рукам и ногам. Качественно связанный. Вокруг расположились аборигены: шаман, вождь, старейшины, пяток наиболее авторитетных охотников. Сука-шаман подошел, наклонился и полоснул Черепанова ножом по животу. Неглубоко, только кожу вспорол. Кровь пустил. И тоже уселся на почетном месте. Ожидался увлекательный спектакль. С Черепановым в главной роли. В роли главного блюда. На кровь тут же слетелись мухи, облепили рану. Геннадий толкнулся связанными ногами и скатился в ручей. Вода была ледяная. Мухам она не понравилась. Черепанов уткнулся лицом в мелкие камешки на дне. Утонуть все же приятней, чем быть заживо съеденным.

Утонуть ему не дали. Схватили, вытащили, придавили ноги бревном: лежи, не рыпайся.

– Край! ¹⁷ – с мерзкой улыбочкой посоветовал шаман. – Край!

Надо же, какие мы полиглоты.

Положение у Черепанова было – хуже некуда. Но все равно не верилось, что это конец. И еще было очень обидно. Ну что за удача у него такая долбаная! Сколько раз уже так бывало: надежное, казалось бы, дело внезапно оборачивается морем каких-то диких, абсолютно неожиданных проблем. При этом Геннадий – не из тех, кто ищет приключений на свое седалище. Совсем наоборот. Долбанные приключения сами его находят, выскакивают, словно крыса из-под холодильника, и нагло хватают за палец. Почему, черт возьми, эта долбаная крыса поселилась именно под его холодильником?

Сколько Черепанов себя помнил, всегда было именно так. Причем в по-настоящему опасных операциях, когда риск запланирован и учтен, все шло как по маслу. Его личный магнетизм в отношении всяких обломов и безобразий проявлялся внезапно и похабно. Как полтергейст. Геннадий этот аспект своей жизни осознавал и старался учитывать любую потенциальную неприятность. Черепанов был почти уверен: возьми он с собой спутниковый телефон и договорись о подстраховке с местными спасателями (есть же здесь спасатели?), обошлось бы без катапультирования. Отлетал бы нормально.

Была, правда, у черепановских «приключений» одна положительная особенность. Каждый раз как-то удавалось выкрутиться. На автопилоте. Как черепановскому соседу-бизнесмену уже два года удавалось каждый вечер безаварийно возвращаться домой на собственной «мазде», выжирая перед тем минимум два стакана. И ни одного ДТП. Утром на похмельную голову сосед вспоминал и ужасался. Понимал, что эта везуха – до первого ЧП. Второго уже не будет. Утром понимал, а вечером опять, набухавшись, усаживался за руль.

Точно так же и Геннадий понимал: и ему одного раза будет вполне достаточно. Но сейчас хотелось надеяться, что этот первый и последний раз еще не наступил. Пожалуй, это единственное, на что мог надеяться голый связанный человек, на которого уже взбирался первый и совсем безобидный на вид маленький клешнястый крабик.

¹⁷ Кричи! (англ.)

Глава двенадцатая И пал с неба гром...

И пал с неба гром.

И пришло спасение в облике...

В облике пятнистого брюха транспортного вертолета, сначала обрушившего с небес на землю чудовищный грохот винтов, а потом явившегося воочию с ревом и бурей, от которой заходило ходуном маленькое ущелье, порскнули по щелям тонконогие крабы, так и не полакомившиеся человечинкой, а организаторы и зрители чудовищного спектакля повскакивали с мест в полном смятении. Только главный герой остался на прежнем месте, потому что связанному и придавленному трехпудовым обрубок дерева особо не попрыгать.

А пятнистое брюхо, заслонив небо, медленно проплыло над самыми макушками деревьев, скользнуло вниз вдоль склона... И рев смолк.

«Сел, – отметило профессиональное сознание летчика Черепанова. – Совсем рядом сел».

Вождь рывкнул, и пара зрителей помоложе отправилась выяснять новости. Еще одному охотнику было велено распутать ноги Черепанова, что и было тут же проделано под громкие протесты шамана.

Крабий банкет отменялся.

Черепанова заставили подняться и, подпихивая палкой, погнали обратно в деревеньку. Геннадия била дрожь. От холодной ванны или от переживаний – трудно сказать. Колени тоже дрожали, но летчик старался шагать проворно и не спотыкаться, поскольку каждая заминка вознаграждалась тычком в почку.

Вертолет сел метрах в ста от поселка, на чахлое индейское поле. Черепанова провели мимо летательной машины. На краю открытого грузового люка, свесив ноги, сидел чернявый парень в «камуфляже» и пижонских черных очках. На коленях у парня покоился автомат. И не какая-нибудь фитилька вроде «Узи», а здоровенная дура с подствольным гранатометом.

На появление процессии аборигенов с вождем во главе и связанным белым в арьергарде чернявый не отреагировал.

В поселке царило оживление. Все население, включая собак, толпилось на центральной «площади». Здесь же присутствовал толмач Сэм и человек десять латиносов с автоматическим оружием и зверообразными мордами. Командовал ими азиат изрядного (для азиата) роста с торчащими вперед крупными зубами.

Узрев спотыкающегося Геннадия, азиат открыл пасть и злобно понес на вождя. По-испански.

Вождь завозражал. Тут же вмешался шаман, но вождь его осадил. Черепанова вытолкнули вперед.

– Ты – летчик? – спросил азиат по-английски.

– Летчик, – не стал скрывать Черепанов.

И азиат, и его компания Геннадию не понравились. Но терять-то нечего. Выбирая между откровенно бандитской шоблой и крабами, Геннадий без раздумий предпочел бандитов.

– Забери его, – скомандовал азиат одному из своих.

Вождь запротестовал. Мол, они еще не сговорились насчет цены. Включился толмач. Открыл лопатник, вытащил пачку разноцветных банкнот. Отсчитал дюжины две. Вождь ощерился: мало. Толмач добавил. Но по мнению вождя – недостаточно. Завязалась дискуссия.

И без того асимметричное лицо азиата перекошилось. Он рывкнул на диспутантов. Толмач сразу заткнулся, а вождь – нет. И зря. Потому что азиат перестал кривиться, вытащил пистолет и хладнокровно выстрелил вождю в лоб.

Среди аборигенов вспыхнуло волнение... И угасло под дулами нацеленных автоматов.

У горцев тоже было оружие, но мало у кого – с собой.

– Где твоя одежда? – спросил азиат.

– Там. – Геннадий кивнул в сторону хижины толмача.

Он не испытывал к убитому вождю теплых чувств, но подобное решение споров Черепанову очень не понравилось. Впрочем, свое неодобрение он демонстрировать не стал.

– Возьми его вещи, – велел азиат Сэму по-английски. – И отправляйтесь в вертолет. Живо!

Тесак полоснул по веревкам, и руки Геннадия снова стали свободны.

– Давай, – пихнул его Сэм. – Шевели задницей, летун!

Естественно, имущество Черепанова рассосалось. Все, вплоть до нижнего белья.

– Дерьмо, – констатировал мулат. Он не удивился. Пошарил в своем мешке, выудил шорты, черную майку и пластиковые шлепанцы. – Надевай. Хорош тут шарами трясти.

Черепанов оделся. Шорты оказались длинноваты, а майка налезла с трудом.

– Сойдет, – резюмировал Сэм. – Двинулись.

В селении шла разборка. Кто-то кричал, кто-то плакал. Головорезы в «камуфле» сгоняли народ в одну кучу.

Мимо Черепанова стрелой пронесся индеец. Парень хотел нырнуть в чашу за хижинами, но не успел. Дудукнул автомат, и беднягу швырнуло в траву.

– Шагай, – мулат подтолкнул его в спину, – без тебя разберутся. Или по крабам соскучился?

– Нет уж! – Черепанов подумал, что с этого дня он крабьего мяса в рот не возьмет.

Парень в черных очках скинул им трап. Чрево вертолета было огромно. Мощная двухвинтовая машина. В такой можно весь здешний поселок увезти. Вместе с хижинами.

Поближе к кабине был выгорожен пассажирский отсек. Туда Сэм и отвел Черепанова.

– Сиди и не дергайся, летун, – посоветовал он. – Захочешь отлить – вон лючок. Остальное – не твое дело.

– Остальное – это что? – спросил Черепанов.

– Это то, что тебя не касается! – отрезал мулат. – Я тебе добра желаю, понял? Вы, русские, вечно на жопу приключений ищите. Один из ваших тут в военных советниках числился...

– Да? – обрадовался Черепанов. – И где он теперь?

– Был – и нет, – отрезал мулат и скривился. – Твое дело – не рыпаться и язык за зубами держать. Особенно с Ляном. Лян болтунов не любит.

– Я заметил, – сдержанно произнес Геннадий, а про себя подумал: попадись ему этот Лян без своего пистолета, один на один... Уж они бы поговорили.

Глава тринадцатая Секретная база

Снаружи бухнул выстрел. И тут же трещотками, взхлеб залаяли автоматы. На полминуты грохот стрельбы заглушил все прочие звуки. Потом пальба смолкла, и стали слышны плач и жалобные крики.

– Сидеть! – скомандовал мулат, хотя Черепанов даже и не пытался подняться.

Снаружи заговорили по-испански. Кто-то повелительно гаркнул. Черепанов поднялся, выглянул в окошко.

– Сидеть! – приказал мулат.

– Да пошел ты в жопу, – пробормотал Геннадий.

К вертолету двигалась цепочка местных: детей, женщин, мужчин. У некоторых руки были связаны. Молодчики Ляна – по обе стороны...

Мулат схватил Черепанова за руку, потянул книзу. Геннадий перехватил его руку, сжал... Физиономия мулата перекосилась.

Когда Геннадий еще не был летчиком, а всего лишь подающим большие надежды спортсменом, в силовую часть их подготовки входили упражнения с брезентом. То есть вдоль стены зала вешался брезент, и будущие чемпионы, хватаясь руками за ткань, лазали по

нему, как мухи по стенке. Очень полезное упражнение. Одно из многих полезных упражнений. И с тех пор если уж Геннадий брал кого-то за руку или еще за что-нибудь по-настоящему, то это производило нужное впечатление.

– Не нервничай, – спокойно произнес Черепанов, ослабив хватку. – Я просто посмотрел.

– Я тебе добра желаю, – обиженно проворчал мулат, растирая запястье.

– Спасибо, Сэм. – Черепанов не собирался ссориться с этим парнем. В конце концов, тот его выручил. Кабы не он, Геннадия уже доедали бы крабы.

В соседнем отсеке шла погрузка. Туземцев загоняли наверх. Из-за переборки доносился детский плач, перемежаемый бодрими командами «погонщиков».

Спустя некоторое время в пассажирский отсек ввалилось полдюжины бандюков-«коммандос». Очень довольных. Старший из них, бычара с крохотными черными усиками и следом ожога на щеку, что-то сказал по-испански. Сэм ответил. Потом покосился на Черепанова и продемонстрировал запястье, на котором остался след от хватки Геннадия.

«Обожженный» кивнул, а остальные «амигос» одобрителем зашелкали.

– Говорит, ты такой здоровый, – пояснил Сэм. – Панчо говорит: сразу видно – русский.

Черепанов ухмыльнулся. Он знал, что в маечке смотрится достаточно весомо. В отличие от многих бывших спортсменов, Геннадий тщательно следил за тем, чтобы поддерживать себя в форме. Профессия летуна требовала идеального здоровья. Тем более он уже тогда целил на самый верх, за пределы воздушной стихии. А там требования еще выше...

Вертолет рвануло, дернуло, мотнуло в сторону. В грузовом завизжали. Практически пустая машина пошла вверх так, словно поднималась с предельной загрузкой.

«Любитель», – пренебрежительно подумал Черепанов о пилоте. Вспомнилось, как взлетают настоящие боевые вертолетчики. Резко, низко, под острым углом к горизонту, чтобы затаившийся вражина не влепил подарок на взлете...

И тут Геннадия пробила тоска. Остро захотелось неба. Не так, как сейчас: грузом в неуклюжей машине, а чтобы ходил в руках теплый чуткий штурвал, чтобы заворачивалось вокруг пространство...

Молодчики гомонили по-испански, перекрикивая рев двигателей. Оружие они держали между колен, беспечно. Черепанов мог бы легко дотянуться до ближайшего автомата...

И что дальше? Даже если он сумеет положить всех в отсек?

Летели недолго. Может, с полчаса. Потом вертолет ухнул вниз так, что уши заложило, завис, опять нырнул – и сел. Вернее, плюхнулся.

«Коммандос» полезли в грузовой отсек. Меченый Панчо мимоходом звонко хлопнул Черепанова по плечу, изрек что-то одобрителное.

Минут через пять поднялся и Сэм:

– Пошли!

Это была узкая долина, к удивлению Черепанова, «оборудованная» самой настоящей взлетной полосой. В дальнем конце ее имелся прикрытый камуфляжными сетками ангар. За ангаром, под деревьями, – одноэтажные бараки.

Индейцы из поселка сбились в кучу, жались друг к другу. В основном – молодежь и подростки. Несколько взрослых мужчин со связанными руками и окровавленными физиономиями.

Из кабины вертолета спустился Лян. Вернее, прыгнул. С четырехметровой высоты. Отлично прыгнул, мягко. Черепанов оценил. Сам бы он так не смог, хотя прыжковый опыт и навыки имел изрядные. Оценил и отметил: опасный мужик. Очень опасный.

Азиат подошел к кучке аборигенов, что-то сказал своим, и индейцев погнали к баракам. Геннадий профессионально отметил, что с воздуха поселок прикрыт идеально. Да и полоса тоже неплохо замаскирована. Во всю длину ее выложена полоса мелких и крупных камней, между которыми проложили тусклую металлизированную ткань. Но это снизу видно, что

тряпка, а сверху наверняка покажется, что ручеек. И на солнышке блестит. Да уж, такое не лох придумал. Но возникает вопрос: зачем?

Лян жестом поманил их к себе:

– Как тебя зовут, русский летчик? Кто ты и как сюда попал?

– Геннадий Черепанов. Летчик-испытатель, – лаконично ответил Геннадий. – Демонстрировал модель на столичной ярмарке. Были неполадки с системой. Катапультировался. Попал к местным... – подумал, не пошутить ли по этому поводу? Нет, не стоит. Физиономия китайца не располагала к шуткам. – Теперь у вас. Это все.

– Какой самолет ты пилотировал?

– «МиГ»-двадцать пятый.

Азиат кивнул:

– Военный летчик?

– Да.

Не было смысла скрывать то, что очевидно.

– Сейчас где служишь?

– Нигде. У нас сокращение штатов. – Черепанов криво усмехнулся.

Вспомнился анекдот советских времен.

На совещании в генштабе:

«Товарищи офицеры. Главный вопрос сегодняшнего совещания – сокращение штатов. Вопросы есть? Предложения? Так, если других предложений нет, начнем с Канзаса...»

Нынче все реализовалось с точностью до наоборот.

Зато вот у боевого офицера самой что ни на есть закрытой категории во время отпуска появилась возможность подкалымить в западном полушарии. Вот и подзаработал... Нет, правильно их при совке за бугор не пускали.

– Все, что ты сказал, будет проверено, – заявил китаец. – Если врешь, то лучше признайся сейчас.

Черепанов пожал плечами:

– Проверяйте. В том, что я сказал, ничего секретного нет.

– Он будет жить в шестом блоке, – сказал китаец Сэму по-английски. – Покажешь ему, где столовая.

Глава четырнадцатая Развлечения латиноамериканских мачо

Пронзительный вопль раздался снаружи. Черепанов опустил ложку...

– Ты кушай, русский, – невозмутимо посоветовал Сэм. – Тебя это не касается.

В столовой, приземистом здании на коротких сваях, кроме них, было еще человек десять. Все – мужчины. И никто не обратил внимания на крик.

Черепанов поглядел в окно, затянутое противомоскитной сеткой: на лужайке перед столовой старый индеец чистил котел.

Кричал явно не он.

Еще один вопль.

– А посмотреть я могу? – спросил Геннадий.

– Можешь, – кивнул мулат. – Посмотреть можешь. Но лучше сначала покушай.

«Ешь, когда дают, и спи, когда есть возможность». Старое солдатское правило.

Это происходило за углом. Расчищенная от джунглей лужайка. Яркое солнце. Яркие цветы. Вопли попугаев в зарослях. В куче отбросов под полом «столовой» рылась пега свинья.

А на лужайке развлекались головорезы Ляна.

Туземец, один из тех, кого взяли в поселке, был подвешен к перекладине за ноги. Руки его были свободны, и он изо всех сил пытался защититься от двух усатеньких латиносов, которые тыкали его палками. Туземец снова взвыл, и приятели латиносов разразились одобрительными воплями.

– Такая игра, – пояснил Сэм. – Кто заставит обезьяну подать голос, получает очко.

По животу и груди индейца текла кровь. Один глаз заплыл, щека была разорвана.

Неподалеку, сбившись в кучку, как перепуганные овцы, стояли сородичи подвешенного. Дети, женщины, подростки. Одна девочка плакала, остальные просто смотрели.

– Хочешь сыграть? – спросил Сэм. – У тебя ведь к обезьянам должок?

Черепанов в упор поглядел на мулата.

– Если кто и похож здесь на обезьяну, то это ты, – произнес он по-русски. И добавил уже по-английски: – Нет, не хочу.

– Дело твое.

На полянке появились еще двое. Панчо с приятелем. Деловито направились к пленникам, выдернули из группы девочку лет десяти. Женщину, попытавшуюся им помешать, приятель Панчо ткнул кулаком в лицо. Та упала. Приятеля Панчо это очень развеселило. Панчо что-то громко сказал, обращаясь к остальным пленникам.

Парочка, мучившая подвешенного, на некоторое время прекратила игру, заинтересовались. Ублюдки.

– Он говорит: если кто после его удара устоит на ногах, может быть свободен, – перевел Сэм. – Он шутник, наш Панчо! – добавил мулат, ухмыльнувшись.

Тут девочка, о которой на время забыли, сорвалась с места и бросилась к Черепанову.

Упала на коленки, обхватила ноги Геннадия и быстро-быстро заговорила. В ее черных и блестящих антрацитовых глазах плескался ужас.

Хрупкие смуглые плечи, толстые черные косы с вплетенными яркими перьями, в вырезе платья, между чуть обозначившихся грудей – дурацкая китайская игрушка на красном шнурке. Запах юной, нагретой солнцем кожи... Запах не женщины – ребенка...

– Что она говорит? – спросил Черепанов, хотя и так было ясно, о чем она говорит.

– Прогони ее, – велел Сэм. – Быстро!

А к ним уже двигался Панчо.

Головорез был намного выше Черепанова и так же широк в плечах. Он наклонился, намереваясь отцепить девочку от ног Геннадия.

– Не тронь ее! – четко произнес летчик по-английски.

Панчо медленно выпрямился, поглядел на Черепанова сверху вниз. Ослабился.

– Что, русский, любишь маленьких сучек? – перевел Сэм. – Они пока не про тебя. Ты еще не заработал. А если свербит, можешь трахнуть вот ее! – Меченый махнул в сторону свиньи, рывшейся в отбросах. – Хочешь?

– Или тебя, – холодно произнес Геннадий. – Не вижу разницы между тобой и свиньей.

Не стоило это говорить, но Черепанов ничего не мог с собой поделать.

Сэм запнулся...

– Что он сказал? – потребовал по-испански Панчо.

– Переведи ему, Сэм!

Мулат перевел. Очевидно, перевод был точен, потому что Панчо тут же перестал ухмыляться.

– Посмотри на это, русский? – В руке латиноса был здоровенный автоматический пистолет. «Ингрэм», кажется. – А теперь туда! – Панчо выбросил руку, грянул выстрел, и подстреленный попугай тяжело плюхнулся на землю. Пуля напрочь снесла его голову.

– Хочешь попробовать? – Пистолет уже глядел в переносицу Черепанова.

«Не „ингрэм“, – подумал Геннадий. – „Ингрэм“ одиночными не стреляет. И откидного приклада нет».

– Панчо, нет! – выкрикнул Сэм. – Не спорь с ним, летчик! Он дурной, он выстрелит! – Мулат был по-настоящему испуган. Он нес за Черепанова личную ответственность перед Ляном.

Геннадий на пистолет не смотрел. Он смотрел прямо в глаза меченого.

– Отпусти меня, детка, – сказал он по-русски и погладил юную индианку по гладким

волосам.

Девочка поняла. Разжала руки, встала. Ее черная макушка не доставала даже до нагрудного кармана Панчо. Совсем крошка...

Головорез снова осклабился, начал опускать оружие, открыл рот, чтобы что-то сказать...

Черепанов выбросил вперед руку...

Панчо тут же нажал на спуск. Пистолет был направлен в живот Геннадия, но выстрела не произошло, потому что по ту сторону спускового крючка, между ним и скобой оказался палец Геннадия.

В следующее мгновение рука Панчо хрустнула в запястье, а сам он с воплем грохнулся на траву. А его пистолет остался у Геннадия.

Но и на летчика уже было направлено не меньше дюжины стволов. У головорезов Ляна тоже была отменная реакция и солидный опыт.

– Не стрелять! – Из-за угла столовой появился китаец. – Не стрелять! – повторил он по-испански и еще раз по-английски, для Черепанова.

– Что здесь произошло?

Панчо, баюкая сломанную кисть, заговорил яростно. Лян прервал его на половине фразы.

– Сэм?

Мулат зачастил по-испански. Пока он говорил, азиат пристально разглядывал Черепанова. Пистолет в руке Геннадия он игнорировал.

«Коммандос» загалдели, но азиат сказал что-то, даже особенно не повышая голоса. И стало тихо.

– Умеешь драться? – спросил китаец Черепанова. – Хочу проверить, чего ты стоишь, русский. Положи пистолет и покажи мне, на что способен.

– Зачем?

– Затем, что мне этого хочется. А тебе разве – нет?

«Он крут, – подумал Черепанов, вспомнив, как лихо китаец сиганул с четырехметровой высоты. – И наверняка владеет всякими кун-фу, у-шу. Но ведь и мы не лыком шиты. И весу во мне килограммов на пять больше... И терять мне нечего опять-таки, а вот я ему, похоже, нужен». Черт возьми! Разве не было у него самого желания накостылять самоуверенному азиату?

Черепанов поставил пистолет (австрийский, надо же!) на предохранитель и бросил на траву.

– Давай, – сказал он. – Попробуем...

Головорезы тут же подались в стороны. Загалдели, но уже скорее одобрительно, чем осуждающе.

«Мужики везде одинаковы, – подумал Черепанов. – Хлебом не корми, дай на хорошую драку поглазеть. Даже если понимают, что не в игрушки играем».

Он скинул шлепанцы – босиком надежнее, потер ладони, шеей подвигал, подышал...

Китаец ждал. Предоставлял гостю право первого броска. Ну что ж...

В быстроте с Геннадием мало кто мог конкурировать. Азиат только и успел, что чуток назад податься, а уже оказался в захвате. И сразу – бросок. Жалобно затрещала рубаша китаец, скрученная черепановскими пальцами. Почва ушла из-под ног китаец. Правда, он ухитрился вцепиться обеими руками за каменное предплечье Черепанова, а тот уже послал противника резко и мощно – вверх и назад...

И тут что-то произошло. Бросок был уже сделан, Лян был уже в воздухе, но пальцы Геннадия, подхватившие китаец под ремень, почему-то сами по себе разжались. И упал азиат совсем не так, как должен был упасть – плотно припечатанный о землю, а боком. При этом вывернулся и ухитрился чуть ли не на ноги сразу встать. Но его рубаша была все еще в захвате, и Геннадий рванул его на себя, собираясь перехватить второй рукой... Но второй, левой руки у него не было. То есть она была, но почему-то висела плетью и отказывалась

повиноваться. А китаец легко, необычайно легко подался навстречу...

На этот раз Черепанов успел понять, что произошло. Вернее, почувствовать, как мягкая, почти нежная рука Ляна скользнула по его руке, от запястья вверх, а потом пальцы китайца как-то проникли между черепановских мышц, уже у локтевого сгиба, и правая рука Геннадия отнялась так же, как и левая. Миг спустя дикая боль, словно удар тока, проскочила между онемевшими руками Черепанова. У Геннадия как будто сердце остановилось. Наверное, он закричал. Если этот вибрирующий вой можно назвать криком. В следующий момент китаец резко хлопнул летчика ладонью точно в центр груди. И Черепанов отключился.

Отключился и не слышал, как восторженно заревели «коммандос». И не увидел, как Лян поднял руку, призывая к молчанию. Кивнул на лежащего Черепанова:

– Летчика отнесите в блок. Аккуратно. – Затем азиат указал на Панчо. – Ему – десять плетей и в лазарет.

Подручные зароптали было, но холодный, равнодушный, как у ящерицы, взгляд раскосых глаз прошелся по лицам – и ропот увял.

– Этого, – кивок на подвешенного, – кончайте. Остальных – к делу. Мне нужны рабочие руки, а не харч для кондоров. Можете взять пяток баб – на всех. А эту, – жест в сторону девочки, которая опрометчиво понадеялась на защиту Геннадия, – эту – мне. Выполнять!

Китаец повернулся и неторопливо двинулся прочь. А его подчиненные, не мешкая, принялись выполнять приказ. Точно и быстро.

Правда, те, кто тащил Геннадия, не удержались и уже внутри попинали бесчувственное тело. Но аккуратно попинали. Без членовредительства. Они знали своего командира. Только очень хорошие деньги могли удержать этих людей рядом с таким чудовищем. С другой стороны, деньги действительно были очень хорошие, а чудовище крайне редко убивало своих ради развлечения.

Глава пятнадцатая Китайское предложение и последствия «утонченных» развлечений настоящих китайских мужчин

– Это хороший самолет, – сказал Лян. – Маленький, но быстрый. Слетаешь в Мексику и обратно.

– А потом? – спросил Геннадий.

– А потом получишь деньги. Десять тысяч долларов.

– Неслабо. – Черепанов сделал вид, будто сумма его заинтересовала. На самом деле он ни минуты не сомневался, что никаких денег не будет. Его используют, а потом убьют. – А что мы повезем?

Китаец сделал вид, словно не услышал вопроса.

– За каждый рейс будешь получать десять тысяч. Наличными или на кредитку. Как предпочитаешь?

– Наличными.

– Хорошо.

– Маршрут?

– Узнаешь перед вылетом.

– Трудности?

– Какие трудности?

– Если за два вылета платят десять тысяч баксов, значит, должны быть трудности.

– Единственная трудность, русский, в том, что это должен быть беспосадочный рейс. Даже если кто-то захочет, чтобы ты сел. Но я знаю, что ты хороший летчик. Я узнавал о тебе. Ты справишься.

– Справлюсь. Если нас не собьют и хватит горючего.

– Так и будет.

– Мне бы хотелось попробовать машину.
– Попробуешь в полете. Мои мальчики тебя больше не обижают?
– Меня трудно обидеть.
– Трудно, но можно. Ты здесь чужой. Никто.
– Но тебе я нужен, верно?
– Да, русский. Мне ты нужен. Мой пилот совсем никудышный. В этой стране очень трудно найти хороших пилотов. В этом тебе повезло. И в том, что я послал Сэма договориться насчет рабочих именно в это селение.
– Может, мне и повезло, но не этим индейцам.
– Думаешь, я жестокий человек? – спросил китаец.
– А разве нет?
– Ты ошибаешься. Я не жестокий, я мудрый. Мудрый не жесток и не добр. Я управляю. Жизнь или смерть не имеет значения. Здесь, в горах, живут очень жестокие люди, русский. Они не позволили бы мне делать мое дело, если бы не ощущали, что я – их господин. Вот моим мальчикам нравится быть жестокими. Я специально подбирал таких. Потому что в них живет страх. А я управляю их страхом. Вот в тебе страха нет. Ты очень храбрый человек, русский. Вы, русские, все такие: храбрые и глупые. Вас тоже хорошо использовать.

Черепанов промолчал.

Эта косоглазая сволочь была права. Его использовали. Как повод, чтобы расправиться с индейцами. Как вещь – чтобы показать «бойз», насколько крут их хозяин.

Черепанов подозревал, что Лян умело спровоцировал его, еще когда они садились в вертолет. Заронил в Черепанове желание проверить, кто из них сильнее. Но приемчики у него что надо. Геннадий охотно поучился бы таким.

– Хочешь что-то спросить?

– Хочу, – сказал Черепанов. – Покажи, как ты это делаешь?

Китаец понял, о чем идет речь, качнул круглой головой.

– Нельзя, русский. Это тайна моей семьи. Если я открою ее – умру. И ты тоже умрешь.

Похоже, он не шутил.

– Жаль.

– Хочешь выпить?

– Нет, спасибо. Когда вылет?

– Торопишься? Это хорошо. Вылет – завтра.

Черепанов удивился. Но кивнул. Завтра, так завтра.

– Иди, – сказал Лян. – Отдыхай. Собирай вещи.

Шутка.

Этот чертов китаец начинал нравиться Геннадию.

Черепанову всегда нравились сильные противники. Даже если не удавалось их победить, все равно. Даже после проигрыша оставалось замечательное ощущение достойного поединка.

Черепанов вышел из «командирского» блока. Постоял, наблюдая, как мечутся среди ветвей длиннохвостые обезьянки.

Упругий ветерок был вкусен, как бывает только в горах. Черепанов вдохнул полной грудью. И тут ветер переменился... И принес запах тлена. Вернее даже не тлена, а смерти. Крови и нечистот. Совсем слабый запах, но у Черепанова острое обоняние.

Она лежала на земле, у опорной сваи, накрытая куском грязного брезента. Узнать ее было невозможно. Не потому, что лицо ее было изуродовано, нет. Просто это было уже не ее лицо. Не хотелось даже думать о том, какой смертью она должна была умереть, чтобы лицо стало таким.

И тем не менее Геннадий ее узнал. По кукле, длинноносому китайскому уродцу-«буратино» на тонком красном шнурке.

Черепанов не помнил, сколько он так простоял, – глядя на мертвую индейскую девочку. Может, полминуты, может, четверть часа. Его безукоризненное ощущение времени

внезапно отключилось. Особое состояние мгновенного постижения сути мира. И осознание своего места в нем. Осознание того, почему он, Геннадий Черепанов, находится здесь. Почему и зачем.

Понимание пришло и ушло, оставив внутри ощущение предназначения, силы, которую невозможно ни отбросить, ни одолеть. Геннадий наклонился, разорвал тонкий красный шнурок, сунул игрушку в карман и снова накрыл тело брезентом.

...И услышал доносящийся из окна голос Ляна.

Голоса его собеседника не было слышно. Очевидно, китаец разговаривал по спутниковому телефону.

– Да, – говорил он. – Да. Вам не следует беспокоиться. Мне пришлось избавиться от того пилота... Да, у меня есть другой. Доставит продукт вам. Но обратный рейс должен сделать уже ваш пилот... Избавьтесь от него. Нет, он хороший пилот, но его невозможно контролировать... Да... Да... Завтра ближе к вечеру. Конец связи.

Черепанов мрачно улыбнулся и двинулся прочь от «командирского» блока.

Ночью Черепанов долго лежал без сна. Не потому, что снаружи орала и вопила всякая фауна. И не потому, что – бессонница. Уж чего-чего, а бессонницы у Черепанова сроду не было. Просто не хотелось спать. И было о чем подумать. Все-таки не каждый день ощущаешь прикосновение высших сил. В сравнении с этим все остальное: катастрофа, индейцы, угроза смерти – казалось чем-то вроде декораций в театре. Декорации ведь не определяют спектакля. Это спектакль определяет декорации. Но было и нечто, не подлежащее замене. Например, лицо мертвой индейской девочки. И непередаваемое чувство предназначения. Казалось бы, если ты знаешь, что должен сделать, это лишает тебя свободы. Но на самом деле именно в этом была истинная свобода. Геннадий мог все. Например, он мог сейчас встать и уйти в сельву. И никто не смог бы ему помешать. Но Черепанов не уходил. Зачем? Мир и так принадлежал ему. Нечто подобное Геннадий не раз испытывал в небе. Когда внизу, под упругими крыльями его машины со скоростью двух тысяч километров в час прокручивалась поверхность земного шарика. Но то было в небе, где истинная мощь определялась не мускулатурой летчика, а огненными смерчами турбореактивных двигателей и смертоносными сигарами ракет на консолях крыльев. То было в небе. На земле же Черепанов раньше никогда не испытывал ничего подобного. Это было здорово. Потрясающе. Утром...

Глава шестнадцатая Еще одна авиакатастрофа

Утром Геннадий вновь проснулся обычным человеком. Пережитое вчера казалось чем-то вроде сна. Не более.

Черепанов встал, умылся, сходил в столовую. Коренные обитатели лагеря не замечали его. Похоже, самоуверенный Лян даже не приставил сторожа. И Сэм куда-то подевался. И индейцев куда-то увели. В лагере осталось человек тридцать «коммандос» и всякая обслуга.

Черепанов не стал разгуливать по лагерю. Вернулся в отведенную ему комнату, достал из кармана «буратино», сжал в кулаке... И ощущение внутренней силы вернулось. Самовнушение?

Геннадию не предоставили времени, чтобы обдумать это. За ним пришли.

Панчо и его приятель. Кисть Панчо была упакована в куколь из бинтов. Кобура перекочевала с правого бедра на левое.

Они принесли Черепанову комбинезон и ботинки. Это правильно. Шлепанцы – не самая лучшая обувь для пилотирования.

– Поднимайся, летчик. Одевайся. Пойдем.

Самолетик оказался французской работы. Но ничего особенно сложного. Стандартный комплект приборов, стандартная система управления. Зато под крыльями были установлены дополнительные баки с горючим.

К полету его уже подготовили. В салоне между креслами стояло несколько ящиков без

маркировки. Очевидно, весь груз. Наркотики?

Передать Черепанову самолет поручили вертолетчику. Его английского хватило, чтобы отвечать на простейшие вопросы. Впрочем, у Геннадия сложилось ощущение, что он имеет дело не с профессиональным пилотом, а с любителем-самоучкой. Но самолет был подготовлен нормально, и вроде бы все работало. Вертолетчик передал Черепанову комплект карт. Геннадий убедился, что маршрут проложен грамотно. Лететь предстояло действительно в Мексику. По большей части – над океаном. Вне государственных воздушных пространств. Общая протяженность маршрута составляла около тысячи километров. Вполне реально для этой модели даже без дополнительного запаса горючего. Черепанов еще не знал точно, как построит полет, но уже знал, что до Мексики не долетит. Какой смысл лететь туда, где от тебя собираются избавиться?

Напоследок он спросил пилота, показывая на ящики:

– Драге? Наркотики?

Тот мотнул головой.

– А что?

– Не твое дело.

Пришел Лян.

– Как настроение, русский? Нормально? Молодец! Слетаешь туда и назад, получишь десять кусков. И я, может быть, покажу тебе кое-что... Из семейных приемов. Хочешь?

Геннадий изобразил живейший интерес.

Лян уже вычеркнул Черепанова из списка живых.

«Ну-ну, помечтай», – подумал Геннадий.

С полосы убрали камни. Осталась только коротко остриженная травка. Все-таки винтовые самолеты имеют свои преимущества. Для реактивного зверя полосу пришлось бы удлинить вдвое и вдобавок вылизать дочиста. Мусор, втянутый в воздухозаборники, – это смерть. Помимо Черепанова в самолет загрузились четверо «коммандос» во главе с Панчо. Этот уселся в кресло второго пилота, остальные разместились в салоне.

Геннадий запустил двигатели, проверился – нормально. Вырулил на взлетную, прибавил обороты. Самолетик, подпрыгивая, поскакал по полосе. Чертовы латиносы не выровняли ее как следует. Поворот, закрылки, форсаж, штурвал на себя – машина послушно оторвалась от земли и ушла вверх. После сверхскоростных истребителей – как с мотоцикла на велосипед пересест. Но небо есть небо. И слушался французский самолетик идеально. Черепанов заложил вираж. Потом еще один. Он хотел как следует запомнить местность.

Внизу фигурки в пятнистых куртках опять выкладывали муляж ручья.

Геннадий нырнул вниз и прошел низко-низко, над самыми верхушками, отметив, что при правильном заходе и сборные домики на сваях, и тяжелый вертолет под маскировочными сетками вполне можно засечь. Если заранее знать, где искать.

Панчо сердито рявкнул и махнул в сторону солнца. Давай, мол, на маршрут. Черепанов кивнул и послал машину на восток, к океану.

Реально лететь до берега было минут двадцать-двадцать пять, но Черепанов не торопился. И старался держаться пониже. У него уже сложился примерный план действий, основанный на том, что никто не станет стрелять в пилота, пока самолет не окажется на земле. И еще – на беспечности остальных «коммандос», даже не потрудившихся пристегнуться.

Полет в горах на небольшой высоте имел то преимущество, что из-за постоянной смены направлений непрофессионалу было крайне трудно отследить, насколько точно самолет придерживается маршрута. Даже Панчо, поначалу старательно таращившемуся на мелькающие склоны, через полчаса это дело обрыдло. Задремал орелик. А самолет тем временем продолжал лететь. В общем – в сторону Атлантического океана. Но при этом постепенно забирая все дальше и дальше к югу. Все дальше от предписанной маршрутом Мексики и все ближе к тому месту, откуда несколько дней назад рванулся в воздух сверхскоростной истребитель-перехватчик «МиГ-25».

Когда впереди показался океан, Черепанов отыграл почти четыреста километров. Так что теперь он мог спокойно развернуться и взять курс на север.

Надзиратель Панчо проснулся и заворчал, требуя, чтобы Черепанов взял дальше к морю. Черепанов проигнорировал.

Внизу слева показалась полоска магистрали, пляж – и высотные коробки большого города.

Панчо вытаращил глаза и некоторое время старался осмыслить происходящее. А Черепанов по плавной дуге начал разворачивать самолет влево. Его идея была проста, как грабли. Пока он за штурвалом, никто ему ничего не сделает. А когда он посадит самолет на аэродроме, с которого взлетел четыре дня назад, посмотрим, посмеют ли они его прикончить. И смогут ли... У Геннадия был запасен для головорезов Ляна очень неприятный сюрприз.

Панчо наконец сообразил: происходит нечто незапланированное. И возмущенно заорал. Черепанов проигнорировал. Панчо схватился за телефон. Очевидно, его начальство высказалось достаточно недвусмысленно – Панчо заорал еще громче, и остальные головорезы тоже завопили. Но воплями не ограничились, а повскакивали с кресел и бросились к Черепанову. Это было самое глупое, что они могли сделать. Потому что в следующий миг Геннадий рванул штурвал на себя, и послушное изделие французских авиастроителей вошло в мертвую петлю.

Панчо заревел, как ошпаренный осел, швырнул в Черепанова телефоном и (полный придурок!) вцепился во второй штурвал. Едва не угробил всю компанию. Самолет, оказавшийся под углом девяносто градусов к поверхности океана, «сошел» с дуги, «клюнул» вперед в попытке исполнить фигуру высшего пилотажа, называемую «коброй». Черепанов оную фигуру выполнять умел, поскольку она очень эффективна, когда требуется, скажем, «сбросить с хвоста» прилипшие ракеты противника. Да, Геннадий умел выполнять «кобру», но, исключительно на «СУ-27» или «СУ-35». А вот маленький гражданский самолетик...

Они ухнули в штопор. В салоне раздавались вопли и грохот. Что-то трещало и ломалось. Мир вокруг вертелся и опрокидывался. Ошизевший Панчо, в первые же секунды выпустивший штурвал, изверг содержимое желудка на прозрачный пластик фонаря и больше участвовать в управлении машиной не пытался.

Черепанов же изо всех сил старался выровнять самолет. И в конце концов ему это удалось – на высоте каких-нибудь трехсот-четырехсот метров. Все-таки Геннадий был летчиком экстра-класса. Он справился. И даже позволил себе оглянуться. В салоне царил полный разгром. Трое «коммандос» были качественно обездвижены. Причем один – навсегда: разmozженный череп с понятием «жизнь» несовместим. Что касается других, то с беглого взгляда определить, живы ли они, было затруднительно. Зато причина треска и грохота выяснилась с первого взгляда. Таинственные ящики. Эти уроды не потрудились закрепить их как следует, и во время падения ящики тоже находились в состоянии свободного полета. Внутри салона.

Пахло в кабине премерзко. Дерьмом и блевотиной. Ладно, разберемся. Самолет по-прежнему слушался, и Черепанов, снизив скорость, развернул его в сторону берега. Интересно, как выглядели с земли их кульбиты? Ничего, скоро он это узнает. Когда приземлится.

Брошенный Панчо телефон запищал где-то под ногами. Черепанов исхитрился наклониться и подобрать его. Конечно, он не знал испанского, зато голос узнал без труда.

– Хай! – сказал он. – Хау ду ю ду, чайна бастард? – У Геннадия было как раз подходящее настроение, чтобы поговорить.

Но человек, как говорится, предполагает, а располагает, как известно, уже Судьба.

Очнулся Панчо. Очнулся, поглядел тупо: сначала на приближающийся берег. Потом развернулся и обзрел то, что творилось в салоне. Затем – на Черепанова.

В ошарашенном мозгу громилы-латиноса замкнуло.

Он страшно оскалился и зашарил здоровой рукой, отыскивая кобру. И таки нашел ее.

И достал пистолет и выпалил в пилота. В Геннадия то есть. Промахнулся. Выпалил еще раз. Попал. Куда-то. Штурвал сразу потяжелел, самолет рыскнул. Черепанов выматерился и толкнул штурвал вперед. Самолет нырнул вертикально вниз, ополоумевший стрелок уронил пистолет и повис на ремнях...

В следующий момент увесистый ящик пронесся в полуметре от Черепанова, задел металлическим углом шею Панчо, вспоров ее не хуже топора, обрушился другим углом на пластик фонаря, проломил его и отправился в морскую пучину.

Поток встречного воздуха яростно ударил в лицо Геннадия. Черепанов, щуря слезящиеся глаза, тянул штурвал на себя. Самолет повиновался очень неохотно. Обороты двигателя упали до минимума, а через полминуты он и вовсе заглох. Голубая скатерть океана стремительно приближалась. До берега было не близко: километра три-четыре, но это как раз было хорошо, потому что сажать самолет на песчаный пляж – самоубийство.

Геннадий кое-как выровнял машину, постарался предельно снизить скорость, выпустил закрылки... Черт, может быть, даже удастся удержать самолетик на плаву.

Не удалось. Хвостовая часть чиркнула по поверхности, и пластиковое брюхо самолета с силой ударилось о воду. Черепанова мотнуло так, что затрещали ребра. В глазах потемнело. На миг он лишился сознания, но в следующий момент через пролом фонаря хлынула вода и привела Геннадия в чувство. К счастью, хвостовая часть оказалась тяжелее, и нос самолета задрался. Но качественно сработанная машина еще несколько секунд изображала из себя поплавок, раскачиваясь на длинных океанских волнах. Этого хватило, чтобы Геннадий отстегнулся от кресла и выкарабкался наружу.

Минутой позже, избавившись от ботинок, он взял курс к берегу. Проплыть километр с небольшим – пустяки. Если, конечно, пловцом не заинтересуется какая-нибудь акула.

Глава семнадцатая, в которой летчик-испытатель Геннадий Черепанов возвращает долги и выполняет обещания

Акулы им не заинтересовались. Примерно через час слегка потрепанный, но не побежденный, он выбрался на пляж. От летного комбинезона Геннадий избавился еще в воде и теперь мало отличался от прочей отдыхающей публики. Разве что отменным телосложением и относительно слабым загаром. Впрочем, он сумел сохранить две вещи. Одну – из суеверия, вторую – на всякий случай.

Не мудрствуя, Черепанов направился к первому же полицейскому и объяснил с помощью жестов и условного английского, что он есть русский летчик с ярмарки, который пошел купаться, а вернувшись, не обнаружил ни одежды, ни бумажника.

Геннадию показалось, что эта версия выглядит правдоподобнее настоящей истории.

Полицейский отнесся с пониманием и сопровождал облаченного в мокрые трусы Черепанова в «участок». Там занимались делом: со всем южным темпераментом обсуждали недавнее падение самолета. Узнав, что Геннадий – летчик, местный остряк тут же поинтересовался: не с того ли самолета?

Черепанов изобразил непонимание. И попросил связать его с руководителем русского представительства.

Его желание было выполнено. Почему бы и нет? Вместо руководителя трубку взял один из менеджеров.

– Это я, – сказал Геннадий. – Да, Черепанов. На пляже. Вышлите машину. Черт, откуда я знаю, куда? Выясни у местных. – Он сунул трубку одному из полицейских.

Спустя час за ним прислали машину. За этот час его трижды угостили кофе и поднесли стаканчик текилы. Очень интересовались его профессиональным мнением по поводу рухнувшего самолета. Геннадий отговорился тем, что катастрофы не видел. Нырял. Зато сам выяснил, что никаких значительных следов на месте падения обнаружить не удалось. Так, мелкий мусор.

– Я все-таки не понимаю, как ты оказался на пляже. – Руководитель русского

представительства господин Иванов Михал Михалыч протер платком загорелую лысину.

– Я же говорю: выбрался к побережью, а там рыбаки, – терпеливо пояснил Геннадий. – А до побережья меня подбросили на вертолете. Какие-то местные.

– Какой-то бред!

– Ко мне есть какие-нибудь претензии?

– Да нет, я же сказал: мы нашли обломки и извлекли «черный ящик». Какие к тебе могут быть претензии? Что ты живой, что ли? Как ты себя чувствуешь, кстати?

– Нормально, – Черепанов сдержанно улыбнулся, – отдохнувшим.

– Бред! – Господин Иванов выкинул бумажный платок и достал новый. Сухой. – Триста километров по горам. Отдых, мать твою!

– Меня подбросили, – напомнил Черепанов. – На вертолете. Но сначала я упал в реку и потерял все свои вещи. Поэтому...

– Да хрен с ними, с вещами! Живой и ладно. Летать можешь?

Геннадий улыбнулся. Чутьочку шире:

– Всегда!

– Отлично. Нам как раз нужен летчик твоего профиля. Боливия хочет «МиГ-29» купить. Наземного базирования. Желают поглядеть, каков он в деле. Надо отработать по наземным и по воздушным. Отдельно. Готов?

– Почему нет? – спокойно произнес Геннадий, но внутри у него все перевернулось. – Какая задача?

– Собьешь пару воздушных целей, потом раздолбаешь старую баржу. Ничего особенного.

– Баржу? – Черепанов изобразил сомнение. – Не слишком эффектно.

– А что ты предлагаешь?

– Я бы по наземным целям отработал. По площадям. На реальной местности. Куда эффективнее выйдет.

– Угу. И кого же ты бомбить собираешься? – саркастически поинтересовался господин Иванов, человек сугубо штатский, зато с серьезными политическими связями.

– Там, где я недавно... гулял, полно совершенно пустых ущелий, – сказал Черепанов. – Никого, кроме попугаев. Парочку я точно запомнил. С воздуха узнаю легко. Договоритесь?

– Хм-м... Можно попробовать. Говоришь, эффективнее выйдет?

– Еще как! Море огня!

– Ладно, попробую договориться. Молодец, майор! Иди, отдыхай.

Иванов договорился. Легко. Как он потом сказал Черепанову, местный чиновник из департамента территорий, не моргнув, принял «барашка» и выдал разрешение. На осторожный вопрос, не окажется ли на данных территориях местных жителей, махнул рукой и сказал, что если русские угробят десяток-другой дикарей, так страна от этого только выиграет. От этих горцев одно беспокойство.

Ярмарка закончилась. Катастрофа, постигшая самолет Черепанова, неожиданным образом сыграла в плюс. Поскольку повсеместно было заявлено, что имела место диверсия, но несмотря на печальные обстоятельства, пилот остался в живых. Вот, значит, какие у нас надежные машины. Заинтересованная публика приходила посмотреть на живучего пилота. А какой-то недоброжелатель заменил пластиковый коврик в ванной номера Черепанова на металлизированный, заземленный через водопроводную трубу. И дабы ни у кого не оставалось сомнений насчет цели этого акта, к ванне посредством провода с «крокодильчиком» было подведено напряжение. Электрик-энтузиаст даже позаботился, чтобы русский пилот не мучился. Напряжение было подано не прямо из сети (127 вольт), а через трансформатор (2000 вольт). К сожалению, русский пилот оказался излишне наблюдателен и вдобавок знал, как выглядит специальная токопроводящая ткань.

Случай не стал достоянием гласности, зато служба безопасности господина Иванова взяла Геннадия под особую опеку. Ненадолго, потому что отлет группы намечался через два дня – сразу после того как Черепанов продемонстрирует возможности русской военной

техники.

На этот раз все проверили качественно. И Черепанов мог быть стопроцентно уверен: со стороны машины проблем не будет. Какие проблемы, господа? Немного пострелять, слетать отбомбиться, записать все на видео – и домой.

Разнести пару радиоуправляемых «этажерок» – сущие пустяки. «РП-29»¹⁸, способный осуществлять поиск и сопровождение на проходе до десяти воздушных целей в любых метеоусловиях, в свободном пространстве или на фоне земли, с дальностью захвата порядка 70 км, был предназначен для серьезных противников, а не для престарелых распыскивателей гербицидов.

Черепанов обозначил курс и позволил автоматике поиграть в пилотирование. Сам же достал небольшой черный предмет, запааянный в гибкий пластик, и нажал на кнопку.

Три дня назад он имел возможность убедиться, что живучесть японской техники ничуть не уступает живучести русских пилотов и намного превосходит живучесть южноамериканских «коммандос». Хозяин спутникового телефона Панчо уже несколько дней грелся в аду, а его «труба» превосходно функционировала. И отлично помнила последний набранный номер.

– Привет, китайский ублюдок! Узнаешь меня?

– Да, русский. Я тебя узнал. Зря ты смеешься, русский. Ты – мертвец. Ты от меня не спрячешься. Я найду тебя везде. И в твоей России. Я найду...

– Искать меня? – перебил Геннадий. – Не надо меня искать, дерьмо обезьянье! Я уже иду к тебе!

– Ты? – По тону чувствовалось: удивил Черепанов Ляна. Не на шутку удивил. – Идешь ко мне!

– Угу! Жди, ублюдок! Я скоро буду у тебя!

– Да ну? – не поверил глазастый. И зря. – Неужели? И когда тебя ждать, русский?

– Да прямо сейчас! – Черепанов сунул трубку в зажим, включил видеокамеры и взял управление на себя.

– Слишком низкий заход на посадку! – строгим женским голосом сообщила Черепанову речевая система оповещения.

– Отстань! – бросил Черепанов. – Я здесь уже сажусь. Хватит.

Серебристая птица вынырнула из-за гребня, опередив даже рев собственных турбин. Две маленькие сигарки соскользнули с консолей и нырнули вниз. Секундой позже к земле устремились контейнеры.

Серебристая птица задрала изогнутый клюв и свечой ушла в небо. Чуть раньше, чем яростное пламя до краев наполнило полукилометровую горную впадину с качественной имитацией ручья посередине.

– Впечатляет, – сказал боливийский полковник, после того как видеомэгнитофон прокрутил последние кадры. – И какова вероятность, что после такой обработки кто-то останется в живых? – Он посмотрел на Иванова, а тот, в свою очередь, – на Черепанова.

– Вероятность такая существует, – кивнул Геннадий. – Если на данных площадях имеются серьезные оборонительные сооружения.

– А если нет?

Черепанов улыбнулся.

– Пепел – хорошее удобрение, – сказал он. – Но трава на этом месте еще долго не вырастет.

– Понимаю, – произнес полковник. – Пожалуй, я убедился, что ваш самолет подходит для наших целей. Мы его покупаем.

На следующее утро Геннадий опять был в небе. Но уже в качестве пассажира. В одном кармане его легкой куртки лежала новая кредитка с солидной суммой (оплата плюс

¹⁸ РП-29 – радиолокатор, разработанный специально для этой модели.

премиальные), в другой – дешевая китайская игрушка с длинным облупившимся носом. Спроси сейчас Черепанова: какой из двух предметов для него важнее, он затруднился бы ответить.

Да, и еще одно. Вернувшись в Москву, Черепанов позвонил одному из своих старых приятелей-вольников, серьезно занимавшемуся восточными техниками, и напросился в гости.

– Хм-м, – пробормотал тот, когда Геннадий описал ему фокусы покойника Ляна. – Похоже на циньна...

– Это еще что за хрень?

– Одна из техник у-шу. Относительно свежая, и сотни лет не наберется. Циньна-гэдоу. Эффективная вещь. Захваты, броски, болевые. Точечная техника, техника разделения мышц, перекрытия вен и дыхания. Работа с оружием и без оружия.

В Китае по этой технике спецназ готовят и эфэсбэ ихнее.

– Что серьезная, это я уже понял. Слушай, я бы этой штуке поучился.

– Да ну? – Приятель усмехнулся. – Я бы тоже. Только вот у кого? Мастеров такого уровня, какой ты описывал, в Москве точно нет. Да и в Союзе тоже. Тьфу! В ЭсЭнГэ. Я бы знал. Слушай, а твой этот... Не согласится?

Черепанов покачал головой:

– Он не сможет.

Это уж точно. Это только в сказках покойники консультируют живых по вопросам единоборства.

– Жалко. Слушай, а зачем тебе это надо? Ты же из спорта еще в восьмидесятом ушел. Или нет?

– Ушел, – согласился Черепанов. – Я не для спорта. Для себя.

– М-м-м... – Приятель подумал немного, потом предложил: – Слушай, есть у меня один мужик. Вполне конкретный. Хапкидо тренирует. Хапкидо, конечно, свои дефекты имеет... – Приятель почесал могучий загривок.

– Например?

– Специфическая вещь. Не так, конечно, как таэквондо, но все-таки...

– Да говори ты толком! – не выдержал Черепанов.

– Понимаешь, это же не современные техники. Там половина приемов на работу против всадника поставлена. Вот и прикинь: на кой хрен нам с тобой работа против всадника? Ментов конных на парадах из седел вышибать? – Приятель засмеялся. – А вообще-то какая тебе разница, если для себя?

А мужик этот реально у желтых обучался. И помимо хапкидо, еще всякого-разного в свой курс напихал. Короче, исключительно прикладная техника. – Приятель подмигнул. – Раз приложишь – и крездец. По-нашему, в общем. У тебя как с деньгами? Двести баксов в месяц найдется?

– Если дело того стоит...

– Двести баксов – это если скажешь, что от меня. А так – пять сотен. Сходишь, посмотришь – сам и решишь: стоит или нет. Пиши адресок...

Черепанов так и сделал. И решил: стоит. И правильно решил. Это часто так бывает: кажется что-то – не нужно. А оказывается – очень кстати. Как, например, приемы, ориентированные против всадника, в нынешней черепановской ситуации могут оказаться необычайно полезны.

Глава восемнадцатая, в которой рассказывается о военной карьере командующего римской придунайской армией легата Максимиана по прозвищу Фракиец

– Мальчишкой он пастухом был, – рассказывал Плавт. – А потом в конную стражу

пошел. Это у них во Фракии вроде как вместо вигиллов ¹⁹ . Думаю, годков через десять его бы и эдилом ²⁰ избрали. Он уже тогда здоровенный малый был. И храбрый. Разбойников в тех краях сразу поубавилось, потому что хоть и молод он был, мой легат, да уже тогда хитер и на ловушки всякие и засады – большой мастак. К тому же с преступниками не церемонился: сразу – на крест. Или еще какую казнь придумает, пострашнее. Ему за это многие пеняли: дескать, не должен мальчишка, хоть бы и огромного роста и силы, сам правосудие вершить. Пеняли, но помешать не смели. Понимали: если отметили боги человека геркулесовой силой и красотой, да еще умом пожаловали, значит, не простой это человек. После, когда он возвысился, даже слух пошел, что не человек его отцом был, а сам Марс или даже Юпитер. Сам-то он против этих слухов не возражал, да только вранье это. Я, Геннадий, его отца видел. Тоже великан, каких поискать. Но что отметили его боги – это точно. Потому что устроилось так, что прибыл тогда во Фракию сам Август, император Септимий Север . И вышло так, что устроил он в честь дня рождения сына своего Геты военные игры. И на играх тех Максимин отличился. Пробился к самому императору и потребовал, чтобы дали ему разрешение состязаться с настоящими воинами. Септимий, восхищенный его дерзостью, ростом и красотой, разрешение дал. Хотя и видел, что варвар перед ним. Максимин тогда и по-латыни с трудом говорил, больше – на фракийском наречии.

Правда, не с лучшими воинами разрешил ему бороться император, а с обслугой лагерной, обозниками. Но из тех Август лично выбрал самых сильных. А когда Максимин побил шестнадцать противников без передышки и получил шестнадцать наград, приказал император записать его в лучший из своих легионов. Вот так вот. В кавалерию.

И так случилось, что на третий день после этого император выехал в поле, на учения поглядеть, и увидел, как Максимин по-варварски вперед из рядов выехал да воинов из противного строя в стороны расшвырял.

Велел тогда трибуну император, чтобы призвал новобранца к порядку и дисциплине научил.

А Максимин, услышав, что о нем говорят, пробился к императору, спешился и встал у стремени его... – Гонорий усмехнулся. – Мой легат и в юном возрасте был о себе столь высокого мнения, что возомнил себя лично отмеченным вниманием императора. Но Септимию Северу нравилась дерзость в молодых. И решил он испытать фракийца. Пустил коня рысью и велел новобранцу бежать за ним, да не отставать. А конь у императора, ясное дело, был хорош. Да и сам Август был кавалеристом отменным: и сворачивать умел на всем скаку, и в сторону коня бросать, и маневрировать по-всякому. Но фракиец оказался настолько ловок и вынослив, что не отставал и держался, пока сам император не утомился, ведь уже не молод он был в те времена.

И сказал тогда Септимий Север: «Помнишь, фракиец, желал ты помериться силой с лучшими воинами? Готов ли ты бороться – или устал?»

«Бороться – это сколько угодно, император!» – ответил ему Максимин.

И тогда поставил его Август против самых сильных своих преторианцев, вдобавок ничуть не утомленных. И семерых подряд победил Максимин по своему обыкновению, без передышки. Правда, – тут Плавт опять усмехнулся, – победил их не потому, что был умелым борцом, а потому что силу имел медвежью, а ловок и быстр при этом был как горностай. Но победил честно и получил за то большую награду серебром. И отдельно в подарок от Северина – золотую шейную цепь, которую и по сей день с большой гордостью носит. Вот тогда и оценил его император по-настоящему. И понял, что верен будет ему Фракиец, и

¹⁹ Вигилы – римский вариант полиции.

²⁰ Эдил – выборная должность, вроде полицеймейстера. Эдилов было два. Они следили за порядком, за общественными зданиями, правильностью мер и весов.

только ему. Потому зачислил его в личную гвардию, и велено ему было стоять в дворцовых караулах. И стал Максимин самым юным из преторианцев. Самым юным, но на голову выше любого из императорской гвардии. Император души в нем не чаял. Велел ваять с него статую Марса. Да он и впрямь был – словно бог войны, столь же красив, сколь и могуч. Истинный Мит... Марс!

Плавт умолк и подбросил дров в огонь.

– А когда ты с ним встретился, – там, во Фракии? – спросил подполковник.

– Да, во Фракии, но позже. Когда император Антонин Каракалл, сын Септимия, воевал с германцами. Максимин был тогда кентурионом первой когорты, как я сейчас. А я – мальчишкой. Но я хорошо показал себя с германцами, – с гордостью заявил Гонорий. – Но Максимин заметил меня позже, в Парфии. Я тогда уже был опционом и получил венок за взятие крепостной стены ²¹. Максимин – великий человек. Жаль, при нынешнем Августе славы не добудешь. Вот мы в Мидии как славно повоевали, а что проку? – Тут кентурион вздохнул и добавил: – Но и то правда, что Александр – не Септимий. И у матери Августа власти больше, чем у него.

– Прости невежественного варвара, но позволено мне будет узнать: кто у вас нынче император? – осведомился Черепанов. – И кто его мать?

– Александр Север, – ответил римлянин. – Мать его – внучка Септимия Севера.

– А-а-а...

– Это была его идея – договариваться с варварами, – мрачно произнес Гонорий. – Его и его матери. Максимин был против. Варваров надо бить, а не улещивать. Не послов к ним слать, а легионы. К воронам! – Кентурион сжал покрытые ссадинами кулаки. – Вбить их в землю по пояс! Сжечь их поганые поселки! Мужчин – на кресты! Баб и их щенят – на рынки! Только так, Череп! Только так!

– Не уверен. – Геннадий покачал головой. —

В моей стране говорят: война – результат плохой дипломатии. Хороший посол может сделать больше, чем сильное войско. Если твой император послал к варварам хорошего посла...

– Он велел подобрать посла Максимину. И тот подобрал отличного посла! – На лице Гонория появилась кривая усмешка. – Превосходного посла, лучше не бывает!

– Ты уверен?

– Абсолютно. Мой легат послал к ним меня!

Глава девятнадцатая, в которой Гонорий Плавт Аптус делится воспоминаниями о своей не слишком удачной дипломатической деятельности

– Скажи ему, раб! Скажи, что величайший император Рима дает ему ровно три дня. Если через три дня его сброд не отойдет от реки на тридцать миль, то пусть пеняет на себя!

Толмач перевел. При этом так лебезил и шепелявил, словно наглый варвар был его хозяином.

А варвар – борода веником, патлы до пояса, вся рожа в синих разводах татуировок – сидел на подушках напротив Гонория и скалил белые зубы.

У проклятого гета – не меньше двух тысяч копий. И вдвое против того – у его союзников. Раньше тут сидели квады ²². Тоже не подарок. Но квадов били и Аврелий, и

²¹ Венки в римской наградной системе заменяли современные ордена. Венки давались за взятие крепостных стен и укреплений, за захват вражеского корабля, спасение товарища. Существовали венки триумфаторов и венки, которые давались солдатами своему полководцу, который вывел их из опасного положения, и т. д.

²² Квады – германское племя.

Аврелиан ²³ . Проклятые геты вышибли квадов еще дальше на север, а сами...

Варвар открыл рот и заговорил. Его хриплый высокий голос резал слух.

– Мы ничего не имеем дурного против Рима, – перевел толмач. – Наоборот, мы готовы поселиться на этих землях и позаботиться, чтобы никто злой и недобрый не перебрался через реку – обижать незащищенных римских землепашцев. Но Рим должен поддержать своих друзей.

– На какую же поддержку рассчитывает рикс? – желчно осведомился Гонорий.

– Разве доблестный римлянин не знает? – удивился варвар. – Разве Рим не платил дань тем, кто сидел на этих землях прежде нас? Ваш император должен быть рад, что теперь у его границ будут сидеть более доблестные воины.

– Доблестные, ха! – фыркнул Гонорий. —

С чего ты взял?

– С того, что их жены теперь греют наши постели, ты, пес! – рявкнул варвар, вскакивая.

Бледный толмач перевел, стараясь смягчить сказанное.

Сила была на стороне варвара. У него тысячи воинов, а у Гонория – всего лишь два десятка легионеров. Но это там, за кожаными стенами шатра. А здесь их только двое. Толмач не в счет. И не станет Гонорий Плавт Аптус праздновать труса перед каким-то дикарем! Но с другой стороны, разве не просил его Максимин быть дипломатичней?

– Сядь, – бросил Плавт. – Допустим, ты прав. Чего ты хочешь?

– Золота! – прорычал варвар, вновь опускаясь на подушки. – Столько золота, сколько вы платили тем, кого мы выкинули отсюда!

– Не выйдет, – покачал головой Гонорий. – Разве что ты со своими воинами станешь воевать за Великий Рим.

– О да! – заявил рикс. – Я готов воевать. Ни один враг Рима не пройдет через мои земли без моего позволения.

«Ах ты татуированная обезьяна! – подумал Плавт. – И сколько ты собираешься содрать с наших врагов за разрешение пройти через твои земли?»

Впрочем, ничего удивительного. Гонорий знал: это обычная практика. Варвары не помнят добра.

У них нет законов. И предают они так же естественно, как дышат. К счастью, друг друга они тоже постоянно предают. А там, где нет законов, порядка тоже нет.

«Я посылаю тебя, – сказал Гонорию Максимин, – тебя, а не хитрожопого чиновника, потому что ты – воин. У тебя на лбу написано, что ты воин. Эти волки не терпят собак, – но уважают других волков. Ты будешь говорить с их риксом как равный. Не раздражай его сверх меры: они дикари и мало уважают право посольской неприкосновенности. Ты можешь вернуться ни с чем, но я хочу, чтобы ты вернулся».

– Рим даст тебе золото, – сказал Плавт. – Но ты дашь Риму воинов. Как давали их квады. Границы империи велики. Твои люди будут биться с врагами Рима там, куда направит их император. Если они так храбры, как ты говоришь, то добудут себе вдоволь славы и богатства.

– Конечно, они храбры, – заявил рикс. – Но если они уйдут, кто защитит наши земли?

– Их защитит страх перед вашей доблестью, – парировал Плавт. – И если потребуется – сила Великого Рима.

– Она не защитила квадов! – отрезал варвар. – Что еще велел тебе передать император?

– Это все. Он будет ждать моего возвращения с твоим ответом. Каков он будет?

– Не сейчас. – Рикс поднялся. Он был довольно высок, но все-таки намного-намного ниже ростом, чем Максимин Фракиец. – Ты узнаешь мой ответ позже. Иди, римлянин. Я распорядился, чтобы тебя и твоих людей устроили как подобает.

²³ Римские императоры. Марк Аврелий пятнадцать лет (с 165 по 185 г. от Р. Х.) воевал с макроманнами и их союзниками квадами, император Аврелиан разбил их в 270 г.

Их устроили с почетом. Принесли вдоволь еды и даже нормального вина, а не горького пива, которое пинтами высасывали эти варвары.

Плавту даже предоставили девку на ночь, но утром...

Утром, едва он вышел из шатра, чтобы облегчиться, на него накинули ловчую сеть. Как на дикого зверя.

Позднее Гонорий оценил хитрость лохматого рикса. Попробуй они взять его иначе, это стоило бы гетам крови. А к крови у варваров серьезное отношение. Какой-нибудь родич вшивого дикаря, напоровшегося на меч Плавта, на законном основании мог потребовать смерти римлянина. А хитрый рикс вовсе не хотел его убивать. «Нехорошо убивать послов» – так он сказал и посадил кентуриона в клетку. А клетку велел увезти на север. Подальше.

«Твой император получит ответ, – пообещал рикс. – Только не из твоих уст, а с жал наших копий. А за тебя, думаю, твои родичи дадут неплохой выкуп».

Тут он ошибался. У старшего кентуриона не было богатых родичей. Но Плавт не сомневался, что Максимин заплатит за своего посла. Или сначала заставит заплатить Августа. Золотом. А потом заплатит гетам сам – железом.

Эта мысль утешала кентуриона, когда неторопливые волы тащили повозку с клеткой по скверным варварским дорогам. Если такое можно назвать дорогами. Еще Плавт думал о том, что стало с его людьми. Живы ли? Или их души уже в подземном мире?

По поводу внезапного нападения дикарей на имперские земли Гонорий не особенно беспокоился. Максимин знал, что варварское войско – по эту сторону Данубия. А Максимин похитрей какого-то нестриженого вождя. И все уловки гетов ему известны. Он ведь и сам гет. Наполовину.

Дикарский рикс неплохо придумал спровадить Плавта. Но не учел характера своих соплеменников.

На третий день пути эти парни, и без того расстроенные, что не удастся порезвиться на римских землях, повстречали других варваров, своих дальних сородичей, успешно повоевавших с соседями, тоже варварами. Теперь за встречными варварами тащился полон дюжины в две рабов.

И те и другие решили сделать привал и вдоволь пообщаться. Привал длился двое суток. Варвары пьянствовали, задирали юбки женщинам из полона и играли в азартные игры. В результате охрана Плавта продула римлянина своим соплеменникам. Прямо у него на глазах.

Утешением могло служить лишь то, что оценили его весьма дорого. Какой-то разжиревший сенатор из бывших проконсулов возжелал устроить Игры в честь дня рождения своего сына. Будто он – император, сожри его Кербер! Но по этой причине цены на рабов, способных, прежде чем подохнуть, некоторое время продержаться на песке²⁴, существенно возросли.

Не будь Гонорий Плавт Гонорием Плавтом, он, возможно, позволил бы привезти себя в Сирию в качестве раба. Оказавшись на земле империи, он автоматически переставал быть рабом. И покупатель, будь он хоть трижды сенатор, вынужден был бы его освободить. Но честь не позволяла Плавту вступить на родную землю в качестве раба. Он полагал, что это несмываемый позор.

Новые хозяева Гонория из клетки выпустили и к общей цепи приклепали. Ночью Плавт поломал железо на своей ноге, стража тихонько задушил, забрал у него оружие, которым прикончил остальных варваров. А пленных освободил. Только зря он это сделал. Те ведь тоже были варвары. Суть – твари неблагодарные. Когда на следующую ночь Плавт взял себе женщину и отошел с ней помиловаться, эти мерзавцы тихонько подкрались к нему, оглушили и снова забили в железо. И присматривали за ним строго, и увезли далеко, а потом продали квеманам. Вот и вся история.

²⁴ Слово «арена» происходит от латинского «песок».

Глава двадцатая «Легионер умеет все»

Каша, заваренная по Гонориеву рецепту, пахла довольно аппетитно. Кентурион накидал туда всякой всячины, реквизированной в квеманском поселке, который они недавно «посетили». «Веселый» был визит. Шестеро вооруженных бородачей-квеманов, местная «крутизна», решили повязать незваных гостей, вопреки закону гостеприимства. Если таковой в здешних краях существовал. Понадеялись мужики на численное превосходство и личную силу. Очень опрометчиво с их стороны. Плавт, который был на полголовы ниже самого мелкого из бородачей, минуты за полторы практически без участия Черепанова (тот просто не успел поучаствовать) порубал всех шестерых, навел страшный шухер на прочих обитателей деревеньки, состоявшей из нескольких черных хаток, согнал плачущих и стенающих сельчан (за исключением четырех приглянувшихся девиц) в какой-то амбар, который намеревался сжечь, и сжег бы, не вмешайся в ситуацию Черепанов.

Девиц грозный римлянин заставил приготовить жратву, затем вымыться (возможно, в первый раз в этом месяце), залил в каждую литра по два местного кислого пива, после чего приступил к удовлетворениям естественных потребностей. Девицы, которые на поверку оказались не девицами, насилие снесли безропотно – мытье далось им труднее. Черепанов, исключительно чтобы не огорчать друга, воспользовался одной из квеманок. Безо всякого удовольствия. Это был не тот тип женщин, который ему нравился. Тем более что и женщине он был совершенно безразличен. Во всех смыслах. Плавт, раза по три обработавший каждую из своих, не преминул высказаться по поводу черепановской «слабосильности». Геннадий ехидство римлянина проигнорировал. Он уже давно перерос юношеское «трахать все, что шевелится и не ежик», и был в этом деле куда более разборчив, чем, скажем, в выпивке.

Ночь прошла спокойно, если не считать богатырского храпа одной из девиц и приглушенных коллективных стенаний тех, кто был заперт в хлеву.

С рассветом друзья набили мешки провизией и не мешкая двинулись дальше. Часа через два поруганные квеманки проспятя и выпустят родичей из хлева. Жаль, конечно, что семьи лишились самых трудоспособных мужиков, но те ведь сами напросились.

Впрочем, Геннадий не обольщался. Без драки все равно не обошлось бы. Не тот у Плавта темперамент. С другой стороны – «на войне как на войне». Вольно было квеманам нападать на поселок, убивать и похищать девиц. И самого Черепанова. Конечно, то были другие квеманы, но Геннадий ничуть не сомневался, что эти в аналогичной ситуации повели бы себя не лучше. Для чужаков здесь существовал только один закон: насилие. Поэтому и сами аборигены к насилию сильных относились философски. Не убили – и на том спасибо.

А каша между тем поспела. И мясо козленка, вопреки ожиданиям Геннадия, козлом не пахло.

– Можно кушать, – сняв пробу, сообщил «шеф-повар».

Они сидели под деревом в лесу. По прикидкам Черепанова, где-то на территории Венгрии. То есть там, где, возможно, когда-нибудь будет Венгрия. Летчик-космонавт Черепанов и кентурион Плавт. Поскольку Черепанов не склонен был вдаваться в подробности о своем происхождении (хватит с него «божественных» почестей), беседовали главным образом о том, что волновало римлянина. Например, провалил Гонорий свое посольство или наоборот: высший смысл посольства как раз и состоял в том, чтобы спровоцировать варваров на нападение.

– Если твой легат так умен, как ты утверждаешь, – рассуждал Черепанов, – то должен был видеть, что из тебя неважный посол, – сказал Черепанов. – Ты уж прости, Гонорий, но дипломатия – она изворотливости требует.

– Я хитер! – возразил Гонорий. – Ты меня еще в настоящем деле не видел!

Он, похоже, обиделся.

– Да я не о военных хитростях, – уточнил Геннадий. – Я о политике. – Он задумался, подыскивая подходящее слово. Мерде... Шит... Экскремент... Ага! – Говнистости в тебе не хватает для хорошего посла, – сказал подполковник.

– Не согласен, – возразил Плавт. – Дело посла – договариваться. Торговаться. Это как оливки покупать.

– Вот потому-то ты и неважный посол, – сказал Черепанов. – Дипломатия – это не торговля на рынке. Это нечто вроде фьючерсных ²⁵ договоров, составленных с учетом инсайдерской ²⁶ информации.

– Не понимаю, – буркнул Плавт. – Твоя латынь, Череп, хуже, чем у сирийского грека.

Обиделся Гонорий. Но, к сожалению, насчет языка он был прав. Латынь Черепанова была все еще далека от совершенства. Хотя бы потому, что целая охапка слов в первоисточнике имела совершенно другое значение. Но Геннадий очень старался, поскольку понимал, что язык ему понадобится, а хорошее знание языка плюс нужное произношение очень часто служат пропуском в высшее общество. Черепанов же был твердо намерен попасть именно в высшее общество. Пусть это намерение выглядело смешно, когда его выказывал человек в звериных шкурах, гревшийся посреди дикого леса у примитивного костра. Но Геннадий Черепанов всегда добивался своего. По максимуму. Например, если уж быть летчиком, то не пилотом гражданской авиации или там сельскохозяйственной, а до предела и за предел. В стратосферу и выше. И судя по тому, что рассказывал о своем Риме Плавт, это было реально. Если какой-то там варвар Максимин из безграмотных пастухов смог выбиться в генералы, то подполковнику Черепанову это тоже должно быть по силам. Но кое-что, конечно, придется подработать. Язык, например. Или технику владения оружием.

– Слушай, Гонорий, кто тебя научил так ловко с мечом управляться? – полюбопытствовал Черепанов. – Никогда раньше такого мастера не видел.

– Это точно! – Кентурион моментально перестал обижаться. – Римский легионер – это тебе не бычий хрен в соусе! Настоящий легионер умеет все! А ты бы видел, к примеру, как наша фаланга держит удар парфянской конницы!

– Надеюсь, еще увижу, – перебил Черепанов. – Но я хотел бы тебя попросить потренировать меня. С вашим оружием.

– Можно, – кивнул Плавт. – Но учти: только варвары бьются каждый на свой собственный лад. Настоящая сила армии – строй. Это если пехота. Да и конница тоже. А индивидуально мечом махать – это, друг мой, не воинское дело, а потешное. Гладиаторство.

– Это я понимаю, – кивнул Черепанов. – Меня в свое время тому же учили. – Деталей он уточнять не стал. – Но нас здесь двое, так что строя не получится. Да и коней у нас нет. Сам понимаешь.

– Понимаю. Значит, будем исходить из того, что есть, – согласился Плавт. – Ты покушал?

– Да, благодарю. Ты отличный кулинар.

– Пустое, – отмахнулся римлянин. – Я же сказал: легионер должен уметь все. И кашу сварить, и мост построить. А сейчас, Череп, возьми копье и займемся делом...

Глава двадцать первая Вандалы

Недели за три они без особых приключений отмахали, по прикидкам Черепанова, километров четыреста. Могли бы и больше, но приходилось сходить с курса, чтобы запутать след. Хотя, по предположению Плавта, это были уже не квеманские земли, тем не менее квеманский отряд копий примерно в сорок все это время тащился за ними. Раз десять друзьям удавалось увидеть их с относительно небольшого расстояния, например, при переправах. Раз десять им казалось, что квеманы потеряли след. Но лесные варвары были

²⁵ Т. е. договоров о будущих сделках.

²⁶ Закрытой.

упорны.

А может, просто очень сильно обижены. Плавт не раз пенял Черепанову: мол, ни к чему было рубать варварских идолов. Геннадий же резонно возражал: пока со стороны богов мести не наблюдается, а преследуют их исключительно люди. Вот ежели бы сами боги на них накнулись, тогда он, Черепанов, принял бы ответственность на себя. Что же касается людей, так разве кентурион не обещался разобраться с ними собственноручно?

Крыть было нечем. Тем не менее предложение Черепанова зайти преследователям в тыл и устроить охоту на охотников Плавт отверг.

Во-первых, сказал он, это их местность, и все преимущества ландшафта на стороне лесовиков-преследователей. Во-вторых, игра не стоит свеч, поскольку в мешках у друзей куча добра, а добыча, которую можно взять на преследователях, весьма сомнительна. В-третьих, он зуб готов дать, что охотятся на них не какие-нибудь мужики от сохи, а крутые ребята. И лично он, Плавт Аптус, не берется подкрасться к таким незаметно и порешить без помех. В-четвертых, в любой заварушке можно запросто схлопотать, например, стрелу в ляжку.

А в их ситуации это все равно что летальный исход. В-пятых, лично он, кентурион, считает, что свой долг квеманам уже отдал, а если старина Череп полагает иначе, то ему ничто не мешает добраться до цивилизованных мест, нанять за наличные сотню рубак – Плавт готов ему в этом помочь – и врезать преследователям прямо и грубо, по-солдатски. Но уже на равных.

Впрочем, убеждать Черепанова особо и не требовалось. Он был уже не в тех годах, чтобы играть в Рэмбо без острой необходимости. Главным побуждающим мотивом в данном случае было желание вернуться к тем местам, где утонул в болотной грязи его спускаемый аппарат. Не к аппарату, а к оставшемуся в одиночестве летчику-исследователю Алексею Коршунову.

Повернуть же вспять, когда за тобой идут несколько десятков разгневанных головорезов, было, мягко говоря, опрометчиво. И задача упрощалась до примитива: унести ноги. Тем более что Плавт не устал повторять: первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона – это не какой-нибудь варварский вожак в волчьей шапке с бляшками, а очень даже значительная фигура. Но только не в этих мокрых чащобах, а на цивилизованной территории Великой Римской империи. До которой, кстати, уже и рукой подать.

Черепанов очень сомневался насчет личной крутизны Плавта. Вряд ли даже очень крутой сотник имеет реальную власть в стране, где армия исчисляется сотнями тысяч. Много ли значит какой-то там командир роты? Правда, если этот командир роты знаком с командиром дивизии и, более того, является его личным другом – дело другое. Но кто поручится, что дружба кентуриона и легата – не вымысел самого Гонория?

Но Плавт был единственным пропуском Черепанова в цивилизацию. И не худшим из возможных, потому что, если не считать чрезмерной похотливости, не имел никаких недостатков. С точки зрения подполковника. И можно было не сомневаться, что родина кентуриона ценит, поскольку сам он эту родину искренне любил и ценил, хотя и был человеком практичным и сугубым реалистом, если можно так выразиться о том, кто три раза в день во всеуслышание объявляет о своей приверженности богу Большого Пениса.

Кентурион остановился. Лес, и без того светлый, впереди еще более посветлел. Поляна или прогалина. Или хутор какой-нибудь.

«Опять Плавт бесчинствовать будет», – мрачно подумал Черепанов.

В прошлый раз, когда они на селение наткнулись, Гонорий (как, впрочем, и обычно) такого шухера навел... Не знай Черепанов заранее, кто тут цивилизованный римлянин, а кто – дикие варвары, точно перепутал бы. Плавтовы установки были примитивны и практичны, как резиновая дубинка: мужиков резать, баб трахать. Причем и то и другое – прямо с порога. Под эту практику, ясное дело, подводилась идеологическая база: мол, берем на опережение. Пока они нас не взяли. Но подполковник не сомневался: будь лесовики даже абсолютными

пацифистами, поведение Плавта и на йоту не изменилось бы. Но Плавт Черепанову, можно сказать, – друг. А местные лесовики – враги. И это факт.

Кентурион шумно потянул носом воздух.

– Угу, – сказал Черепанов. – Дым. И корова мычала. Жилье неподалеку.

– Да, – римлянин широко улыбнулся, – дым, да. И Данубий.

– Что?

– Река. Большая река. Я чую ее: она близко. Данубий это. Череп! Я уверен!

– И что? – Подполковник не понимал его восторга.

– Там... – Кентурион махнул рукой вперед. – Там, дальше, – она.

– Кто?

– Она, друг мой Геннадий! Империя! Рим! Вперед, ну! – И Плавт вприпрыжку понесся вниз по склону. Подполковнику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Радость римлянина заразила Черепанова. Он тоже мчался вперед, перепрыгивая через корни и валежник – только стволы мелькали...

Как и следовало ожидать, ничем хорошим подобная беспечность закончиться не могла.

Они с ходу вылетели на опушку...

Оп-паньки!

Шагах в пятидесяти тянулась узкая грунтовая дорога. Ниже, примерно в полукилометре, синела большая река. Между лесом и рекой лежал невысокий холм, увенчанный деревянной крепостцой, вокруг которой в беспорядке были разбросаны домишки, маленькие огородики и узкие желтые полосы полей.

Поля, поселок, река, крепость, дорога... И человек двадцать вооруженных всадников, поднимавшихся по дороге вверх.

Гонорий плюхнулся ничком в траву так быстро, словно его ухватили за ноги. Черепанов последовал его примеру, замешкавшись не более чем на полсекунды.

– Ах ты мохнатая задница Орка! – прошипел кентурион. – Вандалы! Откуда они взялись, пожри их Кербер!

У Геннадия не было ответа на этот вопрос. Определять племенную принадлежность местных дикарей он мог. А о вандалах знал только, что они захватили и порушили Рим. Вернее, захватят и порушат, если здешняя история соответствует той. И сим деянием навеки обессмертят себя популярным словом «вандализм».

Плавт осторожно приподнялся над травой и тут же снова прижался к земле.

– Они едут сюда. Череп, – прошептал он. – Что скажешь?

– Попробуем удрать? Может – в лес?

– В таком лесу от конных не спрячешься.

– Тогда – драться?

Римлянин бросил на него быстрый взгляд.

И кивнул.

– Лучше удар в лицо, чем стрела в спину, – сказал он.

«Что в лоб, что по лбу», – подумал Геннадий, но промолчал. Он надеялся, что и на этот раз как-то удастся вывернуться. Если ты раз за разом попадаешь в ситуации, когда шансы превратиться в удобрение раз в сто превышают шансы уцелеть... и все равно остаешься в живых, то к этому как-то привыкаешь. И начинаешь думать, что так и должно быть. По крайней мере с тобой. И нет безвыходных положений, а есть только критические моменты, когда выход неочевиден. И если не хлопать ушами, а пошевелить тем, что между ними...

Словом, «пока все идет неплохо», как сказал один молодой человек, пролетая мимо двенадцатого этажа.

А всадники приближались. Подполковник уже отчетливо слышал дробный стук копыт.

Гонорий, не поднимаясь, закрепил крепче мешок с барахлом и переместил щит так, чтобы тот прикрывал спину, после чего сразу стал похож на черепаху-переростка.

– Идея такая, – прошептал римлянин. – Выжидает, сколько можешь, а потом прыгаешь и стараешься захватить лошадь. И удираешь во весь опор.

– А как насчет стрелы в спину? – осведомился Геннадий.
– Ну это как получится. – Кентурион оскалился. – Не бойсь, Череп! Прорвемся!
– Да я особо и не боюсь, – заметил Черепанов. – Но думаю, нам стоит переползти к тем кустикам.

Римлянин скривился:

– Раньше надо было... Уже не успеем. Все, молчи.

Но сам тем не менее осторожно пополз влево. Правильно, лучше набрать хоть какую дистанцию.

А вандалы были уже совсем близко. Можно было услышать, как они переговариваются. Похоже, эти парни точно знали, что Геннадий и кентурион где-то рядом. Знали и не торопились.

Геннадий, перекинувший щит назад по примеру Плавта, вжался в землю, зарывшись в длинные желтые лохмы травы. Он знал, что судьба всегда дает ему шанс. Хотя бы один.

Стук копыт – рядом. Но недостаточно близко.

А вот еще...

Длинная тень коснулась жухлой травы, прикрывавшей руку Геннадия. И копье, которое держала эта рука.

Подполковник не видел – чувствовал, как надвигается, нависает над ним сдвоенная массивная фигура: конь и всадник...

Вандал заметил зарывшегося в траву человека, почти наехав на него... Заметил и издал короткий гортанный возглас – удивился.

А уж как он удивился в следующий миг!

Черепанов ждал до последнего... Ждал, когда конское копыто окажется в метре от его головы, ждал этого удивленного возгласа...

Резко воткнув черен копья в землю, Геннадий выметнулся вверх, ударил двумя ногами в вандальский щит. Вандала вынесло из седла – охнуть не успел. И не успел он еще удариться оземь, а Черепанов уже утвердился в седле. Вот и пригодился хапкидошный «противоконный» приемчик.

Геннадий рванул узду, не дал коню встать на дыбы. Пинок по морде – когда конь вознамерился цапнуть его за ногу, пинок по ребрам – пошел! Конь злобно заржал, заплясал на месте! Еще раз получил по ребрам – шевелись, скотина! Пошел! Марш!

Конь завизжал – будто железо по стеклу заскрежетало. Боковым зрением Черепанов успел увидеть, как к нему летит, выставив копье, еще один всадник. И как навстречу вандалу из травы выбрасывается нечто темное и стремительное. Всадник летит с лошади...

Тут трофейный конь Черепанова наконец решил сдвинуться с места и пустился трясимым галопом в сторону леса.

Геннадий слышал позади пронзительные вопли, но не оборачивался. Он припал к шее коня, к жесткой пыльной гриве и беспокоился только о том, чтобы не свалиться.

Через полминуты они влетели в лес. Геннадий еще плотнее прижался к гриве. Лес был редкий, но все равно запросто можно было напороться на какой-нибудь сук.

Погоня не отставала. Наоборот, приближалась. Над головой свистнула стрела. Другая. Еще одна чиркнула по щиту. Глухой удар. Конь под Черепановым содрогнулся, заржал отчаянно: стрела вонзилась ему в круп. И сделала то, чего не мог добиться не слишком умелый всадник: конь понесся во всю прыть. Геннадий распластался на нем, прилип к мощному телу скакуна, вдыхая острый запах конского пота. Мимо мелькали древесные стволы. Какой должна быть скачка, чтобы она показалась быстрой тому, кто закладывал виражи на «МиГах» и «сушках»...

Правильно. Смертельно рискованной.

Погоня отставала. Черепанов уже начал надеяться, что все, уйдет...

Раздался звонкий, как щелчок, хруст, широкая, влажная от пота спина коня ухнула куда-то вниз, и Геннадий оказался летящим в воздухе, безо всякой опоры, но очень быстро...

Он успел сгруппироваться. Успел даже подумать: хорошо, что стремян нет...

Земля со страшной силой ударила Черепанова в бок. Он отскочил от нее, как мячик... И приложился головой обо что-то еще более твердое. Не будь шлема – тут бы история его жизни и закончилась. Но медный шлем, смявшись, принял на себя большую часть удара. Тем не менее Геннадияхватило. В глазах его вспыхнуло черное пламя. Вспыхнуло и погасло. Вместе с сознанием.

Глава двадцать вторая, в которой знакомство подполковника Черепанова с вандалами продолжается, но по-прежнему приносит одни неприятности

Командовал вандалами рыжий детина с лохматой бородой и копной жестких, как конская грива, волос. Рядом с ним местный вождь, «комендант», правивший маленькой крепостью и прилегающими к ней землями, смотрелся совсем не колоритно. Этот был уже в солидных годах, пузатый и – сразу видно – большой хитрован. Но вандал тоже был не простак. И золота на нем было килограмма на полтора больше. И оружие более качественное – даже не искушенному в местном вооружении Черепанову это было сразу видно.

Когда Черепанов очнулся, вернее, когда его привели в чувство с помощью ведра воды, оба лидера: рыжий вандал и седой рикс – были тут. Рикс глядел на мокрого Черепанова с явным интересом. Возникло такое ощущение, будто он пытается вспомнить, видел ли Геннадия раньше. Кого-то ему подполковник определенно напоминал...

Рыжий вандал, плечистый бугай на пяток сантиметров повыше Геннадия, раздумьям не предавался. Махнул своим, чтобы поставили пленника на ноги, подошел, да и двинул Геннадия по уху.

Черепанов, у которого в голове после обморока еще не все устаканилось, даже не сделал попытки уклониться. Но на ногах устоял.

Вандал буркнул что-то одобрительное своим, потом пролаял нечто, уже обращаясь непосредственно к Геннадию. Голос у рыжего был высокий, звонкий, даже визгливый – и крайне агрессивный. Слова он выговаривал быстро и непривычно, так что смысл реплики до Черепанова не дошел. Тем более, что соображал он сейчас туговато. Голова пухла от боли, и в каждом ухе – по комку ваты. Плюс еще и медный звон в том, по которому съездил рыжий.

Вандалу молчание пленника не понравилось, и он опять махнул кулачищем... Но на этот раз Черепанов успел среагировать и нырнул. Волосатый кулак мелькнул у него над головой и врезался в шею здорового вандала, возвышавшегося у Геннадия за спиной, а подполковник, чисто на рефлекс, вlepил рыжему апперкот в челюсть.

То ли борода амортизировала, то ли вождь мощно держал удар, – но рыжий устоял, только зубами скрежетнул и...

Впрочем, едва Черепанов успел осознать, что вандальский вожак принял удар достойно, как его самого тут же саданули по голове, и он пришел в себя только после очередного ведра воды. Но на этот раз руки у Геннадия оказались связанными за спиной.

Черепанова снова поставили на ноги. И рыжий опять что-то пролаял. А Черепанов опять не понял, и рыжий опять прибег к рукоприкладству. А Геннадий опять уклонился. А поскольку он всегда давал сдачи, если имелась хоть какая-то физическая возможность, то тут же подсек рыжего, развернулся раньше, чем тот успел приземлиться, и пнул в колено другого вандала, который вознамерился еще разок попотчевать Черепанова дубинкой.

На этом битва закончилась, потому что сразу три вандальских бугая разом бросились на Геннадия и с ловкостью, которая приобретается только большой практикой, стиснули его щитами. Может, будь у подполковника развязаны руки... Хотя к чему пустые мечты?

В общем, ему спутали и ноги тоже. Но бить больше не стали. Более того, когда вандал, получивший по колену, вознамерился обработать Черепанова древком копья, рыжий рывкнул, и его подчиненный оставил свою идею.

Местный рикс наблюдал за сценой с большим интересом и, когда все закончилось, неожиданно предложил за Черепанова аж три крупные золотые монеты. Геннадий не знал

местных преискурантов, но по реакции окружающих понял, что цена изрядная. Рыжий, в свою очередь, поинтересовался, чем пленник так приглянулся риксу. Тот принялся темнить, вандал потребовал внятного ответа, но чем кончилась дискуссия, Черепанов так и не узнал. Потому что его погрузили на телегу и увезли в вандальский лагерь.

Нельзя сказать, что с Геннадием обращались особенно жестоко. Разместили в отдельном шатре. Кормили. Путы вязали аккуратно: крепко, но не туго. Овчину дали: чтоб на земле не лежал и ночью не мерз.

Судя по тому, что Черепанов остался в вандальском лагере, риксу не удалось перекупить пленника. Но в одиночестве подполковник пробыл недолго. Очень скоро к нему присоединился старый приятель. Гонорий Плавт Аптус.

Глава двадцать третья, в которой подполковник Черепанов существенно расширяет свои познания в области римской стоматологии и работоторговли

— Что они здесь делают, эти вандалы, разорви их пополам! — Кентурион сплюнул красный сгусток на земляной пол. — Это ж гетский поселок, мы тут как-то высаживались с Максиминим, я помню.

— Делегация, — сказал Черепанов, который за двое суток, слушая разговоры своей охраны (вандальский диалект отличался от квеманского, но разобрать было можно), поднабрался информации. — К здешнему риксу от вандальского большого лидера. Посольство. Они как раз домой отъезжали, когда мы сдуру прямо на них выскочили.

— Откуда знаешь?

— Слышал, как стражники болтали. Как же ты все-таки попался?

— Да вот... — недовольно проворчал кентурион. — Попался. Арканом накрыли. Я уж думал — оторвался. Ан все-таки выследили.

В тот день, когда захватили Геннадия, римлянин ухитрился уйти. Сиганул с лошади на дерево. Лошадь дальше поскакала, и погоня — за ней. Ушел Плавт. Но все-таки его выследили. И взяли. Может, римлянин и сумел бы ускользнуть, если бы немедленно прочь двинул. Но Плавт все это время поблизости отирался. Почему — не говорил. Но Геннадий догадывался: из-за него. Хотел, должно быть, Черепанова выручить. Но не смог. И вот теперь они опять — той же компанией и в том же положении, что на квеманском острове.

— Выследили меня, — буркнул Плавт. — Устерегли. Был бы лес погуще. Да хоть копьё нормальное, доспех, может, и отбил бы. А так только одного я и завалил, на второго нацелился — копьё перехватить, а тут — р-раз! Петля сверху — и я на земле.

— Понятно...

Черепанов осторожно перекатился на другой бок. Все же крепкая у него голова. Так грохнулся — и даже блевать не тянуло.

Римлянин снова сплюнул.

— Зуб выбили, — пожаловался он.

— Сочувствую. — Черепанову меньше досталось. Пара шишек да распухшее ухо. Пустяки.

— А золото наше я запрятать успел, — злорадно заявил кентурион. — В лесу. Хорошо запрятал — эти ни за что не найдут. А зуб — пустое. Все равно сломанный был. Выберемся — золотой поставлю.

— Что? — изумился Геннадий. — Золотой зуб? Каким образом?

Неужели он что-то напутал и этот Рим — не тот, о котором писано в той истории? Вставные зубы как-то не укладываются в представление о древних...

— А вот таким. — Гонорий с нотками превосходства принялся объяснять, каким образом римские стоматологи восстанавливают утраченное. Нет, высокими зубными технологиями, к сожалению, здесь не пахло. Самой популярной методикой было крепление протезов к зубам здоровым. Посредством золотых петель. Но, по словам Плавта, такие примитивные «мосты»

вполне функционировали. А зубы можно было изготавливать хоть из драгоценных камней, хоть из золота, хоть из слоновой кости. А можно выдрать у какого-нибудь раба поздоровее и в свой рот приспособить. Но это что! Вот у одного опциона ²⁷, что под Плавтовым командованием служил, парфянской стрелой кусок черепа выбило. Так лекарь-грек на это место пластинку золотую приспособил, – и ничего, нормально потом служил опцион.

Черепанов слушал и думал, насколько все-таки устойчивая вещь – имперское превосходство. Как в России в советские времена, каждый гегемон был абсолютно уверен, что он круче какого-нибудь шведского или венгерского банкира, потому что мы делаем ракеты и в космос летаем. А теперь этот вот обломок другой империи, понятия не имеющий не только о ракетах и металлокерамике, но даже о велосипеде, самодовольно поучает приятеля-варвара. При том что сам валяется связанный, в мокрых штанах и жить ему осталось...

– Слушай, Череп, а ты не слыхал: может, вандалы нас здешним отдадут? – внезапно спросил Плавт.

– Не отдадут. Местный рикс уже подбивал клинья, золото за меня сулил – не вышло.

– Жалко. Много золота предлагал?

– Прилично. Три монеты примерно вот такого размера. – Черепанов показал, какого именно.

– Ого! – восхитился римлянин. – По здешнему курсу это, считай, почти фунт серебра ²⁸. Жаль, что вандал отказался.

– А нам-то какая разница? Или ты хочешь ему за нас наше золото предложить? Спрятанное?

– Ну ты сказал! – Римлянин поглядел на него как на ненормального. – Заберут – и все дела. Еще и пытать станут: все ли отдали или утаили что? А что этим гетам... тьфу!.. готам нас не отдали – это плохо. С готами я бы, может, договорился. Думаю: неспроста за тебя такую цену предлагали. Очень жаль, что не отдал нас вандал.

С этими готами Максимин в дружбе. Максимин же сам – из готов.

– Ты же говорил: он фракиец, – напомнил Черепанов.

– Ну да, он из Фракии. Но отец его – из готов-федератов. А мать, кажется, из аланов, точно не знаю. Максимин насчет своего происхождения не распространяется. Хочет, чтобы его считали настоящим римлянином. – Плавт хмыкнул. – С его-то выговором. Хотя сынок его отменно выучен. Не хуже какого-нибудь патриция...

Гонорий еще долго распространялся о своем любимом командире, но Черепанов не слушал. Он размышлял, для чего понадобился здешнему риксу. Будь на месте Черепанова Плавт, рикса еще можно понять: Гонорий – римлянин. За римлянина могут приличный выкуп дать. Или обменять на что-нибудь. Или – на кого-нибудь. Но Геннадий – не римлянин. Он вообще здесь чужой. То есть цена его – это цена здорового крепкого раба мужского пола по рыночному курсу.

– Слышь, Гонорий, сколько сейчас в империи раб стоит?

– Смотря какой: если умелый мастер или там грамматик-ритор – то дорого.

– А если просто крепкий мужчина?

– Думаю, от пятидесяти до ста динариев ²⁹. Никак не больше. Хотя ежели такой, как

²⁷ Опцион – младший офицер, помощник командира кентурии.

²⁸ Римский фунт – 327 граммов.

²⁹ Динарий – римская монета.

Каноническая имперская денежная система была создана императором Августом (27—14 гг. до Р. Х.), и с тех пор все монеты империи получили фиксированный номинал. Правда, качество металла (например, содержание золота в аурее) могло снижаться, если у государства возникали финансовые трудности.

Система эта, продержавшаяся до III в., была такова.

Высший номинал – золотой динарий, он же аурей. Четверть римского фунта, т. е. около 8 граммов золота.

ты или я, драться обученный, – до тысячи потянуть может. От сезона зависит, от ланисты [Ланиста – владелец и руководитель гладиаторской школы, поставляющий «живой материал» для гладиаторских игр.] тоже.

Да, тут было над чем поразмыслить. Или рикс спутал Черепанова с кем-то из своих знакомцев, или существовал некий фактор, заметно повышавший ценность Геннадия. Очень сомнительно, что рикс предлагал золото из чистой благотворительности. Значит... Значит, ничего хорошего ожидать не стоит. Жизненный опыт подполковника свидетельствовал: приятные сюрпризы, как правило, являются следствием собственных усилий. Сюрпризы, возникающие самостоятельно, относятся к другой категории. Что ж, будем ждать неприятностей. Не впервой. Кто предупрежден, тот вооружен, как говорится. Хотя бы морально...

Глава двадцать четвертая Квеман и вандал

Полог шатра откинули, и яркий солнечный свет ударил в лицо. Геннадий зажмурился.

Вошли четверо вандалов. Пленников подняли и потащили наружу. Перед шатром стояли оседланные кони и запряженная парой лошадей телега с высокими бортами и колесами в половину человеческого роста. Геннадия и Гонория зашвырнули внутрь. Один из вандалов взобрался на передок, подхватил вожжи. Остальные вскочили в седла, и телега, трясаясь и подпрыгивая, покатила по дороге. Лежа на колкой соломе, Черепанов созерцал прозрачное синее небо и черный силуэт хищной птицы, парящей прямо над ними. Внезапно жуткая тоска накатилась на Геннадия. Нестерпимо захотелось, чтобы мир перевернулся, чтобы небо было вокруг, чтобы все это: телега, всадники, домики, дорога – оказалось внизу, стало маленьким, игрушечным. Чтобы каждой жилкой чувствовать дрожь серебристых крыльев, разрезающих прозрачную пустоту. Чтобы с бешеным криком нырнуть вниз и ощутить, как такая крохотная и такая могучая машина рвет пленку звукового барьера, и как внезапно наступает тишина, и земной пегий ковер беззвучно летит навстречу, а где-то позади, безнадежно отставая, терзает пространство непереносимый для человеческих ушей рев.

Обычному человеку этого не понять. Разве что вспомнить те ощущения, когда нажимаешь на педаль газа, и сотня лошадиных сил бросает тебя вперед. А потом умножить это чувство в сто, в тысячу раз, во столько, во сколько мощь двигателей «сушки» превышает мощность самого крутого автомобильного движка. А ведь есть еще небо...

Вернее, было. И теперь... Теперь небо есть у этой маленькой хищной птицы. А летчику-космонавту Геннадию Черепанову осталась только земля... Но он все же был там, наверху. Там, где нет ни птиц, ни атмосферы, на такой вершине, выше которой быть невозможно. И если Геннадий сейчас умрет, то он все равно будет знать, что прожил круто. Круче не бывает.

Подполковник улыбнулся. Тоска пришла и ушла. Осталась реальность, которую следует принять такой, какая она есть.

Аурей равен 25 серебряным динариям, содержащим по 4 грамма серебра во времена Цезаря, а в описываемое время – менее 2 граммов. Инфляция, что поделаешь.

Серебряный динарий соответствовал четырем латунным сестерциям, весившим порядка 25 граммов во времена Цезаря, а в описываемое время также изрядно полегчавшим.

Более мелкие монеты: дупондий (0, 5 сестерция), асс (0, 25 сестерция), квадрант (четверть асса).

Монеты чеканились не только в Риме, но по всей империи. Со времен императора Августа чеканка золотых и серебряных монет была государственной монополией. Монетные дворы в провинциях имели право чеканить собственную монету только из бронзы и меди. Кстати, именно посему отличались большим разнообразием. Кроме обычных, в римской денежной системе существовало множество «юбилейных» монет, чеканившихся по случаю важных событий: побед в войнах, дней рождений императоров и т. д. В том числе и событий, не слишком позитивных, с нашей точки зрения. Например, на одной из монет середины I в. до н. э. изображен Брут (убийца Юлия Цезаря), а на другой стороне монеты надпись «EID MAR» (мартовские иды, дата убийства), шлем и два кинжала.

«Dura lex, sed lex» ³⁰, как говорят соотечественники кентуриона Гонория. И еще они говорят: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» ³¹, что как нельзя более подходит к тому положению, в котором оказался подполковник Геннадий Черепанов.

Плавт заворочался рядом. Он был не прочь поболтать, но его спутник и собрат по несчастью молчал, и кентурион из уважения к нему тоже не нарушил молчания. Возможно, их сейчас убьют, и это время – последнее, отпущенное им. А коли так, то лучше не тратить его на пустые разговоры, а подумать о прожитом. А еще лучше – помолиться богам, чтобы ножницы Атропос ³² не пресекли сегодня нити их жизней.

Их путешествие закончилось.

На обширном лугу собралась приличная толпа.

Местная гвардия во главе с седым хитроvanом-риксом.

Вандалы под предводительством рыжего, лохматого громилы, нацепившего поверх куртки золоченую кирасу с причудливыми узорами.

Серая толпа простонародья из окрестных поселений...

И пестрая компания квеманов во главе со старым знакомцем Черепанова. Тем самым вождем, что командовал ночным налетом на приютивший их с Коршуновым поселок. Тем самым, который захватил Геннадия в плен. Рядом с вождем имелись парочка увешанных оберегами и талисманами шаманов (ну как же без них?) и дюжины две воинов с топорами и копьями.

Когда пленников без особых церемоний выкинули из телеги, квеманы заметно оживились.

Рыжий вандал шагнул к квеманскому лидеру:

– Золото привез?

Квеман надменно оглядел рыжего, уронил: «Да».

Несмотря на приличный рост и здоровенный «рогатый» шлем, прибавлявший квеману еще четверть метра, рядом с рыжим он смотрелся так себе. Никакая надменность не могла скрыть того, что прикид у вандала намного богаче, оружие – лучше, а природного куража – существенно больше.

– Покажи, что привез!

Квеман полез за пазуху, вытянул мешочек, развязал, продемонстрировал содержимое.

Вандал кивнул.

Квеман, в свою очередь, кивнул шаманам. Те двинулись к пленникам (вандалы-сторожа посторонились), оглядели «товар», кивнули: те самые, мол. Можно брать.

«Вот попали!» – подумал Черепанов. И очень серьезно усомнился в благосклонности к нему дамы Удачи.

Мешок с деньгами перекочевал к рыжему. Тот встряхнул его на ладони, кивнул в ответ на вопросительный взгляд местного рикса, сделал знак своим, и те подтолкнули пленников ко квеманам.

Квеманский вождь ухватил Геннадия за волосы, наклонился к его уху.

– Ты понимаешь меня, чужак, – прошептал он. – Ты и твой дружок, вы будете умирать медленно, так медленно, что...

– Все, кто слышит меня! – выкрикнул вдруг римлянин. – Все, кто слышит меня! Кто сможет: передайте моему другу легату Максиминому, что стало с его послом

³⁰ Dura lex, sed lex (лат.) – Закон суров, но это закон.

³¹ Tempora mutantur et nos mutamur in illis (лат.) – Времена меняются, и мы меняемся (в них).

³² Атропос – одна из трех парок. Парки – Клото, Лахесис и Атропос – согласно верованиям римлян – плели ткань из нитей человеческих жизней, и если нить жизни перерезалась или обрывалась, то человек, соответственно, умирал.

примипил-кентурионом Гонорием Плавтом Аптусом! Передайте ему!..

Рыжий вождь вандалов, все еще державший мешочек с деньгами и намеревавшийся вытряхнуть его содержимое на мозолистую ладонь, внезапно остановился и уставился на римлянина.

– Ты сказал: ты – старший кентурион? – спросил рыжий на ломаной латыни.

– Я – первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! – с неподобающей пленнику гордостью ответил римлянин и вздернул подбородок.

– Он уже мой! – вмешался квеманский вождь. – Ты взял деньги. Забирайте их! – скомандовал он своим.

– Нет, постой! – рявкнул рыжий.

Одним плавным движением он преодолел разделявшее их расстояние, смахнул со своего пути едва не упавшего квеманского воина, схватил Плавта за плечо и развернул к себе. – Ты точно первый кентурион, дружок? Если ты врешь, то, клянусь секирой Доннара, я заставлю тебя раскаться!

– Я примипил Первого Фракийского легиона легата Максимиана Фракийца! – отчеканил Плавт, глядя снизу вверх на рыжебородого. – Или ты глух, варвар-вандал?

Рыжий отпустил римлянина, широко разинул мохнатую пасть.

– Доннар слышал меня! – провозгласил он и расхохотался. А потом швырнул квеманское золото квеманскому вождю.

Мешочек, звякнув, упал к ногам «рогатого». Несколько монет выкатились на траву.

– Я передумал! – заявил рыжий. – Забери свои деньги!

– Подними! – злобно прошипел квеман. – Сделка совершена. Эти негодяи – мои! Мои! – яростно выкрикнул он. – Ты их не получишь!

– Ты так думаешь? – Вандал ослабил. – Почему ты так думаешь?

На первый взгляд казалось, что вандалу очень весело, но Черепанов знал этот тип «веселья». На месте «рогатого» он не стал бы искушать судьбу.

Но квеманский вожак сам был в ярости. И не собирался уступить.

– Потому что они осквернили богов! – закричал он. – Потому что на них кровь моих родичей! Я их не отдам!

Одной рукой он выдернул секиру, второй вцепился в волосы Черепанова. И Геннадий, черт возьми, ничего не мог сделать: со спутанными ногами и руками, скрученными за спиной.

Квеманы схватились за оружие. А вандалы... Вандалы тут же без лишних слов, молча ринулись на противника... Рыжий остановил их пронзительным выкриком.

Затем выдержал небольшую паузу, чтобы квеманы прочувствовали ситуацию и ощутили жадную готовность его людей расчленять и усекать.

А потом осведомился подчеркнуто мягко:

– Значит, они – твои кровники, лесовик? И они оскорбили твоих богов, да?

– Да! – Ледяное спокойствие рыжего в сочетании с кровожадной пылкостью остальных вандалов произвело нужное впечатление. Понял, дурилка, что этой драки он может не пережить.

– В таком случае они стоят намного дороже, чем ты мне дал, – еще мягче произнес рыжий. – Выходит, ты хотел обмануть меня, человеке.

Я огорчен, – вандал демонстративно вздохнул, – я очень огорчен. И поэтому я забираю их обратно. Хочешь мне помешать? – В высоком голосе вандальского вожака проскользнула вдруг тоскливая нотка. Что-то вроде скулежа бойцовой собаки, которой очень хочется вырвать врагу глотку, но нельзя. Пока тот не преступил некой черты...

– Сколько тебе нужно? – отрывисто бросил квеман. – Назови свою цену!

Вандал покачал головой.

– Ты такой хитрый. – Рыжий усмехнулся. – Боюсь, ты снова захочешь обмануть меня. Мой ответ: нет.

Черепанов чувствовал, что квеманский вождь дрожит от ярости. Но квеманов было

человек двадцать, а вандалов – вдвое больше. И вооружены они были лучше, и выглядели более суровыми вояками.

Но здесь присутствовали местные. И похоже, они не очень-то симпатизировали вандалам.

Узкое хищное лезвие секиры маячило у Геннадия перед носом, и это было довольно неприятно. Если квеман захочет смахнуть подполковнику голову, даже сотня вандалов не успеет ему помешать. Тем более что местный рикс, выразивший лицом полное одобрение, когда речь шла об увеличении суммы выкупа (в доле, небось?), при категорическом отказе рыжего нахмурился.

– И мой ответ: нет! – рявкнул квеман. – Ты...

В этот момент хватка его пальцев, вцепившихся в волосы Черепанова, несколько ослабла, да и сами волосы, хотя и отросли за пару месяцев, были все еще довольно короткими...

Черепанов резко присел – и освободился. Затем снизу, плечом, с силой пихнул квемана в грудь, оттолкнулся двумя ногами и по-лягушачьи прыгнул вперед.

Потерявший равновесие квеман запоздал на мгновение, а когда его топор метнулся вслед пленнику, между оружием и пленником как-то неожиданно образовался круглый щит одного из вандалов.

И в этот же миг весь вандальский отряд одновременно, словно единое живое существо, разом вскинул щиты и ошметинился железом. Весь отряд, кроме рыжего.

Тот продолжал подчеркнуто игнорировать манипуляции с топором, совершаемые вожаком квеманов.

Но Черепанов видел, что и рыжий на чеку. Просто уверен, что наверняка успеет опередить квеманов. И Геннадий склонен был считать, что уверенность рыжебородого имеет основания.

Квеманский вождь не полез в драку. Вместо этого он повернулся к местному «коменданту».

– Рикс! – воскликнул «рогатый». – Неужели ты допустишь, чтобы чужаки оскорбляли тех, кто с тобой одной крови?

Зря он это сказал.

Рикс явно был на его стороне... До последней фразы.

После заявления о родстве расположение рикса к нему мгновенно испарилось. Вероятно, тут были затронуты какие-то старые заморочки.

– Ты мне не родич! – холодно произнес рикс. – Ты – квеман!

И Черепанов вдруг сообразил, что «квемань» – вовсе не название народа. Квеман означает – пришелец. Иными словами, чужак.

Поняв, что поддержки не будет, квеман заметно огорчился. И, учитывая явное преимущество противника, решил пойти на уступки.

– Тебе нужен ромлянин? Забирай. А мне отдай этого! – Вождь указал на Геннадия. – За цену двоих.

Вандал повернулся к подполковнику.

– Ты тоже – римский вожак? – спросил он Черепанова по-латыни.

– Да, – соврал Геннадий и, вспомнив недавний рассказ Плавта о трепанации черепа, добавил: – Опцион.

– В таком случае ты не получишь и этого, лесовик, – отрезал рыжий.

И повернулся к собеседнику спиной: для него разговор был закончен.

– Грузите их в телегу, – распорядился он. —

И на корабль. Сегодня мы отплываем.

– Ты пожалеешь... – с угрозой прошипел в прикрытую кирасой спину квеманский вожак.

Рыжий мгновенно развернулся.

– Да? – почти дружелюбно осведомился он и положил ладонь на рукоять секиры. – Я

готов пожалеть прямо сейчас. Что скажешь?

Квеман в рогатом шлеме ничего не сказал.

Удивительно, но ярость квеманского вождя угасла, как упавший в колодец уголек.

Ничего не ответив, он повернулся и пошел прочь. Остальные – за ним. Только шаман постарше на мгновение задержался, поднял одну из своих побрякушек, направил на рыжего...

– Давай, попробуй, – предложил вандальский вождь тем же равнодушно-спокойным голосом. – Проверь, насколько мое железо быстрее твоей волшбы!

Шаман проверять не стал. Молча потрусил за своими.

Нет, этот лохматый громила определенно начинал нравиться Геннадию. Несмотря на распухшее ухо.

Глава двадцать пятая, в которой рыжий рикс жалуется на слабые места вандальской военной тактики и делает своим пленникам конкретное предложение

Рыжего звали Дидогал. И он был «родовой» вождь. Независимый, но на службе у рикса, возглавлявшего тех вандалов, которые называли себя асдингами. Рикс Дидогала уважал. И прочие асдинги – тоже. Дидогалу же одного уважения было маловато. Он тоже хотел стать риксом. Но чтобы стать риксом, надо было воевать. Причем – успешно. Успех же, в свою очередь, исчислялся размерами добычи. Дидогал воевать любил. И умел. И побеждал нередко. Но проблема была в том, что побеждал он исключительно в локальных конфликтах с соседями – такими же варварами. Настоящую же добычу можно было взять только по ту сторону Дуная. В империи. А вот с империей у Дидогала не ладилось. Первой проблемой были расположившиеся западнее чужеплеменники, которые предпочитали грабить империю сами. Иногда – с союзниками, но Дидогала в союзники не приглашали. А ближе к востоку берега Дуная осели готы. Готских племен здесь было великое множество. Не имея общего руководства, они, тем не менее, имели общие традиции и говорили примерно на одном языке. Язык этот не многим отличался от вандальского, но ни вандалы, ни готы никогда не забывали, что принадлежат к разным сообществам. И те из них, что осели на берегах Данубия, не поощряли передвижения по своим землям чужих войск. Собственно, именно за это готам-федератам и платила империя: чтобы «держали» границы. Готы тоже были проблемой, но не главной. С готами договориться можно. Или даже в компанию взять. Готы – ребята спокойные, надежные, хозяйственные, а «лось большой, всем хватит», как сказано было в одном старом мультике. Куда более серьезной проблемой был флот. Римский флот. Многоводный Данубий охраняли боевые корабли данубийской флотилии. Которые были настолько мощнее вандальских посудин, насколько медведь сильнее волка. Конечно, стая волков может и с медведем управиться, но во что обойдется стае такая победа?

И наконец, самая большая проблема – римские легионы. В отличие от тех же готов и вандалов, у которых каждый землепашец мог при случае взяться за топор и смахнуть им пару-тройку голов, имперские пахари были просто овцами для стрижки. Не суйся туда, где на земле сидят варвары-федераты, и с землепашцами проблем не будет. Но легионы... Профессиональная армия империи – это серьезно. То есть с ними просто ловить нечего. Самое большее, на что была способна дружина Дидогала, – разбить личную охрану какого-нибудь римского землевладельца-латифундиста. И выпотрошить его виллу и закрома. Но против легионеров вандальские парни не тянули. При том что каждый отдельно взятый легионер ничего особенного собой не представлял. Любой головорез из дружины Дидогала накрошил бы полдюжины этих коротышек. Но чтобы раздавить сотню таких недомерков, требовалось уже не меньше сотни вандалов. А полтысячи римлян запросто стаптывали тысячу храбрых варваров. Дидогал, прочувствовавший все это на собственном печальном опыте, очень хотел разобраться, в чем тут дело. Он прекрасно помнил, как еле ноги унес от

римских катафрактариев ³³ . Унес, но всю добычу пришлось бросить. Обидно, однако! Дидогал не дурак, кое-какие выводы сделал. Например, посадил всех своих воинов на коней. Сначала к алеманнам ездил: с подарками. Алеманны – конники изрядные. А с вандалами им делить нечего. Поучился у них Дидогал. Затем своих стал учить. Два года обучал. В долги влез: дорогое удовольствие это – конную дружину выучить. Правда, потом дела пошли лучше, – когда Дидогал от теории к практике перешел. И материальное положение улучшил, и большое уважение завоевал у соседних племен. С другой стороны, многие соплеменники и соседи после этого здорово невзлюбили Дидогала. Да и рикс тоже стал коситься на своего вождя с подозрением. А против рикса Дидогал идти был еще не готов. Благородством не вышел. Чтобы такой серьезный недостаток восполнить, нужна была серьезная победа. Славная и добычей обильная. И тогда понял Дидогал: надо идти на римлян.

Нынешняя поездка рыжего вандала – подготовительное мероприятие в рамках будущего проекта. Договориться с готами, чтобы те связались со своими родичами по ту сторону Данубия, а те в свою очередь не чинили препятствий вандальскому воинству.

Готский рикс согласился. Но потребовал «предоплату». Дидогал предложил долю добычи. В итоге сошлись на смешанном варианте. В общем, такой результат вандала устраивал. И в остальном его поездка тоже была успешной. Нашел союзников. Одно из племен неких карпов. Наполеоновских планов Дидогал не строил. Задачу поставил себе конкретную и четко ограниченную: перебраться через реку и пошарить по богатым имперским землям. Городов не брать, в сражения не вступать... По возможности. Но поскольку в общей сложности под командой Дидогала должно оказаться около тысячи копий, то бегать от гарнизона какого-нибудь провинциального городишки стыдно. Тем не менее, несмотря на общий эмоциональный подъем, сидела в вожде вандальском некая неуверенность, чтобы не сказать – страх. И не в нем одном – в каждом из бесстрашных вандальских парней жила эта позорная опаска. Рим есть Рим. Пусть в последнее время он уже не подминает под себя чужие земли, но старики еще помнили страшные удары римских легионов, следовавшие за вторжениями на земли Великого Рима. Да и те, кто ходил с Дидогалом на тот берег, тоже не забыли, как драпали от имперских орлов. В общем, и психологическое состояние войска было, по мнению Дидогала, не на должной высоте. Это раз. Кроме того, Дидогал, как уже сказано, мужик рассудительный и пытливый, очень хотел узнать побольше о том, как воюет враг. Это два. И наконец, совсем неплохо было бы перенять кое-какие полезные навыки у лучшей армии мира. Это три.

Именно поэтому рыжий вандал и не пожелал обменять Гонория и Черепанова на золото. Он счел, что знания и опыт пленников – дороже квеманского золота.

Все это вождь изложил своим пленникам, когда корабль вандалов, который справедливее было бы назвать лодкой, влекомый упряжкой из четырех лошадей, неторопливо поднимался вверх по течению речки, впадавшей в полноводный Данубий.

Большая часть отряда Дидогала ехала сушей, но сам вождь с десятком дружинников и обоими пленниками предпочел седлу палубу.

Временами речь вандала становилась невнятной, поскольку, рассказывая, вождь одновременно вгрызался в здоровенный кусок копченой грудинки, обильно запивая его пивом.

Пленники же имели полную возможность наслаждаться видом и запахом еды и сглатывать обильную слюну: у обоих со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, и вождю это было прекрасно известно.

Изложив вкратце свои проблемы, Дидогал перешел к проблемам и перспективам, ожидавшим Черепанова и Плавта.

«Печальна судьба ставших рабами вандалов, – повествовал рыжий. – Трудятся они от

³³ Катафрактарии (катафракты, клибакирии) – латная конница римлян. Вооружение их скопировано у парфян. Это типично для римлян – перенимать у противника.

зари до зари на самых грязных и тяжелых работах, и все ими помыкают, даже женщины.

Рабской же работы, – делился информацией прихлебывающий пиво Дидогал, – у вандалов очень много. Поскольку сами вандалы работать не любят, а любят сражаться. Зато уж у тех, кто сражается вместе с вандалами, не жизнь, а малина.

Так что решайте, граждане, кем вы будете: рабами или воинами? Согласитесь поработать военными советниками – мы в свою очередь станем относиться к вам не как к военной добыче, а как к друзьям рода.

А с друзьями мы, вандалы, а особенно я, военный вождь Дидогал, невероятно щедры и великодушны», – вещал рыжий, вдохновенно жестикулируя распространявшим дивный аромат куском грудинки.

Например, если римляне прямо сейчас поклянутся своими богами, что готовы помочь асдингам в будущем походе, то с них немедленно снимут путы и угостят вот такой копченой грудинкой с добрым медовым пивом, которым щедро снабдил вандалов в дорогу их союзник, готский рикс. Ну, решайте!

Геннадий очень сильно опасался, что гордый кентурион пошлет вандала куда подальше, но этого не произошло.

Гонорий выслушал рыжего вождя очень внимательно, затем безо всяких экивоков поинтересовался, каковы будут конкретные размеры вандальской «щедрости». Иными словами, сколько им заплатят за консультации.

– Долю в добыче! – немедленно ответил варвар. – И еще двойную долю каждому, если вы оба согласны участвовать в походе.

– Не пойдет, – тут же отрезал римлянин. —

Я знаю силу Рима. Может, и не будет у вас никакой добычи, а будет каждому по хорошему деревянному кресту с тремя длинными железными гвоздями и возможность любоваться богатыми римскими землями и доброй римской дорогой, пока добрые римские вороны не выклюют вам глаза.

Геннадий был удивлен необычной образностью Гонориевой речи, но варвар воспринял ее вполне естественно.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– Три золотых мне и один – моему опциону (кивок на Черепанова) за каждое десятидневье, что мы будем учить вас. И в поход мы с вами не пойдем, потому что не пристало римлянам воевать против римлян...

Тут рыжий расхохотался и заявил, что не надо держать его за дурака. Он прекрасно знает, что римляне в последнее время только и делают, что воюют с римлянами.

– Да, это так, – скривившись, согласился Плавт. – Но мы не будем. Мы останемся у гостеприимных и щедрых вандалов и подождем, пока великие воины вернутся из победоносного похода и привезут мне и моему опциону по две доли добычи.

– По одной, – тут же возразил Дидогал. —

И четыре золотых за десятидневье – слишком много. Я дам вам два – делите как хотите.

– Три! – заявил Плавт. – И ни сестерцием меньше!

Они торговались минут пятнадцать, связанный римлянин и рыжий варвар с мокрыми от пива усами.

Договорились.

Плавт и Черепанов поклялись Юпитером и Минервой, что приложат все усилия, чтобы вандалы Дидогала понесли наименьшие потери в будущем походе, а вождь асдингов в свою очередь поклялся Доннаром, что оплатит услуги военных советников согласно устной договоренности.

Как только сделка была заключена, пленников немедленно развязали и даже вернули ножи.

Глава двадцать шестая, в которой рикс Дидогал и подполковник

Черепанов получают некоторые теоретические знания о римской военной тактике

– В легионе – десять когорт, – рассказывал Плавт. – В каждой когорте шесть сотен легионеров, это три манипулы, в каждой манипуле – две кентурии. Строят их так: первые три когорты – в первой линии с промежутками. Во второй линии – три когорты стоят против промежутков в первой линии. В третьей линии – четыре когорты. Стоят напротив промежутков во второй линии. – Гонорий высыпал на доску песок, разровнял и начертил палочкой, как именно расположены когорты римского легиона. – Между тяжелой пехотой стоит легкая: лучники, пращники. А на флангах – орудия. Онагры, карабаллисты, катапульты...

– А конница? – спросил внимательно слушавший Дидогал.

– Конница – это вспомогательные войска, – ответил кентурион. – Фланги прикрывать или, если противник слаб или побежал, добивать. Конница – это не главное.

Вандал помрачнел. В прежнем походе его именно конница и разбила. Приятно ли узнать, что тебя разгромили не главные войска.

– А если конно ваши когорты атаковать – что будет?

– Много мертвых конников будет, – усмехнулся Плавт. – Не пробить конникам римский строй. Конница с удара хороша, но наши гастаты-копейщики – лучше. Строй устоит, а всадники в промежутки между когортами попадут, завязнут, и их раздавят.

– А если из луков бить, издали? – спросил вандал.

– Хороший вопрос, – одобрил кентурион. – Сразу вождя видно. Только не помогут тебе луки, Дидогал. «Черепаша» что такое – знаешь?

– Зверь такой, со щитом на спине.

– Угу. И еще построение воинское. Первый ряд – на колени и щит к земле. Второй – щиты к щитам первого. Третий – щиты над головами. Получается – как черепаший панцирь. Только римский skutum ³⁴ крепче панциря. Стрелой не пробьешь. Нет, всадник против пешего воюет плохо. Коня щитом не прикроешь, а в большую цель и попасть легче.

– Значит, ты советуешь пеше воевать? Кони не нужны?

– Почему не нужны? – возразил Плавт. – От коней тебе тоже польза будет. Убегать, к примеру, верхом намного сподручнее.

Нельзя сказать, что эта идея пришла вандалу по душе.

Он уставился на римлянина: не издевается ли?

Но на квадратной, обросшей черной щетиной физиономии Плавта не было и намека на насмешку.

– Но били же твоих римлян! – заявил он.

– Били, – согласился Гонорий. – И такое бывало. Ты скажи: откуда латынь знаешь?

– Выучил, – буркнул Дидогал. – Раба купил и от него выучился. А как иначе? Латынь надо знать.

На физиономии Плавта выразилось удовольствие: он всю дорогу втолковывал Черепанову, что ни к чему римлянину варварское бормотание учить. Пусть варвары латынь учат, к культуре приобщаются. Но после следующей реплики вандала кентурион улыбаться перестал.

– Как же мне – без латыни? – сказал Дидогал. – А ежели, к примеру, надо вызнать, где ваши золото спрятали? Что ж, я через толмача буду допрос вести? Да он мне такого натолмачит! Ты не вопросы задавай, а говори, как мне с империей воевать! – добавил он, вдруг рассердившись.

– Насчет толмача он, к сожалению, прав. – Проигнорировав недовольство варвара, кентурион обратился к Черепанову: – Нынче такую серебряную монету чеканят, что там от

³⁴ Скutum – большой щит римского легионера.

серебра одно название осталось. Сплошная медь. Вот и стал народ старые деньги в землю прятать ³⁵. Те, что остались.

У Плавта была поразительная способность игнорировать направленный на него гнев. И при этом не переступать некоей опасной черты.

– Значит, тебя интересует, как воевать с Римом? – произнес он, обращаясь к Дидогалу.

А вот так! – Гонорий сунул палец в рот, показал дырку от зуба, выбитого парнями Дидогала.

– Только так, – повторил он. – Навалиться кучей, вдарить, ухватить, что выпало, – и уносить ноги. Твоя добыча для Рима, что для меня – выбитый зуб. Жаль, конечно, но силы не убавилось. По-умному нападать. Знать – куда. Знать – когда. Как волк из овчарни овцу тащит. Главное: удрать, пока псы да люди не набежали. Да ты не мрачней, варвар, я тебя всему научу! – В голосе кентуриона опять появились высокомерные нотки. – Ты только про золото мое не забывай.

– Научишь, – проворчал рыжий вождь, – ясное дело. Да только и я тебе скажу: бывает, как волки стаей на отару накинута, так тут бы и собакам да пастухам самим шкуры уберечь!

– Бывает, – согласился Плавт. – Зимой, когда с голоду страх теряют. Или когда на земле у людей беспорядок. Да только не думаю я, что ты так голоден, чтоб ум потерять, да и порядок на землях римских пока что есть.

– Пока, – ухмыльнулся вандал. – Пока. А золото я тебе дам. Вот прямо сейчас и дам! – Он развязал кошель и выложил на доску три золотые монеты.

Плавт сделал движение – и монеты исчезли. Гонорий подмигнул Геннадию.

«Фокусник», – подумал Черепанов.

Что-то во всем этом было... Неправильное. В том, как вел себя храбрый кентурион. Или Геннадий не совсем правильно представлял себе, что есть его товарищ Гонорий Плавт. Или кентурион совсем не так прям и простодушен, как желает выглядеть.

Сразу вспомнилось, как Плавт заявлял: «Я хитер! Ты меня еще в деле не видел».

И все-таки туповатая жадность ярого поклонника Приапа выглядела очень даже натуральной.

И при этом совсем не сочеталась с тем Плавтом, который был столь же ярким патриотом и для которого его Рим был важнее и превыше всего. Но если Плавт актерствовал, изображая алчного наемника, то почему тогда он выкладывал варвару информацию, которую тот мог использовать против его страны? Ведь то, что рассказывал Плавт, не было дезой. Черепанов кое-что читал о Древнем Риме, его армии, тактике и стратегии. Даже «Записки о Галльской войне» Цезаря как-то проштудировал, еще в училище.

И все, что говорил о римской тактике Плавт, на взгляд Геннадия, было правдой. И про структуру легиона, и «шахматную» тактику, и даже про вспомогательную роль кавалерии. А ведь кентурион мог и соврать... Итак, либо Геннадий чего-то недопонимал, либо прежнее представление, составленное Черепановым о кентурионе, было неверным. Но докапываться до истины в присутствии посторонних Геннадий не стал. Со временем и так узнает. In praxi ³⁶.

Глава двадцать седьмая, в которой подтверждается, что подполковник Черепанов неплохо разбирается в людях

³⁵ Еще с конца II в. центральная власть империи испытывала хроническую нехватку средств. Уже при Септимии Севере содержание серебра в динарии сократилось вдвое, при Каракалле еще уменьшилось. Инфляция вызвала усиленное накопление старой полноценной монеты вкладах, которые впоследствии были раскопаны археологами. Понятие о размерах подобных кладов можно получить, скажем, на примере находки, сделанной в Кельне: более 100 золотых монет и свыше 20 000 серебряных.

³⁶ In praxi (лат.) – на практике.

Нет, все-таки Черепанов имел о своем друге-приятеле правильное мнение. А вот симпатичный рыжий вандал, поверивший, что римлянин будет ему служить, ошибся.

«Fide, sed cui fidas vide» ³⁷ – как говаривали две тысячи лет назад в том Риме. И в этом Риме, очевидно, такие же правила. Потому следующей же ночью спящего подполковника разбудил не зычный голос стражника-вандала, а осторожное прикосновение.

Он открыл глаза и увидел много-много звезд и знакомый силуэт над собой. Короткое движение руки – и, повинуясь, Черепанов выскользнул из-под овчины, которая служила ему одеялом.

Если не считать обычных для приречного луга ночных звуков, вокруг царила тишина. Вандальский лагерь, расположившийся на высокой береговой круче, спал. Черепанов отчетливо видел темные холмики: вандалов, завернувшихся в такие же шкуры, подложивших под головы седла, крепко спящих после длинного трудного дня. Еще он знал, что оружие у каждого из них под рукой и крепкий сон крепок лишь до первого подозрительного звука. Все они – воины. А воин, который не умеет спать чутко, рискует заснуть навсегда. Но сейчас все они спали, кроме часового, который... Черепанов присмотрелся внимательнее и скорее догадался, чем сообразил, – сидящий около угасшего костра часовой не бодрствует. И не спит. Он мертв.

В ответ на вопросительный знак Черепанова Плавт коротко кивнул и сделал быстрый короткий жест: пошли быстрее.

Идея была понятна: внизу – вандальская лодка. Четырех рук вполне достаточно, чтобы направлять ее вниз по течению.

Но вряд ли Дидогал настолько беспечен, что оставил свой «корабль» без охраны...

Да, так и оказалось. Когда они вышли на край берегового откоса, то сразу заметили темный силуэт лодки, застывший в нескольких шагах от песчаного берега. Черепанов, который превосходно видел в темноте, сумел разглядеть на палубе двоих. Похоже, спящих.

На лодке было темно и тихо. Зато на берегу имелся бодрствующий караульный. Он стоял, опираясь на копьё, и глядел в сторону речки. Рядом слабо алели угли костра. Со стороны реки огонь был не виден, заслоненный корпусом лодки, но песчаный берег угли освещали неплохо. И караульщик наверняка вовремя заметил бы опасность, если бы смотрел в нужную сторону. Но, неизвестно почему, сторож-вандал глядел туда, откуда ничего не угрожало. Может, задумался. Или услышал подозрительный звук. Но в любом случае часовому не стоило отворачиваться. Особенно когда с косогора бесшумными тенями соскользнули Черепанов с Гонорием.

«Я сделаю» – знаком показал Плавт и в одно мгновение оказался за спиной караульщика. Тот был намного выше Гонория, поэтому кентуриону пришлось высоко поднять руку с ножом, чтобы нанести удар. Но сам удар получился безукоризненным. Почти бесшумный и абсолютно смертельный. Кентурион очень ловко подхватил убитого и опустил его на землю, ухитрившись сделать так, что ни щит, ни копьё не упали на землю.

Черепанов коснулся плеча римлянина, показал на лодку и поднял два пальца. Плавт кивнул, и оба они осторожно вошли в воду. Довольно холодную – осень все-таки.

В лодке действительно было только двое спящих вандалов, которые через несколько секунд стали мертвыми вандалами.

По поводу этих убийств Черепанов не испытывал ни малейших угрызений – убитые, возникни у них при жизни такая потребность, прикончили бы его самого, глазом не моргнув. В общем, совесть Геннадия была спокойна. И все-таки еще пару месяцев назад подполковник не стал бы их убивать. Оглушил бы и оставил на песочке. Но тут был другой мир. Геннадий осознал это еще тогда, когда они с Лехой развлечения ради обследовали деревянную крепость на холме. И Леха рассказал историю про мужика, которого

³⁷ Fide, sed cui fidas vide (лат.) – Верь, но смотри, кому веришь.

единственного за всю историю фашистского рейха выгнали из концлагеря. Которого отторгла система, когда он въехал, для чего все устроено. Выкинула из себя. То есть, как предположил Леха, если весь этот мир – гигантский испытательный стенд для пары заблудших космонавтов, то разберись они, ради чего их тестируют, – и сразу окажутся дома. Это была гипотеза. Не глупее прочих. А базовые предпосылки ее были очень даже толковыми. Это другой мир, с законами и основами, отличными от законов и основ Российской Федерации начала двадцать первого века. И испытуемым, командиру корабля подполковнику Черепанову и космонавту-исследователю Алексею Коршунову, следовало принять эти чужие законы. Потому что в противном случае этот вполне реальный и по-своему сбалансированный мир сам отторг бы чужаков. И (в этом Геннадий был уверен) не обратно – в начало третьего тысячелетия, а совсем в другое место, откуда возвращаются крайне редко и то лишь в виде бесплотных призраков. Да (и Черепанов это знал), существовали ситуации, когда следовало отказаться от привычной морали, этики и норм поведения и принять те условия игры, которые предлагала ситуация. И главная проблема здесь не только в том, чтобы научиться выживать на войне. Этому как раз можно научить очень многих. Проблема в том, чтобы, оказавшись вне войны, дома, в центре Москвы, среди родных и близких, не притащить войну с собой. Вернувшись из своего южноамериканского вояжа, Черепанов сумел справиться с этой проблемой. Но попутно узнал, что очень немногие из его современников, побывавших там, где другие правила, сумели избавиться от войны внутри. Вот тогда Геннадий всерьез заинтересовался этим вопросом. И историей войн. А также психологией тех, кто в этих войнах участвовал. И выяснил много интересного. Например, что для средневековых рыцарей-феодалов подобной проблемы вовсе не существовало. Вернее, они решали ее просто: вот мой дом, мои близкие, моя земля.

А вот весь остальной мир – и «кто не спрятался, я не виноват!». Иными словами, внутри каждого человека живет несколько разных личностей, сформированных жизненными обстоятельствами. И личности эти поочередно вылезают наружу, чтобы справляться с жизненными трудностями. Словно обученные псы: этот – охотничий, этот – санки возить, а этот – наркотики искать или глотки рвать. Сам же человек, их законный хозяин, должен тщательно следить, чтобы конкретный пес вылезал из будки исключительно в нужное время. Это была игра, которую Геннадий вел сам с собой. Увлекательная игра. Рискованная. Но подполковник считал, что может себе позволить любые «шизофренические» игры, поскольку психика у него была – железобетонная. Он готов был дать подписку, что физически не способен «поехать крышей». И полсотни лучших в стране врачей и психологов поставили бы под его подписью свои закорючки. Тем не менее, когда требовалось «сменить правила игры», подполковник Черепанов «спускал с поводка» соответствующую личность, и эта личность решала возникшие проблемы. А сам ее хозяин стоял в сторонке и наблюдал. Спокойно и сосредоточенно. Готовый в любой момент «перехватить управление».

Поэтому, если возникала необходимость убивать, Черепанов убивал. Но если была возможность не убивать, подполковник ее использовал.

В данном случае – передоверив «зачистку территории» своему другу Гонорию Плавту, для которого отправлять вражеских солдат в лучший мир было так же естественно, как помочиться с горки.

Избавив вандалов от лишних вещей, кентурион по очереди перекинул их через борт – в руки Геннадия, который предал тела неторопливому течению реки.

Скрипнул и пополз вверх рей, увлекая за собой тяжелый квадратный парус.

«Черт, – подумал Черепанов, – могут услышать...»

Не услышали. Геннадий полоснул ножом по канатам, закрепленным на берегу, и перемахнул через борт. Темный парус над головой наполнился ветром. Плавт на корме уже взялся за рукоять рулевого весла и уверенно направил лодку прочь от берега. Минута – и береговой откос поглотила темнота, только тусклый свет догорающего костра еще некоторое время служил ориентиром. Пока и его не поглотила ночь.

Побег удался.

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что рикс Дидогал не любит, когда его кидают

На рассвете они миновали изобилующее мелями устье и выплыли на настоящий водный простор. Дунай. Теперь Черепанов узнал эту реку. Собственно, мог и раньше вспомнить, потому что по-английски Дунай и в его мире назывался Danuby. И видел его Геннадий неоднократно, поскольку бывал и в Чехии, и в Словакии, и в Венгрии. Сейчас подполковнику иногда чудилось, будто он узнает знакомые берега.

– Мы спустимся пониже, – сказал Плавт. —

К Понту ³⁸, к Мезии ³⁹. А то здесь по обе стороны варварские поселения. Правобережным мы платим: якобы за охрану наших границ. Но... – римлянин усмехнулся, – варвары и есть варвары. Мы спустимся ниже, там уже наши. Высадимся и станем искать Максимиана...

Ветер спал. Тяжелую лодку медленно влекло вниз по течению. Вставало солнце...

– А я уж подумал: ты готов служить этому рыжему вандалу, – сказал Черепанов. – Ты так с ним торговался из-за золота...

Гонорий рассмеялся, поскреб подбородок.

– Оброс, – пробормотал он. – Не люблю. Достал нож, выправил кромку точильным камнем и принялся соскребать щетину со щек.

– Если бы я не торговался, он бы мне не поверил, – пояснил кентурион. – Да и золото нам не помешает. Неужели ты впрямь подумал, что я могу предать мой Рим?

– Ну... – Геннадий смутился, что с ним в последние двадцать лет бывало редко. – Я не знаю ваших обычаев.

– Обычаи наши просты, – сказал Плавт («хр-рс-хр-рс» – прошуршало лезвие, соскабливая щетину). – Есть Римский Мир. Мировопорядок. Цивилизация. Все остальное должно ему служить. Только так.

– Ты уверен?

– Да. И ты должен быть в этом уверен, если хочешь служить Риму. Ты хочешь?

Вопрос был задан прямо и требовал такого же прямого ответа.

– А разве у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть. – Гонорий плеснул на ладонь немного вина из кожаной фляжки, снятой с убитого вандала, размазал по лицу. – Хочешь? – Он протянул Черепанову нож.

– Не сейчас. – У него не было сейчас желания бриться. Тем более тупым ножом вместо привычного «жиллет-слалом-плюс».

– Рим – это все. Но что есть Рим? – Вопрос был риторический. – Рим есть сила. А сила Рима (толстый грязный палец назидательно воздет вверх) в непобедимых орлах римских легионов. Золотой орел на древке аквилы ⁴⁰, друг мой Геннадий, это великий символ Рима.

³⁸ Имеется в виду Черное море.

³⁹ Мезия – римская провинция. Древняя область между нижним Дунаем и Балканами, первоначально населенная фракийскими племенами. В VI–VII вв. до н. э. территорию Мезии колонизовали греки; с кон. I в. до н. э. находилась под властью Рима. В IV в. здесь осели готы, в VI–VII вв. – славянские племена. С севера ее границей был Дунай (эту часть Дуная называли также Истром), с востока – Понт (Черное море), с юга – Фракия, с запада – Далмация, Иллирия, Паннония. В описываемое время была уже разделена на две административные единицы – Нижнюю и Верхнюю Мезии. К северо-востоку от Мезии располагалась провинция Дакия (завоеванная императором Траяном), ограниченная Истром, Флютаввием (р. Олт, левый приток Дуная), Карпатами и Трансильванскими Альпами, но в описываемое время Дакия уже практически принадлежала занявшим ее варварам.

⁴⁰ Аквила – боевой штандарт. Каждый римский легион имел свою аквилу. При утрате ее легион расформировывался.

Для легионера его орел выше Юпитера и Олимпа и всяко важнее болтунов из сената. Римские орлы хранят величие Рима. Они рожают Августов. Армия Рима – это и есть Рим.

– А как же законы, народ, культура?

– Все это есть, потому что есть мы. Ты видел варваров. Что для них культура? Что для них наши боги, наши обычаи и законы? Свиньям ни к чему умелые повара. Свиньям все равно, что жрать. Что помои, что фаршированные финики. И чтобы свиньи не лезли в триклиний ⁴¹, у входа должен стоять слуга с палкой. Служить римскому орлу – высочайшая честь, друг мой! И ты, я уверен, вполне достоин этой чести. Ты увидишь, ты почувствуешь... Эх, Череп! Когда я сейчас вспоминаю, как сверкает на солнце орел моего легиона, как стоят мои воины: плечо к плечу, щит к щиту, кентурия к кентурии...

Геннадий увидел, как по свежесбрившей кирпичного цвета щеке кентуриона сползла прозрачная слезинка...

– Это такое счастье, Череп, – пробормотал Плавт. – Это лучше сирийской куртизанки, лучше самых изысканных деликатесов...

– Я понимаю, – мягко проговорил Черепанов. – Я понимаю тебя. И уважаю твои чувства. Но взгляни на берег: мне кажется, там кое-кто знакомый.

Плавт моментально обернулся:

– Клянусь тестикулами Марса – вандалы! Наши вандалы!

Именно так.

Вдоль берега, обгоняя медленно плывущую лодку, скакала цепочка всадников. И в одном из них без труда угадывался рыжий вождь Дидогал. До берега было метров триста, но рыжего Геннадий узнал бы и за километр – по сверкающей кирасе и огненной гриве.

Он что-то кричал сердито, но слова съедало расстояние.

Плавт помахал ему рукой, потом изобразил руками, как перерезают горло. При этом он выпустил рулевое весло, и лодку тут же повернуло боком. Ничего худого, впрочем, не произошло. Как несло их течение, так и продолжало нести. Ветра не было, и парус обвис тряпкой.

Всадники помчались берегом дальше и вскоре пропали за очередной излучиной. Только человек десять продолжали неспешно двигаться вровень с лодкой.

– Может, за весла – и к тому берегу? – предложил Геннадий.

– А-а-а... – римлянин махнул рукой. – Ничего они нам не сделают. Руки короткие – не дотянуться.

Так они и плыли – с береговыми сопровождающими. Ветра все не было, но это было неважно. Километра три-четыре в час они делали. Вполне достаточно.

Черепанов поспал немного, потом сменил у руля Гонория, чтобы и тот подремал. Но римлянин спать не стал. Занялся изучением военных трофеев. Оружие было неплохое. И еды в рундуках на корме было достаточно. А вот денег было маловато. Дюжины две монет разного достоинства, но все мелких. Немного рубленого серебра. Золота не было совсем. Плавт ворчал недовольно: жалел о потере того, что взяли на квеманском капище. Не маячь на правом берегу вандалы, он непременно начал бы подбивать Черепанова высадиться и забрать спрятанное в лесу имущество.

Спокойная жизнь кончилась, когда река сделала очередной поворот. Дунай за излучиной сузился примерно до полукилометра, и течение усилилось. Это само по себе было бы неплохо. Плохо то, что впереди, примерно в паре километров ниже по течению, обнаружился городок с пристанью. И от этой пристани как раз отчаливали две крохотные лодочки, полные людей. Крохотными, впрочем, их делало исключительно расстояние. На самом деле они ничуть не уступали размерами той, на которой плыли друзья. Но в отличие от их посуды, послушно влекомой рекой, эти суденышки щетинились несколькими парами весел и уверенно разворачивались против течения.

⁴¹ Триклиний (лат. triclinium) – столовая древнеримского дома.

– Плавт, подъем! – гаркнул Черепанов. —

У нас проблемы!

Римлянин вскочил, глянул и сразу сообразил, чем пахнет.

Пока Геннадий без особого успеха пытался развернуть тяжелую неуклюжую посудину к правому берегу, римлянин освободил конец, и рей соскользнул вниз, опуская бесполезный парус.

Лодку продолжало нести вниз, неуклонно приближая к судам, выгребавшим вверх по течению. Похожие издали на черных многоногих жуков, они упорно, хоть и довольно медленно, ползли вверх по реке.

Гонорий закрепил в ременных уключинах пару здоровенных весел.

– Брось! – крикнул он Геннадию, пытавшемуся как-нибудь закрепить руль. – Орк с ним! Взяться!

Они разом вскинули весла. Лодка неуклюже развернулась.

– И... раз! И... раз!

Весла оказались крайне неудобными. Тем более одной пары для их посудины было явно мало. Римлянин и подполковник минут пять упирались изо всех сил, взмокли, но сильное течение неуклонно сносило их обратно на стрежень. Вдобавок природа отпустила очередную шутку: подул ветер. И подул, разумеется, от правого берега, что вообще свело на нет все усилия.

– Брось, – пропыхтел Гонорий, забрасывая свое весло на борт. – Бесполезно.

– Согласен. – Черепанов последовал его примеру. – Будем драться? Или попробуем вплавь?

– Не выйдет, – буркнул римлянин. – На кораблях нас в момент достанут. Утопят, как щенят. Нет уж! Если мне суждено подохнуть, то я хочу прихватить с собой за компанию пяток варваров.

Кентурион натянул через голову кожаный, с железными нашивками «жилет», принадлежавший одному из покойных вандалов. Черепанов сделал то же самое. Хорошо, что «броник» был не цельный, а со шнуровкой на боках: прежний хозяин был на пару размеров мельче Геннадия.

Лодки противника приближались. Уже можно было различить отдельные лица: разумеется, на носу первой балансировал старый знакомец Дидогал в сверкающей золотом кирасе. Стало слышно и слаженное уханье гребцов. Четыре пары весел – по два гребца на каждое – уверенно толкали вандальские корабли вперед.

– Копий по двадцать, – заметил кентурион. – Пустяки!

– Угу, – согласился Геннадий. – Сухарями закидаем.

– Идея! – обрадовался кентурион. Свернул из льняного кушака подобие пращи, поискал подходящий снаряд, не нашел, вытряхнул из кошелька несколько бронзовых монет поувесистее...

Лодку медленно разворачивало. Теперь ее несло кормой вперед, но это было неважно. Важнее то, что судну Дидогала оставалось пройти каких-нибудь полторы сотни метров. Второй корабль приотстал.

– Эй, варвар! – закричал Плавт. – Иди скорей сюда, сейчас я пущу тебе кровь.

Рыжий не ответил, только помахал здоровенным топором.

Между ними оставалось метров восемьдесят.

Кентурион раскрутил импровизированную пращу. Свистнуло, раздался тупой удар. Один из гребцов завопил и выпустил весло: монета попала ему в лоб.

– Не зря меня Аптусом кличут, – удовлетворенно заявил римлянин, закладывая в петлю следующую монету.

Гребцы сбились с ритма, вандальская лодка потеряла ход...

– Не стрелять! – заревел Дидогал, когда его люди схватились за луки. – Грести! Грести, во имя Доннара!

Лодка выправилась. Свистнула праща... И вандал отшиб монету плоскостью топора.

– А-а-а, римлянин! – закричал он. – Я иду, римлянин! Я уже...

И тут он осекся и лицо его враз сменило маску радости на маску бешенства. Гребцы сбились с ритма, кто-то вскрикнул испуганно. «Неужели их так напугала праща Гонория?» – подумал Черепанов. Сомнительно...

Третья монета с шипением пронеслась над водой и звякнула о чей-то шлем.

Римлянин даже не посмотрел, куда попал. Он смотрел в противоположную сторону, и Геннадий увидел, как по его свежевыбритой физиономии расплывается счастливая улыбка. Черепанов тоже обернулся...

Позади, из-за поворота, появилось еще одно судно. Настоящий корабль. Геннадий увидел высокий узкий темно-красный нос с далеко выдающимся форштевнем. Длинные черные весла слитно опускались и поднимались...

– Трирема! – проговорил Плавт с восхищением. – Наша трирема. Из данубийской флотилии...

Черепанов, как зачарованный, глядел на стремительно приближающийся корабль, который вырастал буквально на глазах. На несколько секунд он даже забыл о Дидогале.

Каких-то несколько минут – и трирема поравнялась с ними. Геннадий увидел высокий борт, воинов в таких знакомых по фильмам римских шлемах, два ряда длинных весел, услышал гулкие удары барабана...

– А-а-а! – закричал Плавт. – Аве! Виват! Рим!

Сверху ему что-то крикнули в ответ. Черепанов, вспомнив, глянул на вандалов. Лодка Дидогала, такая маленькая в сравнении с триремой, быстро-быстро выгребала к берегу.

Трирема прошла в сотне метров от нее. Залп – и сверху на вандалов обрушился дождь стрел. Варвары вскинули щиты, прикрывая себя и гребцов, которые продолжали отчаянно работать веслами. Вторая лодка тоже подалась к берегу, но не успела. Трирема с ходу ударила ее в борт. Треск – и за кормой уже чернеют обломки и барахтаются в воде с десятков вандалов.

Трирема совершила широкий плавный разворот и пошла назад – прямо по головам, не снижая скорости. Барабан загремел чаще. Трирема устремилась на лодку Дидогала.

У вандалов не было никаких шансов, но они продолжали грести изо всех сил...

Внезапно на триреме раздался повелительный крик. Весла замерли в воздухе... И двинулись в противоположную сторону. Боевой корабль сбрасывал ход.

– Проклятье! – выдохнул Плавт. – Ушли!

Черепанов понял, что произошло. Слишком близко от берега. Капитан триремы побоялся выскочить на мель.

«Ну и ладно», – подумал Черепанов. Несмотря ни на что, он не хотел, чтобы рыжий вандальский вождь отправился к праотцам. Нравился ему рыжий, ну что тут поделаешь!

Трирема застопорилась, развернулась и двинулась к ним. Красный гладкий борт навис над лодкой. Сверху упал канат, который Плавт тут же закрепил.

– Кто такие? – крикнули сверху.

– Первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! – с гордостью провозгласил друг Геннадия.

– Кентурион первой когорты? – переспросили сверху. – Примипил? Эй там, позовите субпрефекта Гельвеция!

Новая физиономия, увенчанная шлемом с алым султаном, появилась над бортом.

– Аптус! Ты, что ли? Откуда?

– Я это, я! – заорал Гонорий. – Ты сбросишь мне лестницу, Гельвеций, или так и будем орать на всю реку?

– Лестницу вниз! – крикнул воин с красным султаном. – Ну, парни, мы и рыбку поймали!

А кто это с тобой, Аптус? Варвар?

Гонорий глянул на Черепанова.

– Друг! – гаркнул он и подтолкнул Геннадия к упавшей вниз веревочной лестнице. –

Полезай, Череп! Хвала всем богам и особенно Приапу! Считай, что мы уже дома.

Глава двадцать девятая, в которой подполковник Черепанов знакомится с римскими «морпехами» и попутно выясняет, что недооценил размеры «звездочек на погонах» римского офицера Гонория Плавта Аптуса

Оказалось, Черепанов недооценивал Плавта. Оказалось, что кентурион первой кентурии – не совсем кентурион, то бишь офицер уровня командира роты. Кентурион первой кентурии одновременно являлся старшим кентурионом всей когорты. А кентурий в когорте было шесть. Итого – шестьсот бойцов. А должность первого кентуриона первой когорты, примипила, была еще серьезнее, поскольку он был четвертым по статусу (после командующего-легата, старшего из трибунов и префекта лагеря) офицером в легионе. Более того, старина Плавт оказался не пехотным командиром, а кавалеристом. Потому что первая когорта Фракийского легиона, как выяснилось, была когортой катафрактариев-клибанариев, тяжелой кавалерией то бишь. Это, впрочем, было не стандартом, а новацией, внесенной лично командиром легиона Максиминим, еще в парфянской кампании сформировавшим ее из лучших наездников, набранных в основных (не вспомогательных) подразделениях. Так что тайны римской тактики, которые Гонорий излагал вандалу, малость устарели. И нынче «шахматным» строем пользовались весьма ограниченно, воевали не манипулами, а сплошным строем. А кавалерию, напротив, очень даже уважали. Так что все, что «сгружал» вандалу хитрый кентурион, преследовало две цели: запугать варвара силой Рима и убедить в готовности пленников сотрудничать. А уж в стратегии и тактике Плавт, чье воинское звание соответствовало, как минимум, подполковнику, разбирался несомненно. Геннадий сделал в памяти отметку: расспросить об этом подробнее. В более подходящее время. В общем, подполковник ВВС Черепанов (который в случае успешного завершения полета мог стать полковником, а там и генералом) и первый кентурион-примипил Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус были практически в одинаковых чинах. На равных. Пока они странствовали по варварским лесам. Но теперь ситуация изменилась, поскольку Гонорий снова стал реальным командиром, чином повыше, чем субпрефект Гельвеций, командовавший «морпехами» триремы «Гордость Клавдия», а вот Черепанов так и остался пришельцем без роду и племени. Но Гонорий Плавт, оказавшись на своей территории, где уже не требовалась помощь напарника, не забыл о нем. И ничуть не переменялся к своему другу.

– Слушай, Череп, а ведь если тебе выкрасить волосы в черный цвет и подправить латынь – ты будешь вылитый Аптус! – заявил Гельвеций, когда вечером того же дня они вчетвером: Плавт, субпрефект, Черепанов и долговязый капитан триремы по прозвищу Гастий – попивали подогретое вино на квадратной крыше рубки, расположенной на корме триремы. Внизу, в метре от локтя Черепанова, маячила макушка рулевого. У триремы почему-то не было нормального руля. Управлялась она длинным веслом, закрепленным у левого борта.

– Ерунда! – заявил Плавт. – Во-первых, моя грудь волосатее, а следовательно, я буду богат! Это раз. Во-вторых, мой живот тоже волосат, что говорит о моем здоровье и долголетию, а у Черепа живот гладкий, как попка африканки. В-третьих, моя спина тоже волосата, что говорит о том...

– ...что ты родич африканской обезьяны! – перебил Гастий.

Плавт расхохотался. Он был в отличном настроении, поскольку недавно выиграл у капитана десять динариев в игру, очень похожую на шашки.

А кроме того, выиграл у субпрефекта Гельвеция «желание». И потребовал, чтобы трирема зашла в то готское селение, где их держали в плену.

Гельвеций вынужден был согласиться. Но с условием, чтобы Плавт не затевал драки. Дескать, он, Гельвеций, имеет строгое указание префекта флотилии: с федератами не ссориться.

– Никаких драк я затевать не буду! – обещал Гонорий. – Только возьму свое. – Тут он подмигнул Черепанову, и тот моментально заподозрил, что когда его друг начнет «брать свое», драка возникнет наверняка.

Нет, все-таки Гонорий Плавт не так прост, как хочет казаться.

– Может, я и похож на обезьяну – волосатостью! – изрек кентурион. – Но у тебя, Гельвций, в точности обезьяньи мозги. Поскольку не видишь главной разницы между мной и моим другом Черепом! – Плавт поднял палец. – Разницы, которую никакой краской не исправишь!

– Ты имеешь в виду кривые ноги? – осведомился субпрефект.

– Нет! Я имею в виду мой маленький... Ха! Что я говорю! Мой большой приап! Который не имеет себе равных! Скажи, Череп, разве я не превосхожу тебя в темпераменте минимум втрое?

Геннадий улыбнулся.

– Зато любой осел втрое превосходит тебя! – заявил Гельвций. – А приап у него намного больше!

– Не оскорбляй моего бога! – возмутился Плавт. – Не то он превратит тебя в осла, как того парня в истории африканца Апулея, а потом тебя продадут ливанцу, который отрежет тебе яйца и заставит возить гнилую морковку на рынок куда-нибудь в Кесарию. Чтобы повитуха нашего славного императора Александра ⁴² отравилась ею, если, конечно, старина Орк уже не прибрал ее к себе.

– Хорошо бы он прибрал и нашего императора, – пробурчал Гельвций, понизив голос. – Слыхал? Он опять одарил золотом поганных германцев, вместо того чтобы отдать его нам, своим солдатам. Клянусь Юпитером, уже давно пора обойтись с ним так, как его мамаша обошлась с развратником Гелиогабалом ⁴³.

– Ну, Александр хоть не подставляет задницу собственным гвардейцам, – проворчал Плавт. – И не тащит в Рим поганных эмесских идолов. Хотя я бы многое отдал, чтобы поглядеть, как плывет по Тибру труп его мамы ⁴⁴. Я мог сдохнуть под ножами варваров из-за его поганой политики. И сдох бы, не встретить Череп. Череп! – Он повернулся к Геннадию. – Пью за тебя!

– А я – за тебя! – отозвался Черепанов. – Потому что это ты вытащил меня оттуда! И за славного Гельвеция, который вытащил нас обоих!

– Это точно! – крикнул Плавт. – Виват!

– Виват! – провозгласили субпрефект и Гастий, опустошая кубки.

Глава тридцатая, в которой подполковник Черепанов получает возможность увидеть римскую пехоту в действии

Когда они высадились на берег, пожилого рикса едва не хватил удар.

Появление римской триремы у стен его деревянной крепостцы было подобно ситуации, описанной в одном из читанных Черепановым детективных боевиков (очень недурном, кстати), когда на традиционную бандитскую «стрелку» одна из сторон, как водится, прибыла на навороченных иномарках, а вторая выставила... новейший вертолет огневой поддержки.

Зрелищем высадки римских легионеров на подведомственный риксу бережок стоило полюбоваться. И Черепанов любовался с удовольствием. А вот подавляющее большинство

⁴² Александр Север родился в городе Кесарии Сирийской.

⁴³ Имеется в виду император Элагабал, предшественник Александра Севера, убитый 11 марта 222 года вместе с матерью.

⁴⁴ Тела убитых Элагабала с матерью бросили в Тибр. Тибр – река, на которой стоит Рим.

местного населения – нет. Потому что на всякий случай драпануло в лес.

К чести рикса, он удирать не стал. Явился в сопровождении личной охраны встречать неожиданных гостей. Правда, охрана эта в сравнении с шеренгами римских «морпехов» смотрелась жалко.

И уж совсем жалко стал смотреться сам рикс, когда узнал Плавта с Черепановым.

Нет, благородные римляне не стали наказывать «союзников». Гельвеций отечески пожурил престарелого вождя – вот и все. Ну еще взял с него небольшую контрибуцию в виде продуктов питания. Да намекнул риксу, что надо бы устроить небольшой праздник по случаю их визита, а сбежавшим в леса готским «дамам» не худо бы на этом празднике присутствовать. Поскольку что ж это за праздник – без женщин? Лично для него, Гельвеция, такой праздник – и не праздник вовсе. А уж его старый друг, любимец самого легата Максимиана, о котором рикс наверняка слышал (рикс часто-часто закивал), тот и вовсе без дам обходиться не может. Болеет. Причем болезнь его в очень неприятной форме выражается. Крушит все доблестный кентурион Плавт Аптус. И все живое вокруг рубит без удержу. Пока сотни две народу не покрошит, не успокоится. Случившийся рядом Гонорий подтвердил с гнусной ухмылочкой: да, есть у него такая проблемка.

Разговор шел по-готски, с отдельными вкраплениями латыни. Черепанов не мог не восхититься, насколько точно «пограничник» Гельвеций копирует степенные интонации и неторопливую речь варваров. По форме. А по сути совершенно бестактно наезжает на притрухавшего рикса. Но рикс оказался понятлив: спорить не стал и все условия принял. Разместил гостей почетно: в крепостце, чем, как выяснилось, весьма порадовал рядовых легионеров, которым (в ином варианте) пришлось бы заниматься обустройством лагеря. Попутно варварский вождь послал гонцов за своими подданными, и вскоре сбежавшее население потянулось обратно к родным очагам и пажитям, дабы могучий «союзник» не превратил эти самые дома и пажити в пепел и уголья. Как выяснилось, старый лис послал не только за односельчанами, а вдобавок и направил гонца к вышестоящему риксу – за подмогой. Но это обнаружилось позже. А пока, в то время как не слишком радостные федераты готовились к «радостному» пиру, Плавт позаимствовал из риксовой конюшни пару коней, позвал Черепанова, и они отправились на лесную прогулку.

Наездник из Геннадия был довольно посредственный. Даже и после того, как он раздобыл пару ремней и приспособил в качестве стремян. Но, имея кое-какие теоретические познания, небольшую практику и отличную физическую подготовку, подполковник не сомневался, что очень скоро будет сидеть в седле как влитой. А это насущная необходимость, коли уж в римской армии именно кавалерия, а не пехота является основным и привилегированным родом войск. Попутно он поспрошал Плавта насчет новой римской тактики.

Оказалось, не такая уж она новая. И единственно возможная. Особенно на востоке, где без конницы вообще ловить нечего. И всегда так было.

В назидание же кентурион рассказал историю времен Цезаря ⁴⁵, когда некий консул Марк Красс, чье имя было Черепанову смутно знакомо, получив в управление Сирию, вознамерился превзойти подвиги Александра Македонского и завоевать Индию. А для начала сокрушить парфян. И даже частично преуспел в этом – переправился через Евфрат и захватил с дюжину месопотамских городов и крепостей, не встретив особого сопротивления. Поскольку для парфян данный наезд оказался сюрпризом и к войне с Римом они были не готовы. Тут бы честолюбивому Крассу и развить успех, но... Но тут пришло время сбора налогов в подведомственной ему богатой провинции Сирия. Должность же наместника в Римской республике была своеобразным призом для выдающихся политических деятелей. Традиционным способом поправить финансовое положение, обдирая подданных как липку.

⁴⁵ Традиционно неверное написание имени Юлия Цезаря здесь сохранено мною исключительно, чтобы не путать читателя.

А уж это ответственное дело жадный наместник не пожелал доверить никому. Потому, оставив в захваченных городах небольшие гарнизоны, консул вернулся в Сирию. А поскольку грабить и так подвластную ему богатую провинцию было куда менее хлопотно и куда более доходно, чем воевать, то доблестный консул и занялся этим делом вплотную, от жадности забыв о грядущей славе. Всю зиму доблестный консул потрошил сирийцев, набивая карманы, а вот парфяне времени даром не теряли и очень серьезно готовились к будущей войне.

Ранней весной к Крассу прибыл посол парфянского царя. С деловым предложением. Римлянам предлагалось убираться с его территории. При этом посол намекнул, что столь мягкое отношение его царя к ситуации связано исключительно с почтенным возрастом римского военачальника. Дескать, если инициатива нападения исходит от Рима, то он, парфянский царь, будет драться беспощадно и свирепо. Но если нападение на Парфию – самостоятельная идея впавшего в старческий маразм Красса, то, так и быть, царь его прощает и даже готов отпустить тех римлян, которых парфяне захватили, отбирая назад крепости, захваченные Крассом во время летней кампании.

Красс взбесился и заявил, что в следующий раз они будут говорить в столице Парфии.

На что наглый посол рассмеялся, показал римскому консулу ладонь и сообщил, что скорее на этой ладони вырастут волосы, чем римляне войдут в парфянскую столицу.

С тем посол и отбыл.

А чуть позже начали возвращаться солдаты, которым удалось уцелеть в зимних боях с парфянами. Собственно, зимой летняя история повторилась с точностью до наоборот. Если летом Красс легко вышибал из городов и крепостей слабые и неподготовленные гарнизоны парфян, то зимой парфяне с той же легкостью вышибли из своих укрепленных пунктов солдат Красса. И солдаты эти много чего рассказали о парфянах. Дескать, кони у них быстры, как ветер, стрелы пробивают любую броню, а сами они сплошь герои и гиганты. Если бы у Красса была голова на плечах, то он многое мог бы почерпнуть из этих рассказов о тактике противника. Но вместо головы у консула был сундук для золота, и сам он был вояка еще тот. Всех его «славных» побед – разгром толпы взбунтовавшихся рабов Спартака. (Тут Черепанов вспомнил, откуда он знает имя Красса. Точно, из «Спартака».) Вот консул и решил, что семи легионов, четырех тысяч всадников (половину их составляли галлы-федераты, которых прислал Крассу Цезарь) и четырех тысяч легкой пехоты достаточно, чтобы стереть парфян в труху.

Возможно, этого и хватило бы, если бы командовал ими юный Александр Македонский, которого вознамерился превзойти старый пердун Красс. Или если бы во главе легионов стоял великолепный Гай Юлий. Может быть, тогда парфянскому послу и пришлось бы выращивать волосы на ладони... Но Красс не был ни Александром, ни Цезарем. Вдобавок жадный и глупый консул поверил мнимому перебежчику-парфянцу и завел свою армию в пустыню. А когда наконец измотанное войско наткнулось на парфян... В общем, не было в мире пехоты, способной разгромить римские легионы. Но это с успехом сделала парфянская конница. Римлян окружили и забросали стрелами. Все попытки контратак проваливались. В одной из них погиб сын Красса. К чести консула, вид отрезанной головы сына не поколебал его духа. Но на общем результате это не сказалось. В конце концов парфяне Красса прикончили. А аквилы его легионов достались им в качестве трофеев. И только в прошлом году, благодаря воинскому искусству Максимиана, – заявил друг Черепанова, – и еще личной отваге Гонория Плавта Аптуса и его соратников, эти аквилы вернулись в Рим ⁴⁶. И хотя эту заслугу все приписывают императору, но ни хрена это не заслуга императора, поскольку не император, а Максимин бил парфян. И это факт. Такой же, как и то, что историю Красса Плавту рассказал именно Максимин, которому не зазорно было учиться на чужих ошибках,

⁴⁶ Насчет аквил Красса Плавт приврал. Они были возвращены еще Августом, в 20 г. до Р. Х. Ардашир возвратил (вероятно) штандарты разбитых им легионов.

даже если этим ошибкам – без малого четыре века. Великий Максимин, который никогда не терял своих орлов и никогда не проливал попусту кровь своих легионеров. И сколько бы его ни упрекали в жестокости...

Короче, Плавт сел на своего любимого конька. Наилучший, непогрешимый, величайший, богоподобный Максимин...

– Слушай, – неуважительно перебил славословия Черепанов. – А какой нынче все-таки год?

– Одиннадцатый от начала царствования, – последовал ответ.

– Хм-м... А если по более общему летоисчислению? – поинтересовался Геннадий. – Есть у вас такое?

– Разумеется! – Плавт снисходительно взглянул на «невежественного варвара». – Девятьсот восемьдесят шестой год. *Ab urbe condita* ⁴⁷.

«М-да, – подумал Черепанов. – Под городом ⁴⁸, очевидно, подразумевается Рим. А основали его то ли в восьмом, то ли в девятом веке до нашей эры. То есть нынче у нас третий или четвертый век. Если летоисчисление совпадает. И до памятной даты крещения Руси остается, соответственно, пять или шесть веков». Неудивительно, что на днепровских берегах всякие готы расположились. И какой из всего этого вывод?

– Ага! – воскликнул Плавт. – Вот он, родимый!

В желтеющей кроне ближайшего дерева серел его вещмешок. Набитый квеманскими драгметаллами.

– Ну разве я не молодец! – воскликнул кентурион, обращаясь к Черепанову.

Тот охотно кивнул. Его собственный вещмешок достался вандалам. К счастью, предусмотрительный Гонорий все более или менее ценное складывал к себе. «Так надежнее», – приговаривал он каждый раз. Черепанов не спорил. Умение хранить деньги среди его достоинств не числилось. Что ж, хорошо, что оба они оказались правы.

Ехали не спеша. Куда торопиться? Поэтому когда друзья нашли то, что искали, уже перевалило за полдень и оба изрядно проголодались.

Они спешили, привязали коней и принялись «замаривать червячка». Благо было чем. Тут тебе и копченый окорок, и осетринка, и маслины. И вино, разумеется. В количестве, достаточном, чтобы смочить горло двум серьезным мужчинам.

К сожалению, как следует пообедать им не удалось.

Первым этот звук услышал Черепанов. У него, как уже не раз отмечалось, был превосходный слух. Ничуть не хуже зрения и обоняния.

Звук был далекий, но достаточно характерный. Специфический шум, который создает множество лошадей, движущихся по дороге. И то, что дорога проходила довольно далеко, было совсем неприятно. Поскольку означало, что лошадей действительно много. А что такое много лошадей, передвигающихся вместе? Где-нибудь в степи это мог быть табун, перегоняемый с пастбища на пастбище. Да и в лесу – тоже мог быть табун. Но вряд ли. Скорее всего, на каждой лошади имелся наездник. И скорее всего – вооруженный. А когда много вооруженных всадников собираются вместе и поспешно куда-то направляются, то это уже называется войско.

– Тихо! – произнес Черепанов напряженно. – Слушай!

Гонорий перестал жевать и... В следующий миг он уже совал в мешок недопитую фляжку, а через полминуты оба уже сломя голову неслись через лес, рискуя вылететь из седел, наткнувшись на низкую ветку.

Но когда друзья вылетели на дорогу, там уже не было никого. Хотя пыль еще не успела

⁴⁷ *Ab urbe condita* (лат.) – от основания Рима. Годом основания Рима считается 753 г. до Р. Х. Соответственно, действие происходит в 233 году.

⁴⁸ *Urbis* (лат.) – город. Отсюда современное слово – урбанизм.

осесть. Скакать вслед колонне было глупо. Ломиться через лес, когда враг движется по дороге, – еще глупее. К юго-востоку была еще одна дорога к поселку. Вдоль реки. Качеством даже лучше этой, лесной. Зато более извилистая...

Не сговариваясь, друзья пересекли грунтовку и снова двинулись через лес. Спустя четверть часа они увидели Дунай.

И все-таки они опоздали.

Когда их полузагнанные кони вылетели на пригорок, с которого были видны поселок и готская крепостца, варварское войско – несколько сотен конных – уже разворачивалось для боя.

Плавт резко осадил коня. Отсюда, с прибрежного холма, открывался отличный вид. Все как на ладони. И готские домишки, и деревянная фортеция на соседнем холме, и отдельные человечки в форме легионеров, бегущие к крепости вверх по склону, и римская трирема со спущенным парусом.

Варвары разделились. Большая часть их с криками понеслась к берегу, рассчитывая захватить корабль.

На триреме спешно рубили концы. Если она успеет отчалить, а Гельвеций со своими запрется в крепости, то варварам не повезло. Даже такое жалкое укрепление не искусственным в фортификационном деле варварам быстро взять не удастся. А овладеть крепостью измором не получится, потому что очень скоро сбежавшая трирема вернется. С подмогой.

Но кажется, отчалить триреме все-таки не удастся. Варвары были уже на берегу. Некоторые прямо с седел прыгали на борт и карабкались наверх. Другие осыпали стрелами немногочисленных защитников корабля.

– Черт! Что он делает! – воскликнул Черепанов.

Сверкающая сталью и бронзой змейка выползла из крепости и начала неторопливо, но четко перестраиваться в боевой порядок, «всасывающий» тех, кто бежал вверх по склону. Гельвеций решил дать бой.

– Стой! – Плавт ухватил повод черепановского коня.

– Но... – Геннадий удивленно уставился на него. – Там же наши!

– Без тебя разберутся! – отрезал Плавт. – Успеешь еще подраться.

Как только варвары обнаружили, что римляне не собираются отсиживаться за стенами, их планы моментально изменились. Те, кто и так направлялся к холму, прибавили ходу. Да и большая часть тех, кто штурмовал трирему, бросила это занятие и устремилась к холму.

К сожалению (для варваров), у подножия холма был вырыт ров. Да и сам склон изобиловал рывтинами. Так что большинству нападающих пришлось спешиться. Лишь с полсотни варваров остались в седлах. Часть из них преодолела ров по узкому мосту, остальные решили, что их коням вполне под силу перепрыгнуть препятствие. Некоторым это и впрямь удалось, хотя не всем.

Зато на римлян обрушился настоящий град стрел. И тут Черепанов своими глазами увидел, что такое римская выучка. Мгновение – и растянутая шеренга легионеров сжалась втрое. И превратилась в некое подобие «черепахи», панцирем которой были сомкнутые щиты. Стрелы сыпались на «черепаху» сверху, били спереди... Но не причиняли заметного ущерба. В точности, как объяснял когда-то рыжему вандалу Плавт. Кавалерия кавалерией, а римская пехота тоже не разучилась драться.

А разъяренные варвары пестрой лавой катились вверх по склону. Черепанов слышал их рев, грозный даже с расстояния в полкилометра. А уж как он звучал для тех, кто прятался за щитами у стен крепости!

Все! Стрельба прекратилась, и орущая, взблескивающая сталью лавина накатила на римлян и захлестнула их, как морская волна захлестывает сложенную из гальки крепость.

Черепанов на мгновение ощутил внутри сосущую пустоту. Он понял, что когда волна отхлынет, то оставит после себя вывернутые из рук, разбитые щиты и окровавленные тела...

Но вышло иначе.

– Вскройсь! – резко выдохнул Плавт.

И словно услышав его команду, захлестнувшая легионеров волна, куча из сотен сгрудившихся варваров, – взорвалась!

Да, это было именно так! Словно внутри рубящегося и орущего месива сработал какой-то механизм – и сжавшаяся римская «черепаха» одним мощным усилием, буквально расшвыряв навалившихся на нее варваров, снова развернулась в четкие шеренги. Черепанов не мог видеть отдельных деталей – слишком далеко. Зато очень хорошо слышал, как трубный боевой клич легионеров «Бар-ра!» перекрыл рев варваров. Плотный строй римской когорты пришел в движение. Сначала – неторопливо, потом все быстрее. Он увидел, как падают варвары, пронзенные дротиками и копьями, а шеренги римлян, все ускоряясь, накатываются на дикую толпу и подминают ее, словно бульдозер, пятная изувеченными телами оставленный позади склон.

– Бар-ра! Бар-ра!

Нет, варвары не побежали. Все, кто был на склоне холма, продолжали сражаться яростно и беспощадно. Но боевая машина римского строя сминала, сгребала их и гнала в сторону рва, как нож бульдозера гонит перед собой вырастающую кучу земли и мусора.

Но у самого рва шеренги остановились. Одновременно. И снова в ход пошли пращи и дротики.

И тогда варвары побежали. Те немногие, кто уцелел.

– Ну, Череп, – процедил Плавт. – Теперь и мы с тобой можем повеселиться! Бар-ра! – мощно выдохнул кентурион и бросил коня вниз, наперерез разрозненным фигуркам удирающих варваров.

Геннадий последовал за ним.

Молча.

Поселок жечь не стали. Хотя поступало и такое предложение. Гельвеций решил: федераты, на собственной практике убедившиеся в силе Рима, будут более лояльны, чем федераты, не прочувствовавшие зубами, сколь крепок римский кулак. Посему победители домов не жгли и населения не резали. Даже двурушника-рикса наказывать не стали, просто выгребли из готских ларей и схоронок все, что представляло хоть какую-то ценность, и переправили в трюм триремы. Точно так же гуманно поступили и с военнопленными: посадили всех под замок и отправили риксова племянника гонцом к родичам. Договориться насчет выкупа.

Зная, впрочем, характер варваров, римляне почивать на лаврах не стали, а выставили боевое охранение и взяли под контроль все подходы к поселку. Чтобы в случае чего быстренько погрузиться и отчалить, прихватив наиболее ценных пленников.

Самый же ценный пленник принадлежал Плавту. Как оказалось, там, на холме, кентурион не просто наблюдал за ходом сражения, а успел высмотреть того, кто командовал варварами, и, когда те драпанули, с идеальной меткостью (не зря его Аптусом звали) выхватил добычу из общей массы беглецов, словно кусок свинины из бурлящего котла с кашей. И, кстати, попутно пресек попытку этого самого вождя превратить неорганизованный драп в тактически грамотное отступление.

Да, у Гонория было чему поучиться. И Черепанов учился. Наматывал на отросший ус.

Вождь оказался готом. Из племени вези. Старшим сыном большого и грозного рикса, под которым ходят другие риксы и который, можете не сомневаться, выкупит у римлян своего наследника.

И всех соплеменников, которые оказались в римском плену. Но – только соплеменников. Остальных пусть выкупают собственные сородичи. В роли остальных оказались старые знакомые. Квеманы. И даже совсем старый знакомый – тот самый рикс в рогатом шлеме. Правда, ни Черепанов, ни Плавт уже не смогли засвидетельствовать квеманскому вождю уважения. И грозный рогатый шлем тоже пришлось отправить на переплавку, поскольку водрузить его на голову уже было невозможно. Упрямый квеман оказался среди тех, кто штурмовал трирему. А на палубе оказалось несколько небольших, но вполне боеспособных орудий. И небольшая (размером с копье) стрела «скорпиона» угодила

аккурат в шлем грозного квемана и радикально попортила и шлем, и то, что было под ним. И это очень огорчило Плавта, который мечтал потолковать с квеманским лидером о превратностях бытия. Отчасти утешило кентуриона, что квеманское золото, на которое собирались купить их с Черепановым, стало частью общей римской добычи.

Выяснилось также, почему готы так быстро и энергично отреагировали на появление римлян. Да просто потому, что у них под рукой очень удачно (или очень неудачно, если оценивать по конечному результату) оказалась полностью укомплектованная и готовая к бою ватажка. Правда, изначально эта «армия» предназначалась для войны с «обнаглевшими» вандалами, но ее молодой военачальник оказался не в силах противостоять соблазну. А тут еще и беспокойные квеманы подлили масла в огонь: посулили дополнительный выкуп, ежели в числе пленных окажутся интересующие их персоны. Словом, юный (ему, как оказалось, всего семнадцать зим) вождь ринулся в бой, не дожидаясь одобрения папаши. Ну не было у него опыта драки с римлянами!

Зато теперь – есть.

Папаша прибыл спустя три дня. Без армии, но с подобающей свитой. Привез деньги. И выкупил всех: сына, соплеменников и пятерых уцелевших квеманов. Заверил Рим в вечной дружбе и благорасположении. Мол, сынок молодой, горячий, спит и видит – как бы воинскую доблесть проявить. А вообще-то мы люди степенные, незлобивые. Если что – всегда готовы помочь. Например, если кому холку намылить (тем же вандалам, к примеру), то только скажите. Для друзей – всегда пожалуйста.

Под этим предлогом степенный, но хитрющий как лиса рикс намеревался выкупить пленников задешево. Не прокатило. Гельвций с Плавтом тоже были ребята не промах.

Пришлось риксу выложить денежки. И немалые. Но похоже, на римлян он ничуть не обиделся. Наоборот, зауважал.

Лично Черепанову оборотистость субпрефекта с первым кентурионом принесла увесистый мешочек серебра – долю общей добычи. Что в совокупности с той долей, которую отсыпал ему из своего мешка Плавт, составляло весьма приличную сумму. Как ему объяснил тот же Плавт. Будет чем расплачиваться за удовольствия, которыми так щедра цивилизация. По крайней мере на первых порах.

А там, глядишь, и постоянная работа подвернется. Уж он, Плавт, позаботится, чтобы римская армия и лично легат Максимин по достоинству оценили возможности его друга Черепана.

И он не соврал, первый кентурион Гонорий Плавт Аптус. Он вообще был человек честный.

С друзьями, разумеется.

Часть вторая На службе империи

Ferro ignique ⁴⁹

Глава первая, в которой Геннадий Черепанов вступает на землю Римской империи и видит настоящую римскую дорогу

Трирема «Гордость Клавдия» высадила их в Кисимии, прибрежном городишке у очередной излучины Дуная. Собственно, Плавт собирался плыть с Гельвечьем и дальше, в Паннонию, но прослышал, что Максимин обосновался в лагере неподалеку от некоей Сердики ⁵⁰. То есть примерно в ста милях от Кисимии.

⁴⁹ *Ferro ignique* (лат.) – огнем и железом (подразумевается, мечом). Овидий.

⁵⁰ Сердика – современная София в Болгарии.

Черепанову это расстояние показалось изрядным (учитывая недавний опыт путешествия по лесам), но Плавт отмахнулся.

– Дня за четыре доедем, – заявил он. – А то и за три. Это тебе не по болотам шастать, это Рим! Цивилизация!

Признаться, городишко Кисимия не произвел на Черепанова «цивилизованного» впечатления. Улочки, правда, были прямыми, но донельзя грязными. И домишки – такие же грязные и обшарпанные. Если не считать, разумеется, того, который назывался «курия» и где обитал местный «градоначальник». Плавт двинул прямо к нему, но Черепанова с собой не взял – оставил отдыхать на скамеечке у протухшего пруда, напротив маленького рынка. Единственное развлечение, которое предоставлялось Черепанову, – созерцать, как двое тощих подростков чистят лошадей. Дело серьезное, и Геннадию было полезно понаблюдать, поскольку сам он этим важным навыком не владел. Полезно, но скучновато.

У пруда Черепанов был не единственным бездельником. Тут же околачивались какие-то местные мужички самого пройдошистого вида. Поглядывали то на Геннадия, то – с откровенным вожделением – на мешки у его ног. Но предпринять более активных действий не решались. Черепанов, бородатый, экипированный разнообразно, но достаточно грозно, выглядел сущим варваром. Собственно, таковым он и был по здешнему статусу. А варвар – слишком крупная добыча для мелкого жулья. Еще зарубит ненароком.

Появился Гонорий. Вот кто совсем уж на варвара не походил! Гельвецкий презентовал ему полный комплект обмундирования армейского офицера – из личных запасов. Темно-красную тунуку, короткие штаны, поножи, шарф, армейские сандалии на толстой подошве. Оружие у Плавта было свое, трофейное, вполне подходящее римскому офицеру. Вот только шлем подкачал: не тот это был шлем, который подобал крутому кентуриону. Но несмотря на шлем, Гонорий Плавт Аптус выглядел именно тем, кем являлся: кентурионом. Причем очень недовольным кентурионом. Поэтому при его появлении терпимые по близости от Черепанова сомнительные личности мигом исчезли.

– Ублюдок собачий, – буркнул Плавт, явно имея в виду недавнего собеседника. И погромче: – Эй, вы! Чьи это лошади? Я их куплю!

И купил. Даже особо не торгуясь. Похоже, Гонорий решил как можно быстрее убраться из городишки.

Впоследствии выяснилось, что Плавт, ссылаясь на свой статус посла, потребовал от местного начальства коней и денег на дорожные расходы. Но местный правитель (профессиональный военный, как и положено, учитывая пограничный статус городка) отсутствовал, а замещал его чиновник, который Плавту отказал, ссылаясь на то, что кентурион ничем подтвердить своего статуса не может. Плавт, естественно, вспылал и пригрозил гневом Максимиана. Чиновник в свою очередь посулил кликнуть вигилов. То бишь местную пожарную команду, по совместительству являющуюся полицией. Вигилов кентурион не боялся, но понял, что денег и лошадей все равно не будет. Поэтому плюнул на стол чиновника, обозвал его крысой и удалился.

После покупки лошадей Гонорий отправился в местный «обменник», расположенный тут же, на главной площади, и обменял трофейное серебро на мешок римских монет. Причем монеты Плавт принимал поштучно и тщательно осматривал: не фальшивые ли? Старой ли чеканки? К новым относился неодобрительно. Совершив ченч (удачный, судя по кривой роже менялы), кентурион порывался в кучке драгметаллов (меняла по совместительству работал в городишке ювелиром), откопал и приобрел золотую бляху с чеканкой в виде крепостной башни в обрамлении лаврового венка. Бляху эту Плавт велел прицепить к золотой цепочке из вандальских трофеев. Черепанову же римлянин заявил: мол, точно такая же была у него на шее, когда сцапали варвары. И если ту медальку прихватизировал варварский рикс, это еще не значит, что Плавт должен отказаться от заслуженной награды.

После менялы они заглянули в таверну. Там вкусно пахло горячим, но Плавт

Черепанова разочаровал.

– В дороге пожрем, – буркнул он, набивая сумку продуктами. – Поехали!

Черепанов спорить не стал: другу виднее.

Обшарпанные ворота были распахнуты. А за воротами...

За воротами тянулось прямое, как стрела, ровное и широкое шоссе. Правда, не асфальтированное, а мощенное каменными плитками.

Черепанов удивился. И вероятно, не сумел скрыть удивления, потому что Плавт моментально выпятил подбородок и с гордостью заявил:

– Вот, Череп, любуйся! Настоящая римская дорога. Века простоит.

Он был прав. Дорога была качественная, из плотно подогнанных камней, выпуклая посередине, с поребриками, насыпью и дренажными канавами по сторонам.

Позднее Черепанов имел возможность пронаблюдать, что качество – не только поверхностное. Под плоскими каменными плитами на утрамбованном грунте лежало еще четыре слоя: слой песка, крупные камни, скрепленные цементом, камни поменьше и плотно утрамбованный гравий. Да, к дорогам римляне относились очень серьезно⁵¹. В первую очередь из военных соображений. Качественные дороги позволяли в любое время года с невероятной быстротой перебрасывать воинские подразделения из одной точки в другую. Следовательно, само число войск, охраняющих обширные границы империи, можно было подсократить. Государство и так вынуждено было держать огромную армию: более тридцати легионов только для охраны границ, по утверждению Плавта. Учитывая, что в каждом легионе тысяч по шесть бойцов, число получалось неслабое. А ведь, кроме пограничников, были еще «полевые» части. И личная гвардия императора. Содержать такую армию – недешевое занятие. Так что стоимость прямых, как стрела, дорог наверняка окупалась.

В общем, дорога была отличная. А мост, переброшенный через небольшую речку, который они миновали через час, – еще лучше.

Черепанов получал изрядное удовольствие от верховой езды. Он уже наловчился сидеть так, чтобы не натирать ляжки и не оттаптывать копчик, приноровился к шагу коня. Седло было удобное. Сбрую, естественно, покупал тоже Плавт, и подполковнику он подобрал такое седло, которое соответствовало скромным возможностям Черепанова. Геннадию лишь осталось дополнить его парой импровизированных стремян. Для себя Плавт приобрел совсем другую сбрую. Такого седла, например, – с четырьмя похожими на рога выступами по углам – Черепанов не видел никогда. Но судя по тому, что скорняк назвал это седло «милитаристским», то бишь военным, надо полагать, оно было именно таким, к какому привык кентурион.

Итак, Гонорий с Геннадием ехали рядом по отличной дороге. За ними цокал копытами мул, навьюченный их имуществом, а впереди медленно сползало к горизонту большое рыжее осеннее солнце.

Дорога, как уже сказано, была превосходная.

К сожалению, вокруг нее царило запустение.

Поля заросли бурьяном, сады и рощи тоже не выглядели ухоженными. Время от времени попадались обгоревшие остовы домов. Или не обгоревших, но явно брошенных. И людей тоже что-то не было видно. Зато чуть позже Черепанов заметил вдали, на холме, большое здание с колоннадой. С заметными следами огня. В общем, окружающее мало походило на процветающие земли.

– Слышь, Гонорий, что-то тут не слишком оживленно, – заметил подполковник.

⁵¹ «Путеводитель Антонина Августа» – принадлежавшая ко временам Каракаллы карта шоссейных римских дорог, включала к началу III в. до Р. Х. сеть дорог длиной около 53 000 римских миль. Учитывая, что средняя стоимость работ по прокладке одной мили дороги составляла в среднем 100 000 сестерциев (семь с половиной килограммов золота), можно представить, какое значение придавалось в Риме путям сообщения. Правда, эксплуатационные расходы были сравнительно невелики, так как строили дороги действительно качественно. На века.

– Это точно, – согласился римлянин. – Пару лет назад здесь варвары прогулялись. Алеманны. Это когда мы еще на востоке стояли. После войны с Ардаширом Парфянским. Мы там, а эта граница, считай, голая была. Вот они и воспользовались. Прошлись по Паннонии ⁵² аж до Сирмий ⁵³, а потом и сюда заглянули. У кое-кого из моих легионеров тут родные жили. Представь, каково это? Воюешь, воюешь на проклятом богами Востоке, а у тебя дома варвары бесчинствуют. Потому в наших данубийских легионах многие Александра Августа недолюбливают, хоть он и жалованье повысил, и премии выплачивает, как положено. Не могут простить ему парни, что он из-за своих любимых сирийцев их родичей без защиты оставил. Ведь германцы – они как волки. Только слабость почуют – сразу рвут. Сам видишь, что вышло. – Плавт вздохнул. Потом добавил: – Ничего. И не то переживали. Подальше от границы уже отстроились – увидишь. А тут если и обитает кто, так одни разбойники. Хотя земля хорошая. Ничего, дай срок – и здесь наладится. *Rex Romana* ⁵⁴ – это, друг мой Геннадий, великая сила!

– А про разбойников ты – серьезно? – спросил Геннадий.

– То есть?

– Не шутка? Кого им грабить, если не живет никто?

– Дорога-то есть. Купцы ездят, люди ходят, торговцы всякие... с девками! – Кентурион засмеялся. – Да вот хоть мы с тобой. В общем, Череп, девок мы, может, и не встретим, а вот разбойников повстречаем непременно! – Плавт перегнулся в седле, хлопнул Геннадия по плечу и захохотал.

Черепанов же ничего смешного в возможном наличии разбойников не находил. С его точки зрения, двое всадников с солидно навьюченным мулом представляли для «романтиков с большой дороги» лакомый кусочек.

Глава вторая, в которой выясняется, почему Гонорий Плавт Аптус не боится разбойников

Плавт оказался неплохим пророком. Ближе к вечеру, когда солнце коснулось горизонта, по одну сторону дороги выстроился молодой лес, а по другую вытянулся заросший кустами овраг, разбойники появились.

На фоне великолепного заката возникли, три живописные фигуры с копьями наперевес.

– Ну, Череп, повеселимся! – сквозь зубы процедил Плавт.

Он даже не подумал придержать коня. Осадил его, только когда тот мордой едва не уткнулся в жало копья.

Стоило им остановиться, как из оврага выскочили еще трое, а из леса – четверо. Все – при оружии. Вот только оружие, как заметил Черепанов, было не ахти какое. Даже варвары-квеманы выглядели на порядок солиднее, не говоря уже о молодцах-вандалах. Эти же вообще какие-то оборванцы. Зато – десятеро против двоих.

Преградившие путь держали оружие наизготовку, а вот Плавт даже рукояти меча не тронул.

– Ну? – надменно уронил он. – Что застыли, как суслики на кучках? Спросить чего хотите? Так спрашивайте. Нам недосуг.

– Хотим! – заявил тот, что целил копьем в морду Плавтовой лошади. – И спросим!

⁵² Паннония – римская провинция. Также делилась на две: Верхнюю Паннонию (столица Савария), находившуюся между Дунаем и р. Дравой; и Нижнюю Паннонию (столица Сирмий), между реками Дравой и Савой в их нижнем течении. С запада от Паннонии располагалась провинция Норик, с юга и востока – Иллирия и Мезия, с севера – Дунай.

⁵³ Сирмий – столица провинции Паннония, современный город Сремска-Митровица.

⁵⁴ *Rex Romana* (лат.) – Римский мир, вернее, римский миропорядок.

Дорожное мыто! ⁵⁵ Что везете?

– Ты что, эдил? – ухмыльнулся Плавт.

– Для тебя – эдил! – Разбойничек-вожак явно хорохорился. – Серебро есть?

– Есть. – Плавт, похоже, искренне наслаждался ситуацией. – И золото есть. Хочешь глянуть?

– Ну-ка? Покажь! – нервно выкрикнул вожак.

Справа от Черепанова маячили двое. Слева – тоже. Парень с большущим, явно предназначенным не для боя, топором вознамерился взять за узду мула, но Геннадий сдал назад и отпихнул парня крупом коня. Пустить в дело свой дровосецкий топор разбойник не рискнул.

– Хочешь, значит, глянуть, – удовлетворенно протянул Плавт. – Любишь золото, да?

– А кто его не любит! – фыркнул разбойник.

– Это точно, – согласился Гонорий. – Только золото не всех любит. Мое, например, тебя любить не станет. Поэтому никаких пошлин тебе мы с другом платить не будем.

– Это почему же? – спросил разбойник, совершенно обескураженный.

– Потому, что наш славный Август Антонин Александр Север, да живет он вечно, пожаловал меня и моего друга, рикса Черепа, пожизненным освобождением от всех дорожных налогов.

Атаман глянул мимо Плавта – на Геннадия. Тот не стал строить страшных гримас, подобающих варвару. Но и без гримас двое разбойничков, подобранных поближе и явно готовившихся при случае сдернуть подполковника с коня, серьезно задумались, стоит ли воплощать это намерение. И, поскрипев мозгами, решили, что неглупо было бы отступить на пару шагов. Нет, эти ребята явно не имели практического опыта. Потому что выбрали дистанцию, на которой никак не могли своими «инструментами» достать Геннадия. А вот он – мог.

– А не хочешь ли ты узнать, дружище, за что нас пожаловал император? – осведомился Гонорий.

– За что? – тупо спросил вожак.

– А ты угадай! – посоветовал кентурион, ухмыльнувшись. И, оттянув ворот туники, почесал волосатую грудь. И заодно продемонстрировал свою цепь с бляхой.

– Как тебе мое золото? – спросил Плавт издевательски. – Хорошо блеснит?

Вид драгметалла подействовал на разбойника странно. Копье атамана опало, как отработавший пенис. И сам он тоже сник и попятился.

Плавт тронул коня и проследовал мимо. Черепанов – за ним. Разбойнички повели себя скромно: разными острыми предметами в спины кидаться не стали. Хотя Черепанов еще некоторое время чувствовал на затылке чужие взгляды и был готов при малейшем подозрительном звуке соскользнуть с седла.

– Вшивари, – сказал Гонорий спустя некоторое время. – Колоны ⁵⁶ . Рабская порода.

– Впервые вижу, чтобы разбойник испугался вида золота, – заметил Черепанов.

– Это не просто золото, Геннадий. – Плавт щелкнул ногтем по пластине с чеканкой. – Это золото, на котором стоит значок: «Мой хозяин умеет брать, но никогда не отдает взятого». Я же говорил, что награжден венком «За взятие крепостной стены». Сам подумай: разве у таких вшиварей хватит мужества напасть на человека, который первым взойшел на вражескую крепостную стену? Ты хоть представляешь, что это такое? – В голосе кентуриона звякнула бронза.

– Примерно, – ответил Черепанов.

– Сброд, не стоящий даже плевка, – заявил кентурион. – Забудем о них. Э-э! Кажется, я

⁵⁵ Мыто – налог.

⁵⁶ Колон – крестьянин, обрабатывающий чужую землю. Нечто вроде российского крепостного.

чую дым. Неужели кто-то выстроил здесь гостиницу? Вот это был бы приятный сюрприз!

К сожалению, это была не гостиница. Придорожный костерок, у которого грелись шестеро путников невзрачного вида. Серый ослик был привязан неподалеку.

При виде вооруженных всадников путники сначала испугались, но Гонорий, спешившись, успокоил их, объявив, что достаточно богат, чтобы не грабить нищих. Если нищие поделятся с ними ужином, он кивнул на вертел, на котором вращалась, медленно прожариваясь, туша то ли оленя, то ли дикой свиньи.

Нищие, двое мужчин, две женщины и пара детишек, возражать не стали. Тем более что у гостей имелось вино и медовые лепешки.

Черепанов и Плавт напоили коней (рядом имелся ручеек), стреножили их и подсели к костру.

Путники оказались будущими поселенцами. Им был обещан надел в одной из здешних префектур. Имелась и соответствующая бумага с печатью, которую бедняки с гордостью продемонстрировали. Сами они читать не умели. Зато Черепанов наверняка смог бы прочитать написанное. Но выставляться не стал. Зачем? Статус «дикого варвара» пока что его устраивал. Будучи сам представителем империи (пусть даже и без императора), Черепанов понимал, что лучше не выпадать из выбранного образа. Там, где есть государство, – с армией, чиновниками, податями и полицией, – наверняка имеются и аналоги спецслужб. Какой-то там дикий варвар их вряд ли заинтересует, а вот варвар, который, не умея толком говорить, умеет читать, моментально возбудит подозрения. Поэтому он бросил на документ равнодушный взгляд и вплотную занялся мясом.

Это оказалась оленина. Бедняга-олешек сломал ножку и был зверски убит безжалостными людьми. Ужасный поступок – с точки зрения какой-нибудь сентиментальной дамы, современницы Геннадия. Но большая удача с точки зрения здешней бедноты.

И взрослых, и детишек. Два мужичка с азартом рассказали Плавту и Черепанову, как прикончили животное дубинами. Описание привело бы в ужас любого защитника животных, но эти детишки слушали с восхищением. Потому что мясо убитой зверюшки было пищей, следовательно – их жизнью. И они понимали, что любое мясо когда-то бегало, щипало травку, мычало или хрюкало. Да, их родственники, не обладая охотничьими навыками, приканчивали животное долго, неумело и неаппетитно. Но они были сущими добряками в сравнении с «гуманными технологиями» двадцать первого века, когда на мясокомбинатах выпускают кишки и сдирают кожу с живых коров, вздернутых на стальные крюки конвейера. Если, как слышал Черепанов, в мясе убитого животного на биохимическом уровне «записывается», какой именно смертью умерла бедная скотинка, то в расфасованных бифштексах из супермаркетов содержатся настоящие кошмары. Но попробуй лишить сентиментальную «любительницу зверюшек» бифштекса!

И ты узнаешь, что такое настоящий кошмар!

«Нет, – подумал Черепанов, – у дикости есть много больших плюсов. Например, лицемерия поменьше».

Он ошибался, полагая здешнее общество более диким, чем то, где родился. И насчет лицемерия – тоже ошибался. Мир, в котором он сейчас оказался, был первоосновой всей европейской культуры – политики, этики, законодательства и государственности. Со всеми их плюсами и минусами. И как всякая основа, он во многом был глубже и правильной многочисленных построек, выросших на фундаменте Римского Миропорядка. К сожалению, Черепанову не суждено было увидеть Рим в эпоху расцвета. Только накануне гибели. Но гибель Тысячелетнего Рима – дело долгое. Изнутри и не заметишь, что титан умирает. Все кажется – это не смерть, а лишь временная полоса неудач, как уже не раз бывало. Может, потому и умирают великие государства? Когда черед взлетов и падений становится слишком длинной и кажется естественным, что за провалом следует подъем? Когда всем – и подданным, и власть предержащим – кажется, что выход из пике должен произойти сам собой? Что история проворачивается, как туша на вертеле, подставляя огню то один, то другой бок? И забывается вдруг, что кто-то должен крутить вертел, а кто-то – срезать мясо

до того, как оно обуглилось. А туша при этом становится все тоньше и тоньше...

...Оленья туша неторопливо поворачивалась на вертеле, которым служила грубо оструганная жердина, установленная на рогатках. Сотрапезники отмахивали ножами куски – по мере готовности, сдабривали солью, дули на горячее мясо...

Плавт, снимавший обжаренные, шкворчащие куски небрежным и идеально точным взмахом ножа, тем же движением ловко забрасывал их в глиняную миску, из которой ели детишки – мальчик лет пяти и заморенная девчушка года на четыре постарше.

Девчушке кентурион напоследок сунул кусок медовых сот, которым она поделилась с братцем.

Черепанов, зная темперамент и установки кентуриона, опасался, как бы Гонорий не стал к ней приставать, но, видимо, даже с точки зрения любвеобильного Плавта, девчонка была еще слишком мала. Что же касается двух присутствовавших женщин...

Возможно, они не отказали бы славному воину, а их мужчины не стали бы возражать (интересно, как бедолаги могли бы возразить Плавту?), но уж больно грязны и невзрачны были эти крестьянки. Кстати, именно крестьянки, в первоначальном значении этого слова. На обеих Геннадий заметил маленькие деревянные крестики. А старший из мужчин после трапезы пробормотал что-то вроде «Pater noster» ⁵⁷.

Внезапно тонкий жалобный вой пронзил темноту. Совсем близко. Стреноженные лошади, пасшиеся неподалеку, нервно заржали и подались к людям.

Даже слой пыли не мог скрыть, как побледнели женщины. Да и мужчины занервничали.

– Лупус, – прошептала девочка. – Волк.

И тут же получила от матери оплеуху.

– Накличешь, дура!

– Оставь ее, – спокойно уронил Плавт. – Ну, волки. Что с того? Пойдем, Геннадий, лошадей привяжем на всякий случай.

Черепанов поднялся.

За все время их совместного путешествия волков он не видел ни разу. И не слышал. Следы – да. Следы попадались. И волчьи шкуры у варваров по ту сторону Дуная встречались столь же часто, как сапоги типа «казак» осенью на Арбате.

Вой раздался совсем близко. И тут же солисту ответил целый волчий хор.

– Кровь учуяли, – сипло произнес старший из мужчин. – Его кровь. – Он показал на недоеденную тушу оленя.

– Может, отдать им? – неуверенно предложил второй.

– Вот еще, – проворчал Плавт. – Волков жареным мясом кормить. Да я их лучше сам съем! Вместе с хвостами! – Кентурион подмигнул перепуганной девчонке.

Та неуверенно улыбнулась.

Черепанов ощутил, как редеет сгустившийся над поляной страх. Даже ему как-то спокойнее стало...

В следующий миг он вскочил, словно подброшенный пружиной. Ширкнул выдернутый из ножен меч – серый зверь с тусклыми красными глазами отпрянул назад и застыл между двух кустов. При свете костра была видна нитка слюны, свисающая из пасти.

– Обнаглели, – проворчал Плавт.

Он единственный как сидел, так и остался сидеть.

– Совсем обнаглели. Добро бы зима была, а то ведь осень...

Еще один волчара возник по ту сторону костра. С той стороны, где были привязаны лошади и ослик. Животные уже рвались с привязей...

– Раз, два, три... – спокойно считал Плавт. – Четыре, пять... Восемь.

Красные угольки-глаза окружили поляну со всех сторон.

⁵⁷ Pater noster (лат.) – Отче наш.

– Во Фракии за пару ушей динарий дают, – сказал Гонорий. – Здесь, наверно, не меньше, как думаешь?

Он неторопливо поднялся.

– Да убери ты меч, – сказал он Черепанову таким тоном, словно речь шла о выборе наживки для рыбалки. – Спугнешь. Да и шкуру попортишь. – И шагнул в сторону от костра. В опущенной руке – нож, которым кентурион полчаса назад резал мясо.

Черепанов не боялся диких зверей – он отлично знал, что человек сильнее любого. Но все-таки выйти с ножом на целую стаю...

Плавт успел сделать шагов десять. Не шагов – шажков... Серая стремительная тень метнулась из темноты...

Черепанов увидел, как Гонорий плавно, даже неторопливо подался в сторону – и поймал тень на лету. Поймал, чиркнул ножом – и легко перебросил через плечо.

Короткий визг – и серый зверь тяжело шлепнулся на землю и забился на траве, брызгая кровью из распоротой шеи.

Дети пронзительно заверещали.

А красные угольки, окружившие поляну, разом погасли. Волки исчезли так же внезапно, как и появились.

Плавт подошел к костру, поглядел на зверя. Тот уже затих, глаза остекленели. Был он совсем небольшой, тонконогий, поджарый. Но с таким впечатляющим арсеналом в пасти...

Плавт наклонился, отмахнул волчьи уши и сунул девочке, а нож обтер и спрятал.

– Обдери, – сказал он, кивнув на волка, младшему из мужчин. – Шапки деткам сошьешь. Здесь не Италия. Зимой холодно бывает.

Глава третья, в которой Геннадий Черепанов узнает, как выглядит «настоящая римская» еда и «настоящие римские» шлюхи

Гостиница располагалась метрах в ста от дорожной развилки. А на самой развилке на каменном постаменте стояло изваяние человечка, выкрашенного в красный цвет. Вид у человечка был донельзя жизнерадостный, а уши почему-то ослиные. Из-за пазухи изваяния торчали желтые колосья и черные виноградные грозди. И такие же грозди свешивались из рога, который человечек держал двумя руками. Но самой выдающейся частью статуи был устремленный вперед метровой длины фаллос, изваянный с большой точностью и старанием.

Гонорий необычайно оживился. Соскочил с коня, подбежал к статуе и принялся оглаживать и охлопывать изваяние, всячески выражая восторг.

Черепанов тоже спешил, подошел поближе. Пока Плавт исполнял «танец радости», Черепанов не без труда разбирал сделанную на постаменте надпись. Она гласила:

«СКАРЕМИЙ – 10 миль»⁵⁸

А пониже:

«Но то, что нужно тебе, о путник, – рядом».

И еще ниже:

⁵⁸ Межевые столбы на римских дорогах были многочисленны, но не унифицированы. И формой, и надписями. На них могло быть указано расстояние до ближайшего населенного пункта, до ближайшего большого города, столицы провинции или Рима. Или до границы. Часто на столбе было написано имя принцепса (императора), который распорядился данную дорогу построить. В данном случае указано только расстояние до ближайшего города.

«Не унывай, пока жив,
Следуй желанным путем.
Пищей себя подкрепи —
И жилы твои укрепит
Всеизобильный Приап».

Ага, вот, значит, каков бог-покровитель Плавта. Понятненько.

Геннадий посмотрел на ликующего друга... И у него впервые за все время их знакомства зародилось некое подозрение. Подполковнику показалось, что римлянин изображал ликование. Актерствовал. Зачем? Или это тоже определенный ритуал?

«Черт их разберет, этих идолопоклонников», — подумал Черепанов и отложил возникшие сомнения в дальний уголок. Но именно отложил, а не отбросил.

Гостиница, солидная постройка из камня с внушающими уважение воротами, недавно выбеленными стенами и красной черепичной крышей, издали произвела на Черепанова очень приличное впечатление. Вполне под стать дороге. Правда, подойдя ближе, Геннадий увидел, что под свежей побелкой проступают неистребимые настенные граффити и даже имеются некоторые свежие надписи, например, «Евстихий—сын безрогой козы». На случай, если читатель не был знаком с упомянутым Евстихием, рядом красовался портрет, причем недостаток профессионализма художник с лихвой компенсировал фантазией.

Черепанов хмыкнул. Человеческая натура неизменна: вид чистой белой стены оскорбляет взгляд обывателя. Когда-то Геннадий прочитал, что количество и плотность настенного «творчества» на единицу площади соответствует общему уровню культуры народа. «Дописки» прекращаются, как только поверхность перестает «оскорблять» взгляды масс своей «недопустимой» чистотой. Судя по данному забору, культура в Римской империи была на высоте. Правда, и забор был выбелен относительно недавно.

Внутри гостиница тоже была хоть куда, с конюшнями, обширным хозяйственным двором и галереями. Более того, постоялый двор располагался вокруг источника, чьи прозрачные воды наполняли небольшой бассейн, выложенный потрескавшейся плиткой. Надпись на камне свидетельствовала, что источник имеет давнюю историю и посвящен самому Геркулесу.

— Нравится? — самодовольно поинтересовался Гонорий, вручая повод ослика слуге. — Я всегда здесь останавливаюсь по пути в Никополь ⁵⁹ или Сердику. Здесь недешево, зато вино отменное, нет клопов и отличные девочки. Раньше тут мансион ⁶⁰ был, но его еще при Антонине Каракалле продали отцу нынешнего хозяина. Теперь полный порядок. Эй, Парсий, ты еще жив? — гаркнул Гонорий, пинком открывая дверь.

Внутри было темновато, не слишком чисто, зато запахи витали такие, что у Черепанова рот сразу наполнился слюной.

Парсий, упитанный мужчина с бородой колечками и золотыми серьгами граммов по двадцать каждая, услышав возглас, повернулся навстречу новым гостям всем своим массивным телом и изобразил крайне радушную, но явно фальшивую улыбку.

— Великолепный Плавт! — воскликнул он. —

А люди болтали, будто тебя зарезали варвары! О!

Я никогда не верил, что какие-то варвары могли такого доблестного воина...

— Хватит болтать! — оборвал его кентурион.

— Да, господин! Конечно, господин примипил Гонорий! Прошу пожаловать в триклиний, господин примипил!

Триклиний представлял собой просторный зал с дыркой посреди потолка. Внутри было

⁵⁹ Никополь — Гонорий имеет в виду город, основанный в начале II в. императором Траяном в провинции Нижняя Мезия.

⁶⁰ Мансион — государственная гостиница.

шумно и густо пахло едой.

Плавт, высокомерно оглядев зал, прошествовал мимо обычных столов со скамейками и табуретами к столу низкому и квадратному, размещавшемуся в дальнем углу и частично отгороженному ширмой. С трех сторон от стола-коротышки располагались прикрытые синими покрывалами широкие лежа на бронзовых ножках. Отстегнув меч, Плавт плюхнулся на одно из них, подгрёб под себя подушку, махнул рукой Черепанову:

– Давай располагайся! Наконец-то мы можем отдохнуть по-человечески. – И, уже хозяину: – А ты что стоишь, жирняй? Тащи все самое лучшее. Живо! Если мой друг, благородный рикс с благородным именем, – широкий жест в сторону Геннадия, – останется недоволен твоим гостеприимством, я ублажусь тобой черенком вон той метлы так, как ты ублажешь своих сопливых мальчишек тем, что болтается у тебя под брюхом.

– Все будет самое лучшее! – воскликнул хозяин. – Для тебя, великолепный Плавт, только самое лучшее и немедленно! – При этом толстяк не только никуда не побежал, а выпятил живот и принял «ораторскую» позу, явно намереваясь толкнуть речь. – Превосходное испанское вино, смешанное с горячим медом, свинья, фаршированная колбасами, с приправами и сладким пюре из сыра, яиц, пшеничной муки и меда, пирог с рублеными кишками, белый хлеб с орехами, теплый, только что испеченный...

– Довольно! – оборвал его Гонорий. – Принеси для начала своего хлеба, свежего козьего сыра, оливкового масла и терпкого вина. Это чтобы я почувствовал, что наконец вернулся домой. А потом тащи все остальное. И приготовь нам ту комнату, где я всегда останавливаюсь. И еще одну, рядом. И не говори, что занято. Меня это не интересует. Ты понял?

– Разумеется, великолепный примипил Гонорий! Непременно все будет, как ты пожелаешь!

Я, конечно не осмеливаюсь спросить, есть ли у такого благородного примипила деньги...

– Ты уже спросил. – Гонорий расхохотался. – Есть. Шевелись, кабан, или я заплачу тебе железом вместо серебра!

– С ними только так и надо, – пояснил кентурион Черепанову, когда толстяк наконец удалился. – Не то умрешь от голода, и тебя еще обжулят вдобавок.

Вероятно, он был прав, потому что сыр с травками, хлеб и терпкое красное вино появились буквально через полминуты.

Перед каждым из сотрапезников постелили по салфетке, и друзья занялись едой. Это был серьезный процесс. И длительный, поскольку вскоре поспело горячее. Та самая фаршированная свинка. Двое слуг приволокли ее на блюде, дабы у благородных гостей не возникло сомнения, что свинка представлена им целиком. Затем эти же рабы довольно ловко разделали кушанье и разложили на серебряных тарелках. Предложено было также несколько соусов, два из которых остро пахли пряной селедкой, один – фруктовый и еще один – вроде майонеза. Черепанову было любопытно, и он попробовал из каждой соусницы, но использовать предпочел фруктовый. На его вкус, мясо и так было чересчур пряным, а уж с чесноком и вовсе перебор, особенно в колбасках. Поэтому он весьма активно прикладывался к чаше с мюльсумом, молодым вином, изрядно приправленным медом.

Все блюда, кувшины и чаши расставлялись на низком широком столе с покрытием из голубоватого мрамора. Посуда явно была недешевая, а чаши, ножи и ложки – из настоящего серебра, причем искусной работы, с тонким орнаментом. К сожалению, привычные Черепанову вилки отсутствовали. Чтобы разобраться в местном застольном этикете, Черепанов приглядывался к тому, как ест кентурион. Но то ли этикет здешний был прост, то ли сам кентурион был чужд светских условностей, поскольку исповедовал принцип: «Если бы боги хотели, чтобы люди ели столовыми приборами, они снабдили бы человека ложками, а не пальцами».

Лежа, широкие, низкие, на толстых бронзовых ножках, были примерно той же высоты, что и стол. На каждом имелся набор слегка засаленных подушек и валиков, позволявших

принять достаточно удобную позу. Тем не менее есть лежачий Геннадий было непривычно. Но очевидно, в этом был некий особый, приличествующий их положению шик. Потому что большинство других посетителей «ресторации» сидели на табуретках и скамьях за нормальными столами. Непривычно также было видеть мужиков в «платьях». А все эти римские туники и тоги, несмотря на живописные складки, а может быть, благодаря складкам и прочим рюшечкам, выглядели именно как женская одежда. С точки зрения Черепанова, когда из-под подола белой или синей юбки торчат волосатые кривые ноги в стоптанных сандалиях – это не очень эстетично.

С другой стороны, вон у той девчонки-служанки ножки очень даже ничего. И мордочка...

Девчонка, поймав взгляд «уважаемого» гостя, кокетливо улыбнулась. Совсем молоденькая. Губки накрашены, каштановые волосы уложены в сложную конструкцию из локонов и завитков. Но ушки – на виду. И в ушках – золотые сережки. Слишком дорогие для обычной служаночки. Тем не менее красotka явно выполняла в этом кабачке функции официантки: принесла трем бородатым мужичкам полный кувшин, забрала пустой и удалилась, грациозно покачивая аккуратной попкой и позвякивая крохотными колокольчиками на ножных браслетах.

«Нет, все-таки варвары в этом мире выглядят куда мужественнее, чем цивилизованные граждане Великого Рима», – подумал Геннадий.

Платья эти, кольца-сережки, вон у того глаза накрашены, а у этого – губы. И щеки нарумянены. Просто как в гомосексуальный притон попал, ей-Богу. Нет, ну натурально тусовка секс-меньшинств. Хотя кто знает? Может, у них здесь большинство – геи. Впрочем, нет, большинство не может состоять из геев. Финансы страны не позволяют.

Это как в анекдоте: один оболтус звонит другому. «Знаешь, – говорит, – я теперь гей, хи-хи».

«Да? – говорит приятель. – А у тебя что, коттедж теперь свой?»

«Да нет, нет у меня коттеджа, в коммуналке живу».

«Ну так ты, значит, иномарку купил крутую?»

«Да ты че? Откуда у меня бабки на иномарку?»

«То есть у тебя и бабок нет?»

«Ну...»

«Так какой же ты гей, мать твою? Ты просто пидор!»

Но вот этот жирняк, скорее всего, – гей. По местным меркам. И не стесняется, подлец!

По самые глаза обросший салом мужик в сиреневой тоге и венке, водруженном на загорелую лысину, усадил на колени юнца лет тринадцати и шарил у него под туникой просто-таки безо всякого стеснения. А юнец только хихикал и с невероятной скоростью поглощал какие-то сухофрукты. Оба уже пьяные в сосиску...

Геннадий перевел взгляд на Плавта, и ему чуток полегчало. Каковы бы ни были обычаи в этом развращенном обществе, но старина Гонорий – настоящий мачо. Такого хоть во что обряди, отовсюду «мужество» выпирает. Просто-таки на морде написано: «Я – крутой мужик».

Сам Черепанов имел точно такую же физиономию, разве что скулы пошире да борода на квадратной челюсти – светлая. Но людям свойственно обольщаться насчет собственной внешности. Поэтому Геннадий полагал, что его лицо более одухотворенно и интеллектуально. Если заглянуть ему в глаза...

Но желающих из праздного любопытства заглядывать в глаза Черепанова было крайне мало. Один беглый взгляд, брошенный на физиономию подполковника, вызывал у человека четкое желание не глазеть на ее обладателя попусту. Во избежание. Правда, такое поведение было характерно главным образом для представителей сильного пола, а у прекрасной половины человечества облик подполковника вызывал желание прямо противоположное. Но Черепанов и этого повышенного интереса дам к своей персоне тоже не замечал. Была у Геннадия удобная особенность: замечать только действительно важное или представляющее

интерес. Его мозг, привыкший в бешеном темпе обрабатывать огромные объемы информации, уже давно выработал способность вычленять из общего потока лишь то, что действительно следует учитывать. Все прочее он воспринимал как фон. Но в данном случае фон был слишком пропитан новизной, чтобы его попросту игнорировать.

Черепанов наблюдал, ел, пил и помалкивал. Зато Плавт разглагольствовал за двоих.

Сначала с хозяином, который тоже был не дурак насчет потрепать языком. Потом к друзьям как-то невзначай присоединился (улегся на свободное ложе) кудрявый мужичок в зеленой тоге поверх синей рубахи. Черепанов уже понял, чем отличается «привилегированная» тога от простонародного плаща, но все-таки подумал, что кудрявый – халявщик. Оказалось – нет, купец из вольноотпущенников. Вполне респектабельный торговец янтарем, которому было крайне интересно знать, будет ли война с германцами? Поскольку янтарь он покупал, точнее – выменивал, именно у них.

Плавт заявил, что война будет непременно. Потому что эти германцы сущие ублюдки.

Купец усомнился. Дескать, Август Александр вместе с матушкой-соправительницей, да живут они вечно, недавно договорились с германцами безо всякой драки.

Тут купчик пустился в описание переговоров, такое подробное, словно рассказчик сам принимал в них участие. Хотя, может, и принимал, кто его знает?

Из рассказа Геннадий мог сделать однозначный вывод: нынешний император, хоть и молодой, дипломатом оказался изрядным, потому что мелкими подачками рассорил между собой союзников из разных германских племен, отчего половина из них оскорбленно удалилась, а оставшиеся уже не выступали единым фронтом и, вместо того чтобы торговаться с Римом из-за размера компенсации, перегрызлись из-за того, как впоследствии эту компенсацию делить. В конце концов император все же отстегнул варварам золота, но ровно в пятьдесят раз меньше, чем они требовали изначально. И выдал это золото не всем сразу, а самому сильному из союзных вождей. А тот, разумеется, большую часть захапал себе. Остальные немедленно обиделись и пригрозили разборкой.

Назревала локальная войнушка, в которой подстрекателям-римлянам отводилась очень удобная роль «миротворцев».

Черепанов вынужден был признать, что история склонна к повторениям, а имперская политика везде одинакова. В его время действовали точно так же. Те же Штаты, например, сначала славивали своих потенциальных противников-петушков, потом «мирили», не жалея боеприпасов, а в финале оципывали обессиливших соперников и с аппетитом их кушали.

Оказалось, впрочем, что дипломатические игры императора одобряют далеко не все. Гонорий Плавт слушал, слушал, а потом грохнул тяжелым серебряным кратером о стол и заревел, что Александр – сопляк, маменькин сынок, что еще за монарх⁶¹, который делит власть с бабой? А бабам вообще не положено лезть в политику, а положено варить кашу и задирать подол, когда мужчина велит.

В триклинии повисла неприятная тишина.

Все разговоры смолкли. Даже игроки, шумно и азартно резавшиеся в кости, прервали свое занятие и усталились на Гонория.

Озаботившийся купчик тут же склонился к кентуриону и зашептал, что, мол, не стоит оскорблять богоравного Августа, поелику всегда есть уши, которые слышат, и языки, которые...

Говорил он, несомненно, из лучших побуждений, но Плавт послал его к воронам и заявил, что воин, победоносно сражавшийся за императора в Мидии, может говорить что желает. И точка. Тем более если воин этот совсем недавно вырвался из лап варваров, в которые угодил благодаря дипломатии императора.

Тут Гонорий опять грохнул по столу и призвал Черепанова в свидетели, что варвары

⁶¹ Монарх – в переводе с латыни «единолично правящий».

многочисленны, дики и жаждут присосаться к вымени римской волчицы. И лично он, настоящий легионер и римлянин, знает только один способ отбить у них это желание: отрубать поганые руки. А еще лучше – головы. Так поступал Гай Юлий. Так поступал Траян. И так поступает он сам, Гонорий Плавт Аптус. А если какой-то там император, пусть даже потомок славного Септимия Севера, вечная ему слава, полагает иначе, то императору следует оторваться наконец от материнской сиськи и поглядеть правде в глаза.

Тут в глазах у самого Плавта что-то мелькнуло, и тон его слегка изменился. В мощный голос кентуриона вплелась некая сальная нотка. И он еще громогласнее переключился на собственно сиськи матери Августа и заявил, что тут он, Гонорий Плавт Аптус, выражает свое полное одобрение. Сиськи у императрицы Мамеи самого высшего качества. Лично он, Плавт, с удовольствием бы подержал такие сиськи в своих мозолистых руках.

Тут даже лысый гей забыл о своем дружке и усталился на разошедшегося оратора.

А вот у Черепанова опять возникла некая несуразная мысль.

Геннадий неплохо улавливал интонации. И готов был поклясться, что первая часть речи друга была совершенно искренна, а вот что касается сисек императрицы... С этого момента в речи оратора появилась некая, еле уловимая фальшивинка, небольшой перебор. Тот самый, который отличает искренне верующих от тех, кто желает выглядеть искренне верующими...

А ведь Плавт – не тот человек, который станет прикидываться религиозным, даже если в качестве бога выступает толстый коротышка с метровой хреновиной. Слишком кентурион самодоволен и самоуверен для подобного лицемерия. Гонорий горд. Но хитер. Что уже не раз с успехом доказывал. Значит, если Плавт лишь играет ярого поклонника Приапа, да еще так, что эта игра стала его альтер эго ⁶², значит, на то есть некая причина. Достаточно серьезная, поскольку и сам Гонорий Плавт – серьезный мужик. А бутафорит он очень даже качественно... А если Плавтово поклонение Приапу сродни тому «ручейку», который когда-то «проложили» подручные одного китайца в горах Южной Америки, то, значит, под «ручейком» прячется нечто очень серьезное. Интересно – что?

Пока Геннадий размышлял, кентурион разливался соловьем, провозглашая эротический, нет, скорее порнографический панегирик императрице-матери. Судя по всему, Плавт намеревался ораторствовать долго... Но тут появились девочки.

Две накрашенные и завитые особы в туниках, не столько скрывавших, сколько открывавших. Обе тут же плюхнулись: одна – рядом с Плавтом, вторая – под бочок к Черепанову. И сразу полезла подполковнику в штаны, но запуталась в завязках. Да, с туникой, ясное дело, проще.

Геннадий отпихнул девку, и та, с готовностью опрокинувшись на спину, раздвинула коленки. Ляжки у нее были гладкие и розовые. Под цвет туники. Вообще-то она была ничего. Фигурка, мордочка. Но очень напоминала куклу: красными губками бантиком, румянами на щеках, желтыми кудряшками.

Плавтова «дама» пискнула и тут же захихикала.

– Эй, Парсий! – хорошо поставленным голосом полевого командира гаркнул кентурион. – Готова ли комната?

– А как же, господин примипил! – моментально отозвался хозяин. – Давно готова!

– Молодец! Не забыл, значит, моих вкусов! – Плавт ущипнул свою «даму» за ягодицу. Та снова пискнула и шлепнула Гонория по руке.

– Ваши вкусы забыть невозможно, доблестный господин!

– Пошли, Череп! – Гонорий поднялся. – Эй, Парсий! Мне одной девки мало будет! Ты меня знаешь!

– Не изволь беспокоиться, доблестный кентурион! Вскорости еще двух пришлю! Немедля, как только освободятся!

⁶² В переводе с латыни – «второе я».

– Что?! – От рыка Плавта качнулись ширмы у стенных ниш. – Ты что же, яйца сушеные, мне попользованных девок подсунуть намерен? Мне?!

«Будет буча», – подумал Черепанов, знавший, что Гонорий скор не только на... определенные части тела, но и на руку тоже.

Однако хозяин тоже был не лыком шит.

– Как можно, доблестный господин Плавт! Отдыхают девочки. Сил набираются. Разве ж я не знаю, какой темперамент у господина кентуриона!

– Ладно, живи, – буркнул Гонорий, подхватил серебряный кратер с вином, выплеснул в глотку. – Пошли, Геннадий! Покажем этим сучонкам, что у нас есть!

Грубость Плавта слегка покорибила Черепанова, но девок нисколько не обидела. Одна уже висела на плече кентуриона, вторая – на шее Геннадия.

Стоя, она оказалась ростом с подполковника, даже чуть повыше. Правда, деревянные подошвы ее сандалий были сантиметров пятнадцать толщиной. Из рта девки пахло чесноком.

«Отдельный кабинет» в местной гостинице являлся уменьшенной копией триклиния: низкий стол с питьем и закусками, широкие лежа, фонтанчик. Правда, стены и потолок были расписаны фривольными картинками, а на мраморной скамеечке рядом, по росту стояли... фаллоимитаторы.

Плавт, не теряя ни секунды, завалил свою подружку и принялся за дело. Черепанов медлил. Не то чтобы «дама» была ему совсем противна, но...

Желая подбодрить кавалера, девка опрокинулась на спину, задрала ноги. Между ними все было старательно выбрито, а «губы» выкрашены ярко-красным.

Черепанову вспомнился один бар в Гонконге, где китайка-стриптизерша показывала номер: «курила» сигару. Ее вульва тоже была накрашена губной помадой. Но помимо помады и «курения» китайка еще и отличалась умением делать тайский массаж. Всего за двадцать долларов. Интересно, а эта – умеет?

Внезапно Черепанов почувствовал, что ему совершенно безразлично, что умеет делать эта. И, осознав сие, подполковник развернулся и вышел в общий зал.

Глава четвертая, в которой подполковник Черепанов на собственном опыте узнает, что такое «настоящая римская полиция»

На возвращение приятеля кентуриона Плавта мало кто обратил внимание. Геннадий помахал служаночке с золотыми сережками.

– Принеси мне вина, – велел он. – Вот этого, светлого. Разбавлять не нужно и мед добавлять тоже.

Появился хозяин. Несколько встревоженный.

Согнулся, насколько позволяло толстое брюхо.

– Благородный господин не одобряет девушек? – вполголоса осведомился он. – Может, хорошенький кудрявый мальчик...

– Благородный господин не одобряет блядей, – буркнул подполковник.

– Прости, не понял? – Парсий изогнул начерненную бровь.

Еще бы он понял. Сказано было по-русски.

– Я не люблю мальчиков. И не люблю торопиться, – сказал Черепанов. – И люблю выбирать сам.

– Понимаю, – проворковал хозяин. – У меня, конечно, не лупанарий, но выбор есть, о да! Доблестному воину всегда найдется с кем утолить страсть. Мы не будем торопиться.

И величаво удалился.

Зато вернулась девчонка-служанка. С вином. Наполнила кратер, поставила кувшин... Геннадий поймал ее за руку раньше, чем она успела отойти.

– Как тебя зовут? – спросил он мягко.

– Марция. – Она попыталась освободить руку, но Черепанов не позволил. Потянул,

заставив опуститься на край ложа.

У нее был круглый решительный подбородок и настоящий римский нос, прямой и гордый. В точности как у статуй в античных залах Эрмитажа.

И точно такая же замысловатая прическа. И такое же гладкое белое лицо, ставшее строгим и отчужденным, стоило Геннадия применить силу.

У Черепанова возникло странное ощущение, что он уже видел Марцию. Раньше. Но это было исключено.

«Не увлекайся, – предостерег он сам себя. – Она всего лишь юная служаночка, а ты слишком стар, чтобы снова стать романтиком. Будь проще».

– Я не римлянин, – произнес он, стараясь почетче выговаривать слова. Если Плавт привык к его дикому произношению, то другим жителям империи приходилось делать усилие, чтобы понять латынь подполковника. – И не знаю обычаев.

– Вижу. – Девушка больше не пыталась освободить руку, но взгляд ее предостерегал. – Но ты не там ищешь, господин.

Она все больше нравилась Геннадия.

– Qui quaerit, reperit ⁶³, – произнес Черепанов, касаясь ее обнаженного локтя. – Мне кажется, я нашел, Марция. Я тебе не нравлюсь?

– Ты тоже кентурион? – уклонилась от ответа девушка.

– Нет, – ответил он, стараясь не глядеть на ее голые колени, а только – в глаза. – Но – буду. Я был командиром... риксом у себя на родине.

– Это видно. – Она освободила руку (Черепанов разжал пальцы), но осталась сидеть. Так близко, что Геннадий ощущал тепло ее тела. И запах роз. Духи?

– Марция! – позвали ее, но девушка не откликнулась.

Геннадий смотрел ей прямо в глаза. Только – в глаза.

– Ты красива, – сказал он негромко. – Ты – самая красивая из всех латинянок, каких я видел.

Он не стал говорить, что видел он не так уж много ее землячек.

– Красивее тех, с кем забавляется твой друг? Их груди полнее моих, разве нет?

Черепанов улыбнулся. Чуть-чуть.

– Ты – лань, – сказал он. – Не корова. Какое мне дело, полна ли твоя грудь, если она – твоя?

Щеки девушки порозовели. Это было заметно даже под слоем белил.

– Марция! – крикнули снова. Один из трех бородачей-собутыльников. – Эй, варвар, не задерживай ее! Не ты один хочешь пить!

Черепанов приподнялся на ложе, отыскал взглядом кричавшего и посмотрел на него. Только посмотрел, но бородач заткнулся.

– Я пойду, – чуточку нервно проговорила девушка. – Отец станет меня ругать.

– Парсий?

– Да. Если ты хочешь женщину, он...

– Я не хочу женщину, – сказал Черепанов. – Я хочу тебя. – Кончиками пальцев он снова нежно притронулся к ее локтю. – Ты придешь?

Ничего не ответив, она быстро поднялась и пошла прочь. К ложу приближался Парсий.

– Что еще тебе угодно, благородный господин?

– Ты знаешь, – негромко произнес подполковник.

– Она – моя дочь, не рабыня, – так же негромко, с достоинством произнес хозяин.

– Я знаю.

– Хочешь выбрать из тех, кто...

– Не хочу, – отрезал Черепанов.

– Твой друг...

⁶³ qui quaerit, reperit (лат.) – кто ищет – находит (римская поговорка).

– Я не мой друг, – перебил его подполковник. – Однако тоже всегда добиваюсь своего. Но... – Он сделал многозначительную паузу. Парсий задрал бороду, намереваясь спорить... —...Но не силой, – закончил Геннадий. – Ты понимаешь?

– Значит, ты решил остаться в одиночестве? – тоном заботливого хозяина осведомился Парсий.

– Ты прав, – кивнул Черепанов. – Вероятно. *Sint ut sunt, aut non sint* ⁶⁴.

Правда, это высказывание принадлежало не римлянину ⁶⁵. Но можно было надеяться, что грамматически в нем все правильно. И по смыслу – тоже.

Парсий кивнул и оставил Черепанова в покое. Пить и веселиться. В одиночестве.

Геннадий задремал. Тепло, вино, сытный обед, удобное ложе, почти забытое ощущение безопасности...

Когда он проснулся, уже наступил вечер. Квадрат неба наверху, в потолочном отверстии, потемнел и налился синевой.

Проснулся подполковник не по собственной инициативе. Его разбудили.

У ложа стоял представительный мужчина в белой тоге. Рядом с ним – еще четверо, в кирасах, шлемах и при мечах, но без щитов. Один из этой четверки и разбудил Черепанова. Другой уже завладел его оружием.

– Я – эдил Скаремия, – важно произнес представительный. – Ты – тот, кто называет себя Плавтом?

– А в чем дело? – поинтересовался Черепанов.

– Ты обвинен. По закону об оскорблении величества! ⁶⁶ Встань и следуй за нами!

За спинами воинов маячил Парсий с похоронным выражением на физиономии.

Геннадий неторопливо поднялся, обулся.

Он размышлял.

Ну да, ничего удивительного: империя и есть империя. На дорогах разбойники, в лесах волки, но политическая полиция как всегда начеку. И высказывания Гонория в адрес августейших особ не остались незамеченными. Черепанов не знал, насколько сурово здесь караются диссиденты и оппозиционеры, но, судя по тому, как быстро отреагировала местная власть, – дело нешуточное.

А коли так, то не следует качать права и уж тем более объявлять, что господа полицейские – точнее, господа вигилы – ошиблись адресом. Пусть думают, что он Плавт. Позже он развеет их заблуждение, а Гонорий тем временем сделает ноги. И позаботится о своей безопасности. Раз хозяин не указал эдилу на ошибку, а держит рот на замке, он поставит в известность Плавта о ситуации.

Пока Геннадий завязывал шнурки, один из воинов зачем-то пощупал у Черепанова подбородком.

– Ха! – сказал он с легким пренебрежением, не обнаружив мозоли от ремешка шлема. – А говорили – легионер!

– Разберемся, – буркнул эдил. – Давай, гражданин, пошевеливайся!

Черепанова вывели во двор. У ворот стояла крытая повозка. При ней – еще двое вигилов.

У колодца Геннадий увидел Марцию. Подмигнул. Девушка ахнула. Шагнула навстречу, открыла рот, собираясь что-то сказать, но отец схватил ее за руку и утянул в сторону.

⁶⁴ *Sint ut sunt, aut non sint* (лат.) – Пусть будет так, как есть, или вовсе не будет.

⁶⁵ Эти слова приписываются генералу ордена иезуитов Лоренцо Риччи.

⁶⁶ Закон, согласно которому виновный в оскорблении императора несет суровое наказание, вплоть до конфискации имущества и смертной казни.

– А ну стоять! – раздался позади знакомый рык.

Геннадий быстро обернулся. Его сопровождающие тоже.

У входа в дом, под портиком, во всей своей жилисто-мускулисто-волосатой красе стоял Гонорий Плавт Аптус. Совершенно голый, зато с золотой цепью на шее и мечом в руке.

– А ну стоять, недоноски! – прорычал кентурион. – Куда вы ведете моего друга, козлиное семя?

Вигилы напряглись: даже голый, Плавт производил грозное впечатление. Эдил тоже забеспокоился, когда разглядел, что именно вычеканено на медали, украшающей волосатую грудь кентуриона. Обеспокоился, но достоинства не потерял.

– Не нарушай закона, доблестный воин, – величаво проговорил он. – Сей гражданин, чье имя Гонорий Плавт, обвиняется в нарушении закона об оскорблении величества. У нас имеются свидетели, что оный Гонорий Плавт...

Черепанов не без удовольствия поглядел на ошарашенного Гонория. Но смущение кентуриона длилось ровно секунду.

– Что?! – взревел он. – Кто, пес твой дедушка, Гонорий Плавт?! – Кентурион побагровел. – Это я, раздери вас всех Орк, Гонорий Плавт!

Акустический удар и содержащаяся в нем информация привели эдила в некоторое замешательство. Но он был тертый калач. И находился на своей территории.

– Это так? – спросил он у Парсия.

Тот кивнул с сокрушенным видом.

Эдил не стал предъявлять претензий к хозяину гостиницы. Он был практичный человек и при исполнении. Вместо этого он повернулся к вигилам и указал на Гонория:

– Арестуйте его!

Однако вигилы, которые без всякого смущения взяли под стражу фальшивого Плавта, в отношении Плавта настоящего проявили куда меньшую прыть. Да и сам Гонорий, похоже, не слишком серьезно отнесся к словам местного «полицмейстера».

– Да ну? – Кентурион скептически поднял бровь. – Арестовать меня? А ты шутник!

– Я – эдил Скаремия, – возразил римский «шериф». – И если я сказал: «Арестовать!» – значит, ты будешь арестован!

В конце концов, вигилов было шестеро, а преступник – один.

– А я – первый кентурион первой когорты Первого Фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус! – рявкнул друг Черепанова. – И я выполняю личное поручение моего легата. А мой легат, ты, ослиное семя, сам командующий Гай Юлий Вер Максимин! А ты, паршивый эдил паршивого поселка, – как там он называется? – можешь болтать все, что взбредет в твою безмозглую голову! Но если ты еще раз протянешь свои холеные ручонки ко мне, к моему другу или еще к кому-нибудь из тех, кто по-настоящему охраняет честь Августа, я возьму тебя за твоё морщинистое гузно и приволоку прямо к моему легату. И паршивым гражданам твоей паршивой деревеньки – как там она называется? – придется выбирать себе нового эдила! Это всех касается, если кто не понял!!! – заревел Плавт, и приставленные к Черепанову вигилы тут же отпрянули от Геннадия, как от прокаженного.

Красный, как помидор, эдил молча повернулся и пошел прочь. Вигилы так же молча последовали за ним. И отбыли.

– Цивильные крысы, – буркнул Плавт. – Скажи, какого хрена ты назвался моим именем, Череп?

– Ну... Я же не знал, что ты настолько грозен, – пробормотал Геннадий. – Я подумал: пока они будут разбираться со мной, ты успеешь исчезнуть.

– Я? Бежать от этих? – Кентурион расхохотался, но тут же посерьезнел, спустился со ступенек и крепко обнял Черепанова.

– Ты – друг, – сказал Гонорий. – Благодарю тебя!

От Плавта исходил запах пота, смешанный с благовониями и неистребимым «ароматом» чеснока.

Кентурион отстранился. И соизволил наконец заметить Парсия.

– Ну! – грозно произнес он. – А ты, воронья пожива, почему молчал?
– Это я ему велел! – быстро, раньше, чем гнев кентуриона успел разгореться, произнес Черепанов и заслужил благодарный взгляд.
– А-а-а... Ну ладно. Пошли внутрь, а то как-то мне прохладно.
– А ты не пробовал что-нибудь надеть? Для согревания? – поинтересовался Геннадий.
– Для согревания? Это верно! – Гонорий оживился. – Эй, Парсий! Горячего вина, живо! За твой счет – ты у меня в долгу!

Глава пятая, в которой рассказывается о том, как командующий нубийской армией Максимин с помощью серебра «договорился» с местными налоговыми органами

– Я у тебя в долгу, почтенный Геннадий, – произнес Парсий. – Великолепный Плавт так же скор на расправу, как его еще более великолепный повелитель, грозный Максимин. Вино зажурчало, переливаясь из пузатого кувшина в серебряную чашу на витой длинной ножке. Черное вино. Терпкая кровь черного испанского винограда.
– Ты знаешь Максимиана? – спросил Черепанов.
– Здесь, в придунайских провинциях, все знают Максимиана. – Хозяин гостиницы присел на край ложа. – Император, да живет он вечно, ставит наместников с одобрения Сената, но их квесторы ⁶⁷ отправляют в Рим совсем немного денег, потому что большую часть забирает Максимин.
– Ты не боишься говорить такое? – Черепанов пристально посмотрел на Парсия. Тот усмехнулся в курчавую бороду.
– Об этом знают все, – сказал он.
– И император? – Черепанов поднес кратер к губам, отпил, заел фиником.
– Конечно. Август велел Максимиану командовать легионами и охранять границы. Но это стоит денег. А денег у императора совсем мало. То немного, что удастся получить из провинций, Рим, – тут Парсий скривился брезгливо, – пожирает без остатка. Уж поверь тому, чей дед был библиотекарем ⁶⁸ в войске самого Марка Аврелия ⁶⁹ и сбежал из Рима, когда началась чума. Рим – это бездонная бочка Данаид. А войску нужны деньги. И, чтобы войско не явилось за деньгами в Рим, император высочайше позволил командующему Максимиану самому изыскивать средства для прокормления солдат. И Сенат не возражал, потому что доходы с придунайских провинций были совсем невелики. Но когда за дело взялся Максимин, оказалось, что эти доходы можно существенно увеличить.
– И как же это ему удалось?
Хозяин гостиницы криво усмехнулся.
– Он выбрал трех самых жадных чиновников – и досыта накормил их серебром.
– И чиновники после этого стали честными? – хмыкнул Черепанов. – Не верю.
В мире, где Геннадий родился, не было более алчных и беспринципных существ, чем чиновники и политики. И он очень сомневался, что в этом мире дело обстоит иначе.
– Чтобы чиновники перестали красть и брать взятки только потому, что им отвалили большой куш? – Геннадий скептически поднял бровь. – Да они станут еще больше хапать!
– А ты не такой уж варвар, каким кажешься, – заметил Парсий. – Ты многое знаешь о цивилизации. – Он потянулся за чашей, из которой пил Плавт, плеснул на доньшко: – Твое здоровье, рикс. Ты кое-что знаешь о чиновниках, но совсем не знаешь Максимиана. Квесторы,

⁶⁷ Квесторы – гражданские (в данном случае) чиновники, ведающие в том числе и сбором налогов.

⁶⁸ Библиотекарь – писец, счетовод.

⁶⁹ Марк Аврелий – римский император, правил со 161 по 180 г. до Р. Х.

которых накормил он, перестали брать взятки. Никто не сможет брать взятки, если в него влить четверть фунта расплавленного серебра.

– А как же закон? – осведомился подполковник. – Ведь это убийство.

– Разве? – Толстая физиономия римского трактирщика приобрела скептическое выражение. – Нашлось немало свидетелей, показавших, что эти чиновники покончили с собой. И даже оставили завещания. – Он плеснул себе еще немного вина и доверху наполнил кратер Черепанова. – В этих провинциях никто не станет свидетельствовать против Максимиана. Не потому, что все мы – трусы, а потому что лучше Максимин, чем германцы. Намного лучше... – Тут он спохватился, с опаской глянул на Геннадия. – Я не хочу сказать плохого обо всех варварах, доблестный рикс! Но поблизости от границы...

– Я видел, как с вами обходятся варвары, – прервал его Черепанов, потянувшись за чашей. Чертовски приятное вино. И финики вкусные. Но были бы еще вкусней, если бы в них не пихали столько пряностей и сахара. – А ты неплохо осведомлен, Парсий, – заметил подполковник. – Откуда?

– Разные люди ездят по этой дороге, доблестный рикс. – Хозяин гостиницы лукаво усмехнулся. (Ну и пройдошливая у него рожа, однако!) —

И те, у кого есть деньги, всегда останавливаются в моей гостинице. А когда человек выпьет много хорошего вина и отдохнет с хорошими девочками (а девочки у меня еще лучше, чем вино, зря ты от них отказываешься, доблестный рикс), то он становится разговорчив. Но ты не думай, будто Парсий – болтун. Парсий умеет хранить настоящие тайны. Хотя... – Он метнул на Черепанова хитрый взгляд.

И тут масляный светильник на столе мигнул и погас. Сразу стало темно. Только в квадратном отверстии потолка тлели белые искры звезд.

Черепанов приподнялся на ложе – и понял, что слабенькое римское вино все-таки взяло свое. Послушное прежде тело стало ленивым и расслабленным. Но это было приятно. За стеной женский голосок рассыпался смехом, к которому тут же присоединился мужской басовитый хохоток.

Но в самом атриуме были только Черепанов и Парсий. Да лохматая собака в дальнем углу, с хрупанием обрабатывающая кость.

– Не хочет ли доблестный рикс Геннадий пройти в отведенную ему комнату? – вежливо осведомился Парсий.

– Пожалуй, – согласился Черепанов, не двигаясь с места.

Хозяин гостиницы негромко свистнул. Собака перестала грызть кость, а у ложа, словно по волшебству, возник раб. С лампой.

– Помогите господину, – велел Парсий.

– Да я сам... – попытался запротестовать Геннадий, поднимаясь. Но тут пол предательски качнулся, и летчик-космонавт Черепанов едва не ушел в пике. Однако раб ухватил его под мышки.

«Сколько же я выпил? – подумал Геннадий. – Литров десять минимум...»

Неудивительно, что его повело. Удивительно, что голова оставалась абсолютно трезвой и ясной.

Заботливый раб помог ему выйти во двор, потом они вместе взобрались по лестнице на второй этаж.

Там ждал Парсий.

– Твоя комната, доблестный рикс!

Широкая кровать с высоким изголовьем. Красное покрывало. Красная бахрома кистей. Квадратный низкий столик на кривых ножках. На нем – масляная лампа в форме черепахи и кувшин.

– Если доблестному риксу потребуется что-то – ему достаточно потянуть вот это. – Парсий указал на убегающий вниз шнурок. – Приятных снов!

Глава шестая, в которой подполковник Черепанов теряет контроль и

получает то, чего ему не хватало

Геннадий действительно слишком много выпил в тот вечер. Иначе наверняка проснулся бы, едва она вошла в комнату: сон у Черепанова был очень чуткий, хотя он и не утратил обретенного в курсантские годы умения засыпать в любых условиях: в очереди, на партсобрании, в самолете... Разумеется, если самолет пилотировал не он. При этом никакой посторонний шум Черепанову не мешал. Но от конкретного звука он просыпался мгновенно. Словно в спящем сознании бодрствовал некто фильтрующий внешние раздражители и при необходимости мгновенно нажимающий на кнопку тревоги. Но в эту ночь «некто» тоже отрубился, и подполковник проснулся, только когда что-то теплое и мягкое прижалось к его груди.

Но, проснувшись, он узнал ее мгновенно. По тонкому аромату роз и меда. Марция!

– Надеюсь, это не отец тебя прислал, – проговорил он строго. Впрочем, руки подполковника, будто по собственной воле, уже заскользили по шелковистой коже.

Марция возмущенно фыркнула – прямо Геннадию в ухо.

– Я – свободная девушка!

– А не слишком ли вольно ты себя ведешь – для девушки? – осведомился Черепанов.

Быстрые пальчики Марции были действительно проворными.

– Ты предпочитаешь девственниц, могучий рикс? Ты боишься, что другие мужчины сильнее твоего приапа?

– Разве я не сказал, что предпочитаю тебя? – Черепанов провел пальцем между ее лопаток – к пояснице, выгнувшейся навстречу его прикосновению.

В следующий миг она поймала его руку и потянула вниз.

– Ты можешь легко убедиться, что я – не девственница, – шепнула Марция. – Прямо сейчас, дикий варвар! Ну же!

И тут же оказалась перевернутой на живот и притиснутой к кровати пятипудовым прессом профессионального борца. Марция только и успела, что пискнуть.

– Ну нет, детка, – зарываясь лицом в пушистую копну ее волос, шепнул в нежное ушко Черепанов. – Командую я. Всегда. А если кто-то против – то ее не спрашивают. А если кому-то не нравится, то придется потерпеть. Что?

– Грубый грязный варвар! – Гибкое гладкое живое тело билось и выгибалось, упираясь локтями и коленками, но когда Черепанов ослабил хватку, Марция даже не попыталась выскользнуть из-под него, а только изогнулась еще сильнее, подталкивая его чресла мягкими холмиками ягодиц.

Должно быть, виновато было вино. Потому что обычно Геннадий умел контролировать и себя, и женщин, с которыми оказывался в постели. И никогда не брал их раньше, чем следовало.

Но сейчас с ним произошло то, чего не случалось с курсантских времен, когда желание овладеть женщиной, причем сразу, немедленно, безо всяких прелюдий и взаимных игр, – было единственным и всеподавляющим.

Должно быть, что-то совпало. Вино, запах юного тела, упругие толчки... Но в какой-то миг в подполковнике проснулся мальчишка-курсант, который, не церемонясь, сунул ладони под извивающиеся бедра, ухватил их там, где гладкую кожу натягивают круглые «интимные» косточки, – и бедная кровать!

Если кровать и уцелела, то лишь потому, что в конце концов они свалились на пол. Зато полгостиницы перебудили – это точно! Наплевать!

Давно уже в жизни подполковника (отнюдь не монашеской) не было такого. Чтобы каждая клеточка кричала: «Ну, давай!» Чтобы все, ну просто совсем все, чем отличаются мужчина и женщина, – так идеально совпадало. Внутри, снаружи... Везде. Чтобы у матерого мужика, железно контролирующего все и вся, сорвалось и понеслось. По кочкам, по ухабам, в пропасть, в пустоту... И дикое ликование. Как когда ревущая «сушка», вскинувшаяся вверх в «кобре», замирала на «кончике хвоста».

И чертовы ракеты, тянущиеся головками наведения к раскаленным сердцам сопел, почти уже доставшие... теряли след и уходили в никуда, в прозрачную зияющую пустоту. И «сушка» с яростным ликующим ревом опрокидывалась на тугой воздух стальным белым брюхом... И обтекаемая стремительная смерть (и жизнь – для кого-то!), разбрызгивая лохмотья пламени, вырывалась из-под живота – и все! И все, мать их! Только дырявый тонкий пузырь парашюта, медленно сползающий вниз где-то позади.

Эта проклятая девчонка, даже еще не женщина, зародыш, маленькая римская соплюшка с кожей, пахнущей розами и медом, чувствовала его, владела им... Нет, он владел ею, как той бешеной железной любимой тварью, оставшейся там...

На самом деле, конечно, все было не так. Но чувства были – те.

И Геннадий был теперь должен этой юной римлянке. Ибо это она, проворная девочка с пушистыми волосами и шелковой кожей, подарила ему этот мир. Когда Черепанов понял, что может жить здесь. Без неба. Но – по-настоящему. Может принять этот мир и овладеть им, как владел тем небом.

Глава седьмая, Совсем маленькая

Черепанов встал очень осторожно, чтобы не разбудить Марцию. Не столько потому, что хотел уйти не прощаясь, сколько потому, что уж очень сладко она спала. Утреннее солнце, разбудившее Геннадия, ее не потревожило. Может, потому, что лицо девушки было прикрыто ворохом волос, из-под которых видны были только кончик носа, плотно сомкнутые губы и круглый подбородок. Марция свернулась клубочком на краешке ложа, зажав между бедрами ладошки. На груди, у крохотного соска, розовело овальное пятнышко – след ушедшей ночи. Марция выглядела столь юной и нежной, что даже не верилось, какой дикой кошкой она была всего лишь несколько часов назад.

Геннадий поднял с пола простыню и накрыл девушку. Зря. Она проснулась, смахнула кудряшки. Глаза ее открылись сразу – и широко, словно от испуга.

– Уходишь?

– Да.

– Подожди немного... Пожалуйста! – Голос ее был таким, что Черепанов не смог отказать: опустил на край ложа.

– Не уходи, прошу тебя. Еще немного... – Девушка соскользнула с ложа и исчезла за ширмой, где стояла «ночная ваза».

Когда Марция вернулась, от нее пахло розовой водой.

Двумя руками взяв тяжелую расслабленную руку Черепанова, она прижалась щекой к ладони.

– Еще немного, – прошептала она. – Пожалуйста. Хочу запомнить, какой ты. Навсегда. Ты ведь не вернешься, я знаю.

Геннадий молчал. Сколько в его долгой и достаточно бурной жизни было таких утренних прощаний? Ох, как много. Куда больше, чем хотелось бы. Но никто, ни разу не сказал ему таких слов. Почему-то стало страшно. Эта юная римлянка, рыжая девчонка, пахнущая медом и розовыми лепестками, заставила его ощутить безвозвратно уходящее время. То, о котором сказано: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». И вопреки этому пугающему чувству, Геннадий сказал то, что не собирался говорить.

– Вернусь.

– Что? – Темные, чуточку выпуклые глаза глянули на него снизу.

– Я вернусь, Марция. – Голос почему-то стал хриплым.

Не поверила. Засмеялась тихонько, встряхнула копной бронзовых завитков.

Она была в его жизни эпизодом. Случайной встречей. Старый воин, на одну ночь смывший с кожи дорожную пыль, – и юная дочка трактирщика. Одна ночь – это все, что могло быть между ними. Марция знала это и не строила иллюзий. Ни вчера, когда (сама) сказала ему: да. Ни сегодня.

Черепанов отнял у нее руку, коснулся ее губ указательным пальцем, покачал головой.
– Я сказал, что вернусь, – произнес он негромко. – И вернусь. Хотя бы для того, чтобы сплясать на твоей свадьбе. Договорились?
– Да, – в темных глазах запылали веселые искры, – только вряд ли, дом ⁷⁰ Геннадий, я буду примерной женой. Разве что...
– Что?
– Эй, Череп! – раздался снаружи зычный голос Плавта. – Спускайся! Каша поспела! Марция звонко рассмеялась.
– Скажу, когда вернешься! Обещаю!

Глава восьмая Командующий «Западной группой войск» римской императорской армии Гай Юлий Вер Максимин

Римский лагерь выглядел настоящей крепостью. Ров, вал повыше человеческого роста, с частоколом, привратные башни, сами ворота, толстые, скрепленные железом. И охрана – из ребят, которые клювами не щелкают.

– Пароль! – Двое заступили дорогу. Один – поближе, другой – подальше, на подстраховке.

А наверху, на площадке башни, знакомо (уже знакомо!) скрипнул натягиваемый лук.

Красивые парни: доспехи блестят, шлемы сияют... Наконечники копий тоже сияют. И бронзовые нащепки на щитах.

– Откуда я могу знать пароль, солдат, если твой тессерарий ⁷¹ сообщил его тебе, а не мне? – добродушно пророкотал Плавт. – Позови-ка старшего!

Караульный свистнул.

Старший, офицер в рельефном нагруднике (такой позднее назовут анатомическим ⁷²), в серебряных поножах, с роскошным красным гребнем на шлеме, появился тут же, двинулся к ним – без спешки, с достоинством, помахивая дубинкой.

И вдруг остановился и звонко хлопнул себя по бедру:

– Юпитер Капитолийский! Аптус! Ты ли это? – гаркнул он. – А говорили: тебя прибрал Орк!

– Не сошлись с ним характерами, – проворчал Гонорий. – Будь добр, гастат, не труби на весь лагерь. Я хочу сделать кое-кому сюрприз.

– Понял! – Офицер осклабился. – Курций, проводи кентуриона к преторию... Хотя нет, останешься тут, за старшего. Я сам хочу это видеть! – Римлянин перевел взгляд на Черепанова, и улыбка сбежала с его лица. – А это кто такой? Что тебе нужно, варвар?

– Он – со мной, – бросил Плавт раньше, чем Геннадий успел ответить. – Да повежливее с ним, гастат! Во-первых, он – рикс. Во-вторых, зовут его Геннадий, а прозывают – Череп, потому что сама смерть глядит из его глаз. В-третьих, он изъявил желание послужить Риму, и лично я этому очень рад, потому что – и это в-четвертых, – он – мой друг. И если тебе этого недостаточно, гастат...

– Вполне, примипил! – Офицер прижал к груди сжатый кулак. – Рикс! Прошу следовать за мной!

И они двинулись к аккуратным рядам палаток, отступавших от стен шагов на сто, вероятно, для удобства обороны.

⁷⁰ Господин.

⁷¹ Тессерарий – младший офицер, в обязанности которого входили организация караулов и передача паролей (по-латыни – tessera).

⁷² Форма анатомического доспеха имитирует идеальный рельеф мускулатуры.

Меж ровных рядов палаток вытянулась прямая и широкая улица (иначе не назовешь), весьма оживленная. Причем двигались по ней не только солдаты, но и лица, явно штатские. Например, пришлось объехать телегу, полную каких-то корнеплодов, влекомую бычками. А правил бычками парнишка явно допризывного возраста.

Большая часть народа занималась полезной деятельностью, но немало было и празднующихся, в том числе и офицеров, которых Черепанов уже научился опознавать, но скорее интуитивно. Стандартных знаков различия не наблюдалось. По крайней мере Черепанов их пока не заметил. То есть он узнал бы, скажем, кентуриона – по поперечному «гребешку» на шлеме, но большинство солдат было без головных уборов. Недопустимая вещь с точки зрения армии, воспитавшей подполковника Черепанова. С другой стороны, и в его время солдаты в касках просто так не разгуливали, а до фуражек, беретов и пилоток здесь еще не додумались.

Внимание на них обращали многие. Особенно на Черепанова, который в своем наряде «от вандала», верхом, смотрелся здесь примерно как ваххабит в полном вооружении, раскатывающий на джипе по территории военного аэродрома. Но учитывая, что сопровождали «ваххабита» двое офицеров, никто ему претензий не предъявлял. Сами офицеры привлекали меньше внимания, хотя с дежурным многие здоровались, а узнававшие Плавта по большей части вместо приветствия роняли на грудь челюсть. Минут пять спустя Черепанов обернулся и обнаружил, что за ними тянется приличная свита. Должно быть, не один только дежурный офицер желал поглядеть на возвращение старшего кентуриона.

От ворот неспешным (для лошадей) шагом они добивались до резиденции главнокомандующего минут семь. Лагерь был здоровенный. Настоящий город. Впрочем, и численность населения, как потом выяснилось, была под стать городу: два легиона, почти двадцать тысяч человек, считая вспомогательные войска и службы.

А вот резиденция легата оказалась довольно скромной. Обычная палатка. Правда, большая.

И огороженная частоколом.

Здесь тоже имелась охрана, но нравы были демократические, поскольку Плавта, как только узнали, немедленно пропустили внутрь. Вместе с Черепановым, дежурным и самообразовавшейся свитой, насчитывавшей минимум сотню зевак.

А известить командующего послали еще раньше, поэтому когда спешившиеся Плавт и Черепанов вошли в воротца, великий полководец Гай Юлий Вер Максимин Фракиец в окружении свиты и охраны уже двигался им навстречу.

Он был именно таким, каким его описывал Гонорий. Ожившая статуя бога войны.

Он возвышался над ликторами ⁷³, над своими офицерами, над совсем не маленькими телохранителями, как спортсмен-баскетболист – над толпой пятиклассников. Живи этот гигант в более позднюю эпоху, у его бодигардов возникли бы серьезные проблемы. Поскольку главная обязанность бодигарда – прикрыть патрона от проворных свинцовых пчелок своим мускулистым телом. Но чтобы прикрыть такое «боди», понадобился бы вставший на задние лапки носорог. Обычно люди подобного «масштаба» (которых, кстати, можно в любую эпоху пересчитать по пальцам) выглядят нескладными переростками. Но этот великан был не таким. Просто природа расщедрилась и отпустила ему одному столько плоти, что хватило бы на двух атлетически сложенных мужчин. И вместо двух крепышей ростом метр восемьдесят получился один. Но на полметра выше. И на полметра шире в плечах. А если эту великолепную голову с лицом грозного бога увенчать высоким золоченым шлемом с длинным красным гребнем, а на метровой ширины плечи надеть золоченый панцирь и накинуть плащ, ткани которого хватило бы на приличную палатку...

– Ну-ка, ну-ка... – Гигант сделал три шага, и его охрана мгновенно осталась позади, а

⁷³ Ликтор – официальный сопровождающий власть предержащего, носивший символы этой власти: «оснащение» палача – пучок прутьев с воткнутым в них топориком.

сам он оказался рядом с Плавтом, чья голова была на уровне подбородка золотой Медузы ⁷⁴, украшавшей кирасу легата.

– Неужели это ты, Аптус, проклятье на всех, кто болтал о твоей смерти!

Голос громадного воина был под стать его росту. Этому человеку не нужно было напрягать связки, чтобы быть услышанным за пару сотен метров.

– Ах ты старый платановый пень! А я-то думал: эти вшивые германцы намотали твои кишки на священное дерево!

– Они хотели, Величайший! Но я был против! – заявил Плавт, задирая голову, чтобы видеть лицо своего бывшего трибуна.

– К Орку «величайшего»! – рыкнул «оживший бог». – Ах ты старый кобель Аптус! – Громадный легат наклонился и, как ребенка, сгреб в охапку мускулистого кентуриона. Черепанов услышал, как жалобно скрипнул нагрудник Гонория. – Мы с тобой перебили столько врагов, Аптус! Мы с тобой перепортили столько девок, ты, буйный угодник Приапа! Марс Победитель! Ты имеешь полное право звать меня по имени до тех пор, пока один из нас не сдохнет. И клянусь тестикулами Геркулеса, это буду не я, потому что боги не сотворили бы меня таким, каков я есть, чтобы мое мясо стало жратвой для червей! – И, понизив голос: – Рад, что ты вернулся, лев...

– Он хранил меня, бегущий по солнцу... – совсем тихо произнес Плавт.

Но Черепанов услышал – у него, как уже сказано, был очень острый слух.

Вперед, небрежно отодвинув ликтора, выдвинулся воин в шлеме с белым гребнем, в стальном тораксе ⁷⁵ с искусной золоченой чеканкой и со шпорами на сапогах.

– Эй, Децим! – приветствовал его Максимин. – Децим Флор! Ты глянь, кто прибыл!

Рядом с великаном Максимин этот офицер смотрелся скромно, но вообще-то был здоровенным бугаем с ручищами чемпиона реслинга. Физиономию кавалериста украшала седая борода типа «шкиперской», но Черепанов не сомневался, что этот «дедушка» способен без особого напряжения оторвать пару-тройку голов у ребят помоложе.

– Аптус! – воскликнул он. – А мы думали: ты давно в провинции Плутона! ⁷⁶

И сгреб ручищами Плавта, только-только высвободившегося из объятий Максимиана.

– Сервий! – рявкнул великан-легат. – Эй, бенефициарий ⁷⁷, живо приведи сюда старшего кентуриона Сервия Феррата! А кто это с тобой, Аптус? – Толстый, с грязным ногтем палец Максимиана указал на Черепанова. – Варвар?

– Варвар, – кивнул Плавт. – Его зовут Череп.

– Варвар... – проворчал Максимин, с высоты своего башенного роста взирая на Черепанова. – Твой раб? Взгляд у него строптивый. Я бы такого раба для начала хорошенько отодрал плетью.

– Он не раб, Максимин. – Гонорий положил руку на плечо Черепанова. – Он – рикс и мой друг. Кабы не он, проклятые германцы точно выпустили бы из меня кишки! Он, конечно, варвар, но его зовут Геннадий, он знает латынь и дерется как бешеный. И вываливает в пыли любого из твоих гвардейцев. Ставлю сотню динариев!

Великан оживился.

– Идет! – быстро сказал он. – Твоя сотня против... – Он запнулся. – Если он победит, я

⁷⁴ Медуза Горгона – мифологический персонаж, красавица титанида Медуза, обращенная Юпитером (Зевсом) в Горгону, чудовище с волосами-змеями. Прямой взгляд Медузы Горгоны обращал в камень, поэтому герой Персей, чтобы убить ее, вынужден был использовать «зеркало» – отполированный щит.

⁷⁵ Торакс – панцирь кавалерийского офицера.

⁷⁶ Плутон – бог подземного царства.

⁷⁷ Бенефициарий – здесь: адъютант.

дам тебе первую когорту. А его сделаю кентурионом.

Плавт расхохотался.

– Когорту ты мне и так вернешь! – заявил он. – И я вижу, ты остался таким же жадным, Максимин. Ничего не изменилось, пока я отсутствовал!

– Не жадным, – великан ухмыльнулся, – практичным. Но с друзьями я щедр. Верно, Флор?

– Жалованье платишь в срок, – отозвался седой кавалерист. – Сколько я тебя знаю...

Геннадий огляделся. Вокруг теснились римские воины. В разнообразной одежде, в таких же разнообразных доспехах... Но тем не менее сразу было ясно, что они принадлежат к одной армии. И большинство – не последние в этой армии люди. Пока все они – чужие, незнакомые. Но пройдет какое-то время – и подполковник станет одним из них. Потому что не было случая, чтобы Геннадий Черепанов решил чего-то добиться – и не добился.

– Партокл! – Максимин хлопнул по плечу одного из своих телохранителей. – Скидывай железо. Будешь бороться с этим варваром. И смотри не опозорься!

– Не беспокойся, мой легат, – уверенно проговорил гвардеец, окинув взглядом Черепанова. – Я еще не забыл, как пахнет песок аквилейского цирка.

– Эй вы, ну-ка дайте им место! – бросил гигант, и плотно сгрудившаяся толпа каким-то чудесным образом раздалась в стороны. Оставшись, впрочем, такой же плотной.

– Давай, Череп, – вполголоса проговорил Гонорий, помогая другу разоблачаться, – выводи в пыли этого грека – и великий Максимин полюбит тебя от всей души. Но будь осторожен: этот муж семь лет назад был победителем на Играх в Сирмии.

– Понял, – тоже вполголоса ответил Геннадий. – Ничего, управлюсь.

Освобождаясь от доспехов, он без стеснения разглядывал будущего противника. Крепкий парень, без сомнения. И здоровенный: сантиметров на десять выше Черепанова и килограммов на семь-восемь тяжелее. Но Геннадий ни на секунду не усомнился, что сделает его в рукопашной. Вот если бы пришлось биться на мечах, тогда результат проблематичен...

Гвардеец Партокл скинул с себя тунику, оставшись в одной набедренной повязке. Мускулистый, подвижный, опасный...

Черепанов тоже стянул рубаху. Ага! Мускулатура летчика-космонавта тоже произвела на грека впечатление. Ну давай, братец...

В окружившей их компании воинов произошло некое движение: появился еще один старший, судя по форме, офицер.

– Аптус!

– Привет, Железный! ⁷⁸

– Успеете поговорить, – недовольно рыкнул Максимин, который пять минут назад сам посылал за кентурионом. – Эй вы, начинайте!

Мускулистый грек слегка пригнулся и мягко двинулся по кругу, присматриваясь, прикидывая, на что способен противник. Геннадий ничего не предпринимал, предоставив сопернику инициативу. Тем более что стиль боя, который он оттачивал последние пять лет, был построен именно на контратаках.

– Молнии Юпитера! И долго будете топтаться, как овцы в загоне? – недовольно прорычал Максимин.

Черепанов приказ проигнорировал: в конце концов, гигант командующий пока еще не был его начальником.

А вот грек бросился вперед... И, перелетев через спину Черепанова, приземлился на четыре точки.

Зрители одобрительно взревели. Грек подскочил, словно подброшенный пружиной. Профи. Сразу сообразил, что падение – не досадная случайность, а хитрый прием, примененный варваром.

⁷⁸ Феррит – по-латыни означает «железный».

– Эй, Партокл! Раз – и на четырех! – крикнул кто-то. – Что с тобой? Репетируешь роль лягушки?

Грек не отреагировал. Он и впрямь был профи и игнорировал заводящие реплики. Опять соперники закружили по импровизированной арене, присматриваясь и выжидая. Убедившись, что варвар – не деревенский увалень, ставленник Максимиана поменял тактику. Попытался пнуть его ногой в живот. Ловко, но примитивно. Геннадий сблокировал и попытался произвести захват... Но теперь уже он недооценил соперника.

Грек вывернулся, ударил локтем, перехватил руку Геннадия, зажал ее под мышкой, одновременно зацепил ногу подполковнику и надавил, пытаясь опрокинуть летчика на спину, почувствовал, что его противник падает, испытал мгновенное ликование...

В следующий момент нога «варвара» уперлась ему в пах, Партокл испытал весьма неприятное ощущение, а в следующий миг, описав короткую дугу, приложился о землю... Но несмотря ни на что, успел все-таки прижать подбородок к груди и не дать захватить шею.

Черепанов мужество и мастерство противника оценил. И отдал ему должное, что, впрочем, не помещало Геннадию вдавить большой палец в болевую точку на шее грека. И осуществить захват секундой позже. В партере у его противника было даже меньше шансов, чем в стойке.

Никто не пытался вмешаться и разнять их, но когда грек перестал трепыхаться, Черепанов сам отпустил его и даже помог подняться, а потом поглядел на Максимиана: насколько тот огорчен проигрышем своего ставленника?

Нисколько не огорчен.

– Отлично, варвар! Как там тебя зовут?

– Геннадий, – ответил подполковник. И добавил, помедлив: – Череп.

Собственное прозвище ему не нравилось. Старые воспоминания. Его еще в школе пытались дразнить Черепом. С первого класса. Но в школе не прижилось. Хотя Генка Черепанов неизменно отзывался на эту кличку. Кулаком по носу. А вот здешняя публика считала такое прозвище крутым...

– Череп! – подхватил Гонорий. – Ему это подходит, верно, Максимин?

– Прямо в цель! – согласился гигант легат. – Но не думаю, чтобы ты, Череп, мог так же бросить меня!

– Пожалуй, – согласился Черепанов, глядя снизу вверх на великана и не испытывая никакого желания бороться еще и с ним. Конечно, тот уже далеко не молод, но состязаться с такой громадиной... Примерно как бороться с Медным Всадником.

Максимин расхохотался. Он был доволен.

И тут где-то рядом хрипло взревела труба.

– Обед! – сказал кто-то рядом.

– Пир! – возразил Максимин. – В честь возвращения моего старого товарища Гонория Плавта Аптуса. И в честь нашего нового друга кентуриона Геннадия Черепана! Феррат, найди кого-нибудь из моих трибунов и распорядись от моего имени!

И позаботься о квартете арфисток персонально для приапа старины Аптуса. Ты ведь не изменил своим склонностям, Гонорий?

– Ничуть! – Плавт улыбнулся. – Это только ты, Максимин, сердишься, когда тебе предлагают много женщин!

Тут все окружающие, кроме Черепанова, жизнерадостно захохотали. Вероятно, это была какая-то старинная и всем известная шутка ⁷⁹ .

⁷⁹ «...Гелиогабал (римский император Элагабал, 218—222 гг. до Р. Х.), шутя с ним самым непристойным образом, спросил его: „Говорят, Максимин, что в былые времена ты одолевал и шестнадцать, и двадцать, и тридцать воинов. А можешь ли ты тридцать раз закончить с женщиной?“ (8) Тогда тот, увидев, что беспутный император начинает вести такие речи, оставил военную службу. (9) Однако друзья Гелиогабала удержали Максимиана, боясь, чтобы к бесславию Гелиогабала не добавилось еще и то, что он удалил из своего войска храбрейшего человека своего времени...» (Юлий Капитолин «Двое Максиминов»).

Глава девятая Командующий Гай Юлий Вер Максимин в кругу друзей

Обедали – вернее, пировали – не в шатре Максимины, а на свежем воздухе. Черепанова командующий особо отметил: предоставил место на собственном ложе, по правую руку от Плавта. А самого Плавта легат «уложил» справа от себя.

Торжественный обед, участники которого пребывают в горизонтальном положении... М-да. Где-нибудь на загородной даче, после баньки – еще ладно. Это еще Черепанов мог воспринять. Но официальный обед...

Черепанов считал, что русские многое переняли от римлян. Наследники, как-никак. «Два Рима падеши, третий стоит, четвертому не быть». Правда, в двадцатом веке и Третий Рим приказал долго жить. Один орел двуглавый только и остался от великой империи. Но черепановские предки в этом самом Третьем Риме жили. Однако, располагаясь за пиршественными столами строго по старшинству, сидели, а не лежали.

Было в этом «возлежании» что-то излишне интимное.

«Ничего, – подумал Геннадий. – Привыкну».

Тем более что кушанья на столе – отменные. Правда, соусы незнакомые и чертовски не хватало родимой сорокаградусной.

Опрокинуть бы сейчас стопочку водочки! Да под огурчик или грибок солененький. Да под хороший тост...

С тостами дело обстояло так себе. Застольные речи поражали однообразием, поскольку представляли собой исключительно здравицы хозяину. Иногда стихотворные. Иногда чередовавшиеся с похвалами хозяйскому хлебосольству. И пожеланиями, чтобы сын легата унаследовал славу отца.

Одним словом, грубая лесть чередовалась с очень грубой. В стихах или прозе – невелика разница. Но Максимин проглатывал похвалы легко и охотно. Привычно. И ораторствовал за столом тоже в основном он. И в основном о себе. О собственной доблести. О славных эпизодах своей биографии. Присутствующие же внимали, хотя наверняка знали эти истории наизусть. Причем Черепанов сразу понял: все эти хвалы и почтительное внимание – не лицемерие: все эти люди, высшие офицеры, настоящие боевые офицеры, не штабная шушера, слушали своего командующего с настоящим вниманием. И не потому, что тот был неплохим рассказчиком – хотя он действительно был неплохим рассказчиком. Во всем, что говорил и что делал этот великолепный гигант, чувствовалась харизма победителя. Так талант великого актера наполняет бездарные стихи, заставляя видеть в них нечто большее, чем банальный набор слов. И так же, как у великого актера, у Максимины был свой набор лучших историй, а то, что истории эти рассказывались уже в сотый раз, только придавало им вкуса. Соратники сами провоцировали легата на исполнение любимых «номеров». Это был «театр одного великого актера». Ну, может, не совсем актера, но, несомненно, великого.

Но хозяин не забыл и о новом знакомце.

– Я сам когда-то тоже с борьбы начал, – вальяжно пророкотал он, обращаясь к Черепанову. – Правда, я тогда был совсем сопляк и поборол не одного преторианца, а больше дюжины...

– Ну, сначала-то тебя до преторианцев не допустили! – фамильярно перебил командующего старший кентурион Феррат. – Сначала тебе достались обозники. Септимий, да живет вечно его слава, сразу увидел, что ты – нужный ему человек. И побоялся, что тебя могут попортить...

– Совсем не так, – перебил Максимин не без самодовольства. – Во-первых, император поставил против меня обозников не потому, что беспокоился, как бы его преторианцы не попортили такого парня, как я. Август Септимий был мудр. Он боялся, как бы я не поотрывал им головы. Потому-то и выставил против меня самых толстых возчиков и вместо нормальной борьбы потребовал, чтобы мы, как детишки, топтались в обнимку. Ха-ха! –

Легат запрокинул голову, и вино из чаши широкой струей вылилось ему в глотку. И там исчезло. Вмиг – только булькнуло.

– Я просил его научить меня этому фокусу, – прошептал Геннадию восхищенный Плавт. – Не хочет.

Максимин сцапал с блюда сразу пару жареных голубей и отправил следом за вином.

– Я тогда был молод, – сказал Фракиец, рыгнув. – Но не глуп. Я могу сдавить человека так, что у того кишки изо рта полезут! (Глядя на мускулатуру Максимиана, нетрудно было в это поверить.) Но я знал, что понравится императору, а что нет. Поэтому я просто повалял с дюжину обозников в пыли, вот и все. А потом, когда я раза три поймал за хвост его коня, то улучил момент и шепнул Августу: «Дай мне шанс! Я, Гай Юлий Вер Максимин, не стану калечить твоих гвардейцев. Я только покажу, что они есть в сравнении со мной!»

И великий Август Септимий дал мне мой шанс! Ха-ха!

Еще одна чаша опрокинулась на ладони легата, низвергнув содержимое в пропасть глотки. Максимин широко улыбнулся.

– Когда я покончил с ними, мои руки были сплошь покрыты серебряными запястьями⁸⁰. И богоравный Септимий подарил мне вот это! – Максимин подцепил пальцем витую цепь минимум в полкило весом. – Не за то, что я победил. Одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять, кто победит. Нет, император почтил меня как человека, умеющего держать слово. Ни один из его преторианцев даже зуба не потерял. Вот так! А теперь я даю шанс тебе! – Командующий повернулся к Черепанову. – Я дам тебе кентурию!

А это лучше, чем серебро! Но чтобы не говорили, что я жаден – на! – Он содрал с ручки серебряный браслет и протянул Геннадию, – ну-ка примерь!

Подполковник примерил. В браслете легко поместились бы оба его запястья.

– Ха-ха! – гоготнул Максимин.

Все прочие тоже изрядно развеселились.

Черепанов поднатужился и согнул украшение. Теперь оно пришлось почти впору.

– Молодец! – одобрил Максимин.

Но он явно чего-то ждал от Черепанова.

Аптус пихнул Геннадия в бок.

– Благодарю! – прошипел он.

Ну, это можно!

Геннадий взял со стола чашу.

– Я не предлагаю выпить за тот дуб... – Тут он спохватился и сделал поправку на специфику местных обрядов. – Нет, за тот кедр, из которого нарубят дров для погребального костра, в котором стогит брненное тело великого Максимиана Фракийца!

Наступила гробовая тишина. Даже слуги, наполнявшие чаши, замерли. И в этой мертвой тишине Черепанов спокойно продолжил:

– И я предлагаю выпить за другой кедр. На котором сейчас зреет орешек, из которого вырастет то дерево, из которого когда-нибудь нарубят гору дров для огромного костра, подобающего столь великому воину!

Соль тоста до большинства пирующих дошла не сразу. Но в конце концов дошла.

И была отмечена одобрительными возгласами.

А когда вопли стихли и чаши опустели, Максимин, приподнявшись, перегнулся через Плавта, ухватил Черепанова за плечо, подтянул его к себе и прошептал прямо в ухо:

– Плохой тост. Но я тебя прощаю, варвар. В последний раз. А сейчас слушай и запомни накрепко: моего погребального костра не будет! Никогда! Потому что я бессмертен!

⁸⁰ Серебряные запястья – малые военные награды в римской армии. Так же как золоченые удила или упомянутая ниже витая золотая цепь. Часто перед битвой эти награды поднимали на специальных шестах, чтобы пробудить в легионерах доблесть. Или алчность.

Глава десятая, в которой Гонорий Плавт становится старшим кентурионом одиннадцатого легиона, а Геннадий Черепанов — самым младшим кентурионом первого фракийского

Ночевали Плавт с Черепановым в палатке, любезно предоставленной кем-то из младших офицеров.

Разбудила их труба.

В этот день Черепанов убедился, что этот протяжный гнусавый звук возвещает обо всех главных событиях лагеря: побудке, завтраке, смене стражи, обеде и так далее. Он убедился, что в этой армии тоже существует понятие «личного времени»⁸¹ и дневного распорядка. Кстати, первое, что сделал Плавт, продрав глаза, — отправился к орлу, аквиле легиона, хранившейся в отдельной палатке, и провел там минут пятнадцать. Потом проследовал к казначею и выколотил у того невыплаченное жалованье — с «полевыми» и «специальными» надбавками. Выколотил в прямом смысле. Черепанов, который ждал снаружи, не мог разобрать всего, о чем говорили Плавт и казначей, но звук плюхи услышал очень отчетливо. Легионер, который нес стражу снаружи, подмигнул Черепанову и ухмыльнулся.

Очень довольный, кентурион вылез из палатки.

— Пойдем, — сказал он Геннадию, похлопав по туго набитому кошельку. — Приведем тебя в цивилизованный вид. Я плачу!

Спустя полчаса Черепанов убедился, что в лагере есть специалисты любого профиля: скорняки, парикмахеры, портные... Даже зубной протезист, который, изучив содержимое Плавтова рта, тут же взялся изготовить «мост». Из материала заказчика. Поглядев на «арсенал» местного зубодера, Черепанов искренне порадовался, что зубы у него в порядке. Зато бритье, вопреки ожиданию, доставило Геннадию только удовольствие. Местный парикмахер, хоть и носил форму легионера (как, впрочем, и зубодер-протезист), дело свое знал: подстриг Геннадия и избавил от растительности на физиономии — быстро, безболезненно и при этом с невероятной скоростью выкладывая Плавту лагерные новости.

Закончив работу, парикмахер в калигах⁸² продемонстрировал Черепанову серебряное зеркало, в котором отразилась загорелая физиономия подполковника, не только не осунувшаяся от перенесенных испытаний, но даже чуток раздобревшая. Впрочем, кушали они с Плавтом в последнее время — дай Бог всякому!

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Гонорий. — Теперь тебя не стыдно и людям показать.

В красной шерстяной рубаше, называемой туникой, коротких штанах со знакомым наименованием «браки» (брюки с браком, надо полагать), с шарфом на шее и калигами на ногах, бритый и стриженный Черепанов уже ничем не выделялся среди обитателей лагеря. Правда, его чисто славянский профиль мало походил на римский, но то же можно было сказать о большей части здешних солдатиков. Те, кто с презрением называл варварами всех, обитавших по ту сторону Дуная, по крови были отнюдь не римлянами-италийцами, а натуральными варварами: галлами, германцами, аланами...

Централизованного питания в римской армии не было. Солдаты кормились контуберниями, то есть группами, состоявшими из восьми человек, живших в одной палатке. Могли готовить сами, а могли покупать готовое. Начальство рангом от кентуриона и выше кушало отдельно. Или с друзьями. Или с начальством, если начальство пригласит. Плавт с Черепановым были приглашены. Самим командующим.

⁸¹ Время, когда военнослужащий может заниматься личными делами, например, бриться.

⁸² Калиги — обувь римского легионера-пехотинца — полусапоги-полусандалии (в зависимости от климата, местности и времени года), на прочной подошве, подбитой гвоздями.

Геннадий ожидал, что завтрак будет похож на вчерашний обед (плавно перетекший в ужин), но ошибся. Никаких изысков не было – миска с кашей, вроде той, которой Черепанов кормил Плавт во время их путешествия. Зерно, жирное мясо, бобы, немного овощей, изрядная добавка оливкового масла и много чеснока. Нет, вампирам в римской армии точно ловить нечего!

Запивали это варево разбавленным вином, коего Черепанов выпил кувшинчика полтора, промывая организм после вчерашнего пира. За едой подполковник развлекался, наблюдая, как завтракает Максимин. Командующий римской армией размерами не уступал бурому мишке. И кушал примерно как этот мишка, которого неделю продержали без пайка. Вышеупомянутой каши легат заглотил вчетверо против съеденного Черепановым и Плавтом (на пару), а запил эту гигантскую порцию минимум пятью литрами жидкости. После чего погладил себя по животу, заявил, что нет ничего полезней для здоровья, чем добрая солдатская еда на завтрак.

И предложил Плавту с Геннадием сопровождать себя в утренней верховой прогулке.

Предложение главнокомандующего – это приказ. Поэтому оба быстренько отправились на конюшню за своими лошадьми.

Генеральская прогулка отличается от прогулки обычной, примерно как плавание на байдарке по Ладожскому озеру от рейда авианосца по Тихому океану. Во-первых – свита. Две сотни личной охраны, еще две сотни легкой кавалерии – для контроля местности. Дюжина старших офицеров, шушера помельче... На вчерашнем пиру Черепанов видел не больше половины этого «штаба». И запомнил только старшего кентуриона Сервия Феррата и префекта лагеря Децима Флора. Потому что эти двое были старыми корешами Плавта.

Прогулка длилась часа полтора. И по сути была инспекцией полевых занятий Максиминовой армии.

Черепанов, который, по прямому указанию легата, не отставал от него и на полкорпуса, мог убедиться, что гоняют легионеров по полной программе. Аж пар идет. Но Максимин остался недоволен. Наорал на троих офицеров, которые, по его мнению, измывались над подчиненными недостаточно интенсивно, а четвертого, кентуриона, который осмелился возражать, съездил по морде и посулил, что разжалует в пастухи, если еще раз увидит, что тот обращается с подчиненными как с молочными коровами.

Воодушевленный таким образом кентурион тут же припаял дубинкой по хребту ближайшего легионера и завопил так, что остальные парни застучали друг по другу деревянными мечами раза в три интенсивнее.

– Храбрец, – сообщил Черепанову Максимин, когда они отъехали на сотню шагов. – Но авторитета маловато. И опыта. А ты, рикс, командовать умеешь? Или только драться?

– Проверь, – сказал Черепанов. – Увидишь.

– Пехота?

– Вроде того.

«Летчик-космонавт» вряд ли стало бы подходящим ответом.

Легат кивнул:

– Ладно, в лагере поговорим.

– Я дам тебе первую когарту в Одиннадцатом Клавдиевом, – сказал Максимин.

Плавт скривился.

– А почему не в Первом Фракийском? Я говорил с Железным, он готов уступить мне прежнее место...

– Ах он готов... – процедил Максимин. – Значит, он готов... Значит, теперь у нас новые правила. Значит, теперь не я команду легионами, а какой-то там обнаглевший толсторепый примипил на пару со своим репомордым приятелем, так?

– Ну нет, Фракиец, я ничего такого...

– Значит, если легат, командующий Данубийской армией, говорит какому-то хреноголовому кентуриону, где тот будет служить, а этот хреноголовый...

– Максимин! Я не...

– Молчать! – рявкнул гигант. – Ты будешь служить там, где я скажу, Аптус! А я говорю, что ты будешь служить в Одиннадцатом легионе! Может, тебе объяснить, почему я так говорю, а?

– Да нет. Фракиец... – пробормотал Гонорий, стараясь незаметно отодвинуться подальше от Максимиана. – Это совсем не обязательно...

– Нет, я тебе объясню, Аптус! – Ручища гиганта легла на бычий загривок Плавта и накрыла этот немаленький загривок целиком. – Я говорю – в Одиннадцатый, потому что у меня здесь шесть легионов, ты, ослиный фаллос! Не один. И не двадцать, как мне хотелось бы. Шесть легионов! И я хочу быть уверенным, что в каждом, каждом найдется пара недоделанных хреноголовых ублюдков, в которых я уверен! Которые не обосрут и сделают то, чего я жду от своих командиров!

И заставят, испепели их Юпитер, своих солдат сделать то, что требуется! Ты меня понял, дерьмовый репоголовый собачий кал?!

– Да понял я, понял, – поспешно ответил Гонорий.

«Черт меня подери! – подумал Черепанов. – Да он, кажется, испугался! Вот это новость!»

До этого Геннадий был абсолютно уверен, что испугать его друга не легче, чем железобетонную балку. Хотя и Аптуса можно было понять, поглядев на разгневанного Фракийца. Припомнилось слышанное мельком – о крайней жестокости Максимиана Сердитого.

– У меня только шесть легионов, умник! – прорычал гигант. – Первый Фракийский, Первый и Второй Италийские, Четвертый Флавиев, Седьмой и Одиннадцатый Клавдиевы. Только шесть легионов! Ты понял?

– Понял я. Фракиец, я же говорю, что понял! – Аптус не сделал даже попытки освободиться от захвата Максимиана. Да он и не сумел бы.

«А я бы смог? – подумал Геннадий. – Интересно, какой болевой порог у этой горы мускулов?»

И все-таки он не мог не восхищаться, глядя на Максимиана. Понятно, почему тот считает себя бессмертным. Такие великаны рождаются раз в столетие. Вдобавок природа не поскупилась, и содержимое этой величественной головы – тоже незаурядное. Сыну простого пахаря нужны очень качественные мозги, чтобы выйти в крупнейшие военачальники империи.

– Я думаю, ты понял, – несколько смягчившись, прорычал Максимиан, отпуская Плавтов загривок. – Я, разрази тебя гром, не только твой легат, Аптус, но и Магистр Армии ⁸³, командующий Западной армией, которой августейше повелевается оберегать римские земли от устья Данубия до берегов Ренуса ⁸⁴. Все границы: Фракия ⁸⁵, Мезия, Паннония, Норик ⁸⁶, Реция ⁸⁷ – все мои, Аптус.

⁸³ Если строго исходить из документальных источников, то указанное звание появится в римской армии несколько позже, после реформ императоров Диоклетиана и Константина, но вполне допустимо, что сам термин возник несколько ранее.

⁸⁴ Ренус – река Рейн.

⁸⁵ Фракия – римская провинция. Область на востоке Балканского п-ова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями. С севера граничила с Мезией, с юга – с Эгейским морем, а с запада – с провинцией Македония.

⁸⁶ Норик (Noricum) – римская провинция с кон. I в. до н. э. Расположена к западу от Паннонии, между верхним течением Дравы и Дунаем. В 408 г. н. э. территория завоевана Аларихом I, в кон. V в. – остготами.

⁸⁷ Реция – римская провинция к западу от Норика. С юга Норика и Реции были Пеннинские Альпы, а за Альпами – и тогда, и ныне – Италия.

Плавт присвистнул.

– Мириад молний Юпитера! Шесть легионов! Да он спятил, этот мамкин сынок! Шесть легионов – на тысячу с лишним миль! ⁸⁸ Да при Септимии в одной только Мезии стояло три легиона! Шесть легионов – на весь Данубий! Да тут и десяти не хватит!

– Мне шести довольно! – отрезал Максимин. – Тем более милостивый Август, – Максимин криво усмехнулся, – в очередной раз повелел мне вербовать новобранцев. И у него хватило ума оставить мне мои легионы. Но я хочу быть уверен, что, когда я уйду в Рецию или Фракию, здесь, в Иллирии, в Мезии, найдется кому врезать варварам по зубам. Поэтому Сервий останется в Первом Фракийском, а тебе я даю когорту в Одиннадцатом. Потому что Сервий в Одиннадцатом Клавдиевом не потянет. Хочешь спросить, почему?

– Да нет, – пробормотал Аптус, потирая шею. – Довольно того, что ты так...

– Не справится он потому, – перебил Максимин, проигнорировав реплику Плавта, – что легатом в Одиннадцатом Клавдиевом – благородный Цейоний Дидий Метелл.

– Мохнатая задница Орка! Легатом? Этого осла? Да у него еще в бытность трибуном мозгов было меньше, чем у дождевого червяка!

– Как ты понимаешь, не я его поставил легатом, – рявкнул Максимин. – Зато латиклавием ⁸⁹ у тебя будет не какой-нибудь сенаторский сынок, а старина Деменций Зима, помнишь его? А прежнего латиклавия Одиннадцатого Петрония Магна я забираю себе. Ты рад?

– Пожалуй, – проворчал Гонорий. – Ослиные уши Зимы и ослиные мозги отпрыска Метеллов...

– Плюс твой ослиный фаллос! – подхватил Максимин. – Я думаю, вы свезете этот груз. Ты очень кстати удрал от варваров, Аптус. Очень вовремя. Я награжу Гельвеция венком ⁹⁰. Завтра же распоряжусь.

– Вот это правильно! – одобрил Плавт. – Его корыто подоспело как раз вовремя!

– Согласен. Теперь о твоём друге Черепе... – Максимин повернулся к Геннадию. – Я хотел дать тебе, парень, кентурию во второй когорте у этого любителя сладкого. Там как раз нужен кентурион. Хотел, но не дам. Потому что эта когорта катафрактариев, а в седле ты сидишь, как коза на изгороди.

Черепанов нахмурился. Он полагал, что держится в седле вполне прилично. Вероятно, так и было, если пользоваться мерками двадцать первого столетия.

– Я быстро учусь, – заметил Геннадий.

Легат поглядел на него в упор.

– Допустим, ты прав. Поглядим. Но сейчас ты не годен. Нехорошо, если воины станут смеяться над своим командиром. Или если их командир свалится им под копыта... Но еще хуже, – жестко продолжил он, – что кентурия после этого останется без командира. Я прав?

Черепанов коротко кивнул. Возразить было нечего.

⁸⁸ На самом деле – больше. Длина Дуная – 2860 км, то есть порядка двух тысяч римских миль. Данубий-Истр, могучая река, принимающая в себя свыше 120 значительных по величине притоков, судоходная почти на всем протяжении, являлась не только естественной границей, но и (вместе со своими притоками) удобнейшей транспортной артерией. Эту реку древние сравнивали с Нилом, а у Аммиана Марцелина говорится о шестидесяти судоходных притоках Дуная.

⁸⁹ *Tribunus laticlavius* (лат.) – старший трибун легиона, заместитель легата. На эту должность очень часто назначались сыновья сенаторов, еще не достигшие 25 лет, составлявших минимальный возраст, после которого разрешалось заседать в Сенате. Трибуны латиклавии носили поверх кирасы белый шарф «кандидата в сенаторы», зато полководческие достоинства этих молодых аристократов часто были весьма сомнительны. Впрочем, в описываемое время этот порядок соблюдался далеко не всегда.

⁹⁰ В римской армии существовала особая награда – золотой венок «за спасение гражданина». Награждались им офицеры от кентуриона и выше.

– С другой стороны, Череп, я сказал, что дам тебе кентурию... – задумчиво проговорил командующий. – А если я так сказал, значит, так тому и быть... Кроме того, ты меня заинтересовал, и я хочу поглядеть на тебя в деле. И возможно, лично присмотреть за тобой. Ты горд этим?

Черепанов пожал плечами.

Максимин засмеялся.

– Он был большим вождем у себя на родине, верно, Аптус? Клянусь Юпитером, у него замашки легата!

– Может быть, – согласился Плавт. – Но я доверял ему свою спину. И готов доверить еще раз. Череп мало говорит, но говорит дело. И только позавчера был готов пожертвовать собой ради моей толстой шкуры.

– Ну-ка расскажи! – заинтересовался командующий, и Плавт выложил ему историю с «оскорблением величества».

Максимин очень развеселился.

– Значит, ты сказал: «Притащу тебя к Максиминому!»

– Ну да. И еще: «Не забудь перед этим сказать своим в Скамарии – пусть выберут себе нового эдила».

– Ха-ха!

– А разве я был не прав? – невинно осведомился Плавт.

– Ну я же не такой зверь! – возразил Максимин. – Не стал бы я его казнить из-за таких пустяков. Спустил бы кожу со спины и отправил домой. Он же не налоги от меня скрыл, а просто ошибся маленько. Значит, ты, Череп, решил пожертвовать собой ради этого бабника? – Максимин глянул на Геннадия.

– Не совсем так, – уточнил Черепанов. —

Я всего лишь собирался дать ему возможность уйти. В конце концов, я рисковал меньше: ведь я же не поносил вашего Августа.

– Нашего Августа, – строго поправил Максимин. – Слышь, Аптус, а твой друг, оказывается, верит в римское правосудие.

– Ну он же недавно в империи, – ухмыльнулся Плавт. – Со временем разберется.

– Пожалуй, – кивнул командующий. – Ты мне нравишься, Череп. Я думаю, ты – надежный человек. И кентурион из тебя выйдет. Поэтому я дам тебе кентурию. Но не в Одиннадцатом, куда ставлю Аптуса. Я дам тебе кентурию в Первом легионе. Своим собственным. Пехотную кентурию, так что тебе не придется падать с коня. И у тебя будет прекрасная возможность показать, так ли ты хорош, как утверждает твой дружок Аптус...

Глава одиннадцатая, в которой подполковник Черепанов, он же кентурион, первый гастат Череп, узнает, какой «подарок» сделал ему командующий придунайскими легионами

В конце разговора Максимин заявил, что хочет переговорить с Аптусом тет-а-тет. Без «третьих» то бишь. И выставил новоиспеченного кентуриона из шатра.

О чем говорили Плавт и его любимый легат, Черепанов, естественно, не знал. Но после этого разговора Плавт вышел мрачный, как туча.

– Пойдем, – сказал он. – Легат поручил мне представить тебя твоим командирам.

Всю дорогу до палатки Феррата Плавт бурчал и ругался.

– Это издевательство, – ворчал Гонорий. – Назначить тебя последним из кентурионов. Вполне в духе Фракийца: швырнуть птицу со скалы и поглядеть, петух это или орел. Но все равно это неуважение. Ко мне. Я ведь за тебя поручился...

Наконец Черепанову это надоело.

– Да объясни ты толком, в чем дело? – потребовал он.

И Гонорий объяснил:

– Он дал тебе шестую кентурию десятой когорты, понял?

– Ну и что?

– Шестая кентурия – последняя в когorte, а десятая когорта – последняя в легионе. Следовательно, ты – последний из кентурионов. Но не в этом дело. В конце концов, они новобранцы. Никто не мешает тебе и твоим ребятам расти вверх. Тем более что в Первом Фракийском половина не выслужила и пяти лет. Хотя в большинстве они умелые и храбрые солдаты. Это был мой легион, Череп. Я служу в нем, вернее, служил, – поправился Гонорий, – с тех пор как Первый Фракийский получил аквилу. Я служил в нем принцепсом⁹¹, затем стал примипиллом, когда Фракиец назначил Митрила Скорпиона префектом лагеря. Я знаю всех командиров в Первом Фракийском. Они отличные воины. Всех нас вышколил Максимин, а он умеет это делать. И легионеры в большинстве тоже отличные солдаты. Я знаю, чего стоят эти парни. Я ими командовал. Теперь на моем месте – Сервий Феррат. С ним у тебя проблем не будет. И с префектом Митрилом. А вот трибунлатиклавий Первого благородный Гай Петроний Магн... – Гонорий скривился. – Но ты с ним дела иметь не будешь. Твои командиры – Феррат и первый кентурион когорты. Петроний – это проблема Железного.

– Похоже, ты не очень-то любишь этого Петрония, – усмехнулся Черепанов. – Почему?

– Дерьмо патрицианское! Помесь хорька и обезьяны! – Плавт сплюнул. – Столько мне крови попортил, ты бы знал! Максимин его тоже не переносит. Но терпит. Не хочет лишний раз лаяться с Сенатом. Тем более за Первый Фракийский он спокоен. Это его собственный легион. Лично им вымуштрованный. Хотя идея была не Максиминова, а нашего мальчишки-императора.

Плавт почесал затылок.

– Ладно, я расскажу тебе. Тебе будет полезно знать, как делается политика в Риме. Потому что, клянусь тестикулами Приапа, я чувствую в тебе потенциал настоящего варварского рикса! – Тут Гонорий ухмыльнулся и хлопнул Черепанова по спине. – Не обижайся! Один такой, как ты, стоит дюжины толстожопых, полирующих скамьи сената! В общем, дело это давнее. Почти десять лет прошло. Ну да, десять. Вскоре после того, как прикончили эту распутную тварь Гелиогабала, Фракиец явился в Рим и заявил, что готов вернуться в армию и служить потомку Септимия Севера так же преданно, как и самому Септимию. Александр с мамашей оценили это. Император принял его и одарил. – Гонорий поморщился. – Но вместо войска отдал ему под начало толпу новобранцев и велел сделать из них боевой легион, тот самый, который теперь называется Первым Фракийским. Максимин согласился, у него не было выбора. А затем собрал всех нас, своих старых соратников, дал каждому по витису⁹² и пояснил, что от нас требуется. Он трудился как бешеный. Фракиец. И заставлял трудиться всех. А если кто отлынивал или начинал бурчать... Ну, ты его уже знаешь немного. Если твоим зубам тесно во рту – скажи ему что-нибудь поперек. Фракиец давил всех, как давят виноград, но добился того, что Первый Фракийский стал лучшим легионом в империи. И тогда Август отдал Максиминоу еще два. Тоже из придунайских провинций. И на три четверти укомплектованных новобранцами, потому что их ветеранами укрепили Первый и Второй Парфянские. Отдал и велел сделать из мяса воинов. И Фракиец сделал. И мы разбили сопатку персам в Мидии и утерли нос сирийским любимчикам Александра. А потом этот сопляк приказал нам отступить, и холод на кавказских перевалах погубил больше людей, чем конница Ардашира в Мидии. Августу пришлось раскошелиться, чтобы удержать в повиновении легионы, пострадавшие из-за его трусости. В общем, потери были изрядные, и когда нас перебросили сюда, в Первый Фракийский пришлось снова

⁹¹ Принцепс (princeps) – первый; глава. Так называли, например, императора. Но в данном случае имеется в виду принцепс-кентурион – командир второй кентурии первой когорты.

⁹² Витис – палка из виноградной лозы, атрибут власти кентуриона. Использовалась не только как символ, но и как действенный аргумент в общении с ленивыми и нерасторопными подчиненными.

вербовать прорву новичков. Зато Максимин оставил в нем лучших командиров. Меня, например. И мы кое-чему научили своих ребят. Выбили из них дерьмо. Почти все дерьмо. Даже последняя когорта совсем не так плоха. Первым кентурионом в ней толстяк Тит Квинтус. Хитрая bestия.

И всегда норовит хапнуть сверх положенного. Но дело знает. Я ему скажу, что ты – мой друг, и тебя он утеснять не станет. Не в командирах дело. Командиры у тебя хорошие. А вот солдаты... Я сказал: мы сделали солдат из всех этих дерьмовых землепашцев. Но немножко дерьма осталось. Вот его-то тебе и отдал Фракиец. Самую скверную кентурию. Самую позорную. Эти... – Тут Плавт в третий раз за последние полчаса разразился потоком ругательств.

– Слушай, говори ты толком! – потребовал озадаченный подполковник. – Они что, друг с другом совокупляются? Или проказой больны?

– Хуже, друг мой! Намного хуже, – Плавт остановился, одарил Черепанова мрачным взглядом и отчеканил: – В этой кентурии, в твоей кентурии, Череп, все – трусы. Все как один.

– Да? – Геннадий поглядел на друга. – Ну-ка поясни.

Плавт подумал немного, потом сказал:

– Поясню. Но не на ходу. Пошли-ка возьмем кувшинчик. Такое всухую рассказывать – горло заболит.

Они свернули с Виа принципалис, одной из главных «улиц» лагеря, куда-то на задворки. Там, на задворках, Плавт отыскал палатку какого-то местного интенданта, у которого и разжился необходимым кувшинчиком, которому больше подошло бы наименование «бочонок», двумя деревянными кружками и запасом соленых оливок.

Здесь же, поблизости, нашлась пара подходящих пеньков.

Гонорий промочил горло и приступил к рассказу.

Выяснилось следующее. Полгода назад, незадолго до посольской миссии Плавта, банда германцев числом до тысячи человек пересекла реку и вторглась на территорию провинции Норик. Их почти сразу обнаружили, и Максимин послал разобраться с налетчиками три полные когорты: две пешие и одну конную. Хватило бы и одной когорты ветеранов, но командующий воспользовался случаем, чтобы «обстрелять», или, как здесь выражались, «обмять», в бою свеженабранных легионеров прошлогоднего призыва, которые уже прошли строевую подготовку и выучились основным приемам, но еще ни разу не бывали в настоящем бою.

С точки зрения Максимиана, шайка конных варваров в тысячу копий – самое то для такого дела.

Руководил рейдом командир второй кентурии первой когорты кентурион-принцепс Сервий Феррат. Но себе он оставил конницу, а командование над пехотой отдал (по распоряжению Максимиана) одному из молодых трибунов.

Маршрут движения варваров был просчитан заранее. Поэтому место для сражения тоже было определено заранее. Стратегически удобное для римлян.

Пехоту построили фалангой в виду противника, между двумя холмами. Конница укрылась за одним из холмов, чтобы в решающий момент ударить во фланг. Ничего особенного, обычная практика.

Пехота должна была принять на себя главный удар. Длинные копья фалангистов вполне подходили, чтобы остановить беспорядочную лобовую атаку алеманнской конницы. У фаланги, пояснил Плавт, самое слабое место – это фланги. Но в данном случае фланги были защищены возвышенностями, на которых к тому же были размещены карабаллисты ⁹³

⁹³ Карабаллиста – баллиста (метательная машина, использующая принцип лука), установленная на повозке. Обычно каждая кентурия имела одну карабаллисту. Все античные метательные машины делились на два основных типа: работающие по принципу «лука» и по принципу «пращи». Кроме этих классов следует отметить еще бриколи – стрелометы, использующие энергию упругой доски.

. В общем, ничего особенного. Если не считать того, что в первой линии, в первых трех шеренгах фаланги, стояли не опытные воины, а необстрелянные салаги. Но их туда и поставили опыта набираться. Тоже обычная практика. Задача пехоты – удержать позицию. Вот и все. Но на сей раз идея не сработала. Вернее, сработала частично. Почти все новобранцы приняли удар. И только одна кентурия, в то время еще не шестая, а вторая, та, на которую было нацелено острие варварского удара, позорно бежала. В полном составе. Причем еще до того, как конница варваров врезалась в ее ряды. А поскольку главной силой фаланги является ее монолитность, то стойкость остальных легионеров уже не имела значения. Общая прочность цепи, как известно, определяется крепостью самого слабого звена.

Линия обороны была прорвана, и началась колбасня. Правда, подоспевшая конница сумела отбросить варваров и спасти пехоту. Но в целом битву можно было считать проигранной. Варвары-алеманны, которых должны были вырезать под корень, ушли с незначительными потерями – грабить дальше. И в конечном итоге смылись обратно с приличной добычей, что было вдвойне неприятно, так как подобный результат стимулирует к новым нападениям. И состоящая в основном из салаг римская пехота, которая при правильном ведении боя должна была потерять убитыми и ранеными не больше десяти процентов личного состава, в условиях неорганизованного боя оказалась совершенно беспомощна и понесла значительные потери. И тяжелая конница тоже потеряла многих, потому что вынуждена была атаковать с неудачной позиции.

И виной всему этому было трусливое бегство одной кентурии.

Естественно, гнев Максимиана обрушился именно на нее. Он готов был вспомнить о старинной традиции децимации⁹⁴. Да что там децимация! Командующий готов был всю кентурию лично порвать на куски. И счастье их кентуриона, что он погиб. Уж его-то точно забили бы палками. В общем, Плавту удалось успокоить командующего и уговорить отложить расправу. А тут как раз в Сирмий, столицу Верхней Паннонии, прибыл лично Август Александр Север: договариваться с германцами насчет мирного сосуществования. И командующему стало не до мелочей. Но позорное клеймо трусости накрепко прилипло теперь уже к шестой кентурии. И кентуриона в ней не было с весны. Назначили было одного – не справился. Пришлось убирать. Другой – помер, а нового не нашлось. Потому что все понимали: нужен не абы кто, а действительно опытный жесткий командир. Но попробуй найди такого, что согласился бы. Это все равно как поставить хорошего командира батальона командовать взводом. Даже если кто и даст себя уговорить, то ведь и у него начальники есть. Которые нипочем не отдадут полезного офицера.

– А почему ее попросту не расформировали? – спросил Черепанов.

Оказалось, такая мысль была. Но ее не одобрил сам Плавт. Трусость – это зараза. И нечего ее распространять.

Нет, Гонорий бы разобрался с этим делом. Наверняка. Но не успел. А Феррат, конечно, отличный командир. Но с сообразительностью у него туговато. Посему воз и ныне там. Вернее, уже не там, а тут. Потому что вот эту самую «кентурию трусов» и передавал практичный командующий Гай Юлий Вер Максимин бывшему «варварскому риксу» Геннадию Черепу. Такая вот проблема.

«Тоже мне проблема! – подумал новоиспеченный младший кентурион Геннадий Череп. – Неужели я, подполковник, не справлюсь с паршивой ротой? Смешно!»

Глава двенадцатая, в которой Черепанов знакомится со своим непосредственным начальником

⁹⁴ Децимация – казнь каждого десятого воина в подразделении, покинувшем поле боя. Кого именно казнить, определял жребий. В сущности, этот обычай не так уж жесток, если учитывать, каковы могут быть тактические последствия такого бегства.

Старший кентурион Феррат тоже жил в палатке. Разумеется, отдельной. И пожалуй, более роскошной, чем у Максимиана. С первого взгляда было видно, что он принадлежит к той же кентурионской породе, что и Плавт. Такой же правильный мужик, крепко стоящий на земле. Правда, Гонорий пошустрее и поактивнее. Феррат – исполнитель. Идеальный. Звезд неба не хватает, стратегическим мышлением похвастаться не может, зато приказы выполняет четко: от и до. Без лишней самостоятельности.

Черепанов еще на пиру заметил: Максимиан склонен опираться именно на старых слуг, преданных лично ему. Хотя доверить такому подразделение в несколько тысяч бойцов Черепанов рискнул бы, только если это подразделение действовало в составе более крупного. Качеств идеального сержанта, которыми несомненно обладал примипил Сервий, могло оказаться недостаточно для самостоятельного полководца.

Но в данном случае Сервий был для Черепанова прямым начальником, и Геннадий достаточно долго служил в армии, чтобы держать мнение о начальниках при себе.

Обширная палатка старшего кентуриона была убрана с аляповатой роскошью. Яркие ковры соседствовали с мраморными бюстами, а серебряные кратеры искусной чеканки стояли бок о бок с золотыми уродцами варварской работы. Эта выставка военной добычи напомнила Геннадию интерьер дома одного из черепановских приятелей-борцов. Тот еще в начале перестройки ушел в бандиты, ухитрился удачно проскочить мимо кладбища в новые русские, а потом в мелкие политики. Приятель скупал разный антиквариат, руководствуясь исключительно собственным вкусом (вернее, его отсутствием), и в своих обширных апартаментах расставлял покупки в произвольном порядке. В результате получалось что-то вроде помеси скупки с антикварным мебельным магазином. Сам Геннадий тоже обладал не Бог весть каким вкусом: дизайнерских колледжей не кончал. Но обустраивать дом в стиле ломбарда все же не стал бы.

Попытку Черепанова немедленно вступить в должность старший кентурион пресек на корню. Напомнил, что главная функция подчиненного – выполнять приказания начальства. А начальство здесь он, Сервий Феррат. И еще кентурион первой кентурии черепановской когорты Тит Квинтус Пондус. За которым будет немедленно послано, потому что именно сейчас настало самое подходящее время перекусить и выпить.

«Н-да, – подумал Геннадий. – За две тысячи лет развлечения командного состава практически не изменились. Выпить, закусить – и к девочкам. Нет чтобы, скажем, в театр сходить или там в консерваторию. Хотя какие консерватории – в полевых условиях? А театры в Риме точно были. И Колизей, где гладиаторы бились».

«Ладно, еще поглядим на этот самый Колизей, – подумал Черепанов. – А пока будем – как все. Период адаптации, так сказать...»

Тит Квинтус Пондус вполне отвечал прозвищу ⁹⁵ – тянул килограммов на сто. Причем при взгляде на него сразу вспоминался анекдот о двух дамах, одна из которых говорит: «Ах как я люблю свою тонкую талию, длинные стройные ноги, изящные плечи и упругие груди... И как же я ненавижу слой жира, который все это покрывает!»

Несмотря на излишний вес, Тит Квинтус казался весьма приятным человеком: веселым, подвижным, жизнелюбивым. Но Черепанов сразу усек, что это маска. И ухо с первым кентурионом следует держать остро.

Толстяк уверенно обосновался рядом с Черепановым.

– Эти двое, – кивок в сторону старших кентурионов, – большие шишки, а мы с тобой – простые парни, верно?

Черепанов промолчал.

– А ты себе на уме, – констатировал Пондус. – Геннадий Череп. Звучит авторитетно. Сам придумал?

⁹⁵ Пондус – по-латыни «вес».

– Нет. Геннадий – мое личное имя. Череп – родовое ⁹⁶ .

– Так выпьем же за нашего славного Максимиана! – провозгласил Плавт. – Слава ему! Выпили.

– Отличный у тебя фалерн, – похвалил Гонорий.

– Другого не пьем! – самодовольно заявил Феррат. – Небось, германцы тебя таким не поили?

– Аптус сказал, ты из германских варваров, – вполголоса произнес Тит. – Но ты больше похож на сармата или склавена, чем на германца. Я прав?

Черепанов пожал плечами:

– Кого ты называешь германцами?

– Как кого? – Гай Квинтус, похоже, удивился. – Готов, гепидов, герулов, конечно. Вандалов... Ты шутишь?

– Нет. Я, кентурион, прибыл из очень далеких земель. Мы там не слишком разбираемся в варварских племенах. Собственно... – Подполковник позволил себе улыбнуться, —...мы и не считаем себя варварами.

– Ты загадал мне загадку! – заявил Пондус. —

И я ее разгадаю, клянусь благосклонностью Минервы! Так, так, так... Имя у тебя греческое, хотя аттического наречия ты не знаешь. И похож ты на склавена или венета... У моего отца был раб венет. Никудышный, кстати, упрямый и ленивый. Мой отец, кстати, был тоже из хорошего рода. Настоящий римский плебей, не какой-то там сириец. Но не о том речь.

Я вот что думаю: ты родился в одной из старых колоний. Греческой или финикийской. Потому у тебя греческое имя и варварская физиономия. А может, твой отец из вольноотпущенников, а? ⁹⁷

– Давай остановимся на первой версии, – сказал Черепанов.

Он готов был признать близость этой гипотезы к истине. Разве Россия не унаследовала изрядную часть греческой культуры? То же православие хотя бы...

– Да я пошутил насчет отпущенника! – ухмыльнулся толстяк. – Сразу видно, что ты не из тех, кто гнет спину. Уж я-то в людях разбираюсь!

Я в этом деле собачий язык съел ⁹⁸ .

Черепанов спорить не стал.

– Расскажи-ка мне лучше про мою кентурию, – предложил он. – Что ты о ней скажешь?

– Скажу, что Фракиец подложил тебе изрядную свинью. Эту кентурию комплектовали в Марциополе ⁹⁹ . А там одни отбросы живут. Хуже бездельники только в Антиохии ¹⁰⁰ .

– А кто сейчас ею командует? Или они сами по себе?

– Кентуриона у них нет – если ты об этом, – ответил Пондус. – Командует там Гай

⁹⁶ Римлянин обычно имел три имени – личное, родовое и прозвище (praenomen, nomen и cognomen). Скажем, Корнелий из рода Сципионов по прозвищу Африканский (он неплохо повоевал в Африке) или Гай из рода Юлиев по прозвищу Кесарь. Личных имен было немного, всего восемнадцать. Нашей фамилии соответствовало второе имя, хотя прозвище могло, в свою очередь, стать «фамилией» для ветви рода.

⁹⁷ У римлян существовал обычай: отпущенный на волю раб добавлял к своему настоящему имени имя того, кто его освободил. Например: «Гней Помпеи Трихмалион», т. е. Трихмалион – отпущенник Гнея Помпея.

⁹⁸ Римский эквивалент русского выражения: «собаку съел».

⁹⁹ Марциополь – город, основанный Траяном, столица Нижней Мезии; современная Река Девня в Болгарии.

¹⁰⁰ Антиохия – современная Анталия в Турции.

Ингенс. Опцион. И два его братана. Один – сигнифер ¹⁰¹, второй – тессерарий. Еще те ублюдки. Из цирковых атлетов. А может, даже из бывших гладиаторов. Знаешь, из тех, кто ублажает всяких там благородных матрон с чесоткой в вагине. А то и горло может перерезать – по заказу. Позорное семя, одним словом. Уверен, они и в армию подались, потому что порешили кого-то и решили: тут до них эдилы не дотянутся.

– А это так? – поинтересовался Черепанов.

– Так и есть, – кивнул первый кентурион. —

У нас, Череп, правило простое. Кем бы ты ни был раньше – теперь ты легионер. И точка.

«Просто французский иностранный легион, – подумал Геннадий. – Хотя скорее наоборот. Это французы у здешних слизали».

– Но с этими Ингенсами ты, Череп, должен разобраться в первую очередь. Мой тебе совет. Прежний вот кентурион, дурак, решил с ними дружбу завести. Решил: раз братья все равно прочими помыкают, пусть так и будет. Решил как полегче. И получил. Никто в кентурии его в грош не ставил. Я как это увидел – сразу Аптусу доложил. Тот его и убрал немедля. И другого поставил. Посуровее.

У Черепанова вертелся на языке вопрос: почему непосредственный начальник несправившегося кентуриона сам не взялся за дело, вместо того чтобы с «рапортами» бегать. Но Геннадий промолчал.

– Скажу тебе, Череп, – продолжал толстяк, – в этой кентурии кентурионы не задерживаются. Первого убили варвары. Второго разжаловали, третий сам помер. Пошел, понимаешь, с девочками перепихнуться, в Августе. А его на обратном пути камешком по головке приложили. И ножичком добавили. Надо же, какая беда! – Пондус хихикнул.

Если первый кентурион намеревался испугать Черепанова, то его намерение потерпело крах. Но кое-какие выводы Геннадий сделал. Например, что первый кентурион не несет полной ответственности за происходящее в когорте. Иначе после такого ЧП Пондуса вряд ли оставили бы на этой должности. Что ж, тоже неплохо. Значит, и подполковник вправе самостоятельно распоряжаться своими людьми, а не действовать по указке всяких там Пондусов.

А чем больше он слушал своего первого кентуриона, тем меньше тот ему нравился. Но свои симпатии-антипатии Геннадий держал при себе. До времени.

– Вот так вот и осталась у нас шестая кентурия без кентуриона, – продолжал между тем толстяк. – А Ингенсы совсем обнаглели. Особенно старший, Гай. Такой хитрован, я тебе скажу! Так что мой тебе совет: прижми им холки не откладывая. Пока мы тут, в летнем лагере. Потому как когда мы вернемся в зимний лагерь под Августой, всякое может случиться. У этих Ингенсов с тамошним сбродом – полный консенсус ¹⁰². Прирежут тебя в каком-нибудь закоулке или в банях – и конец.

– Прирезать меня – это не просто, Тит, – усмехнулся Черепанов.

Толстяк пристально посмотрел на Геннадия, потом ухмыльнулся:

– Верю, Череп! Давай за это и выпьем!

– Эй, Феррат! А не послать ли нам за девками? – хрипло провозгласил Плавт. – Что-то мой приап зашевелился!

– Дело, Аптус! Счас организуем! Эй, Пондус! Слыхал, что старший кентурион говорит? Приказываю – исполнять!

– Нажрался примипил, – констатировал непосредственный начальник Геннадия. – Все.

¹⁰¹ Сигнифер – знаменосец. Сигнифер и опцион получали двойное жалование, третий младший офицер —тессерарий – полуторное. Опцион был заместителем кентуриона и занимался обучением солдат. Сигнифер заботился о штандарте подразделения (сигнуме), а также о жаловании и сбережениях легионеров.

¹⁰² Консенсус (лат.) – согласие.

Теперь до завтрашнего утра гулять будут. Пошли, Череп, за девками, составь компанию.

Но когда они вышли из палатки, Черепанову неожиданно пришла в голову более интересная мысль.

– Слышь, Пондус, а что если я исчезну до завтрашнего утра?

– Куда это ты нацелился? – сразу насторожился кентурион.

– В Скаремий, – честно признался подполковник. – Там неподалеку гостиница есть, а в гостинице кое-кто лично мне очень симпатичный...

– Гостиница? Это у Парсия, что ли? Знаю, знаю! Ну-ка, кто из его девок тебе приглянулся, а? Ладно, молчу! Понимаю. Свободен, Череп! До завтрашней четвертой стражи. Пароль «пилум», отзыв «ворона». Не забудь, а то из ворот не выпустят. Счастливо повеселиться!

Глава тринадцатая Первый урок, преподанный кентуриону Черепу

Черепанов возвратился в лагерь сразу после полудня. Ехал по дороге через поле, на котором упражнялась пехота. На это стоило посмотреть, и Черепанов смотрел. А чем больше смотрел, тем большие сомнения испытывал. Слаженная машина, называвшаяся римским войском, состояла из тысяч шестеренок, каждая из которых знала свое место. Так же, как знали его те, кто этими шестеренками управлял: от легата до последнего опциона. Каждый знал свое место, потому что начинал с самого низа: с деревянных мечей и простейших построений. Медленно, постепенно поднимаясь вверх, новобранец превращался в легионера, легионер – в опциона, опцион – в кентуриона. Черепанов знал примерно, как должна работать военная машина кентурии. Но он не знал деталей, маленьких бытовых деталей, из которых состоит жизнь любого солдата любой армии. Кое-что он, конечно, знал. Например, что шарф нужен легионеру не для красоты, а чтобы край доспеха не натирал шею. Но не знал, как правильно этот шарф повязывать. А следовательно, не мог проверить, правильно ли повязан шарф у подчиненного. Проблема. И ее следовало решить. Причем раньше, чем будущие подчиненные узнают о невежестве командира. Едва они выяснят, что тот понятия не имеет, как здесь «подшивают воротнички» и «наматывают портянки», авторитету конец. Будь у Черепанова в подчинении толковый и лояльный младший офицер – другое дело. Тогда подобные мелочи можно было бы доверить ему. Но младшие офицеры у него в когорте, если верить Пондусу, – отъявленные негодяи. А как тут, кстати, насчет материальной ответственности? Черепанов уже знал, что каждый легионер имеет чертову уйму барахла, которую должен таскать с собой: от кремня с кресалом до «поленьев», из которых в конце марша будет построен лагерный часток. В нормально организованной армии (а римская армия была именно таковой) должен существовать четкий регламент на ношение, хранение и профилактику каждой единицы оружия, обмундирования и т. д. Тот самый регламент, который накрепко вколачивается сержантом в новобранцев в первые недели службы. Командир, не знающий, как должна быть застелена койка, – не командир, а недоразумение. Командир, у которого часть не обеспечена как следует, будет иметь серьезные неприятности. И если, например, в его подразделении сопрут, скажем, палатку, кто за это отвечает? В армии, к которой некогда принадлежал подполковник Черепанов, существовали разные уставы и инструкции, из которых можно было хоть частично восполнить пробелы в знаниях. Здесь, естественно, никаких печатных уставов не было.

Зато был Гонорий Плавт Аптус, прошедший все местные «университеты» и у которого можно было узнать все. Если знать, что спрашивать. Черепанов знал. Армия есть армия. Базовая основа всегда одинакова. Пусть старшего по званию в разных странах приветствуют по-разному. Но приветствуют – всегда. И всегда первым здоровается младший. Базовая основа у Черепанова, профессионального военного, была. Оставалось уточнить детали.

Поэтому, когда Черепанов вернулся в лагерь и отыскал (не без труда) своего друга, он с ходу его озадачил.

– Гонорий, у меня проблема! – объявил подполковник. – Я не могу командовать вашей

кентурией.

– Почему? – удивился Плавт. – Ты же прирожденный командир. Я это вижу.

– Согласен. Командовать я могу. Я не могу командовать кентурией. Качественно. Потому что никогда не был простым легионером, понимаешь?

А командир, я считаю, должен уметь и знать все, что умеет и знает любой из его подчиненных. Только лучше. Или он – собачье дерьмо, а не командир.

– Ха! – воскликнул Плавт. – Клянусь кудрями Бахуса и дрыном моего покровителя Приапа! Твои слова вложить бы в уши патрицианских неженков, мнящих себя военными трибунами! Откуда ты взялся, такой правильный?

Черепанов промолчал.

Разумеется, и в той армии, где когда-то служил подполковник, было полно генералов, которые могли только жратву на дерьмо переводить. Которые командовали учениями, сидя, можно сказать, верхом, на танке. Потому что брюхо в люк не пролезает. Но то – на земле. В боевой авиации не так. В боевой авиации генерал-полковник, который сам садится за штурвал, – это нормально. Потому что летать – это... Эх!

– Вообще-то ты прав, – уже серьезным тоном произнес Плавт. – Чем я могу помочь?

– Гонорий, мне нужен толковый десятник, как это у вас называется... декурион, да? Чтобы объяснил мне все, вплоть до того, как правильно шнурки на сандалиях завязывать.

– Всего-то? – усмехнулся Плавт. – А пряжку нормально застегнуть ты не хочешь? Или шарф повязать как следует? Я же тебе вчера его завязывал...

– Ты полагаешь, я должен теперь с ним спать? Из уважения к тебе?

– Ладно, прощаю. – Гонорий сдернул злополучный шарф с шеи Черепанова. – Гляди, как это делается... А! Вижу, ты этой ночью не скучал!

– Пондус меня отпустил.

– Ну, ясное дело. Кстати, имей в виду, что кентуриону, который отпускает подчиненного прогуляться, полагается подарок. Скажем, пара динариев, если речь идет о легионере. Но упаси тебя Марс брать отступные у солдат, которые отлынивают от учений. Узнает Фракиец – шкуру спустит. Ну вот, теперь твой шарф не похож на ослиный хомут. Ясное дело, Череп, я научу тебя, как завязывать калиги. Все равно собирался этим заняться, перед тем как приводить тебя к присяге.

– К присяге? – удивился Геннадий. – А почему мне никто не сказал?

– Ну, брат! – Плавт даже удивился. – Даже у вас, варваров, и то клятву вождю приносят! Или ты думал, что тебе доверят кентурию без того, чтобы ты поклялся в верности императору? Хотя, скажу тебе, будешь ли ты верен этому императору, Максимиனு плевать. Главное, чтобы ты был верен ему. И выполнял приказы. Вот в этом ты, друг мой, непременно поклянешься: и нашими богами, и своими. И с этого, Геннадий, как раз и начинается служба каждого легионера: с клятвы. Сначала он клянется выполнять приказы командиров. А уж затем – и обрати на это внимание – клянется быть верным императору.

– То есть, если командир отдаст приказ, который не понравится императору...

– Правильно! – одобрил Плавт. – В корень смотришь! Пункт второй – жалованье... Ну да, естественно!

– Каждый легионер, и ты в том числе, получает деньги у своего сигнифера. Сигниферы кентурий получают положенное у сигнифера когорты. Сигниферы когорт – у квестора ¹⁰³ – казначея, а уж он подчиняется непосредственно легату. Ты должен это знать, потому что жалованье для легионера – первое дело. Если что не так, твои люди придут со своим недовольством к тебе. И ты должен четко знать, кому крутить яйца, если денег нет.

¹⁰³ Квестор, собственно, и означало «казначей». Здесь – военный квестор. Не следует путать квестора гражданского и военного. Многие римские гражданские и военные должности назывались одинаково. Иногда, чтобы отделить одних от других, к званию добавлялось слово «военный». Например: «военный трибун», или указание на определенное воинское подразделение «префект претория» (командир когорты преторианцев), или субпрефект конницы (командир вспомогательного кавалерийского соединения, например алы).

– А кто дает деньги казначею? – спросил Черепанов.

– Легату. Казначей их только хранит. Деньги на содержание войск отпускает государство, считай – император. Размер жалованья легионера также назначает император. Но жалованье легионеру платит, имей в виду, его легат. Не сам лично, конечно, но из казны легиона. Хороший легат жалованья не задерживает и выплачивает его до, а не после битвы.

– А в чем разница?

– В том, что после битвы кандидатов на получение жалованья становится меньше. И разницу легат может спокойно положить себе в мешок.

– А если государство, скажем, не внесет деньги в казну легиона? – поинтересовался Черепанов, который, будучи офицером российской армии, был не понаслышке знаком с подобной ситуацией.

– Вот это тоже от легата зависит, – кивнул Плавт. – Бывает и такое. Например, нет денег в казне у императора. Или они «потеряются» где-нибудь по дороге, потому что какой-нибудь квестор ¹⁰⁴ захочет погреть руки на солдатских денежках. Но если какой-нибудь нарумяненный чинуша посмеет задержать наше жалованье... – Гонорий негромко рассмеялся. – Максимин зашьет его в ослиную шкуру и утопит в нужнике. И все они это знают.

А если у самого императора проблемы с деньгами, то это тоже можно решить. Например, за счет налогов, которые собираются в провинциях. Фракиец так и делает.

– И нравится это императору, ты думаешь? – спросил Черепанов.

– Пусть он засунет свое «не нравится» в «ножны» ¹⁰⁵ своей мамаше! – рявкнул Плавт. – Или император платит своей армии – или армия находит себе другого императора! Который платит. Кстати, годовое жалованье легионера в Первом Фракийском, чтоб ты знал, составляет восемьсот пятьдесят динариев в год.

– Неплохо!

– Ерунда. Половина уйдет на жратву ¹⁰⁶, половина оставшегося – на одежду и оружие. И то если брать самое дрянное. Но хороший легионер не останется с пустыми карманами, понятно? Хотя твоя задача, кентурион, следить, чтобы твои парни не были слишком шустрыми и не хватали все, что плохо лежит. По крайней мере на своей территории. Восемьсот с половиной сотен нынешних динариев, Череп, это суцная ерунда, потому что в десятке их серебра меньше, чем в трех монетах времен Марка Аврелия. Младшие командиры получают двойное или полуторное. Лично ты – в шесть раз больше. У либрария вашей когорты спросишь, кому сколько причитается. У него все записано. А теперь пойдем-ка, прогуляемся до лагерю. Теперь он – твой дом, и ты должен знать в нем все: от спален до нужника.

¹⁰⁴ Квестор – в данном случае гражданская административная должность. Обычно помощник наместника провинции (если провинция была в ведении сената) или прокуратора, если император лично контролировал провинцию. Поскольку провинции, о которых идет речь, считались пограничными, а следовательно, особо опасными районами, то они гарантированно были под контролем императора. И скорее всего, верховными правителями таких территорий на местах были командующие пограничными армиями. В данном случае – Максимин. И он же должен был руководить, по крайней мере номинально, аппаратом гражданских чиновников, старшими из которых были именно квесторы, ведавшие финансовыми делами, сбором налогов и т. п. Должен отметить, что римская государственная машина была весьма сложной, тщательно разработанной и довольно эффективной. Несмотря на нынешнее презрительное отношение к бюрократии я уверен, что именно благодаря римской государственной инфраструктуре (а равно римской армии), Римская империя так долго сопротивлялась распаду, несмотря на полное безобразие на уровне верховной власти. И еще должен отметить, что именно римская система управления впоследствии была положена в основу управления европейскими государствами, унаследовавшими не только ее достоинства, но и недостатки.

¹⁰⁵ Ножны по-латыни – «вагина».

¹⁰⁶ Римский легионер либо сам покупал продукты, либо их стоимость вычиталась из его жалования.

Глава четырнадцатая Первый урок, преподанный кентурионом Черепом

– Шестая кентурия десятой когорты Первого Фракийского легиона на службе Августа Александра Антония Севера! Семьдесят девять легионеров согласно списку. Трое – в карауле. Больных нет. Отсутствуют двое: по распоряжению первого кентуриона когорты переданы в распоряжение квестора. В отсутствие кентуриона докладывает опцион Гай Ингенс!

Рыжий детина, чья физиономия формой и цветом больше всего напоминала кирпич, молодецкато вытянулся перед старшими командирами и бухнул кулаком в грудь. Кираса звякнула. Тотчас вся кентурия, выстроившаяся за спиной декуриона, слаженно и внушительно грохнула щитами.

Черепанов медленно оглядел строй. Физиономии, суженные широкими наланиниками шлемов, выглядели очень похожими. Вполне brave ребята на первый взгляд. А опцион – просто орел. На первый взгляд. Совсем не похож на описание, данное ему толстяком Пондусом. Ага, а это наверняка его братишка.

Правофланговый – точная копия декуриона. Только поверх шлема у этого детинушки была наброшена медвежья шкура с головой и когтистыми лапами, свешивавшимися почти до пояса. А на плече – штандарт кентурии: длинный шест с железным наконечником снизу. Сверху шест был украшен изображением открытой ладони в обрамлении венка. С перекладины свешивались витые кисти, а пониже к шесту были прикреплены железный полумесяц, красная бахрома и разные другие финтифлюшки. Впрочем, назови Черепанов вслух финтифлюшками то, что украшало сигнум – боевой штандарт подразделения римской армии, – не миновать ему неприятностей. Особенно после того как, введенный в святыня святых Первого Фракийского, он принес клятву Золотому Орлу легиона.

Черепанов мельком глянул на палец, украшенный золотым перстнем – знаком его ранга. Перстень ему вручил лично Максимин. После присяги. А Плавт чуть позже разъяснил, что кольца из чистого золота разрешается носить только сословию всадников. То есть Черепанова, можно сказать, в местные дворяне посвятили. Или вроде того. Хотя, не без огорчения отметил Плавт, теперь это уже не имеет такого значения, как еще лет сто назад.

Ага, вот и третий брат опциона Ингенса! Во главе второй шеренги. Тессерарий. А на третью шеренгу братьев уже не хватило. И на ее правом фланге стоял длинный парень с черными усами и физиономией форменного пройдохи.

– Стань в строй, опцион, – недовольно буркнул Пондус.

Он стоял на полшага впереди Геннадия. Это по его приказу шестая кентурия выстроилась сейчас перед линией палаток, вместо того чтобы потеть на полевых занятиях.

– В строй, опцион!

Ингенс еще раз грохнул кулаком по кирасе, четко развернулся и занял место во главе первой шеренги, рядом с братом-сигнифером.

Толстяк-кентурион прочистил горло, задрал подбородок.

– Слушай меня, бездельники! – гаркнул он. – Наш славный легат Максимин пожаловал вас в последний раз. Вот этот доблестный воин, – он положил руку на плечо Геннадия, – ваш новый кентурион. Зовут его Геннадий Череп, а почему его так зовут, вы все, бездельники, скоро узнаете! – Он сделал многозначительную паузу.

– Должно быть, в голове у него – сплошная кость, – вполголоса, но вполне отчетливо произнес кто-то.

– Тогда ему здорово повезло, – это процедил сквозь зубы один из братьев Ингенсов. Сигнифер.

– Сам видишь, дисциплина в этой кентурии неважная, – неторопливо произнес Пондус. И тут же рявкнул: – Дерьмовая дисциплина! И ты, кентурион, должен вбить своей палкой в их тупые бошки, что когда говорит командир, шелупонь должна откусить языки! На! – Он сунул в руку Черепанова витис, дубинку из виноградной лозы. – Пускай ее в ход почаще.

Можешь начинать прямо сейчас! Я вижу, кто-то еще хочет высказаться?

Кентурия молчала.

– Сочувствую тебе, Череп, – с презрением бросил первый кентурион. – Все они – трусы. Все как один. Шавки, которые только и умеют, что брехать из-за угла да поджигать хвост, когда им покажут палку. Мне стыдно, что они – в моей когорте. Бери их, кентурион, учи их, владей ими, бей их... Можешь даже прикончить половину – никто не огорчится! Все, Череп, они – твои!

И первый кентурион отбыл, оставив Черепанова одного против сотни легионеров, никто из которых изначально не питал к нему дружеских чувств. И вряд ли они появились после выступления Пондуса.

Геннадий неторопливо прошелся вдоль строя. Головы в стандартных шлемах, стандартные щиты, свернутые на манер скаток плащи... Все они казались одинаковыми, почти неотличимыми, но Черепанов знал, что через месяц каждый из них будет знаком ему лично – со всем набором достоинств и недостатков, амбиций и слабостей. Но пока они безлики. Кроме четверых. Трех братьев и парня, возглавлявшего третью шеренгу.

Геннадий остановился около старшего из Ингенсов, легонько ткнул его палкой в кирасу.

– Уверен, ты считаешь, что стал бы лучшим кентурионом для этих ребят, чем я, – сказал он с добродушной улыбкой. – Верно?

Гай Ингенс молчал, выпятив квадратный подбородок, подчеркнутый узкой полоской ремня.

– Отвечай, опцион, когда командир задает вопрос, – негромко, но жестко произнес Черепанов.

– Да, – бухнул Ингенс. – Да! Я так считаю!

– Очень хорошо, – кивнул Черепанов и хлопнул палкой по плечу сигнифера: – Ты – его брат?

– Мелантий Ингенс, кентурион!

– Отдай сигнум соседу, Мелантий Ингенс! – Сигнифер замешкался. – Быстрее! Ты получишь его обратно, если я сочту тебя подходящим.

Черепанов знал, что сигнифера может сместить только первый кентурион когорты. Но не сомневался, что Пондус уважит его просьбу. Очевидно, Мелантий тоже в этом не сомневался, потому что беспрекословно выполнил приказ.

– Вот так! – одобрил Черепанов. – Теперь ты. – Он пихнул палкой третьего брата.

– Тессерарий Луций Ингенс!

– Выйди из строя, тессерарий.

– Очень хорошо! – Геннадий оглядел всех троих, потом перевел взгляд на остальных легионеров.

– Бравые ребята, верно? – произнес он весело. – Приятно поглядеть. Они думают, что лучше вас всех. Потому что их жалованье больше вашего. Потому что их поставили командовать вами. Они имеют право так думать. Верно? Не слышу?

– Верно, верно... – вразброд ответили в строю.

– Эй, Мелантий! Оказывается, ты умеешь думать! – Насмешливый голос принадлежал правофланговому третьей шеренги. И это он высказался насчет «головы из костей», Черепанов узнал голос. – Вот это новость!

Кое-кто засмеялся. Мелантий Ингенс набрал в грудь воздуха, но старший брат пихнул его плечом, и тот промолчал.

– Ну да, – продолжал подполковник. – Каждый из них думает, что лучше других. И это возможно. Но я почти уверен: каждый из них думает, что он – лучше меня. Так, опцион?

Гай Ингенс ухмыльнулся. Достаточно нагло.

– Да, они так думают, – произнес Геннадий. – Но они ошибаются. Потому что я лучше их троих, вместе взятых. И докажу это прямо сейчас. Эй, ты! – Он ударил витисом по плечу правофлангового третьей шеренги. – Как тебя зовут?

– Декурион Тевд Трогус, кентурион! – молодцевато гаркнул тот.

– Выйди сюда, Трогус, и возьми это. – Геннадий протянул ему палку, затем отстегнул пояс с оружием и тоже передал парню.

– Значит, так, братья Ингенсы, – произнес он неторопливо. – Видите, я отдал свой витис кентуриона. Это залог. А я даю вам шанс. Если вы втроем одолеете меня одного, кентурия будет вашей. Согласны?

– Как же! – проворчал Гай. – А потом Пондус разжалует нас, да еще шкуру спустит за то, что подняли руку на командира. Мы не такие дураки, кентурион Череп! Не рассчитывай!

Геннадий усмехнулся. Это было даже лучше, чем он ожидал.

– Ну да, конечно. – сказал он. – Погляди на меня внимательней, Ингенс. Я не из тех, кто, получив пинка, бежит жаловаться мамаше. Я из тех, кто самолично вырывает из задницы пнувшую ногу. Ты больше не опцион, Гай Ингенс. Я готов терпеть наглецов... Некоторое время. Но трусов у себя в кентурии не потерплю. Именно поэтому сам легат Максимин отдал вас мне. Ты струсил, Гай Ингенс. А трус не будет опционом в моей кентурии. Семьдесят человек в этом строю слышали, как я приказал: бейтесь со мной. А ты киваешь на Пондуса. Вы солдаты или мальчишки с розовыми от щипков попками? Ну!

И без того кирпично-красная физиономия старшего Ингенса совсем побагровела. Но он смолчал. Трое братьев сблизили головы, посоветовались...

– Ладно, – наконец сказал старший. – Мы видим твой заклад, а каков будет наш?

– Если я выйду победителем, – четко произнес Черепанов, – кентурия будет моей. И вы двое тоже будете моими. Безо всяких фокусов. И эти парни, – он кивнул на строй, – наши свидетели. По рукам?

Братья переглянулись.

– Идет, – сказал старший и стянул с головы шлем. Его уши были похожи на мятые лепешки.

И у братьев – такие же.

– Осторожней, кентурион, – шепнул Черепанову Трогус, которому Геннадий вручил собственную броню. – Осторожней! Они – борцы.

– Вижу, – шепнул в ответ Геннадий. – Только вряд ли им это поможет.

Братишки действовали слаженно и грамотно. Сразу видно, имелся у ребят большой опыт совместной драки. Зашли с трех сторон, дистанцию держали четко. Черепанов не препятствовал. Если они уверены, что у Геннадия нет глаз на затылке, пусть потешатся иллюзиями.

К его удивлению, братики проявили даже некоторое джентльменство. Вместо того чтобы насесть всем разом (а они это наверняка умели), предоставили старшему, Гаю, сойтись один на один.

С местной манерой борьбы Черепанов был уже знаком. И по возне с Плавтом, и по недавнему поединку с преторианцем Максимиана. Чисто силовой подход. «Коренному» вольнику Черепанову силовое единоборство было привычно. Но Геннадий, поднаторевший в азиатских техниках, уже понимал, что сила ломит солому, только если в пучке соломы отсутствует стальной стержень. Подполковник позволил старшему братцу ухватить себя и даже выйти на бросок. Но в последний момент мягко перехватил инициативу, и очень удивленный Ингенс обнаружил, что вращательный момент, который он собирался предать туловищу кентуриона, почему-то перешел во вращение его собственного туловища.

Братья, которым со стороны было виднее (да Черепанов и хотел, чтобы урок выглядел наглядно), сообразили, что братец потерпел неудачу, на полсекунды раньше его самого. И кинулись на подмогу. Они были крупные ребята. По центнеру каждый. Но Гай Ингенс тоже весил не меньше стохи. Поэтому, когда его массивная и умело, головой вперед, запущенная Черепановым туша встретилась с корпусом брата-знаменосца, тот с хрюкающим звуком отрикошетировал в Ингенса-младшего, который, конечно, не выпал в лузу (все-таки не бильярд), но достать Геннадия не смог.

Гай, слегка обалдевший после того, как врезался головой в бочину брата-знаменосца,

вяло попытался выкрутиться из захвата – и воткнулся мордой в пыль, прямо под ноги брата номер три, вознамерившегося все-таки добраться до кентурионова горла.

А Черепанов в свою очередь без особой спешки обогнул его слева, оказался рядом со вторым братьевником, «отдал» ему левую руку, а когда тот, обрадованный, вцепился в нее обеими лапами и рванул, Геннадий охотно поддался, чуток повернулся сам, вертанул кистью – и брат-знаменосец неожиданно осознал, что хватает теперь исключительно воздух. И более того, летит спиной вперед в полную неизвестность. Впрочем, полет длился совсем недолго и закончился, когда спины второго и третьего братьев соприкоснулись. Раздался звук, какой возникает, если по бочонку ударить дубиной, и оба младших Ингенса рухнули на старшего, который как раз в этот момент поднимался из положения «мордой в грязь» в положение «на четыре кости». Секунд двадцать Черепанов, скрестив руки на груди, наблюдал, как ворочается и кряхтит созданная им куча-мала.

В строю зрителей раздались смешки.

Ну да, со стороны это смотрелось очень забавно. Три бугая мечутся по площадке, сталкиваясь, падая и безуспешно пытаясь ухватить противника, который вроде как им даже не мешает это сделать, но... Просто хвататели очень уж бестолковы и косоруки.

Смешки стали еще громче, когда братья, наконец, разобрались, кому какие конечности принадлежат, и поднялись на ноги.

– Думаю, что победа за мной, – заметил Геннадий, оглядывая поочередно братьев Ингенсов. Вроде никто из них не пострадал. У двоих морды разбиты, но этим мордам не впервой. – Нет возражений?

Братья мрачно молчали.

– Встать в строй! – жестко скомандовал Черепанов.

Под откровенный гогот легионеров братья поплелись на свои места.

Черепанов развернулся к строю.

– Веселимся? – рявкнул он. – Кто еще хочет попробовать? Есть желающие?

Желающих не было. И гогот стих, как по волшебству.

Черепанов взял у Трогуса свое имущество, опоясался. Оглядел строй.

– Так, – процедил он. – Мне сказали, все вы трусы.

Ответом ему было молчание. Наверняка кентурия знала о своей репутации.

– Да, – продолжал подполковник. – Я вижу, что храбрости у вас немного. Но я не верю, что семьдесят человек поголовно окажутся трусами. Да, не верю. Хотя бы потому, что у троих из вас хватило храбрости бороться со мной. Мне сказали, вы трусы, потому что наложили в штаны, едва завидели варваров. Так?

Ответа не последовало. Но Геннадий его и не ждал.

– Возможно, те, кто называет вас трусами, – не правы, – процедил Черепанов. – И тогда я научу вас храбрости. Но если вы действительно трусы и захотите остаться трусами, я обещаю вам одно... – Он сделал паузу и обвел тяжелым взглядом выстроившуюся перед ним шеренгу. —... Только одно: меня вы будете бояться на-амного больше, чем каких-то вшивых германцев! Обещаю! – Он еще раз оглядел строй, персонально каждого бойца, потом уронил: – Ингенсы и Трогус, останьтесь. Остальные свободны.

Глава пятнадцатая Текущие проблемы «ротного» в римской армии

– Подразделениям, – скомандовал опцион. – Первая шеренга – низкий упор. Вторая шеренга – на колено. Третья шеренга – щиты вверх. Делай – раз! Делай – два! Делай – три! Плотнее щиты, дурни! Эй, ты, что ты зад выставил, как сирийский мальчик? Да, ты! Ты! Палки захотел? А теперь медленно, вместе... А теперь... Вскройсь! Ну-ка еще. Раз! Два! Три! Копья ровно, ровно я сказал! Задние, тверже, тверже упираться... Бе-ей! А теперь все вместе, четко. Бегом!

Черепановская кентурия, все три шеренги, разом сдвинулась с места, рысцой, дружно взбивая пыль, постепенно набирая скорость...

– Ра-аз... – отсчитывал бегущий справа Ингенс-старший – Два-а... Тестудо! 107

С треском и грохотом первая шеренга рухнула на колени, выставляя перед собой тяжелые skutумы, упираясь ими в землю, вторая – следом, накрывая собственными щитами верхние края щитов первого ряда, и третья шеренга – тоже щит к щиту, над головами, образуя непроницаемый выпуклый черепаший панцирь, подобный черепичной крыше, с которой скатится даже льющийся сверху кипяток. Legionеры, плотно сбившиеся вместе, застыли в напряжении. Боевая машина, оцетинившаяся копьями. Первый ряд – в низком жестком упоре, второй – в упоре высоком, третий – основа этого упора. Словно команда бегунов на старте. Сжатая пружина...

Опцион глянул на Черепанова. Тот помедлил пару секунд и кивнул трубачу.

Сипло рявкнула туба.

И пружина освободилась. Первая и вторая шеренги почти одновременно рванулись вперед, расходясь в стороны, отталкиваясь от земли и друг от друга, но главный импульс – вперед! Вперед, сшибая, отшвыривая все и вся, что окажется на пути набирающей скорость боевой машины.

Черепанову сразу вспомнилось: собранный плотный строй «морских пехотинцев» Гельвеция под стенами деревянного форта, накатывающаяся лавина варваров, захлестнувшая тесный строй щитов... И вдруг – взрыв, разметавший, отбросивший, опрокинувший вражескую волну, погнавший ее назад, в беспорядке, в смятении...

Теперь подполковник знал, как это делается. Весь механизм изнутри. И знал, какая это работа: заставить пятьдесят, сто, тысячу человек сжиматься, словно гигантский кулак. И бить этим кулаком. Всем разом. Сокрушительно.

Не одно ведро пота надо пролить. Но дело того стоило. Еще как стоило! И его ребята прогрессировали прямо на глазах. Кнутом и пряником, подарками и угрозами подполковнику удалось приструнить даже самых отъявленных бездельников. Изрядной долей успеха он был обязан Гаю Ингенсу. Опцион сдержал слово: палок в колеса Черепанову не вставлял. А потом, когда они узнали друг друга поближе, бывший борец проникся к кентуриону искренним уважением и вложил в дело полностью. У бывшего борца имелось все, что требовалось идеальному младшему офицеру. Внутренняя дисциплина, голова на плечах, отличная физическая подготовка, профессиональные навыки – и авторитет, конечно. Тот самый авторитет, который Ингенс при другом раскладе использовал бы для целей, прямо противоположных. Но Черепанов недвусмысленно дал понять Ингенсу-старшему, что не собирается «задерживаться» в младших кентурионах, что намерен «выйти» на самый верх, в командную элиту, к которой принадлежал примипил Плавт. И трамплином для этого взлета должно стать превращение последней кентурии легиона в первую. Гай Ингенс, морда кирпичом и цвета такого же, мозгой шевелить умел. Прикинул что к чему, сообразил, какие выгоды сулит лично ему успешная карьера командира, – и взялся за дело. У него не было кентурионовой дубинки, но с такими кулаками дубинка не требуется. «Энтузиазм» легионеров живо подскочил сразу на триста процентов. Но и Черепанов вложил свою лепту. Установил, вернее, восстановил систему наград и премий для особо отличившихся.

О наличии специального поощрительного фонда он узнал случайно, когда заглянул к старшему библиотеке когорты – писарю, который занимался «бумагами» соединения. Большая часть архива была, правда, не бумажной, а «восковой». На «долговечном» папирусе и еще более долговечных медных пластинах фиксировались лишь наиболее важные документы. Но восковые таблички тоже хранились как положено, а «документация» по делам когорты была – будь здоров. Приказов, циркуляров, распоряжений и прочего в этой армии оказалось немногим меньше, чем в той, где Черепанов служил раньше. Он всего-то хотел узнать, кто из его солдат пользуется «надбавками», а оказалось, что на каждого легионера существует целое досье, в котором зафиксировано все: как и когда в последний

раз проходил «медосмотр», когда принес присягу, где служил раньше и какие имел взыскания и поощрения. Взысканий было существенно больше. Поощрения имели только двое: Мелантий Ингенс – серебряный браслет за «спортивные достижения» и Тевд Трогус – медаль за меткость в стрельбе из лука и серебряная цепочка – за какое-то вовремя доставленное донесение. Обе награды были получены еще в то время, когда Тевд служил в кавалерии. А кроме наград, – три взыскания за «опоздание из увольнения без уважительных причин». Последнее взыскание и выразилось в том, что, получивши «десять ударов», Трогус был переведен из кавалерии в пехоту. В качестве разведчика и гонца. В последнюю кентурию легиона.

Либрарий – типичный писарь, сутулый, с пальцами в чернилах, зачитал Черепанову все это с большой неохотой. Он полагал Геннадия грубым варваром, существом низшего сорта, совершенно незаслуженно поднятым до уровня кентуриона.

– Все запомнил? – сухо осведомился чернильный червь.

– Почти, – кивнул Черепанов. – Дай-ка я сам еще разок перечитаю.

– Чего-о? – Писарь даже забыл свой подчеркнуто рафинированный выговор.

– Дай-ка, говорю, мне все эти документы. Я гляну по-быстрому...

– По-быстрому? Ты... Ты что, умеешь читать? – Вид у либрария был, как у сантехника, с которым заговорил сливной бачок.

– Разбираю немного, – усмехнулся Черепанов.

На самом деле он уже неплохо читал по-латыни: успел втихую попрактиковаться. Для человека двадцать первого столетия научиться читать написанное знакомыми буквами на знакомом языке – сущая ерунда. Притом что по-английски Черепанов читал свободно. И немецкий кое-как разбирал. Выяснилось, правда, что многие буквы эти настоящие римляне выговаривали совсем не так, как их дальние потомки. А кое-каких окончаний и вовсе не выговаривали. Но и с этим было просто. Потому что и здесь римляне оставались практичными, живущими по строгим правилам ребятами.

В общем, поладили они с писарем. Особенно когда выяснилось, что Черепанов не только умеет читать, но (как и всякий более-менее образованный человек начала третьего тысячелетия) неплохо представляет себе, что такое бюрократия и насколько важен в ее механизме даже такой маленький винтик, как либрарий когорты.

– Они думают, мы тут только тем и занимаемся, что скамьи полируем и деньги воруем за свое полуторное, – пожаловался либрарий. – Давеча пришел один, сигнифер из третьей кентурии, говорит: выиграл вчера в кости позолоченный фалар ¹⁰⁸ с профилем императора Веспасиана ¹⁰⁹. Впиши, говорит, мне его в список ¹¹⁰, а я тебе за это двадцать динариев дам.

– Вписал? – поинтересовался Геннадий.

– Как же! – желчно хмыкнул писарь. – А в дубликат, который у квестора хранится, кто ему впишет? Квестор? За двадцать динариев?

– И что ты ему сказал?

– Да это и сказал.

– А он?

Писарь фыркнул:

– Говорит, я – жадная скотина. И больше пяти динариев он мне все равно не даст. Будет

¹⁰⁸ Фалар – награда, медаль (серебряная, позолоченная или золотая), выдававшаяся простым солдатам за отличие. Носилась поверх доспехов. В описываемое время подобные награды практически вышли из употребления. Их заменили денежные премии.

¹⁰⁹ Веспасиан Тит Флавий – римский император с 69 по 79 г. до Р. Х.

¹¹⁰ На каждого легионера римской армии было заведено постоянное досье, куда вносились его личные данные, в том числе награды, суммы сбережений, взыскания, отлучки из лагеря по поручениям и т. д.

так фалар носить. Без записи.

– Понятно, – улыбнулся Черепанов. – У меня к тебе просьба, уважаемый: если кто-то из моих заявится к тебе с подобным предложением, дай мне знать. А я уж его сам... награжу. Слушай, а что это за наградной фонд такой? – Черепанов ткнул пальцем в строку на табличке.

– А, этот... Этого ты лучше не касайся, кентурион. Это дело особое...

– И все-таки?

Писарь мялся некоторое время, но Черепанов был мужик упорный. Дожал. Оказалось, что в каждом легионе существует особый поощрительный «мирный» фонд для отличившихся солдат.

В основном им распоряжаются легат и старший кентурион, но некоторые фиксированные суммы ежемесячно передаются и первым кентурионам когорт. В данном случае – Квинту Пондусу.

И, как явствовало из документа, уже два года благополучно распределяются вышеупомянутым Квинтом Пондусом между солдатами его собственной кентурии.

– Не лезь в это дело, – дружески посоветовал Черепанову писарь. – Я точно знаю, что фонд этот Тит Квинтус в собственный кошель кладет. Ты с ним поосторожней – опасный человек.

– Спасибо за предупреждение, – сказал подполковник и пристально посмотрел на писаря. – Спасибо. Но учти, уважаемый, я тоже опасный человек. Особенно если кто-то обижает моих людей, лишая их заслуженной награды.

– Твои люди, уж прости меня, кентурион, кал собачий, – проговорил либрарий. – Последняя кентурия. Кто станет с ними считаться?

– Они были последними, – уточнил Черепанов. – Пока не были моими. А тот, кто не считается со мной, рискует вообще разучиться считать.

– Ну да, – пробормотал писарь. – Примерно так о тебе и говорят. Но сдается мне, ты – шкатулка с двойным дном.

Черепанов многозначительно улыбнулся.

– У меня тут кувшинчик с кесарийским винишком завалился, – сказал писарь. – День сегодня какой-то прохладный...

Расстались они намного теплее, чем встретились, тщедушный писарь и мускулистый кентурион. И оба – в полной уверенности, что могут, если что, друг на друга рассчитывать. Что, собственно, Черепанову и требовалось. А с первым кентурионом он очень скоро получил возможность поговорить начистоту.

Глава шестнадцатая Текущие проблемы «ротного» в римской армии (продолжение)

– Что расселись, бездельники! А ну работать! Вы не в Сенате, чтобы жопы отращивать!

Черепановская кентурия нехотя начала подниматься на ноги, стаскивать чехлы со щитов.

– Сидеть, – негромко, но внятно скомандовал Черепанов. – Отдых еще полчаса. Опцион, ты знаешь, что делать.

Легионеры облегченно поплюхались на жухлую траву. Сказано же: выполняется последний приказ. Пусть кентурионы между собой и разбираются.

Первый кентурион когорты Тит Квинтус Пондус, прищурившись и поигрывая дубинкой, разглядывал своего подчиненного, осмелившегося возражать.

Черепанов выпрямился и четко произнес:

– Кентурион первый гастат Геннадий Череп! Вверенная мне шестая кентурия отдыхает согласно составленному распорядку.

– Это какому еще, пожри вас Орк, распорядку? – осведомился первый кентурион.

– Составленному мной для специальной подготовки кентурии. Одобренному лично

примипил-кентурионом Сервием Ферратом.

– Что?!

Черепанов шагнул вперед, оказавшись рядом с толстяком-кентурионом.

– Пондус, – шепотом произнес он. – Давай не будем при солдатах, а?

– Отойдем, – согласился Тит Квинтус. Но тон его ничего хорошего не сулил.

– Ну! – процедил первый кентурион, когда они оказались шагах в ста, за линией соломенных мишеней. – Что еще за хренов распорядок?

– Одобренный Железным, – с нажимом произнес Черепанов.

Он не врал. Неделю назад он был у старшего кентуриона. Принес собственный план занятий. Раз уж римская армия насквозь бюрократична, значит, не худо и бывшему подполковнику вспомнить армейское прошлое.

– Это что? – безглаголиво спросил старший кентурион, уставившись на восковые таблички.

Черепанов объяснил.

– И что ты хочешь? – еще безгловее спросил Феррат, у которого болела голова после вчерашней пьянки.

– Чтобы ты прочел и утвердил.

– Делать мне больше нечего, – буркнул старший кентурион. – Твоя кентурия – делай, что хочешь. Я тебе доверяю.

И вдавил в воск печатку перстня.

Любого другого Феррат просто послал бы, но Черепанов был другом Плавта, и старший кентурион выделял его.

– Я работаю со своей кентурией, как считаю нужным, Пондус, – сказал Геннадий. – Не мешай, пожалуйста. Если что – спрос с меня будет.

– Будет, – посулил толстяк, – не сомневайся.

– Но это еще не все, господин первый кентурион, – произнес Геннадий.

– Что еще?

– Еще мне нужны средства на поощрение отличившихся.

– Двойная миска каши – достаточно.

Черепанов покачал головой.

– Казначей легиона выделяет для поощрений три тысячи. На нашу когорту. Доля каждой кентурии таким образом составляет пять сотен.

– Это кто же тебя так хорошо считать научил? – ощерился Пондус.

– Неважно. Важно, что я действительно хорошо считаю, – с нажимом произнес Геннадий. – Триста динариев я считаю достаточным.

– Не слишком ли ты раскатал губу, первый гастат? – процедил Тит Квинтус.

Черепанов усмехнулся. Молча. Одними губами.

– Ты мне угрожаешь?

Геннадий усмехнулся еще шире. Но глаза его остались такими же холодными.

– Откуда ты узнал, сожри тебя вороны?

– Узнал, – сказал Черепанов. – И не только это.

Некоторое время оба молчали. Толстяк размышлял. Жалко ему было денег, ежику понятно. Опять же, одному дашь – другие узнают. И тоже захотят.

– Сто, – наконец произнес Пондус. – Сотни хватит.

– Триста, – отрезал Черепанов. – Ты – мой командир, Пондус. Пока. Но это скоро изменится, можешь не сомневаться. Запомни: со мной не торгуются. Со мной дружат. Со мной хорошо дружить, Пондус. Подумай. Ты ведь не дурак. Неужели первый кентурион когорты – это предел твоих мечтаний?

– Дожили, – проворчал толстяк после паузы. – Какой-то гастат мне повышение по службе сулит!

– Не «какой-то гастат», Пондус. Я. Прочувствуй разницу.

– М-да... Значит, триста?

– Триста, кентурион. – И подсластил пилюлю: – Никто не узнает. Я забочусь о своей кентурии. Другие пусть сами о своих позаботятся.

– Ладно, подумаю, – проворчал первый кентурион и двинулся прочь.

На следующее утро его вестовой-бенефектарий принес Черепанову мешочек. Триста динариев.

Но главным итогом вчерашней беседы были все-таки не деньги, хотя и деньги пригодились. Главным было, что рейтинг Черепанова подскочил сразу на десяток пунктов. Сперва внутри кентурии, а потом, по мере распространения слухов, и в других подразделениях. Потому что старший лейтенант, который осмеливается возражать майору, не такая уж редкость. Но вот когда майор уступает старшему лейтенанту, это уже кое-что значит. Для тех, кто понимает.

А в своей кентурии на Черепанова смотрели как на грозного бога. Еще бы! И месяца не прошло, а его легионеры вышли из категории ничтожеств. Напротив, на них поглядывали уже чуть ли не с почтением: те самые, у которых кентурионом тот самый Череп. Друг Аптуса (Плавта в легионе помнили и уважали), любимчик Максимины и вообще крутой мужик: своих в обиду не даст и чужим ничего не спустит. Череп, одним словом. Голыми руками на куски порвет. Вон, самого Партокла, сирмийского чемпиона, едва не убил... Но не убил, пожалел.

На Геннадия уже поглядеть приходили. «Это который – Череп? Этот, что ли? Здоровый. А ростом – не очень». «Так пойди, скажи ему об этом», – предлагали скептику.

«Ну уж нет, – отвечал тот. – Я себе не враг».

В общем, все шло по плану. А где-то в середине октября от легата Максимины поступил приказ: сворачивать лагерь. Пришло время перебираться на зимние квартиры.

Но еще раньше в гости пожаловал император.

Глава семнадцатая Отвальная, прощальная...

Черепанов знал, что Александру Антонию Северу Августу было чуть больше двадцати. Но выглядел он старше. Геннадия, который стоял в хвосте легиона, справа от своей кентурии, лицо императора не понравилось. Какое-то брезгливо-порочное. Хотя говорили, что Александр ведет очень скромную жизнь, почти аскетическую – в сравнении с прежними Августами. Черепанову было не с чем сравнивать. Это был первый римский император, которого он видел воочию. Север ехал на высокой колеснице в окружении конных преторианцев. Рядом, с напряженным, белым от пудры лицом – его мать, Мамея. Соправительница. Когда-то она, вероятно, была очень красивой женщиной. Время, интриги и власть изуродовали ее. Хотя заметить это под толстым слоем грима, драгоценностей и драпировок было нелегко.

Ревели трубы. Легионы приветствовали императора, ударяя в щиты. Без особого энтузиазма. Каждый легионер знал: Август не любит «данубийцев». Уроженец Сирии, Александр любит только своих «азиатов».

Император привез подарки. Награды. Взрывали трубы. Глашатай зычно выкликал номер подразделения, имя... Офицерам награды вручал лично император. В их легионе таких оказалось всего двое: трибун Гай Петроний Магн, совсем молодой, всего лишь года на три старше императора, и какой-то кентурион из бывших преторианцев. Легионы приветствовали награжденных (так было положено), но довольно прохладно. Тем более что и награжденных было немного. Все знали, что император скуповат. Расщедривается только тогда, когда пахнет жареным.

И вдруг все когорты словно взорвались: появился Фракиец.

Гай Юлий Вер Максимин въехал на лагерьный форум ¹¹¹ один. Махнул рукой,

¹¹¹ Форум – открытое место, площадь, где римляне собирались по разным поводам. Форум в римском лагере находился в «командном» квартале, слева от алтаря, на котором совершались жертвоприношения богам,

приветствуя легионы, и присоединился к свите императора. Но приветственный рев и грохот утихли далеко не сразу. Черепанов видел – у него было превосходное зрение, – как «Мать императора, солдат и страны» (как ее именовали при официальном титуловании) раздраженно поджала губы.

Потом были пир и праздник.

Черепанов впервые наблюдал гладиаторские бои: Север привез с собой дюжину пар. Ничего интересного. Все, кроме двух бойцов (оказавшихся, как выяснилось, не рабами-гладиаторами, а спортсменами-любителями), дрались так себе. На всех хватило бы одного Плавта. А черепановская кентурия легко стоптала бы сотни полторы таких вояк. Конечно, не на арене, а в настоящем бою.

В общем, ничего особенного. Четверых бедолаг убили, еще четверых – покалечили. Надо признать, сам процесс публичного смертоубийства легионеров возбуждал мало. Сказывалась специфика профессии. Ставки – вот что делало бои по-настоящему привлекательными для этих ребят.

Когда уже совсем стемнело, прискакал Плавт. Бросил пару слов Феррату и забрал Черепанова с собой. К Парсию. Развлекаться.

– Этот Север вечно жнет, где не сеял! – Гонорий, принявший на грудь литра три, всегда становился чуточку агрессивен.

– В позапрошлом году Сенат в Риме устроил ему триумф и поименовал его «Великим Персидским». Притом что мы, только мы били персов. Мы прошли всю Армению и так врезали хваленной персидской кавалерии, что у них мозги из ушей летели. В Мидии ¹¹², понимаешь, гора на горе. Коннице не развернуться, но пехоте – самое то.

А пока мы дрались, этот соплук со своими любимчиками из восточных легионов застрял в пустыне и потерял почти всех лошадей. А третью армию вел любимчик Сената Марцелл – только полный болван мог доверить ему армию! Шел как по Аппиевой дороге. Все ждал: вот сейчас Александр с мамашей с основными силами подойдут... Ардашир ¹¹³ взял его, как волк овцу. Вырезали всех. Втоптали в песок и утопили в водах Евфрата ¹¹⁴.

А этот маменькин сынок обгадился и остался на месте. И нам приказал отступить. Осенью, через перевалы. Туда мы летом шли. Летом еще ничего, а осенью... Представь, Череп: горы, снег, холод, никакой жратвы и фуража. Наших там больше погибло, чем в Мидии. Но все-таки мы с Максимом врезали этому Ардаширу! Мы так дали персам по зубам...

– Погоди-ка, – попросил Геннадий, заинтересовавшийся стратегией войны, о которой

сразу над насыпью-трибуналом, с которой полководец обращался к войску и на которой производил суд.

¹¹² Мидия – историческая область в северо-западной части Иранского нагорья. В 70-х гг. VII – сер. VI вв. до н. э. царство со столицей в Экбатане. Расцвет при Киаксаре. В 550—549 гг. завоевана персами. Возродившееся в последней четверти IV в. до н. э. мидийское царство занимало часть территории Мидии – южный Азербайджан, который позже был назван Мидией (или Малой Мидией).

¹¹³ Правитель государства Персеполь Ардашир в 223—230 гг. восстал против парфян и сверг их монарха, подчинив все государство династии Сасанидов, названной так в честь его деда. Это новое руководство оказалось для Рима гораздо опаснее прежнего, парфянского, изрядно ослабленного войнами с тем же Римом. Молодое, агрессивное, националистически настроенное персидское государство, управляемое сильным правителем, поставило себе целью расшириться до пределов древнего парфянского царства в Малой Азии. В 230 г. Ардашир вторгся в Месопотамию, угрожал Сирии и другим азиатским провинциям империи. После года бесплодных переговоров Александр и Мамаея отправились на Восток во главе значительной армии и сделали еще одну попытку решить проблему дипломатическим путем. Но договориться с персами не удалось. Ардашир предъявил ультиматум: потребовал отдать ему все земли, на которые он претендовал. И Мамаея с Александром были вынуждены начать войну.

¹¹⁴ Евфрат – река в Месопотамии.

говорил его друг. – Вы что же, атаковали раздельно?

– Ну да, – кивнул Плавт. – Вот, гляди (он нарисовал на земле схему). Вот Тигр ¹¹⁵. Вот Евфрат. Вот здесь – наша земля, вот тут – персы. Вот отсюда ударили мы – через Армению. Били их почем зря, прорвались в Мидию и, если бы остальные дрались так же, свернули бы этому Ардаширу шею, как глупому петуху. Но не все легионеры подобны нашим. И не у всех есть Максимин! – в голосе кентуриона смешались горечь и гордость. – Мы разбили их, но нас было слишком мало и с провиантом возникли трудности. А вторая армия, Августова, шла через Северную Месопотамию и завязла вот здесь. Говорят, из-за проклятой жары. Но я в это не верю. Просто ни Александр с мамашей, ни его любимчики с Востока ¹¹⁶ не хотели драться и тянули сколько могли, чтобы не их кровь пролилась, а наша.

А потом они просто труслили! Ну мы-то не посрамили своих орлов, а вот ребятам, которые вышли к Евфрату отсюда, через Южную Месопотамию, не повезло. Побили их персы. А мы им врезали! – Плавт грохнул кратером по столу. – Да мы им так напинали, что Ардашир и думать забыл про нашу Месопотамию! И после этого Сенат устраивает триумф Александру с мамашей. Да они там даже ни в одной хорошей драке не были! Тьфу! – Плавт сплюнул на землю. – Ну, Александр, конечно, знал, чья это была победа. И ему пришлось здорово раскошелиться, чтобы легионы не взбунтовались. Даже его любимые азиаты готовы были его прикончить за то, что он трусил и бросил своих. Потому он и оставил наши легионы на востоке. А отсюда, с запада, вести приходят: мол, опять здесь варвары зашевелились. Алеманны, мол, по Паннонии шарят... А у наших тут, на Рейне, на Данубии – семьи, земля. Кто их убережет? Август с мамашей и хитрожопой дипломатией? Хрена лысого! Мы кричим: отправляй нас домой. Не слушает. Тогда уж сам Максимин к нему приехал. «Отправляй, – говорит, – Август богоравный, наших домой. Не то бунт будет. Геркулесом клянусь!»

Максимины-то он послушал, ясное дело. Повелел. Ну, поднялись мы и пришли сюда. В самый раз, чтобы варваров приструнить. У нас дипломатия простая, зато радикальная. – Кентурион осклабился. – Гладий в пузо. И повернуть для надежности. Очень помогает.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Геннадий. – Значит, так себе полководец из нашего императора?

– Да кабы в императоре дело было, – возразил Плавт. – Александр еще ничего. Жалованье вот поднял. Сам просто живет, без роскоши. Но им же мамаша крутит. И Сенат. А Мамее и сенаторам до солдат дела нет. Им лишь бы сундуки ауреями набить да земли пожирнее под себя подмять. Мы вот почти три тысячи рабов из Персии пригнали. Взяли-то больше, да две трети по дороге подохли. Зима больно суровая оказалась. Даже и наши от холодов пострадали многие. Ну и что дальше? Постановлением Сената да повелением императора забрали у нас весь полон, да и увезли. Якобы для обмена на наших пленных. Да только потом тех персидских рабов, которых якобы обменяли, почему-то видели на сирийских рынках. Справедливо ли это, а?

– Да уж, – согласился Черепанов. – Но ведь он молодой еще, наш император? Может, еще поправится?

– Хитрый он, – сказал Гонорий. – Все ловчит да комбинирует. То с преторианцами заигрывает, то с нами, то с германцами... Сейчас время такое: надо четко знать, с кем ты и на кого опереться можешь. Вон Фракиец – знает. А Август, он вроде как худого не делает, а скользкий какой-то, не поймешь. Сегодня – «бей алеманнов», завтра – «наши друзья

¹¹⁵ Тигр – река в Месопотамии. Междуречье Тигра и Евфрата, наряду с Египтом, – одна из колыбелей человеческой цивилизации.

¹¹⁶ Будущий император Антонин Север родился в 208 г. в финикийском городе Кесарии Ливийской и, будучи уроженцем Востока, всегда отдавал предпочтение своим землякам. И не скрывал этого. Естественно, легионам, сформированным в европейских провинциях, это не нравилось.

алеманны». То он землю граничную нашим ветеранам дает, как встарь положено, то вдруг рядом диких гетов сажает. Одно слово – восточный человек. На Востоке родился, ихним богам жертвовал. Но помяни мое слово: зря он в восточных легионах крепость себе ищет. Восток – это Восток, там настоящей надежности нет. И вся зараза оттуда. Боги лживые, любовь эта к мальчикам кудрявым, роскошь безмерная. Не так наши деды-прадеды жили, не так. Но мы еще поправим дело, не зря нам, римлянам, Марс-Воитель щит с неба сбросил ¹¹⁷. Мы еще покажем этим мальчиколюбцам, как отечество любить! – Гонорий хлопнул Черепанова по спине. – А ты молодец, дружище! Слыхал, у самого Толстяка серебро из пасти выдрал!

– Откуда ты знаешь? – удивился Геннадий. Он полагал, что не в интересах Пондуса болтать об их маленькой «сделке».

– Железный рассказал. Толстяк под это дело решил пару сотен сэкономить. Мол, теперь он их тебе будет отдавать, а не ему.

– Он что же, на пару с Ферратом казну тянет? – удивился Черепанов.

Он-то считал, что старший кентурион Первого Фракийского – человек честный.

– Вот еще! На пару! – Гонорий хмыкнул. – Тоже мне пара: медведь и лиса. Долю он Железному отдает. Как мне отдавал. Как положено. Младший со старшим всегда делиться должен. Это только ты, – тут он подмигнул Геннадию, – ни с кем не делишься. Но у тебя есть я. – Он самодовольно выпятил челюсть. – А на меня в моем, хоть и бывшем, легионе ни одна шавка не тявкнет. Тем более, это я Феррата в старшие вывел. И тебя выведу, не сомневайся! Служи крепко и верно, а старина Аптус позаботится, чтобы шавки тебя за калиги не хватали. Я Феррату так сказал: «Череп не трогай. Череп – правильный муж. Он, сам знаешь, для себя ничего не берет. Все – для дела. А дело ему сам Фракиец определил».

Я ведь тебя знаю, Геннадий. Ты дружбу выше золота ценишь. Я помню, как там, в Готии, ты мне все ценное отдал: храни, Аптус, я тебе доверяю.

И этим ты меня купил, дружище. Больше чем когда варварам меня зарезать не дал. И понял я... (Показалось Черепанову или нет, что глаза Плавта увлажнились?) Понял я, что не будет у меня друга верней, чем ты, Геннадий! Потому что видел я не раз, как родные братья из-за золота друг другу глотки рвали. А Железному я так сказал: если Череп что для себя возьмет – сам с тобой поделится. Феррат – он понимает. Он – наш. Он – за Быкоборца... – Тут Плавт внезапно осекся и бросил на Черепанова подозрительный взгляд. Подполковник ответил ему взглядом прямым и наивным, но про себя подумал:

«Так-так... Что еще за Быкоборец?»

– Словом, можешь на Железного рассчитывать! – заявил Гонорий. – А начал ты хорошо, Череп! Очень хорошо! Выпьем за это!

А потом Плавт уехал. Ночью. Даже не попользовавшись Парсиевыми девочками. Попрощался с Геннадием и отбыл, наказав времени даром не терять и крошку-Марцию не разочаровывать. Потому что завтра Первый Фракийский сворачивает палатки и уходит в Августу. На зимние квартиры. А от Августы сюда – шесть дней пути.

– А у меня для тебя новость, – проговорила Марция, перебирая колечки волос на его груди.

– Какая же? – Ее нога лежала поперек его бедра, тяжелая, расслабленная, теплая. Локоны растрепались и наполовину закрыли лицо. Черепанов протянул руку и убрал их вверх. – Какая новость, плохая или хорошая?

– Не знаю. – Она отодвинулась, и волосы снова упали. – Отец мне мужа нашел... Ну, что ты молчишь?

– А я должен что-то сказать?

– Ты рад за меня? Или огорчен? Или сам хотел взять меня в жены? – Она игриво

¹¹⁷ По преданию один из священных щитов (ancilia), которые были неотъемлемым атрибутом шествий салиев (жрецов Марса), упал с неба, а остальные были сделаны по его образцу.

засмеялась. – Тогда скажи отцу. Он не посмеет тебе отказать: все знают, что ты – друг Аптуса. Хочешь?

– А ты хочешь? – Черепанова немного покорило то, что не посмеют отказать не ему самому, а «другу Аптуса».

– Не хочу! – Она снова игриво засмеялась.

Геннадий молчал.

– Ты не думай, – быстро сказала Марция. – Не потому не хочу, что боюсь тебя. Все говорят: Череп, Череп, а я ведь знаю, какой ты. Совсем почти не страшный. Но ты не Венере принадлежишь – Марсу. А я не хочу в лагере жить. И еще хочу, чтобы муж мой со мной рядом был, и чтобы баловал меня он – хочу! А ты меня баловать не будешь.

И жить с тобой трудно.

– Почему? – сухо спросил Геннадий.

– Потому что ты строгий. И суровый. К себе суровый и ко мне таким будешь. А я хочу, чтобы муж мой мягким был. Чтобы только приап у него твердый был, как у тебя.

– И кто он, этот твой жених? – нехотя заинтересовался подполковник.

– Племянник виноторговца из Реции. Виноторговец этот – бездетный. Дело свое племяннику передаст. Когда-нибудь. А пока тот отцу моему будет помогать. В гостинице.

– Хоть симпатичный? – Черепанов мрачно усмехнулся.

– Оч-чень! Молоденький такой, кудрявый, пухленький! Просто лапушка!

– Рад за тебя. – Геннадий немного отодвинулся. Ложке позволяло – широкое. Посмотрел на жаровню, в которой тускло мерцали угли. – Может, и сегодня мне не стоило приезжать?

– Почему? – Марция надула губки. – Ты меня больше не любишь?

– У тебя же свадьба скоро. Жениху это вряд ли понравится.

– Ой, да кто его спросит, поросенка! – Марция даже руками всплеснула. – Да он, если хочешь знать, сам с тобой покувыркаться не прочь! Я ему все про тебя рассказала!

– Ну уж от этого меня избавь!

Черепанову представился групповичок из него, Марции и неизвестного «пухленького»...

Подполковник фыркнул... И неожиданно снова пришел в хорошее настроение. Да кто он такой, чтобы ревновать эту малышку? Тем более к «поросенку»!

Да и не нужна ему Марция в качестве жены. Что у них общего, кроме постели? Правда, в постели...

Он просунул руку под мягкий изгиб повыше бедра и опрокинул Марцию на себя. Она с готовностью прильнула к нему, потерлась грудью, животиком, колким лобком, прошептала:

– Ты такой горячий... Как птица...

– А я и есть птица, – сказал Геннадий. – Стальная птица... – Он приподнял ее и опустил, медленно-медленно, слушая, как она мелко, сквозь стиснутые зубы втягивает теплый, с привкусом дыма воздух: «А-a-av-f-i-c-s... А-a-v-v-d-s-s» ¹¹⁸ ...

Он чувствовал ее всю: от пушистой макушки до ступней, скользящих по тонкому покрывалу. Она была его. Но – только сейчас. В это мгновение. И, может быть, – больше никогда. И от этого он хотел ее еще сильнее, острее, неистовей...

Ранним утром он уехал. Получил на прощание узелок с теплыми еще медовыми лепешками.

– Приезжай! – попросила она.

– Обязательно, – ответил он. – Познакомишь меня со своим... кудрявым.

В это утро он видел ее в последний раз.

Часть третья Огнем и железом

¹¹⁸ Avis (лат.) – птица, avidus (лат.) – жадный, ненасытный.

Глава первая Провинция Иллирия. Зимний лагерь

Провинция Иллирия. Граница. По-военному четкий квадрат: примерно пятьдесят гектаров плоского поля за земляным валом и стеной. С трех сторон – ров, полный грязной воды, скопившейся после осенних дождей. С четвертой – разбухшая от тех же дождей речка, впадающая в Дунай. И сам Дунай-Данубий – тоже рядом. И маленький, но крепкий порт: кусок берега, одетый камнем, с несколькими длинными причалами и пятнадцатиметровой башней маяка. Зимний лагерь Первого Фракийского легиона. Вообще-то легион должен стоять эдак километров на четыреста восточнее, во Фракии. Поближе к морю. Но Иллирия – как раз посередине между Рейном и Черным морем – Понтом. Отсюда Максимину удобнее управлять пограничными легионами. Поэтому Второй Италийский перебросили на восток, а Первый Фракийский – сюда.

Сам Максимин Фракиец – в лагере гость нечастый. Но военная машина легиона работает и без участия легата. Римский порядок.

Примерно в десяти километрах от лагеря – городок Августа. Одна из десятков «Август», разбросанных по империи. Туда, в Августу, регулярно наведываются легионеры, купившие или заслужившие увольнительные. В Августе – настоящие термы-бани. В Августе – маленький театр и (самое главное!) лупанарии. Хотя у многих солдат в городе постоянные подруги. Легионерам до окончания службы жениться запрещено. Но обзаводиться подругами и детьми не возбраняется. Даже поощряется. Сыновья легионеров – будущие солдаты. Вокруг лагеря, по ту сторону рва, тоже не пусто. Зимний лагерь легиона – это что-то вроде большой военной базы. Тоже город. И не очень маленький по здешним масштабам. Такому городу нужно много разных вещей. Тем более денежки у солдат водятся. Так что военный лагерь в считанные месяцы обрастает мастерскими, лавочками, хижинами, огородами так же естественно, как обрастает ракушками днище квинкверемы¹²⁰. Немного дальше – поселения. Ветеранские (этим, помимо земли, полагается пенсия от императора), федератские – этим ничего не полагается, напротив, они должны в случае необходимости выставлять ополчение – для пополнения вспомогательных войск. Но от налогов освобождены и они. Здесь – граница. Те, кто тут живет, если и отделяют долю империи, то собственной кровью. А вот в Августе – нормальные обыватели. Эти налоги платят – их охраняет гарнизон. И отряды усиления из числа легионеров Первого Фракийского. Квартировать в Августе – привилегия. Кому повезет – решает жребий. В легионе – десять когорт. Каждая проводит в Августе по месяцу. Так заведено. Десятой когорте выпал февраль, самый холодный. Повезло.

У Черепанова подруги в городе нет. Да ему и не до подруг. Десятая когорта работает в режиме караульной службы – «через день на ремень». Граница. И прилегающие территории. Довольно обширные. А людей мало. Правда, считается, что им повезло. Патрулировать лучше, чем, скажем, охранять лагерь, ремонтировать дороги или сопровождать сборщиков налогов. Бывает, и добыча подвернется: разбойники какие-нибудь нерасторопные, или шайка варваров ночью переплывет на лодочках через Дунай, пограбит немного – и попадется. Правда, такого «везения» черепановской кентурии пока не выпадало. Но все равно эта служба считалась неплохой. Особенно для последней кентурии легиона. Обычно таким

¹¹⁹ *Debes, ergo potes* (лат.) – Должен, значит, можешь (римская поговорка).

¹²⁰ Квинкверема – древнеримский гребной военный корабль, вооруженный тяжелыми метательными орудиями (катапультами и баллистами), название которого происходит от латинских слов *quinque* (пять) и *genus* (весло).

всякая дрянь выпадает: рабов сторожить, которые отхожие ямы чистят, канавы копать. Но Черепанов, можно сказать, по благу отхватил для своих работенку покруче. Хотя тоже не синекуру. Иной раз по тридцать миль за день отмахать приходится. Невзирая на погоду.

Теперь у него в подчинении, кроме пехотной кентурии, кавалерийская турма: тридцать всадников. Черепанов отдал ее Тевду Трогусу. С этим проблем не было: послужной список у парня подходящий. И декурион к тому же – не разжаловали, переведя в пехоту. Теперь он снова на коне.

И Черепанов – тоже. Месяц патрулирования – и Геннадий уже вполне уверенно чувствовал себя в «рогатом» армейском седле. Мог бы обойтись и обычным: при наличии стремян острой необходимости в дополнительных упорах не было. Но «рогатое» ему продали вместе с лошастью. То и другое – со скидкой. По «армейским» расценкам.

Месяц прошел относительно спокойно. Без стычек. Накрыли разок шайку местных бродяг, решившую пожить в деревеньке переселенцев из Италии. Но это даже стычкой назвать нельзя: бродяги побросали оружие (если колья и распрямленные косы можно назвать оружием), едва завидели легионеров. Их свезли в Августу и передали эдилу, который тут же направил их на общественные работы. Арестанты особо не опечалились: хоть кормить будут.

С провиантом в провинции было напряженно, хотя к легионерам это не относилось. Еще в начале осени из Сирии пришли три судна с зерном. И все оно без потерь поступило в лагерные амбары, хотя на рынке в Августе. Нет, воровать и продавать казенный провиант в Первом Фракийском никто не рискнул бы. Даже Пондус, глядя на которого Черепанов сразу вспоминал анекдот из того времени, в котором американский президент угрожает советскому нейтронной бомбой: дескать, все население – того, а имущество – в полном комплекте останется; а советский президент ему в ответ: а мы на вас – десант в тысячу прапоров – и у вас все население будет в полном комплекте, а вот имущества совсем не останется. Так вот, этот самый Гай Пондус, который мог без угрызений совести содрать с солдата шесть динариев за освобождение от работ, никогда не осмелился бы схитить солдатское довольствие. Потому что хорошо знал своего легата, а, как рассказывали Черепанову, Максимин Фракиец еще на заре своей службы нынешнему императору во всеуслышание заявил, что рассматривает хищение солдатского продовольствия как диверсию против боеспособности армии. Тогда армейские снабженцы знали его еще недостаточно хорошо, поэтому слов оказалось недостаточно, и Максимин с расхитителями обошелся по-максиминовски: скормил медведям в провинциальном цирке. Разумеется, Сенат, коллеги и родственники скормленных подняли страшный вой. И даже сам император... Но как-то все рассосалось. Причем Максимин не только остался легатом, но и «методик вразумления» не изменил ни на йоту. Будь в родной Черепанову российской армии такой главнокомандующий... Впрочем, в то время гигант Фракиец, скорее всего, долго не протянул бы. Рим, при всей своей бюрократии, плутократии и развращенности, оставался государством, в котором правили воины. А в мире, где вырос Геннадий, правили торговцы. Даже не торговцы, а ростовщики. Банкиры, превращавшие чужие вклады в собственные, и политики, обращающие народное доверие в собственные деньги... Черепанов понимал правила Большой Игры – и тогда, и сейчас. Понимал и учитывал, но жил – по собственным правилам. И этого его права здесь тоже никто не оспаривал, тем более что авторитет подполковника продолжал расти. И не только из-за покровительства Максимиана и Аптуса. Рост рейтинга кентуриона Черепа обеспечивался самим кентурионом Черепом. И после каждого «эпизода», в котором Геннадий принимал участие, уважение к подполковнику росло. Например, после истории с атлетом-нубийцем...

Иллирийский городок Августа. Стены – четырехугольником, идеально прямые главные улицы, четверо ворот. От трех – такие же прямые дороги, с надгробиями ¹²¹, четвертые

¹²¹ В Римской империи хоронить умерших внутри городских стен было запрещено, поэтому гробницы и могилы горожан располагались вдоль дорог за пределами городов.

выходили к речному порту. В городе имелось два больших храма: Деметры, основателя города императора Клавдия Августа, и дюжины две храмов поменьше. Разумеется, в Августе были форум, базилика ¹²², курия ¹²³, неперенные общественные термы и театр. Разумеется, были «доходные» дома для тех, кто победнее, и солидные особняки – для более обеспеченных. Вот в одном из таких особняков и оказался Черепанов волею богини случая, которая явно была к Геннадию неравнодушна.

Глава вторая, в которой повествуется о том, как возникают мифы

В Августу Черепанов приехал по приглашению второго принцепса ¹²⁴ своей когорты. У принцепса родился сын. Не совсем законный, зато первый. Это дело необходимо было отметить. Разумеется, счастливый отец первым делом почтил богов, но и о боевых товарищах тоже не забыл: пригласил весь офицерский состав когорты на дружескую пирушку.

Местом была выбрана относительно приличная таверна у западных ворот. Помимо офицеров десятой когорты присутствовали также офицеры третьей, которая в данный момент квартировала в городе.

Собственно, сама пирушка ничем не отличалась от множества себе подобных, в которых Черепанов участвовал и в той, и в этой жизни. А если отличалась, то исключительно ассортиментом напитков и закусок. Простые мужские радости: после хорошо сделанной работы выпить и закусить в хорошей компании. Ну и девочки, разумеется...

Правда, судьба приготовила для празднующих дополнительное развлечение. У одного из местных богатееров взбесился раб.

В таверну прибежал возбужденный вигил и доложил первому кентуриону дежурной когорты: требуется помощь.

Командир дежурной когорты – это, помимо прочего, еще и командир местного СОБРа и ОМОНа в одном лице. Выходить на командира СОБРа по пустяковому поводу, например, из-за буянящего наркомана с перочинным ножиком, никто не станет. Точно так же не стали бы тревожить по пустякам и первого кентуриона. Но случай был особый.

Взбесившийся раб был нубийцем. И не просто нубийцем (негров в Римской империи было ничуть не меньше, чем, скажем, в Италии двадцать первого века). Нубиец был знаменитым атлетом, купленным аж в провинции Африка. Купленным не столько ради славы, хотя в местном цирке он смотрелся, как Алла Пугачева во дворце культуры города Торжка, а «на племя». Нубиец отличался отменной способностью к воспроизводству, и, учитывая выдающиеся физические данные, приносил хозяину неплохой доход именно в этом качестве. Кроме того, ходили слухи, что его «услугами» пользуются и очень даже респектабельные... И не только дамы.

Все это Пондус изложил Черепанову по дороге к купеческому особнячку, в котором обитал и бесчинствовал этот самый римоафриканец. Разумеется, вся веселая компания решила поддержать находившихся «при исполнении» товарищей и укрепить своим присутствием боевой дух легионеров.

А заодно и на прославленного атлета поглядеть, потому что многие о нем только слышали: в последний год хозяин на арену его не выпускал. Берег.

¹²² Базилика (от греч. basilike – царский дом) – прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн или столбов на продольные части (нефы); средний неф, более высокий, освещается через окна над крышами боковых нефов. В Древнем Риме базилики – судебные и торговые здания.

¹²³ Курия – что-то вроде городской мэрии. В ней заседал городской совет.

¹²⁴ Принцепс – кентурион, командовавший третьей кентурией когорты.

В просторном особняке, занимавшем почти квартал, было тесно от набившегося народа. Вигилы, восьмерка патрульных легионеров с декурионом во главе, подвыпившие офицеры, сам хозяин, до того тощий и желчный, что при взгляде на него сразу появлялась мысль о глистах и прочих паразитах, друзья-приятели-прихлебатели хозяина, слуги и рабы, соседи и их чада-домочадцы... Все это сборище производило невероятный шум и массу ненужных телодвижений. Одного взгляда на эту толпу хватало, чтобы понять, откуда произросли корни «итальянского темперамента». Но Черепанов, который впервые оказался в богатом городском особняке, больше всего интересовал именно дом, а не его шумные гости.

А дом был действительно хорош. Черепанов протиснулся сквозь толпу и оказался в окружении свежей зелени и нежных весенних ароматов. За высокими стенами, прикрытый сверху сеткой, произрастал великолепный зимний сад. Здесь струился одетый в розовый мрамор ручеек, над которым склонилась обнаженная нимфа, столь искусно вылепленная и раскрашенная, что издали казалась живой девушкой.

Черепанов остановился у ларария ¹²⁵. На маленьком алтаре лежали горсть пшеничных зерен и несколько монет, но сами статуэтки ларов были внутри, за ширмой.

Геннадий с удовольствием заглянул бы туда, но за спиной посапывал старик из домашних рабов: наверняка приглядывал, чтобы уважаемый гость ничего не спер. Из дома раздался шумный всплеск: кто-то свалился в бассейн.

Точно, в квадратном бассейне, располагавшемся в центре атрия ¹²⁶, радостно плескалось уже человек пять. Все четверо младших кентурионов из черепановской когорты и какая-то пьяная девка. Вылезать они не собирались. В общем, веселился народ. Напрочь забыв о причине столпотворения.

Однако забыли о ней не все. У входа во внутренние комнаты топтались шестеро легионеров в полном боевом. И еще двое сидели на полу, и над одним хлопотал медик с губкой: физиономия бедняги-легионера была в крови.

Здесь же были и первый кентурион третьей, Пондус, местный эдил, которого Черепанов не знал лично, и, естественно, сам хозяин. Эдил и кентурион третьей орали на хозяина, хозяин, в свою очередь, орал на них. Пондус ухмылялся. Его туника подозрительно оттопыривалась повыше пояса. Наверняка свистнул какой-то «раритет».

– В чем проблема? – поинтересовался Черепанов.

– Взять его не могут, – пояснил Пондус.

– То есть как? – удивился Черепанов.

Чтобы «отделение» вооруженных легионеров не смогло «упаковать» одного раба? Такое возможно, разве что если раб величиной с Максимиана.

– Да этот сморчок не разрешил его калечить. Говорит, ему за нубийца полтора таланта предлагают. Наши с сетями сунулись, а там тесно... В общем, сам видишь. – Пондус кивнул на двух сидящих легионеров. – Одному руку вывихнул, другому всю морду разворотил. Первый заявил: разрешаю применить оружие. Или – разбирайтесь сами. Не дам ребят калечить. А этот визжит: я налоги плачу вашему Максиминому! Ему и пожалуюсь! А эдил говорит: нечего! Взбунтовавшегося раба вообще распять положено!

– А чего этот раб взбесился, не знаешь? – спросил Черепанов.

– Да сморчок этот его оскотить решил. Черного какой-то перс покупает. Для своего царя – гарем охранять. Но «жеребца», говорит, не возьму. Только «мерина». Не то он там

¹²⁵ Ларарий – жертвенник ларов, богов-покровителей римского дома (очага).

¹²⁶ Атрий – гостиная (зал для приема гостей) в римском доме. Его покатая крыша имела в центре отверстие для стока дождевой воды – в бассейн или иной резервуар. Атрий имелся практически в каждом римском доме. Слово это происходит от слова «атер», черный, так как в совсем старые времена атрий был единственным помещением в доме и отапливался «по-черному», а посему имел стены и потолок соответствующего цвета. А традиционное отверстие в его крыше выполняло функции продуха.

всех «кобылок» перепортит. А нубийцу кто-то из его «подружек» и напел про «мерина». Тот и взбесился.

– А это правда? – спросил Черепанов.

– Похоже. Иначе с чего бы ему бунтовать? Жрал со стола господского, приап свой улещивал по три раза в день, маслом благовонным, египетским, умащали... Да я б с ним хоть сейчас поменялся... – Пондус подумал немного и добавил: – На месячок.

– Может, помочь? – предложил Геннадий.

– Это как?

– Взять его аккуратно. Он вооружен?

– Настоящего оружия у него нет. Так, ерунда всякая. Ты серьезно, Череп?

– А почему нет? Попробую.

– Понял! – Пондус хитро усмехнулся. – Погоди-ка...

Он оставил Черепанова и подошел к спорящим, сказал что-то. Те сразу перестали орать. Поглядели на Геннадия. Хозяин высказался скептически. Пондус заспорил...

– Эй, Череп, давай к нам! – позвали из бассейна. – Водичка тепленькая!

Но к подполковнику уже спешил Пондус.

– Договорился! – пыхтя, сообщил он. – Если возьмешь нубийца, не попортив, хозяин двадцать ауреев дает. Полновесных, Траяновой чеканки. Ну а если нубиец тебя попортит – пятьдесят динариев отступного. Мне со всего – десятая часть. За посредничество. По рукам?

– Ты, Пондус, на том свете асфоделями торговать будешь, – сказал Черепанов.

Первый кентурион самодовольно ухмыльнулся.

– Значит, договорились. Ну, пошли...

Черепанов снял тунику, оставшись в удобных штанах и, естественно, в калигах. Пондус подошел к нему с кувшином оливкового масла.

– Это еще зачем? – удивился Черепанов.

– Чтобы кожа скользкой была. Так все...

– Убери, – отмахнулся Черепанов. И легионерам: – Показывайте, ребята, где засел ваш монстр...

Двинулись. Впереди – Черепанов с голым торсом и кентурионской виноградной палкой, за ним – вооруженные до зубов легионеры с расчехленными skutumami, за легионерами – хозяин и прочие заинтересованные лица.

Прошли мимо пустого триклиния, миновали кухню, из дверей которой выглядывали любопытные мордочки поварят и текли искушающие ароматы, свернули направо.

– Там, наверху, по лестнице, – сказал декурион, тактично пропуская Черепанова вперед.

Деревянная лестница с резным барьерчиком и широкими перилами. На площадке наверху вроде бы никого...

Черепанов начал осторожно подниматься. Еще бы избавиться от тащившихся следом сопящих и кряхтящих зрителей...

Наверху имелся небольшой коридорчик, в коридорчике – несколько дверей...

Нет, нубиец не устраивал засады. Еще с лестницы Черепанов услышал злобное басистое бормотание, какой-то грохот...

Не тащись вся эта орава за ним, он бы мог подобраться аккуратно...

Геннадий повернулся, сделал знак стоять, но опоздал.

Свирепый нубиец услышал, что ему собираются нанести новый визит.

Одна из дверей распахнулась с жалобным треском. Нечто огромное, черное, блестящее и рычащее, аки лев, вырвалось в коридор и устремилось прямо на Черепанова. Тот успел отпрыгнуть в сторону, и громадное-черное (это оказался окованный бронзой здоровенный сундук) пронеслось – аж воздух взвизгнул – мимо него и обрушилось на поднимавшихся по лестнице.

Легионеры (вот что значит армейская выучка) успели все-таки сомкнуть щиты, поэтому обошлось без смертоубийства. Но лестница очистилась. Внизу, у ее основания, барахталась

многослойная куча-мала, на которой подпрыгивал и ворочался злополучный сундук.

А тот, кто его бросил, стоял наверху, потрясая кулаками и понося врагов самыми обидными словами.

Черепанов выпрямился. Да, отличный образец спортсмена. Черная спина, бугрящаяся мускулами, блестящая от пота, массивная шея, переходящая в бритый, не менее мускулистый затылок. А уж какая глотка луженая... Если еще, не дай Бог, этот черный владеет искусством «железной рубашки», придется нелегко.

Черепанов бесшумно шагнул вперед и с хирургической точностью воткнул конец дубинки в точку у основания шеи.

Нет, восточному искусству «железной рубашки» нубиец не обучался. Качнулся и плоско рухнул навзничь, словно и не борец. Черепанов едва успел подставить ногу, чтобы атлет не треснулся затылком об пол.

Да, красивый парень. И мужское достоинство – просто мечта поклонников Приапа. И поклонниц. Настоящий вандализм – портить славный организм. Черепанов усмехнулся открывшемуся поэтическому дару и присел на перила, наблюдая, как внизу медленно распутывается куча-мала.

Двадцать минут спустя закованного в цепи, слегка обалдевшего негра свели вниз – на радость публике. Господский медик тщательно осмотрел его и серьезных повреждений не обнаружил. Соратники Черепанова вот уже четверть часа докапывались: как ему удалось свершить сей подвиг? Подполковник многозначительно улыбался.

Хозяин отсчитал деньги. Довольный Пондус тоже получил свои два золотых.

Негр, которого, несмотря на цепи, все еще побаивались (аж четверых сторожей приставили), мрачно глядел на своего победителя. Нет, красивый мужик. Даже без поправок на негроидность.

Черепанов вспомнил, поманил хозяина. Тот подошел поспешно, лучась улыбочкой. Искключительно мерзкая харя, надо признать.

– Меня зовут Геннадий Череп, – сказал подполковник. – Я – кентурион в Первом Фракийском. Не забудь.

– Конечно, кентурион, как я могу забыть того...

– Это еще не все, – перебил Черепанов. —

Я хочу, чтобы ты также запомнил: если так случится, что этот малый вдруг окажется без тестикул, я обязательно об этом узнаю. И лично наведаюсь к тебе, уважаемый, чтобы отрезать тебе яйца. Не забудешь, уважаемый? – Все это было сказано негромко, с вежливой улыбкой – и богатеи растерялся.

– Но он же – мой раб... – пробормотал почтенный римлянин. – Я же могу...

– Можешь, – кивнул Черепанов. – Но я тебе не советую.

Повернулся и двинулся к выходу, провожаемый изумленными взглядами тех, кто слышал этот диалог. Но самое большое изумление было написано на черной физиономии нубийца...

Вот так и рождаются мифы.

Черепанову после сообщили, что почтенный гражданин наводил о нем справки: стоит ли принимать всерьез сказанное насчет тестикул? Судя по тому, что нубийца так и не продали в Персию, богатеи снабдили правильной информацией.

Глава третья Германцы

Вчера шел дождь. И позавчера. Сегодня с утра дождя не было, но земля все равно раскисла капитально. К счастью, это была Римская империя, а не какая-нибудь Скифия. И здесь были настоящие римские дороги, которые строились со всем тщанием именно для этого. Поэтому кентурия первого гастата Черепы (в прежней жизни – подполковника Геннадия Черепанова) выполняла свою задачу без особых проблем. Задача была проста. Боевой дозор. Плановый марш на сто сорок километров, который следовало осуществить в

течение пяти (включая обратную дорогу) суток. Пеший марш с неполной выкладкой. То есть примерно по двадцать пять килограммов на брата, включая оружие. Пустяк для настоящего легионера. А уж для всадников приданной турмы – вообще ерунда. Это если просто идти по дороге. Но Черепанов был не из тех, кто относится к задаче формально. Местность была проблемная. И разбойнички пошаливали, и недобитки из варваров. До границы тоже – рукой подать, а по ту сторону имелась целая толпа желающих поживиться на имперских землях. Переправиться же через Дунай мог даже ленивый. Расселенные по обе стороны великой реки варвары-федераты мало того, что не охраняли границ, как должно, но зачастую и сами присоединялись к грабителям. Что им было даже и проще, потому что, оказавшись на территории своего земельного надела, разбойник-варвар тут же превращался в мирного земледельца. Будь на то воля Черепанова, он после каждого набега устраивал бы серьезную зачистку местности. Или ввел куда более эффективную систему сигнализации. Но Черепанова пока никто не спрашивал. А римские командиры предпочитали вместо тактики упреждающей применять куда более выгодную тактику перехвата на обратном пути, когда налетчики, изрядно притомившиеся и обремененные добычей, возвращаются обратно.

И сколько бы ни возмущались по этому поводу власть предержащие, ситуация не менялась.

Прошлую ночь кентурия провела в имении какого-то латифундиста. Управляющий, правда, сначала заартачился: не было у него желания пускать на постой промокших солдатиков. Но Черепанов пообещал заплатить за фураж и ужин, а за спиной, хоть и говорившего по-латыни с акцентом, но вежливого кентуриона, маячили одинаковые зверообразные физиономии опциона и сигнифера. И на физиономиях этих ясно читалось желание позаимствовать чужое имущество безо всякой денежной компенсации.

Управляющий, вольноотпущенник, поставленный хозяином на это место из-за принадлежности к секте христиан, которым вера запрещала красть, испугался братьев Ингенсов и предоставил легионерам кров и пищу. И даже взял за все не по рыночным ценам Августы, а по обычным ставкам фуражиров. Но, зная «обычаи» армейцев, в расписке для легионного казначея указал именно рыночные цены. К его удивлению, вежливый кентурион расписку не принял. Велел переписать, указав все как есть. Управляющий удивился, но требование выполнил. А потом, наедине и очень робко, поинтересовался, не является ли кентурион его единоверцем?

– Крещен, – сухо ответил тот. И управляющий сразу понял, почему так мягок этот офицер. И порадовался, что приближаются времена, когда малые станут большими, а кротость будет повелевать жестокостью. Под «жестокостью» управляющий подразумевал братьев Ингенсов, а под «кротостью» – вежливого кентуриона. Он бы очень удивился, если бы узнал, что «доброе» кентуриона в его подразделении боятся куда больше, чем зверообразных близнецов. Да и у самих близнецов командир вызывал почтительный страх. Обещал же в свое время Геннадий, что его будут бояться больше, чем каких-то там диких варваров. А он был не из тех, кто не держит слово. И хотя особой жестокости страшный кентурион Череп вроде бы и не проявлял и даже палкой почти не пользовался, но ведь все знали, что он вывалял в пыли не только братьев Ингенсов, но и самого знаменитого Партокла. А уж после истории с нубийцем...

Дождя не было, но погода не баловала. Хмурое небо, сырой запах земли, низкие тучи, похожие на клубы дыма... Сегодня Черепанов дозоров не высылал: не хотел зря утомлять коней. Такая грязь. Хоть бы морозы ударили, что ли... И туман клубится, как дым... Дым... Однако!

– А ну стоять, ребята, – бросил Черепанов.

Сигнифер повторил команду. Колонна остановилась.

Черепанов потянул носом воздух: точно, дым. Гарь. Особый запах горящих олив. Просто пожар? Сомнительно. Знаем мы такие «просто пожары». Что ж, выясним.

– Тевд. – Он повернулся к возглавлявшему турму Трогусу. – Возьми пару парней – и быстренько гляньте, чего там, за рощей.

– Мигом, командир! – Трогус махнул рукой, и три всадника сорвались с места и унеслись вскачь.

Черепанов развернулся в седле, встретился взглядом со своим опционом. Кирпично-красное лицо Ингенс-старшего ничего не выражало – кроме готовности выполнить любой приказ кентуриона.

– Чуешь? – спросил подполковник.

Опцион мотнул головой. Его многократно расплюснутый нос почти не различал запахов.

– Оливы горят, – сказал Геннадий.

– Германцы?

– А кто еще! – проворчал Черепанов. – Не граница, а решето. Что там, не знаешь?

Опцион мотнул головой.

– Ферма какая-нибудь?

«Недоработка, – подумал подполковник. – Надо было взять проводника, знающего местность».

Карту он видел, но здешние карты качеством не отличались. Даже купцы обычно пользовались не столько картами, сколько составленными их предшественниками «путеводителями».

Черепанов сделал знак: оставайтесь на месте.

А сам отъехал вперед, прислушался. Ничего. Надо полагать, если там и случилась заварушка, то небольшая. И без участия регулярных сил. Уж звук букины ¹²⁷ он услышал бы издалека. Ладно, рискнем.

Черепанов вернулся к своим.

– Двинулись, – сказал он Трогусу. И, повысив голос, чтобы все слышали: – Кентурия! Марш!

Дробный цокот копыт, мерный дружный звук сотен подбитых гвоздями подошв, ударяющих в дорожные плитки.

– Шире шаг! – Черепанов пустил коня легкой рысью, и ритмичный звук за его спиной изменился, потяжелел. Кентурия перешла с шага на бег. Геннадий знал, что этот темп его бойцы могут держать не один час. А могут и прибавить, но в этом пока нет необходимости. Поглядим, что принесут разведчики.

Трогус не заставил ждать. И четверти часа не прошло, как на взмыленном коне примчался один из разведчиков.

– Варвары, командир! Всадники! Вилла какая-то горит. И роща.

«Не ошибся, – подумал Черепанов. – Оливы».

– Там бой?

– Не знаю, – выдохнул разведчик. – Декурион Трогус мне сказал: подберемся поближе, глянем. А ты давай лети к кентуриону!

– Понятно, – кивнул Черепанов. – Много их?

– Трудно сказать: может, пять сотен, может, больше...

Черепанов мысленно разделил на три. Значит, минимум полторы сотни. А у него тридцать два всадника и восемь десятков пехоты.

– Ингенс?

– Бьем, командир? – Гай Ингенс не хотел показать себя трусом. Ни перед командиром, ни перед легионерами.

– А не много их? – усомнился его брат Мелантий, сигнифер. – Пять сотен... Может, – за подмогой?

Легионеры зашевелились. Драться с впятеро превосходящим противником они не рвались.

¹²⁷ Букина – духовой музыкальный инструмент. Использовался в римской армии для подачи сигналов.

– А ну тихо! – рявкнул Ингенс-старший. – Ты! Точно пять сотен?
– Ну... – разведчик замялся. – Примерно...
– Ставлю десять динариев, что их там и двухсот не наберется! – ухмыльнулся опцион.
«Молодец», – мысленно похвалил подполковник.

– А в лагерь мы все же пошлем, – сказал Черепанов. – Но не сразу. Сначала сами пойдем и поглядим поближе, кто к нам пожаловал. – Подполковник говорил громко, чтобы его слышали все. – А то скажут: опять шестая из-за дохлой шайки варваров труса спраздновала. Не будет этого! Ингенс, я поеду вперед. А вы за мной подтягивайтесь.

Черепанов кивнул разведчику: веди, послал коня вперед – и сразу же услышал за спиной знакомый ритм: колонна двинулась.

Пока ехали, разведчик сгрузил дополнительные сведения. От виллы до дороги было километра полтора. Вилла вроде бы горела. И еще горела оливковая роща между виллой и дорогой. И виноградники на склоне холма.

Вскоре подполковник и сам увидел.

Черный дым стелился полосой вдоль черного сжатого поля, пересекал дорогу. Конь фыркнул и заупирался, но его желания в расчет не приняли.

Метров через тридцать полоса дыма кончилась, и Черепанов увидел усадьбу. Точно, километра полтора. Геннадий прищурился, стараясь разглядеть, что происходит около виллы. Пожары, мельтешащие фигурки, вертящиеся всадники, приглушенные крики... Может, еще дерутся, а может, добивают уцелевших... С тактической точки зрения последнее выгоднее. Стадия грабежа – самое подходящее время для внезапного удара. Однако всадников довольно много. Да, это точно варвары, а не просто разбойники. Опять алеманны?

Геннадий попытался хотя бы примерно оценить их численность, но не смог. Слишком далеко. Может, сотня. А может, и все пять. Но, если мыслить логически, не больше тысячи. Потому что от пяти десятков местные, пожалуй, и сами отбились бы.

А тысяча прошла бы сквозь сельское ополчение, как через пустое место.

Надо решать... Посылать за помощью? Разумно, но бессмысленно. Это минимум сутки ждать. А если там еще идет драка?

Черепанов принял решение. Рискованное. Но фактически у него не было выбора. Лучшего случая, чтобы снять с кентурии клеймо трусов, и быть не может. Тем более эта роща так удачно горит...

– Назад, – бросил Черепанов разведчику, и они нырнули обратно в дым.

А едва вынырнув из него, увидели двух всадников. Своих.

– Трогус!

– Это германцы, кентурион! Сотни полторы!

И там пока что дерутся!

Молодец. Десяток слов – и полная информация. Что ж, раз поместье еще держится, значит, вопрос решен. Надо действовать.

Из-за поворота уже появились всадники, над которыми развевался красный флажок турмы, рядом тускло блестела «открытая ладонь» штандарта шестой кентурии.

– Расчехлить щиты! – скомандовал Черепанов. – Приготовиться к бою. Прежним порядком – за мной! Бегом марш!

Кентурия свернула с дороги на сжатое поле.

Риск, да. Но если под прикрытием дыма удастся подобраться достаточно быстро и ударить внезапно...

Чертова земля раскисла, копыта чавкали по грязи, пехоте приходилось еще тяжелее, но никто не жаловался. Легионеры бежали молча, в ногу, как на тренировках. Время от времени кто-то кашлял: от гари першило в горле. Ничего, миля – это немного.

– Вразнойбой, – негромко скомандовал опцион, когда кентурия по деревянному мосту пересекла разбухшую после дождя речушку.

Шум со стороны усадьбы был уже отлично слышен.

– Стой, – скомандовал Черепанов. – Лишнее барахло оставить здесь. Опцион, оставишь

пару человек – присмотреть. Кентурия... К бою... Стройсь!

Слитное, четкое движение – и все готово. Каждый четко знал свое место.

– Слушай меня! – Черепанов привстал на стременах. – Это германцы. Они умеют драться, но мы умеем лучше. К тому же они устали, а мы – нет. Главное, парни, – держать строй. Не рассыпаться. Щиты плотнее, колоть чаще. Вместе мы – сила! Всадники – в драку не лезть. До моей команды. Ждать здесь. Трогус, ты понял? Только когда услышите сигнал. Но когда услышите, – рвите так, чтобы воздух трещал! Мы их побьем, парни! Стопчем! Мы – армия Рима, а они всего лишь варвары! Мы побьем их, я уверен! – И добавил после небольшой паузы, веско: – Кто побежит, зарублю собственноручно. Обещаю.

Оратор из Черепанова был никакой, но в кентурии все знали: Череп слово держит.

– Глотку раньше времени не драть, – продолжал он. – Идти молча. И грянуть по моему сигналу всем разом! Так, чтоб у вшивых германцев в кишках перевернулось! Вы умеете, я знаю! Сигнифер! Твое дело – не рубиться, а держать штандарт! Понял, Мелантий? А вы, парни, присмотрите за ним: он бешеный, я его знаю! Ему бы только дорваться. – В строю раздалась смешка. – Он бешеный, – повторил Геннадий. – И я тоже. И все вы! Понятно? Покажем этой косматой сволочи, что такое ярость римлян! Порвем их в ветوشь! Выжмем из них масло! Легионеры – вперед!

И, развернув коня, Геннадий послал его в дым.

Усадьба была ограждена стеной, но бой шел уже внутри. На вытопанных грядках салата и моркови валялись трупы. Главным образом – местных вилланов.

Когда ровный строй легионеров показался из дымной пелены, дело уже близилось к развязке: лишь кое-где еще слышались стук и звон, в основном же – победоносный рык победителей и жалобные вопли побежденных.

Дозоров варвары не выставили – серьезная ошибка. В результате двигавшаяся быстрым шагом кентурия успела одолеть почти половину расстояния, прежде чем римлян заметили. Легионеры двигались быстрым шагом, компактной группой, четырьмя плотными шеренгами. Сам Черепанов придержал коня и ехал теперь позади, за четвертой шеренгой. В пятнадцати метрах перед ним мерно раскачивалась обрамленная бронзовым венком «открытая ладонь».

Их заметили. Кто-то из варваров истошно заорал. И сразу из усадьбы, топоча по валяющимся на земле обломкам ворот, повалили варвары.

Неорганизованная разъяренная толпа. Всадники вырывались вперед, обгоняя пеших. Но и пешие не очень-то отставали от всадников. Бородатые морды, оскаленные рты, выкаченные глаза... За время путешествия с Плавтом Черепанов не единожды бился с варварами... Но это было что-то новенькое. То есть варвары оставались варварами, а дезорганизованная толпа – дезорганизованной толпой: каждый – сам по себе. Но вместе с тем это была единая сила, объединенная одним цементирующим порывом: бешеной яростью. И эта ярость валом катилась впереди пестрой толпы, обгоняя и несущихся огромными прыжками пеших, и нахлестывающих коней всадников...

За секунду до того, как этот незримый вал накрыл его когорту, Черепанов привстал на стременах, набрал в грудь воздуха и издал совершенно нечеловеческий рев. Его московский сэнсэй был бы доволен. Отличный ки-ай. Но в данном случае важнее было, что рык кентуриона был подобен взрыву капсуля, от которого рванул основной заряд.

– Бар-ра! – inferнально грохнула кентурия. И этот боевой клич сшиб волну варварской ярости. А на самих варваров хлынул дождь дротиков. Кто-то полетел на землю, чей-то раненый конь повалился с отчаянным ржанием...

– Бар-ра!

Первые всадники, орущие, размахивающие копьями и топорами на длинных ручках, навалились на кентурию. Их приняли на копья. Никто не дрогнул.

Обнажив на всякий случай длинный кавалерийский меч-спату, Черепанов наблюдал.

– Строй, держать строй! – закричал опцион Гай Ингенс. – Бей, волки! Марш-марш!

И шеренги, замешкавшиеся на мгновение, снова двинулись. Большие римские skutумы

с хрустом и звоном встречали вражеское железо, копыта ходили между щитами, как иглы гигантской швейной машины: протыкая живых, прикалывая раненых. Людей, коней...

Какой-то варвар выпрыгнул из седла – прямо на головы второй шеренге. Ревя, как бешеный, он махнул топором – раз, другой (лезвие застряло в чьей-то лорике. И тут же кто-то сунул германцу под мышку короткий клинок гладия).

Варваров было не так уж много. Но все же раза в полтора больше, чем легионеров. Теперь Черепанов мог более или менее точно оценить их численность, поскольку все были на виду. Вряд ли кто-то из германцев, способных драться, стал бы отсиживаться в поместье. Дюжины полторы самых прытких всадников уже получили свое. Их лошади унеслись прочь, а сами они легли под ноги легионеров.

Римляне двигались вперед. И когда масса врагов обрушилась на первую шеренгу, никто не выказал слабости, никто не побежал. Возможно, потому, что каждый чувствовал спиной присутствие кентуриона. Но скорее всего, солдаты наконец ощутили вкус боя. И поняли, что варваров можно бить. Что, несмотря на выкаченные глаза и пену изо рта, германцы тоже смертны. Хотя для того, чтобы свалить варвара, мало проткнуть его копьем. Черепанов видел, как здоровенный бородач, продырявленный в двух местах, с диким воплем всадил копьё в щит легионера с такой силой, что пробил и щит, и лорику, и самого легионера насквозь, так что наконечник выскочил у бедняги между лопаток. Легионер упал, но его сосед вогнал короткий клинок в толстую грязную шею варвара, и тот рухнул, а брешь в шеренге сомкнулась.

И все-таки врагов было больше. И дрались они с куда большей энергией, чем римляне. Хотя те только-только вступили в бой, а германцы уже успели досыта навоеваться. И в какой-то момент чаша весов начала клониться в сторону врага. Первая шеренга, изрядно поредевшая, остановилась. Строй потерял четкость. Минута – и первая и вторая шеренги смешались. Гастаты из второй, ловко орудовавшие копьями на дистанции, вынуждены были взяться за мечи.

Братья Ингенсы, Гай и Луций, старший и младший, дрались на флангах как бешеные. Средний, Мелантий, рычал и размахивал штандартом так, что красная бахрома из кистей взвихрялась, как юбка испанской танцовщицы.

– Строй! Держать! Бей! – ревели братья. Но середина уже подалась внутрь, а на флангах стало совсем кисло, хотя там стояли лучшие бойцы... Третья шеренга тоже подалась...

Черепанов левой рукой ухватил дудку, гнусавый звук дважды дернул воздух.

И его личная кавалерия (всего три десятка, но зато как вовремя!) вылетела из дыма и с двух сторон обрушилась на кипящую массу варваров.

Защелкали луки. Римляне, перенявшие тактику парфян, били навскидку прямо с седел. Промахнуться было невозможно. Легкие всадники оказались для варваров покруче, чем катафрактары.

От удара копья можно уклониться, всадника можно остановить. Например, если проломить голову лошади топором. Но уйти от стрелы в такой мясорубке практически невозможно. Варвары дрогнули. Нет, они по-прежнему бились. Яростно и отважно. Истыканные стрелами, с отсеченными руками, с зияющими ранами, они продолжали сражаться и убивать... Но натиск ослаб, и римский строй устоял.

Снова, перекрывая шум битвы, захрипела дудка, передавая команду кентуриона: «Перестроиться в две шеренги». И еще одну: «Фланговый охват». Строй разобрался, «расправился» и снова двинулся вперед, уже не держа линию, а выгибаясь луком, охватывая толпу варваров, нет, уже не толпу, а кучку уцелевших, от силы человек сорок.

В грудь Черепанова полетело копьё. Неудивительно. Красный гребень кентурионического шлема просто кричал: «Бей в меня! Я здесь главный!» Не превращать полевого командира в мишень в этом мире еще не додумались. А бросок отличный, шагов на пятьдесят. Копьё со свистом пролетело мимо уклонившегося подполковника. Геннадий засек метнувшего. Явно не последний из варваров, судя по золоченым доспехам. Наверняка трофейным...

У Черепанова возникло страстное желание кинуться в драку. Натурально руки зачесались. Но он удержался. Потому что в собственном плане боя отвел себе место последнего тактического резерва. Еще не время...

Его ребята брали верх. Кольцо почти замкнулось. Варвары еще отбивались, но уже не так яростно, как раньше. Рубились, можно сказать, по инерции. И только здоровяк в золоченых доспехах да парочка громил рядом с ним орудовали мечами активно и целеустремленно. Пробивались наружу. Из общей свалки.

Черепанов легонько кольнул коня шпорами, и жеребец сразу взял легким галопом, огибая человеческую мясорубку.

Черепанов не особенно торопился. Его путь был длиннее, но зато он был верхом и ему не приходилось прорубать себе дорогу.

И все-таки он чуть не опоздал. Варвар в «навороченном» панцире сделал совершенно нечеловеческий рывок, сшиб с ног преградившего путь легионера, зарубил второго, сиганул аж метров на пять к замешкавшемуся всаднику-лучнику, сдернул его на землю и прыгнул в седло.

Если бы варвар тут же поскакал прочь, он имел реальную возможность смыться. Но германец замешкался. Вернее, задержался, чтобы вышибить из седла еще одного римлянина и «освободить» коня для одного из своих подручных. Второй подручный тоже попытался захватить лошадь, стащив всадника за ногу. Не повезло – пронесшийся мимо товарищ римлянина хлестнул спатой по затылку потерявшего шлем варвара.

Вожак в золоченых доспехах яростно заорал, врезал каблуками в брюхо трофейного коня, тот, заржав, прыгнул вперед...

Жеребец Черепанова возник прямо перед ним.

Варварский вождь успел только удивиться, увидев над собой сначала алый кентурионов гребень, а потом клинок меча...

Нет, клинка он, скорее всего, не увидел. Меч рубанул по наланитнику шлема за четверть секунды до того, как конь варвара взвился на дыбы. И всадник бухнулся оземь, как мешок с железным ломом.

К сожалению, второму прорвавшемуся варвару повезло. Ушел, мерзавец. Погнавшимся римлянам достать его не удалось.

Но из ста восьмидесяти трех варваров ушел он один.

Неудачный день для германцев. При штурме усадьбы погибли всего тринадцать человек. А в схватке с легионерами – семьдесят три. Остальных взяли в плен. Правда, большинство с такими ранами, с которыми, при здешнем уровне медицины, выжить нельзя. А драться, оказывается, можно. Если, конечно, ты – настоящий варвар...

Глава четвертая, в которой кентурион-гастат Геннадий Череп демонстрирует твердость и встречает ангела

Победитель варваров кентурион-гастат¹²⁸ десятой когорты Первого Фракийского легиона Геннадий Черепанов перепрыгнул через расколотую пополам створку ворот.

Двор усадьбы был завален трупами. В основном мужскими. Но не воинами, а пахарями. Лишь немногие умерли с оружием в руках, – если вилы и цепи можно назвать оружием. Остальных не убивали, резали. Как овец в загоне. Пахари. Те, кто кормил воинов, которые не

¹²⁸ Для удобства читателя: список офицерских должностей римского легиона:

Легат (командир легиона), префект лагеря (старший офицер), трибун-латиклавий (старший офицер и заместитель), трибуны-ангустиклави (старшие офицеры, числом пятеро), кентурионы первой (двойной) когорты (члены совета): примипил (старший кентурион легиона, командир первой кентурии первой когорты), принцепс, гастат, второй принцепс, второй гастат (кентурионы первой когорты – по нисходящей); кентурионы остальных когорт: первый кентурион когорты, он же – первый пил, далее, по нисходящей – второй пил, второй принцип, первый принцип, второй гастат, первый гастат.

смогли их защитить.

Но то, что Черепанов увидел во дворе, было еще не самым страшным.

– Загляни в голубятню, кентурион, – сказал Трогус. – Проклятье этим варварам!

Узкая дверь в башенку голубятни была выбита. Один умелый воин мог бы защитить вход. Но умелых не нашлось. И варвары вошли внутрь. А внутри, в полутьме, где раньше пахло зерном и птичьим пометом, прятались самые слабые: дети, женщины... Теперь здесь стоял смрад смерти. Декурион Луций Ингенс, младший и самый крупный из братьев, заглянул внутрь через плечо Геннадия, со свистом выдохнул сквозь сжатые зубы.

Черепанов отодвинул его в сторону, вышел на свежий (хотя какой он, к чертям, свежий!) воздух.

– Возьми ребят и разберитесь тут, – сказал он. – Может, остался кто живой.

Подполковник не был чувствительным, и зрелище изрубленных человеческих тел не вызывало у него тошноты. Но он очень не любил, когда убивали детей и женщин. Тем более – так. Очень не любил!

– Проклятье этим варварам, – подвижное лицо Трогуса кривила гримаса. И стоящий рядом легионер тоже болезненно морщился: сам из таких вот поселян. Не колон, конечно, и не раб, свободный. Но такая же нищета.

Черепанов молча оглядел просторный двор. Овины и конюшни, давящую для винограда, масляный пресс, хозяйский дом – белое здание с портиком и красной черепичной крышей... У колонн портика тоже валялись трупы. Надо было сходить и туда, но после голубятни – не хотелось.

«Если бы мы появились пораньше!» – вздохнул Черепанов.

Хотя пояись они до того, как варвары разгромили усадьбу, еще не факт, что римляне сумели бы победить.

Да что теперь гадать!

– Трогус, скажи опциону, чтобы привели ко мне пленных. Живо!

С полсотни германцев, тех, что могли стоять на ногах, со связанными руками (и под охраной трех контуберниев ¹²⁹ римлян) были выстроены перед Черепановым.

Держались пленники самоуверенно. Пожалуй, даже нагло. Их вождь ухитрился уцелеть. Правда, заполучил синяк во всю скулу. И золоченые доспехи с него кто-то содрал.

– А ты не римлянин! – заявил он Черепанову. – Из боранов ¹³⁰. Или из готов, да?

Вождь говорил по-латыни с сильным акцентом, но понять можно.

Подполковник молча, в упор смотрел на главаря варваров. Эта сволочь, убивавшая его солдат, только что порезавшая сотни беззащитных людей, не чувствовала за собой ни малейшей вины. Более того, эта поганая тварь, бешеная гиена, пребывала в полной уверенности, что все это нормально. И что ей, гиене, за это ничего не будет.

Или этот германец совсем тупой, или полностью отмороженный.

– Ты зачем детей перебил? – спросил Черепанов.

– Детей? Каких детей? – варвар удивился.

– Там. – Черепанов махнул в сторону голубятни.

– Это мы там были, рикс, – пробасил один из варваров. (По-своему, но Геннадий понял.) – Ничего там интересного не было. – Варвар пожал могучими плечами.

– Римлянин спрашивает: зачем ты щенят побил?

– Да на что они нам? – удивился германец. – Здесь их все одно не продать. А ему-то какое дело?

¹²⁹ Контуберний – наименьшее подразделение в римской армии, состоявшее из восьми человек, живших вместе (в одной палатке) и питавшихся из одного котла. В кентурии обычно насчитывалось десять контуберниев.

¹³⁰ Племена (возможно, славянского корня), обитавшие в Приазовье.

– Вот интересуется, – ответил рикс.

На какое-то время Черепанов утратил ощущение реальности. Может, это он попал в плен? Может, это у него связаны руки, а не у варвара?

– Ладно, кентурион, – произнес вождь. – Давай о серьезных вещах поговорим. Ты победил. Ясно, что добычи у нас не будет. А что есть, ты, ясно, себе приберешь. А нам деньги нужны. Я тут подумал: почему бы нам не послужить твоей империи? За хорошую плату? Что думаете, братья?

Пленники одобрительно заворчали.

Черепанов молчал.

Варвар истолковал его молчание совершенно определенным образом.

– Ты не думай, – сказал он. – Выкупа за нас все равно не получишь. А воины мы отменные, ты видел. – Вожак усмехнулся. – Стоим недешево, сам понимаешь. Но мы того стоим. Ты называй свою цену – поторгуемся.

Нет, Геннадий определенно чего-то не понимал. Он поглядел на своих декурионов: Трогус кривил губы, а вот Ингенс-старший слушал варварского рикса очень внимательно и без малейшего предубеждения.

– Трогус, – негромко произнес Черепанов. – Как в этой провинции поступают с пойманными разбойниками?

– С разбойниками? – Трогус был удивлен вопросом. – Их вешают, кентурион, как же еще. Сначала, конечно, судят. А когда вина установлена, тогда вешают.

– Годится, – кивнул подполковник. – Опцион! Вот перед тобой шайка разбойников. И вина их установлена. Мной. Так что давай, займись. Справишься?

– То есть ты не будешь их вербовать? – удивился Ингенс. – Даже не спросишь, сколько они хотят?

– Нет, не спрошу. И когда мне понадобится твой совет, опцион, я скажу тебе об этом. Я тебе задал вопрос: справишься?

– А почему нет? – Ингенс-старший деловито огляделся. – Вона под навесом брус заготовлен.

Я прикидываю, на полсотни хватит. И на остальных найдем что-нибудь. Вешать-то как?

– На веревках, – буркнул Черепанов. – Трогус, пусть твои парни ему помогут.

И двинулся к господскому дому.

Подполковник российских ВВС, летчик-космонавт Геннадий Черепанов не был жесток. Но было несколько вещей, о которых он точно знал: так делать не следует. Например, убивать детей. Возможно, он так думал, потому что был летчиком, а ведь таких, как он, постоянно упрекали в подобном. И каждый телевизионный эпизод с пострадавшими от бомбежек Черепанов отчасти воспринимал на свой счет. Хотя сам никогда городов не бомбил, наоборот, сбивал тех, которые бомбили.

А тех, кто воспринимал развалины и трупы мирных жителей как неизбежные военные издержки, безусловно, более предпочтительные, чем гибель нескольких собственных солдат, таких Черепанов, мягко говоря, не любил. Поэтому у него не было никаких шансов обзавестись штанами с лампасами. Но потому же и у дикаря-германца не было никаких шансов рассчитывать, что победитель поймет его точку зрения. То есть подполковник, конечно, мог ее понять, но не желал.

– Эй, кентурион! – крикнул ему в спину варварский вожак. – Что-то я тебя не понял!

Геннадий повернулся.

– Скоро поймешь, – пообещал он. – Увести эту погань!

Ему кричали вслед, но Черепанов не слушал. Не потому, что ему было плевать, что думают о нем те, кого он минуту назад вычеркнул из списков (хотя и это тоже), а потому что на заляпанных кровью, грязью и нечистотами ступенях портика усадьбы Черепанов увидел ангела.

Глава пятая Трибун претория, благородная патрицианка и суровый младший кентурион

Ангел спускался, вернее, спускалась по лестнице, нисколько не заботясь, что край белой столы ¹³¹ волочится по грязи. Следом за «ангелом» вышагивал мужчина в форме офицера преторианской гвардии. За преторианцем, прихрамывая, ковылял еще один, в доспехах попроще, с окровавленной тряпкой на правой руке. Когда Черепанов снова обрел способность видеть что-либо, кроме «белого ангела», этот второй сразу пришелся ему по душе. А вот аккуратный преторианец с ходу не понравился.

«Не может воин, побывавший в бою, оставаться таким чистеньким», – подумал Геннадий.

Как выяснилось позднее, он был неправ. Преторианец дрался. Причем дрался храбро и умело. Но – в доме, а не в раскисшей осенней грязи.

И не в кровавом месиве сечи, а на узком пространстве лестницы, ведущей на второй этаж. Более того, удерживал эту лестницу в одиночку почти четверть часа. И удержал. Правда, исключительно благодаря появлению черепановской кентурии.

Но в тот, первый, момент подполковник всего этого не знал, и потому «красный» императорский гвардеец ему очень не понравился.

– Во имя Юпитера Капитолийского! – проворчал преторианец, останавливаясь напротив Черепанова. – Хоть бы раз эти долбанные Максиминовы грязноногие пожиратели бобов появились вовремя! Ты что, кентурион, специально ждал, пока нас всех перережут?

Черепанов не без усилия отвел взгляд от «ангела» и в упор поглядел на императорского гвардейца. Черт, у него даже шарф на шее – шелковый. Лощеная наглая морда. Небось сынок кого-нибудь из здешних олигархов.

– Ну что молчишь, кентурион? Нечего сказать в свое оправдание?

Вдобавок преторианец еще и встал так, что вместо прелестной девушки Черепанов вынужден был созерцать золоченую кирасу с искусно «выдавленными» орлами.

– Опцион! – гаркнул подполковник так, что стая ворон, расевшаяся на крыше, возмущенно раскаркалась. – Опцион! Ко мне!

Ингенс с похвальной быстротой возник рядом.

– Видишь этого варвара, обрядившегося преторианцем нашего богоравного императора? – спросил он. – Возьми-ка его и выясни, куда он дел настоящего хозяина этой скорлупы!

– Слушаюсь! – Бывший борец вмиг скрутил опешившего преторианца, выдернул у него из ножен меч и бросил одному из своих.

Черепанов не без удовольствия отметил: опцион действовал без малейших колебаний. Именно так, как и следует выполнять приказ командира.

– Ты спятил, кентурион?! – заорал гвардеец. – Да ты знаешь, с кем имеешь дело?

– Знаю, – отрезал подполковник. – С наглым дураком. И если у меня не будет убедительных доказательств, что ты действительно римлянин, то даю слово: повиснешь рядом с таким же наглецом, возмнившим, что наглость и золоченая кираса его защитят.

– Ты спятил? – впервые в голосе преторианца появились неуверенные нотки.

– Опцион? – Черепанов придал голосу нотку удивления. – Ты еще тут?

– Уже нет! – рявкнул Ингенс, выворачивая руку гвардейца к тыльнику увенчанного роскошным гребнем шлема. – Шевелись, голубок! Пришло тебе время стать голубкой...

– Постойте!

Черепанов неторопливо развернулся.

Чем-то эта девушка напоминала Марцию. Но если Марция, с точки зрения Черепанова, была красива, то эта – прекрасна. И в ней чувствовалась порода. Минимум дюжина колен

¹³¹ Стола – верхнее платье римлянки.

благородных предков. В том мире, откуда пришел Геннадий, таких уже не осталось. Да и здесь вряд ли было много...

Черепанов ощутил вкус горечи. Эта девушка была для него недосыгаема. Между ними был барьер происхождения и положения толщиной в римскую милю.

– Кентурион... Господин кентурион («господин» далось ей без усилия), я – Корнелия Преста, дочь Ингенса Антония Гордиана! И свидетельствую, что этот человек – трибун претория Секст Габиний Опимиян! Надеюсь, моему слову ты поверишь? (Легкая, чуточку высокомерная улыбка.) Не станешь утверждать, что я – переодетая варварка?

– Не стану. – Черепанов смотрел на нее и говорить ему не хотелось. Только смотреть. Поэтому до него не сразу дошли слова: «трибун претория». А когда он осознал сказанное, то сумел не выказать удивления. Трибун претория! Старший офицер одной из преторианских когорт, императорской элиты, где простой солдат получал больше армейского опциона. Все равно, что встретить одинокого генерала «Альфы» в ничтожном поселке, подвергшемся налету ваххабитов. Трибун претория... Ну и ну. Но Черепанов, как уже сказано выше, ничем не выдал удивления и продолжил, неторопливо и рассудительно.

– Нет, прекрасная госпожа, не стану. Даже варвары вряд ли взяли бы с собой в набег такую красавицу. Но я знал, что ты римлянка, прежде чем ты сказала об этом. Твое благородство не требует доказательств. Опцион, отпусти господина трибуна. Он – тот, за кого себя выдает, просто дурно воспитан. А ты, домна, прости, что стою перед тобой в столь неподобающем виде. Кровь и грязь – совсем не то, что следует видеть девушке столь же прекрасной, сколь...

Но его перебил возмущенный вопль.

– Ах ты варварская собака! – заорал преторианец, как только пальцы Ингенса разжались. – Это я дурно воспитан?! Ты сначала научись говорить на латыни! Ты...

– Я. Не. Варвар. – Отчеканил Черепанов. —

И. Не. Собака. Но будь я хоть трижды варваром, если ты не заткнешься, то очень пожалеешь. Опцион, можешь заняться делом. Ты мне пока не нужен.

Пальцы преторианца судорожно сжались там, где недавно был эфес его меча.

– Ах ты...

– Секст! – сердито бросила Корнелия. – Замолчи!

– Я...

– Немедленно!

Красный, как его шарф, трибун прикусил язык.

– Я благодарю тебя, благородный кентурион?..

– Геннадий. – Черепанов опустил «Череп».

–...Геннадий (девушка чуть улыбнулась: она, конечно, знала греческий), за то, что ты спас наши жизни! Мы все тебе безмерно благодарны. Сейчас, если твое присутствие не требуется здесь, прошу тебя проследовать со мной в дом, который отныне всегда открыт для того, кто спас его от варваров!

Повернулась и начала подниматься по забрызганным кровью ступеням так величественно, словно не мечи легионеров, а ее благородная красота повергла варваров.

– Кентурион! Эй, кентурион!

Второй спутник домны, раненный в руку.

– Благодарю тебя! – Он прижал кулак здоровой руки к груди. – Я – субпрефект седьмой сирийской алы ¹³² Мавродий. Сопровождаю и охраняю специального посла нашего богоравного Императора трибуна Секста Габиния.

– Очень рад, – буркнул Геннадий. – У меня, наверное, что-то со зрением: я почему-то не вижу твоих всадников.

¹³² Субпрефект – офицерское звание во вспомогательной кавалерии, состоявшей обычно из неримлян, но командиром алы (praefectus alae или просто alarum) назначался римлянин. Субпрефект конницы – его заместитель.

– Благородный Секст Габиний приказал мне оставить их в Августе. Сказал, что не хочет выглядеть трусом перед своей невестой. Не сердись на него, кентурион, он храбрец. И всегда был храбрецом.

– Дураком, – проворчал Геннадий. – И это уж точно навсегда. Пожизненно.

– Не сердись, – еще раз примирительно повторил Мавродий. – Думаю, тебе повезло, что он оказался здесь. Потому что теперь ты наверняка получишь *corona civica*¹³³. Кстати, ты действительно собираешься повесить на дереве этих варваров?

– Не только собираюсь, но и повешу, – буркнул Черепанов, перешагивая через убитого раба с обломком дротика в спине.

– Не советовал бы тебе этого делать. Наш богоравный император...

Подполковник резко повернулся и в упор поглядел на непрошеного советчика. Тот осекся.

В доме царил полный разгром. И везде были трупы. Особенно много их было у подножия широкой мраморной лестницы. Устилавший ее дорогой ковер набух от крови. К некоторому удивлению Черепанова, большинство убитых были разбойниками.

– Можешь видеть, как сражался трибун Секст... – показав на эти трупы, произнес субпрефект.

– Нечего тебе болтать с этим кентурионом, Мавродий! – Преторианец, опередивший их и уже поднявшийся наверх, обернулся. – Кстати, кентурион, не хочешь ли представиться как положено?

– Я – кентурион шестой кентурии десятой когорты Первого Фракийского легиона.

– Что?! – Трибун выпучил глаза. – Ты – первый гастат? Последний из кентурионов?

– Ты слышал, – отрезал Черепанов.

Преторианец молча развернулся и двинулся дальше.

– Если ты – последний из кентурионов, то мне даже представить трудно, каков первый кентурион в Первом легионе Максимиана! – произнес Мавродий.

– Ты видел Максимиана, – обронил Черепанов. – Каков легат, таков и легион.

И легко взбежал вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Оставив субпрефекта внизу – переваривать сказанное. Тем более что наверх Мавродия не пригласили.

Глава шестая Каждому – свое

– Боюсь, что не смогу оказать гостеприимства, подобающего моему спасителю. – Корнелия улыбнулась. – Разве что собственноручно налить ему вина?

Черепанов вытер руки и вернул полотенце служанке.

– Чашка простой воды, принятая из рук домны, дороже столетнего фалерна, – улыбнулся в ответ Геннадий, подчеркнуто игнорируя свирепый взгляд, которым сверлил его трибун. —

А счастье оттого, что я, простой солдат, оказался полезен сестре Елены Троянской, трудно описать словами.

– Никогда не думала, что простой солдат может выражаться столь изысканно, словно придворный парфянского царя. Признайся, Геннадий, ты благороден не только по имени?

Она протянула ему узкий зеленоватый бокал. На мгновение его пальцы, будто случайно, накрыли пальчики домны.

Корнелия улыбалась, но пальцы ее дрожали.

И тонкая голубоватая жилка на стройной шее пульсировала часто-часто. Господи, да ей лет семнадцать, не больше. Бедная девочка...

Серые блестящие глаза в обрамлении изогнутых черных ресниц, бледные щеки...

Черепанов еще на мгновение удержал ее пальцы: на указательном правой руки –

¹³³ *Corona civica* (лат.) – золотой венок «за спасение гражданина».

крохотная мозоль, наверно, от стила ¹³⁴. Улыбнулся, уже не светски – по-человечески.

«Не бойся, храбрая девочка, все самое плохое уже в прошлом!»

Дочь Катилия Гордиана почувствовала, как спокойная сила этого человека словно бы накрывает ее, как теплый плащ...

– Я был вождем у себя на родине, – сказал Черепанов. – Вождем воинов неба. Недобрая сила забросила меня в чужие края. Но теперь я рад этому, потому что увидел тебя.

– Разве в твоей стране мало прекрасных женщин? – Корнелия лукаво улыбнулась.

– Нет. – Геннадий качнул головой. – В моей стране их немало, но подобных тебе я не встречал. Ни дома, ни в иных землях.

Это была правда.

– Ты, должно быть, многое успел увидеть, прежде чем стал служить Риму?

Черепанов пожал плечами.

– Я бы хотела узнать о тебе больше. – Это была не вежливость, нормальное любопытство.

Но чувствовалось, что «хочу» и «могу» для дочери сенатора – одно и то же. А смертельно опасное нападение варваров – просто «эпизод». Но достаточный, чтобы забыть о светских приличиях.

– Это долгая история, – сказал Геннадий. – Много в ней покажется невероятным... – Ему вдруг захотелось рассказать этой девушке, кто он и откуда. Рассказать о том мире... – Это долгая история, домна, а сейчас не слишком подходящее время для долгих историй.

– Вот тут ты прав, кентурион! – вмешался трибун, очень сердитый. – Домна устала! Пей свое вино и ступай!

Черепанов обернулся, встретил, не мигнув, бешеный взгляд гвардейца, затем усмехнулся и произнес подчеркнуто мягко:

– Ты тоже прав, преторианец. Домна действительно устала. И мне действительно пора идти. Но всякого, кто попытается заставить меня пить это вино без должного уважения к той, кто мне его дал, я пошлю к воронам. В качестве ужина. Я понятно изъясняюсь по-латыни? – Подполковник пригубил вино (действительно превосходное) и уже без усмешки, с откровенным вызовом поглядел на преторианца. Да, трибун претория – намного выше кентуриона-гастата. Но это еще не значит, что наглый аристократишка выше Черепанова.

Трибун не удосужился ответить. Не потому, что испугался. Не счел нужным вступать в пререкания с каким-то полуграмотным армейцем, презрение к которому крупными буквами было написано на напыщенной физиономии гвардейца.

Наплевать. Промолчал – и ладно. Подполковник не спеша допил вино и сказал:

– Домна, у меня есть просьба. В моей кентурии – шестеро тяжелораненых. Транспортировать их в лагерь нежелательно. Они могут не перенести дороги.

– Разумеется, кентурион, ты можешь оставить их здесь, – серьезно ответила дочь сенатора. – Ты должен оставить их. Я лично о них позабочусь.

– Благодарю, домна. Как только я доберусь до лагеря, сразу пришлю к ним лекаря.

– Это не обязательно. Мой домашний медик жив и поможет им. Не беспокойся.

– Еще раз благодарю! – Черепанов поклонился Корнелии и вышел из залы.

С медиком удачно получилось. И (вторичная мысль) теперь у него есть повод приехать сюда еще раз.

Внизу трудились слуги. Наводили порядок. Трупы уже вытащили наружу: варваров аккуратно сложили под портиком.

Во дворе тоже царил деловой суета. Римский порядок – это порядок. В армии или на гражданке. Уцелевшие обитатели поврежденного муравейника под моросящим дождем энергично заделывали брешы. Весело стучали молотки...

А чуть поодаль кто-то плакал. Тоненько и жалобно.

¹³⁴ Стило – палочка для письма.

– Командир! – рядом возник Мелантий Ингенс. – Наших, которым не повезло, мы забираем с собой? Я возьму у здешних телеги, да?

– Бери, что требуется, – кивнул Черепанов. – Но не больше. Кто будет мародерствовать – яйца оторву. Это вилла сенатора Гордиана, а не варварский бург.

Сигнифер салютовал и отбыл.

– Пустое, кентурион. – Это сказал подошедший Мавродий. – Пусть поживятся солдатики. От Гордиана не убудет. Все застраховано. Тем более сенатор Антонин Антоний Гордиан – сын Марка Антония Гордиана, наместника Африки ¹³⁵. Слыхал о нем?

– Нет.

– Ты меня удивляешь, кентурион. Это одна из самых богатых сенаторских семей в империи. Не обеднеют. А солдат, который не крадет... Таких солдат не бывает.

– Мои легионеры не крадут! – отрезал Черепанов. – У них есть все, что требуется. А если кто-то думает, что ему мало, мой опцион объяснит ему ошибку. Это ему по силам.

– Вот в это я верю, – согласился субпрефект. – Я его видел.

– Командир! – перед Черепановым нарисовался Ингенс-старший. – Мы закончили!

– Что закончили?

– Развесили разбойников. По твоему приказу! – Судя по довольной физиономии, опцион явно нарывался на похвалу. – Хочешь взглянуть?

– Не хочу, но взгляну, – сказал подполковник. – Пойдем.

Да, рвение опциона заслуживало похвалы. Он действительно быстро управился. Правда, с помощью уцелевшего местного населения (помощью, оказанной с большой охотой) и с использованием качественных лесоматериалов. Но все равно очень быстро.

Сколотить и установить полсотни крестов, пусть даже не канонических, а тех, которые впоследствии назовут «андреевскими» и которые украсят военно-морской флаг «Третьего Рима» ¹³⁶, работа не хилая.

– Это те, кто покрепче, – сказал опцион. – Остальных мы просто прикололи. Что толку вешать, если они сразу загнутся. Я прав?

– Прав, – кивнул Черепанов.

Прямо над ним висел распятый германский вожак. Настоящий воин, мускулистый, покрытый хитрой вязью татуировок. Смотрел поверх голов победителей. Молча и надменно. Жилистые руки и ноги его были прикручены к дереву, но он не висел – сидел верхом на торчащем из перекрестия толстом штыре. У римлян все продумано.

Какое-то время Черепанов колебался: не распорядиться ли, чтобы германцев прикончили. Сразу. Говоря «повесить», он не имел в виду распять.

– Ты суров, кентурион, – с уважением произнес сопровождавший Черепанова Мавродий.

– Да им повезло всем, – сказал Ингенс. – На таком холоде, голый, больше двух суток и здоровый не протянул бы.

– Как знать, – возразил субпрефект. – Германцы выносливы.

Варварский вожак глядел поверх их голов. Что он видел там, в серой дымке, повисшей над черными стылыми полями?

«Что ж, – подумал Черепанов, глядя на чудовищную „аллею“, – пусть другим это будет уроком».

– Какие контубернии не понесли потерь? – спросил подполковник.

– Четвертая и пятая.

– Пусть останутся тут, за этими присмотрят и помогут, если что.

– Местные спрашивают: можно ли им потом дерево забрать? – Опцион кивнул на ряд

¹³⁵ Африка – римская провинция на севере Африканского континента, в районе современного Туниса.

¹³⁶ Имеется в виду «косой» крест, на котором был распят апостол Андрей.

крестов. – По мне пусть берут. Им тут ремонтировать надо.

– Пусть берут, – разрешил Черепанов. – Молодец, Гай! Давай собирай ребят, в лагерь поедem.

– А с ранеными что?

– Тяжелых тут оставим. Домна не возражает.

И лекарь у нее свой. Может, пусть остальных тоже глянет, как считаешь?

– Без надобности. Братишка мой сам справится. Он дырки на шкуре штопает – любой скорняк позавидует.

– Мелантий?

– Ну не младший же!

Оба рассмеялись.

– Мел этому делу еще в цирке научился, – сказал Ингенс-старший. – Там, сам знаешь, порватая шкура – обычное дело.

– Не знаю, но догадываюсь.

Опцион хрюкнул.

– Шутник ты, командир! А лихо ты этого столичного фазана! «Возьми, мол, этого ряженого варвара и выясни, с кого он содрал скорлупу!» Ребята наши животы надорвут от смеха, клянусь Марсом-Мстителем!

– Не любишь ты гвардию, – заметил Черепанов.

– Не люблю. А кто ее любит? Чистюли! А жалованье – втрое от нашего. А поставят такого столичного индюка кентурионом – просто беда! Вот ты, командир, к примеру, сразу видать, с фуркой ¹³⁷ на плече не ходил. Но солдата понимаешь получше меня. И работу нашу солдатскую тоже понимаешь. Думаешь, парни не видят, что ты для них сделал? Думаешь, не понимают, что без тебя нас варвары в щепу порубили бы! – Здоровяк-опцион был не на шутку взволнован. – Или я неправ?

– Неправ, – строго произнес подполковник. – Мы побили варваров, потому что должны были побить. Потому что наша кентурия – это сила. И в том, что она стала такой, твоя заслуга, Гай, ничуть не меньше моей. Хорошее копье в умелой руке всегда достанет врага, а тупая деревяшка сломается на первом ударе. Наша с тобой кентурия – отличное копье, Гай!

– Согласен. – Опцион улыбнулся. – Мы не сломаемся, командир, обещаю. Ты только направь нас в нужное место.

– Направлю, не сомневайся. – Геннадий хлопнул опциона по плечу так, что звякнули пластины лорики. – Давай, собирай ребят. Двинемся, пока дождя нет.

А распятый убийца-варвар все так же глядел в пространство. Такой ли он видел свою смерть? Вряд ли. Но он сделал выбор, когда высадился на чужой берег. Так же, как в свое время Черепанов. Но, очевидно, выбор Черепанова был правильнее, если над голым германцем теперь кружится воронье, а Геннадий, живой, уже почти забыл о нем, и его куда больше занимает вопрос: когда удастся снова наведаться в гости к благородной Корнелии Гордиане?

Спустя полчаса поредевшая кентурия выстроилась на дороге. Всадники – впереди, пехота – замыкающие. В середине – десяток позаимствованных в имении возов: с легкоранеными, амуницией и добычей. И телами тех двадцати шести, кому «не повезло».

– Ну, парни, как вам вкус победы? – спросил Черепанов.

Он не увидел особого восторга на усталых лицах. Иного, впрочем, подполковник не ожидал. Устали мужики. Бой – не увеселительная прогулка. А впереди – десятимильный переход. Ничего, крепче будут.

– Война – это потрудней, чем землю пахать, – сказал Геннадий. – Но вы – молодцы! Я

¹³⁷ Фурка – шест-рогатка. Специальное приспособление для переноски имущества легионера. К фурке привязывались кожаный сундучок, котелок, шанцевый инструмент, мешок с провиантом и т. п. Ее носили на левом плече. На правом легионер нес связку копий и дротиков, а также, если необходимо, обтесанное бревнышко для лагерного частокола.

вами доволен. Я горжусь тем, что вы – мои солдаты!

– Служим Риму и Августу, – не очень уверенно выкрикнул кто-то. Но тут же кто-то другой грохнул древком о щит. И остальные, уже слитно, разом, грянули. Раз! Два! Три!!!

– Слава кентуриону Черепу! – взревел Мелантий Ингенс.

– Ave! Vivo! Victoria! – вразнобой закричали legionеры.

Вот так-то лучше.

– Они станут еще веселее, кентурион, после дележки трофеев, – заверил Черепанова Трогус, когда колонна тронулась.

Рука декуриона повыше кисти была перетянута льняным бинтом, но физиономия так и сияла.

– Не сомневаюсь, – кивнул Геннадий. – Это только начало, Тевд. Нас всех ждет славное будущее.

– С тобой – да! – Трогус осклабился. —

Ты – победитель! Увидишь, сколько будет кандидатов на освободившиеся вакансии в нашей последней кентурии! У тебя есть шанс здорово разбогатеть!

– Неужели ты думаешь, что я стану наживаться на новобранцах?

– А ведь и впрямь не станешь! – констатировал декурион. – Слушай, командир, пожалуй, я хотел бы родиться там, где все вожди такие, как ты. Будь вы хоть трижды варвары!

– Каждому – свое, Тевд, – сказал Черепанов. – Имей в виду, если ты и у меня будешь опаздывать из увольнения – мало не покажется. Но одно опоздание я тебе прощаю. Авансом. За сегодняшнюю доблесть.

– Ты знаешь! – удивился Трогус. – Ах да, конечно. Ты же читал мои бумаги. Ты не думай, командир. У нас все опаздывали. Только у меня три раза не нашлось денег для отступного. Проиграл все, понимаешь...

– Не понимаю, – сказал Черепанов. – И не пойму. Но к «серебряному запястью» тебя представлю. Заслужил.

– Благодарю! Слушай, а эта домна и впрямь дочь сенатора?

– Да.

– Тогда я свое запястье получу, это точно.

А ты, готов побиться об заклад, получишь «венки». Никак не меньше.

– Поживем – увидим, – философски ответил Черепанов.

Лучшей наградой для него была сегодняшняя победа. Его первая победа на этой земле. И четкое понимание, что сегодня они сделали нечто действительно настоящее.

Глава седьмая Еще один визит в сенаторское поместье

Золоченый панцирь вожака варваров Черепанов взял себе. Выглядел он ничуть не хуже доспехов, в которых красовался преторианец. И шлем Геннадий надел парадный. И «форменные» серебряные поножи. Приделся, словом. Не хуже Аптуса. У того, правда, вся грудь – в наградах, а у Черепанова – ни одной. Но это даже и неплохо. Скромно.

– В Августу? – поинтересовался Пондус, когда Черепанов пришел за увольнительной.

Геннадий пожал плечами. В Августу он не собирался, но Толстяка это не касается. Перстень из трофейных, подаренный Черепановым, красовался рядом с золотым кольцом первого кентуриона. Дорогой перстень. Наверняка ворованный, содранный с пальца какого-нибудь римлянина. Или отрубленный вместе с пальцем. Почти все трофеи, взятые на разбойниках-варварах, были примерно одинакового происхождения. Но это никого не интересовало. Черепанов уже знал: гражданские законы о возврате похищенного имущества на армию не распространяются. Вот если у тебя в трактире плащ сопрут, а потом ты его увидишь на каком-нибудь гражданине, – можешь смело тащить гражданина к судье. Если справишься. И получишь плащ обратно, если там, у судьи, сумеешь доказать, что плащ – твой.

Но если ущемленный в имущественных правах гражданин попробует наехать на кентуриона, носящего перстень, некогда принадлежавший гражданину, но взятый в качестве добычи... Что ж, зубные протезы делают и здесь. И жаловаться особо некому, потому что полицейские функции в пограничных провинциях тоже выполняют легионеры.

И функции палачей, кстати. Местные вигилы – они больше насчет пожаров. Хотя вот Черепанова в свое время едва не прихватили «за оскорбление величества». Так что всякое бывает. Впрочем, Черепанов готов был на что угодно спорить: первый кентурион Тит Пондус, с детской непосредственностью обрадовавшийся подарку, к желающим отнять у него «игрушку» отнесется точно не по-детски.

Черепанову перстня не жалко. И набитой серебром шкатулочки с затейливой инкрустацией и хитрым замочком, которую Геннадий преподнес Феррату, – тоже. Надо, значит, надо. А вот Аптусу он сделал подарок не по долгу, а от души: орин, снятый с жожака варваров, две сцепившиеся кошки из тяжелого мягкого золота. Штуковина, хоть и выкованная с большим искусством, но явно не римской работы – и тем особенно ценна. Редкость.

Ничего, были бы руки да голова, а деньги будут. Это Черепанов усвоил твердо. Еще в той жизни.

С собой он взял Трогуса. Для солидности и чтобы в дороге не скучать: Тевд, битком набитый всякими местными историями, был превосходным спутником. Он, единственный в черепановской кентурии, умел читать и писать. Окончил так называемый лудус – местную начальную школу. В Риме. Отец Тевда планировал вывести старшего сына в люди, но разорился. Тевд вступил в армию и ничуть об этом не жалел. Полагал, что быть удачливым воином поинтересней, чем вороватым чиновником.

– Это потому, что ты еще мальчишка, – заметил Черепанов. – Посмотрим, что ты скажешь через двадцать лет.

– Через двадцать лет, когда мне стукнет сорок, я уже буду первым кентурионом! – самонадеянно заявил Тевд. – А то и старшим – чем я хуже Феррата? Или военным префектом. А еще через пять лет, когда я выйду в отставку с полными сундуками серебра и изрядным жалованьем, женюсь и, может быть, захочу стать чиновником. Каким-нибудь квестором. А еще лучше – изберусь в эдилы. Здесь, в приграничье, для отставного кентуриона, вдобавок грамотного, любая должность открыта.

– А если тебя убьют или покалечат?

– На все воля богов, – последовал ответ. —

А боги ко мне благоволят, командир.

– И в чем это выражается?

– Вот тебя мне подослали! – Парень засмеялся. – Я-то думал: как мне из такой дерьмовой кентурии выбираться? А тут появился ты – и вытащил меня из дерьма. Вместе с кентурией.

Это была самая своеобразная версия попадания Черепанова в этот мир. Чтобы поправить карьеру Тевда Трогуса.

За прошедшие три дня в поместье сенатора Гордиана многое успели сделать. Теперь только обгорелая роща да светлые створки новых ворот напоминали о недавнем побоище. Это, да еще воронье, обсевшее повешенных, уже источавших тяжелый смрад разложения.

Проезжая мимо, Черепанов на трупы, обезображенные падальщиками, не смотрел. Не из безразличия. Просто его мысли были заняты другим.

Его ждали. Похоже, кто-то из поселян, завидев всадников (сверкающие доспехи и парадный пурпурный гребень кентуриона заметны издалека), успел предупредить хозяйку.

Корнелия Гордиана встречала его на ступенях портика.

В белой длинной столе и мягком белом плаще из козьей шерсти. Густые черные волосы, искусно уложенные и скрепленные золотой сеткой с капельками крохотных рубинов, еще более подчеркивали идеальную белизну лица, словно бы выточенного из чистейшего алебаstra.

– Приветствую моего спасителя! – Голос домны был чист и ясен. Может быть, чуточку театрален. Чувствовалось, что дочь сенатора учили красиво говорить.

Черепанов прыгнул с коня, поводья которого тут же подхватил кто-то из слуг.

– Я счастлив снова склониться перед божественной красотой! – Геннадий отвесил поклон. Он не знал, что предписывают в данном случае здешние правила этикета, и решил просто быть искренним.

– Прошу, доблестный кентурион, и ты, воин (жест в сторону Трогуса), войдите! Будьте моими гостями!

Все шестеро раненых, оставленных на вилле, выжили. И уверенно шли на поправку. Медик, худощавый грек лет пятидесяти, заверил, что пятеро не позднее, чем через два месяца, смогут вернуться в строй. Шестой, к сожалению, никогда уже не будет легионером. Рана в боку заживет. И сломанные ребра тоже срастутся. Но германский топор перерубил подколенные сухожилия. Поэтому раненый навсегда останется калекой.

– Жаль, – искренне произнес Черепанов и подумал, что надо бы договориться с писарем: оформить задним числом парню «декуриона». Чтобы пенсия была побольше. Да, местная медицина – куда лучше, чем ожидал Геннадий. Но все же похуже, чем в двадцать первом веке. В том времени парню сшили бы поджилки – и все дела. Ну, хромота бы немного...

Последние слова подполковник пробормотал себе под нос, но медик услышал.

– Сшить сухожилия? – проговорил он удивленно. – Мой учитель такого не делал. Но мысль любопытная... Тебя обучали медицине?

– Я – солдат, – сказал Геннадий. – Сам понимаешь... И там, где я родился, лечат по-другому.

– Было бы крайне любопытно поговорить с вашими медиками, – заметил грек.

«Еще бы!» – подумал Черепанов.

Хотя он подозревал, что большая часть наработок прогрессивной медицины здесь окажется бесполезной. Без современной им техники и фармакопеи. Он уже знал, что значительное число раненых умирают не от самих ран, а от потери крови. Или от последующего заражения. Например, после полостных операций, проведенных местными врачами, которые, кстати, старательно выполняли все требования антисептики. Не потому, что знали о микробах, а потому что их так учили. Но раз на раз не приходится. Зато – приятный сюрприз! – в этом мире существовала анестезия. С помощью настойки мака. Правда, в полевых условиях чаще использовалось спиртное.

И деревяшка – в зубы.

Но факт остается фактом: в пылу битвы те же варвары продолжали биться и убивать с такими ранениями, после которых человек не должен не то что драться, на ногах стоять. С проломленной головой, с отсеченными конечностями, с разваленной брюшиной. Черепанов сам видел, как громила-германец одной рукой кишки придерживал, а другой – рубил наотмашь. Да, они еще могли убивать – какое-то время. Но выжить – нет.

Пока Черепанов общался с лекарем, в триклинии готовили стол. Вернее, столы, поскольку, как выяснилось, в хороших домах со столов не убирали. Убирали сам стол. И приносили следующий. Накрытый, разумеется.

Обедали вчетвером: Геннадий с Трогусом, прекрасная хозяйка и почтенного возраста дама, домна Фотида, бывшая при Корнелии, надо полагать, кем-то вроде компаньонки. Последняя оказалась весьма полезна Черепанову – в качестве источника информации о здешних застольных манерах. Сама Корнелия ела, как воробушек: там зернышко, тут семечко... Но очень изящно. Черепанов искренне ею любовался. Правда, не забывал отдавать должное и тому, что лежало и стояло на столе. Двенадцать часов в седле изрядно возбуждают аппетит.

– Я рада, Геннадий, что ты сумел так скоро приехать, – говорила Корнелия. – Ты показался мне очень интересным человеком. Не таким, как другие военные.

– Не таким, как твой жених? – осведомился Черепанов.

– Секст – не военный. – Изящная головка качнулась, звякнули золотые колокольчики-серьги. – Секст – в первую очередь патриций. Конечно, он храбрец. Он даже выходил на арену, под маской, разумеется... Ой! – Корнелия прижала ладошку к губам. – Прошу вас не говорить об этом никому. Это ведь тайна!

Под алебастровой маской благородной римлянки на миг проступила совсем юная девушка.

– Мы будем молчать, – заверил подполковник.

– Ну да, – подтвердил Тевд. – Хотя не вижу в этом ничего дурного. Такое и императоры себе позволяли. Главное – чтобы тебя не прикончили там, на песке. А таких – немного. Вот мой кентурион, кстати, – он мог бы! – Трогус повернулся к Геннадию и поднял большой палец. – Мой кентурион – та-акой боец!

– Замолчи, Тевд, ты пьян! – сухо произнес Черепанов. – Я никого не хочу осуждать, домна, но сам я никогда не стал бы убивать ради удовольствия. Неважно, своего или чужого. Когда мне было совсем немного лет, я... – он запнулся, подыскивая слово, —...я победил на Играх в своем городе. Один раз. И больше в них не участвовал, хотя на наших Играх никого не убивают.

– Мне тоже это кажется глупым, – убежденно произнесла Корнелия. – И мой отец говорит, что гладиаторские игры – пустое расточение средств, которых и так не хватает. Но еще он говорит, что арена Веспесианова амфитеатра – это сердце Рима. Ты был в Риме, Геннадий?

– Еще не успел, – улыбнулся Черепанов. —

Я недавно в империи.

– Тебе непременно следует побывать в Риме! – воскликнула девушка. – Кто не видел Рима – тот не видел ничего!

– Ну да, – поддакнул Тевд. – Особенно если заглянуть в греческий или сирийский кварталы. Такой вони я точно нигде не встречал. А в Субуру или на тот берег Тибра без меча лучше не соваться. Иначе точно больше ничего не увидишь.

Тевд шутил. Он был ярым фанатиком Великого города. Черепанов исподтишка показал ему кулак.

Чопорная домна Фотида осуждающе поджала губы.

– Наверное, ты прав, – согласилась Корнелия. – Но мы туда не ходим. Зачем туда ходить? Скажи, Геннадий, где ты воевал, пока боги не привели тебя сюда?

«Я должен поразить ее воображение», – думал Черепанов, пока слуги уносили один стол и ставили перед ними другой – с десертом.

Сознание подполковника как бы раздвоилось: одна его часть четко анализировала ситуацию, подбирала нужные слова и вела искусную игру, вторая – глупо улыбалась и глотала розовые слюни, точно впервые влюбившийся подросток, которому для абсолютного счастья достаточно просто смотреть на предмет своих чувств. Определенно, попав в этот мир, Черепанов «помолодел».

«Где ты воевал?» Гм-м-м...

Геннадий на мгновение представил, как, повинувшись движению штурвала, опускается хищный нос «сушки», как переворачиваются облака и запрокидывается вверх серо-зеленая поверхность земли...

– Там, – Черепанов показал вверх. – Я воевал там, – и добавил, потому что его не поняли: – Там, в небе.

Глава восьмая «Ваши боги могут обидеться...»

Первым засмеялся Трогус, потом почтенная Фотида выдавила сухой смешок. Последней рассмеялась Корнелия. Только после того, как улыбнулся сам Черепанов.

Больше они к этой теме не возвращались.

Снаружи потемнело, и в триклиний внесли изящные бронзовые светильники.

Трогус незаметно исчез. Почтенная Фотида убралась в уголок и занялась рукоделием. Достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора, но достаточно близко, чтобы видеть, что они не занимаются чем-то предосудительным.

– Скажи, Геннадий, – попросила Корнелия. – На вашем языке сочиняют стихи?

– Множество.

– Прочти что-нибудь...

Черепанов задумался. Последний раз он читал стихи лет пять назад. На каком-то юбилее. Последний раз стихи девушке... Нет, девушкам стихов он не читал никогда. Ему читали, бывало. Но не наоборот.

«Вот Лешка бы не опростоволосился», – подумал Черепанов. И только сейчас сообразил, что в последний месяц ни разу не вспомнил о своем космонавте-исследователе. Ой как стыдно!

Подполковник помрачнел.

– Ты грустишь о своей родине? – Корнелия легонько коснулась его руки. – Не грусти, Геннадий. Когда-нибудь ты непременно вернешься домой.

Черепанов покачал головой.

– Дождь падает только вниз, – сказал он.

– Дождь? – Ровные зубы блеснули перламутром между пухлыми губками. – О-о... – Она прижала пальцы к щекам. – Значит, ты не шутил, когда говорил о небе?

– Не шутил, – кивнул Геннадий.

– Но как это может быть? Там, на небе, обитают боги... Но ведь ты – не бог?

– Не бог, – согласился он. – Но на том небе, где я летал, богов нет. Может быть, – выше...

«Ну да, в космосе. Целая прорва богов», – подумал Геннадий, но поправляться не стал.

– Но как можно летать, если ты не бог?

– Птицы же летают.

– А-а-а... Вы летаете, как птицы!

– Мы летаем, как люди. Вели принести кусок тонкой бумаги, ножницы и таракана – я тебе кое-что покажу.

Принесли ему, конечно, не бумагу – папирус. Но это не имело значения. Он тоже был достаточно легким. Черепанов быстренько вырезал грубую модель самолета, загнул где надо, усадил таракана на «фюзеляж» и запустил вверх. Самолетик взлетел метра на три, заложил вираж, описал красивую петлю и приземлился на ковер. Обрадованный таракан попытался удрать, но погиб под башмаком Фотиды.

– Даже здесь, у вас, можно сделать что-то подобное, – Черепанов кивнул на модельку, – достаточно большое, чтобы поднять в воздух меня. Но я прошу тебя, Корнелия, никому не говорить об этом.

– Хорошо. Но почему?

Черепанов помедлил немного, потом ответ сам пришел ему на ум.

– В нашем небе нет богов, – сказал он. – Но в вашем они есть. И они могут обидеться.

– Понимаю...

Какое-то время они молчали.

– Так ты прочтешь мне стихи на своем языке? – спросила Корнелия.

– Попробую... – Черепанов сосредоточился... Нет, все-таки не зря в школе их заставляли стихи зубрить!

– Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом,
Что ищет он в краю далеком,
Что кинул он в краю родном...

– по-русски, медленно произнес он.

– Играют волны...

Она слушала очень внимательно, скульптурно-безупречная головка чуть склонилась вправо, пальцы сплелись вместе. Большой камень на перстне причудливо мерцал, становясь то алым, то фиолетовым.

—... А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

– Красиво, – проговорила девушка. – Звучит непривычно, но красиво. О чем оно?
Черепанов перевел. Как умел.

– Очень красиво. Я бы перевела их на латынь, пожалуй. Постой, я запишу. – Она взяла таблички. – Диктуй.

– Тебе надо непременно нанять грамматика, Геннадий, – деловито произнесла Корнелия, закончив писать. – И ритора ¹³⁸. Я вижу, ты получил хорошее образование у себя на родине, но у нас в Риме человек, который плохо говорит по-латыни, не пользуется уважением.

– Непременно так и сделаю, – пообещал Черепанов. – В первую очередь потому, что хочу завоевать твое уважение, домна.

– Мое ты уже завоевал. Я... – Корнелия опустила глаза. – Я очень рада, что ты нашел время заехать, Геннадий. Потому что через шесть дней я уезжаю. В Рим.

Черепанов молчал. А что тут можно сказать?

– Я должна быть в Риме к празднику Бона Деа, Доброй богини, – словно извиняясь, проговорила она. – Отец уже выслал сопровождающих.

– Понимаю... Добрая богиня – это кто?

– Веста. – Девушка обрадовалась возможности сменить тему. – Я и забыла, что ты – варвар... Прости. Я знаю, что ты не варвар. Просто ты недавно... – Корнелия смутилась, и Черепанов поспешно сказал:

– Все в порядке. Так кто она – богиня Веста?

– Богиня-дева. Она хранит домашний очаг. В каждом римском доме.

– А как же лары? – спросил Черепанов, уже знакомый с тем, что в каждом здешнем доме непременно имеется алтарь для домашних божеств.

– Лары у каждой семьи – свои. А Добрая богиня – одна для всех. Если огонь в ее святилище погаснет – будет беда. И служат ей только настоящие патрицианки. Шестеро. Но они должны дать обет оставаться девственницами целых тридцать лет. Говорят, это очень трудно. – Корнелия хихикнула, на мгновение опять превратившись из знатной дамы в совсем молоденькую девчонку.

– Наверное, желающих не много?

– Напротив! Стать весталкой – большая честь.

– И ты едешь в Рим, чтобы стать весталкой? – Черепанов слегка испугался. С чего бы это? Ведь он понимал, что между ним и дочерью сенатора – практически непреодолимая дистанция. И у нее есть жених. И... Все-таки, может быть, не такая уж и непреодолимая? Ему ведь достаточно протянуть руку...

– Нет, что ты! Я только должна принять участие в празднике. Я ведь из senatorского рода!

– И что же это за праздник?

– А вот этого, Геннадий, тебе знать не положено! – Девушка засмеялась. – Мужчин на таинства Весты не допускают. У вас – свои таинства.

¹³⁸ Ритор – учитель красноречия.

– Да, вероятно, – согласился Черепанов, которого ни в какие тайные праздники пока не приглашали. – Но ты вернешься?

– Может быть. Следующим летом. Если наши родители, мои и Секста, не решат, что наступило благоприятное время сочетать нас браком.

– Ты его любишь? – спросил Черепанов.

– Наверное. – Серьги-колокольчики тихонько звякнули. – Он красивый. И храбрый. Нас обручили через год после моего рождения. Но вот это кольцо, – она показала Черепанову узкий золотой ободок вокруг второй фаланги указательного пальца, – переделывали уже три раза. Мы должны были подписать брачный контракт, когда мне исполнилось четырнадцать, но знаки были неблагоприятны, и церемонию отложили. А потом его отец поссорился с моим – и все думали, что обручение тоже будет разорвано. Но в этом году они опять помирились. Вот Секст ко мне и приехал.

– Ты рада?

– Наверное. – Но голос ее звучал не очень уверенно. – Мы знакомы с детства, но... Мне кажется, он и не заметил, что я выросла.

– А мне показалось, он тебя слушается.

– В моем доме – да. Но мы будем жить в его доме. Знаешь, я ведь привыкла считать его своим будущим мужем. И просто не могла представить, что может быть иначе...

– А сейчас... можешь?

– Сейчас... Не знаю. – Она отвела глаза. – Сейчас я думаю, что нам пора спать. Фотида! Я думаю, мы устроим гостей в комнатах за атрием. Там уже навели порядок?

– Да, госпожа!

– В таком случае – приятных снов, кентурион Геннадий. До завтра.

Корнелия быстро повернулась и вышла из комнаты.

– Пойдем, кентурион, я покажу тебе комнаты, – сказала Фотида. – Прислать тебе рабыню в постель?

– Не нужно. Можешь предложить моему декуриону.

– Ему тоже не нужно. – Сухой смешок. – Он уже отыскал подружку. Ему никто не откажет, кентурион.

– Почему?

– Потому что мы все в долгу перед вами, – очень серьезно сказала Фотида. – Вы нас спасли.

– Это наш долг, – спокойно ответил Черепанов.

Фотида ничего не сказала. Просто взяла со стола светильник и двинулась вниз по лестнице.

На следующее утро Корнелия к завтраку не вышла.

– Нездорова, – сказала Фотида с явным неодобрением.

– Можно надеяться, что она выйдет нас проводить? – спросил Геннадий.

– Не думаю. Не мрачней, кентурион, – добавила она, понизив голос, – ты ее ничем не обидел. Она... хандрит. С Корнелией это бывает, не обижайся.

– Разве на нее можно обижаться? – Черепанов улыбнулся, но на душе скребли кошки. Да, эта девушка – не про него. Что для дочери сенатора какой-то младший кентурион?

Черепанов не слишком хорошо разбирался в женской психологии.

Заглянув еще раз в маленький госпиталь, он пожелал своим парням скорого возвращения.

Уже у ворот его остановил новый (старого убили варвары) управитель поместья.

– Можно нам снять повешенных, кентурион? – спросил он. – Нам брус нужен. Да и воняет тоже.

– Снимайте, – разрешил Черепанов.

Глава девятая «Заслуженная» награда

– Ага, – удовлетворенно констатировал Пондус. – Прибыл наконец!
– Разве я опоздал? – осведомился Черепанов.
– Нет, все в порядке. Давай сразу к Феррату. Тебя наш латиклавий видеть желает. Иди, получай свои награды.

Что ж, награды – дело хорошее. Но желательно бы хоть пыль с физиономии смыть и грязь с калиг счистить. С дороги-то.

– Иди-иди! Пусть видит латиклавий, что ты не вино хлещешь на радостях, а в трудах пребываешь.

Ну, раз первый считает, что грязный кентурион лучше чистого – ему видней.

Черепанов велел свести своего коня в стойло, а сам двинулся по широкой виа претория 139 в «командирскую» часть лагеря.

Почти все встречные приветствовали его: кентурион Череп был популярной фигурой. Разумеется, сам подполковник помнил по именам немногих. Но неизменно отвечал на приветствия и поздравления. В лагере слухи распространяются со скоростью степного пожара, а тут двое суток прошло. Немудрено, что о победе «трусливой» кентурии не знали только глухие.

Старший кентурион Феррат обитал в неплохом домике прямо напротив претория. Старший кентурион был весел.

– Прямо с дороги? Куда ездил, в Августу?

– Нет, в имение Гордиана. У меня там раненые остались...

– Молодец! – Старший кентурион аж расцвел. – Так и надо, гастат! В первую очередь – о своих легионерах. Непременно Фракийцу расскажу!

Черепанову стало очень неудобно. Поскольку вовсе не к раненым он ездил. Конечно, и к раненым тоже...

– Слушай, Сервий, я одного из моих парней хотел в декурионы представить, да не успел. Можно от позавчерашнего оформить?»

– А какая разница?

– Да понимаешь...

Старший кентурион бросил на него быстрый взгляд:

– Покалечили кого? Хочешь пенсию поднять?

– Да, – честно признал Черепанов.

– Оформим, не беспокойся. Ты сегодня именинник. И список отличившихся подготовь. Укажи – кому что. Я подпишу. Знаю, лишнего не попросишь. А сейчас пошли на тебя награды вешать. Чую, будет тебе сегодня представление на золотой венок. Этот преторианец, которого ты выручил, нашему Магну родич. Так что сукин сын непременно расщедрится. Это даже и хорошо, что Фракийца нет. Максимин, он на награды скупой, уж я-то знаю.

Трибун-латиклавий Гай Петроний Магн оказался куда моложе, чем ожидал Черепанов. Лет двадцать пять от силы. Но важности – минимум на троих. И свой белый шарф носил с невероятной надменностью. И этим сразу напомнил Черепанову его родича-преторианца.

– Тот самый первый гастат Череп? – осведомился трибун у старшего кентуриона, не удосужившись ответить на приветствие офицеров.

И оторвать задницу от стула – тоже.

– Да, это он, – сухо произнес Феррат.

Было видно, что он латиклавия терпеть не может. И Геннадий его понимал.

– И что мне с тобой делать, младший кентурион... – брезгливо кривя узкие губы, процедил Магн.

Черепанов промолчал. Нескромно же говорить о собственном поощрении.

– А ты что скажешь, Феррат?

139 Виа претория – улица в римском лагере.

– Позволь, латиклавий, рассказать тебе о том, как кентурион Череп...

– Не нужно, мне уже рассказали, – отмахнулся трибун. – Так что же мне с тобой делать, гастат? Меня удивило и насторожило, когда я узнал, что легат Максимин поставил кентурионом варвара. Но твои преступления слишком велики даже для варвара.

Черепанов услышал, как Феррат озадаченно крикнул. Признаться, он сам тоже ожидал другого.

– Э-э-э... Петроний, ты уверен, что тебя правильно информировали? – спросил старший кентурион. – Возможно, тебе все же стоит послушать, что сделал кентурион Череп?

– Меня правильно информировали, – отрезал Петроний Магн. – Не думаю, что ты, не присутствовавший там, сможешь сообщить мне больше, чем трибун претория, лично участвовавший в событиях.

«Ах вот оно что! – сообразил Черепанов. – Паскудник-преторианец все же наябедничал».

– И в чем же состоят мои преступления? – очень спокойно осведомился он. – Просвети меня, варвара, какие законы я нарушил?

– Во-первых, ты преступно медлил, прежде чем выступить на защиту римских граждан, подвергшихся насилию. Что, в свою очередь, привело к тому, что многие подданные императора погибли.

К счастью для тебя, благородная Корнелия Гордиана уцелела, но это опять-таки не твоя заслуга. За это ты должен благодарить доблестного трибуна Секста Габиния, которого ты...

– Прошу прощения, латиклавий! – перебил Черепанов. – Давай сначала по первому пункту обвинения! У тебя есть свидетели моей преступной медлительности?

– Ты забываешься, кентурион!

– Не думаю. Я просто задаю вопрос. И хочу услышать ответ. Таково мое право, утвержденное законом.

– Что ты знаешь о наших законах, варвар? – презрительно бросил трибун.

– Вероятно, я знаю наши законы лучше, чем патриций империи, поскольку могу точно процитировать соответствующий пункт эдикта.

– Придержи язык! Это не единственное твое преступление. Ты посмел применить насилие по отношению к старшему офицеру претория, представителю самого императора, за что полагается...

– Прошу прощения! Я не применял силы по отношению к трибуну претория!

– Ты лжешь, негодяй!

– Нет! Я не лгу! И у меня есть свидетели! Тебя, как заметил старший кентурион, неверно информировали. Я применил силу, да...

– Вот видишь! Ты признал!

–...чтобы выяснить, является ли человек, облаченный в форму трибуна преторианцев, трибуном преторианцев или же это варвар, присвоивший доспехи трибуна. Как только я получил ответ на свой вопрос, я немедленно предоставил упомянутому тобой Сексту Габинию свободу.

– Ты что же, не мог отличить варвара от патриция и трибуна? – возмутился трибун.

Черепанов пожал плечами:

– Он вел себя в точности, как вожак варваров, которого я взял в плен. Возможно, его латынь была получше, но я пока не научился различать таких тонкостей. В чем еще меня обвиняют?

– Мне сообщили – и тут, можешь не сомневаться, у меня множество свидетелей, – что ты приказал распять пленников!

– Ну да, – подтвердил Черепанов. – Я это сделал. А разве не так поступают с разбойниками в нашей провинции? Или ты сомневаешься, что они – разбойники?

– Ты нарушил эдикт нашего богоравного Августа Александра! – напыщенно воскликнул латиклавий. – Эдикт, которым он повелевает всем захваченным варварам предлагать вступить во вспомогательные войска, а тех, кто откажется, выдворять за пределы

империи, не причиняя вреда, дабы не возбуждать в их сородичах гнева против империи. Нарушение же императорского эдикта приравнивается к нарушению присяги! Ты знаешь, что за это следует?

– Знаю. А вот о таком эдикте слышу в первый раз. А поскольку ты о нем знаешь и не сообщил о нем мне, то, выходит, это ты виноват в нарушении эдикта.

– Ты спятил! – Трибун подскочил. – Этот эдикт составлен не для каких-то там младших кентурионов!

– Ты это сказал, не я, – заметил Черепанов. – Старший кентурион свидетель: ты только что снял с меня ответственность за нарушение эдикта. Не знаю, правда, есть ли у тебя право самостоятельно толковать императорский эдикт, – невинно добавил он.

– Замолчи! – Трибун побагровел от ярости. – Феррат! Отобрати у него регалии и заключить в карцер! Не позднее чем завтра я буду судить его, и, клянусь Марсом-Мстителем, он получит по заслугам!

– Я не стану этого делать! – сказал Феррат.

Удлиненное лицо трибуна стало и вовсе морковного цвета.

– Ты отказываешься выполнить приказ?! – прошипел он. – Как ты смеешь? Тоже хочешь в карцер, Феррат?

– Я не стану это делать, Петроний, – буркнул старший кентурион. – Хочешь отправить меня в карцер – отправляй.

– Он не рискнет отправить тебя в карцер, – спокойно произнес Черепанов. – Он – паскудный пес, который брешет из-за забора. Не делай этого! – предупредил он взбешенного латиклавия, схватившегося за меч. – Или я тебя убью. – Подполковник положил ладонь на рукоять своей спаты. – Он не арестует тебя, Феррат! Он даже меня не арестует. Потому что он не легат, а только латиклавий. И кентурионом меня поставил не он, а Максимин.

– Еще как арестую! – заорал Магн. – Эй, охрана! Живо ко мне!

– Возьмите этого преступника! – Латиклавий указал ворвавшимся легионерам на Черепанова. – В карцер его, в кандалы, живо!

Стражники окружили Черепанова.

– Отдай оружие, Череп, – произнес командовавший ими опцион. – Лучше отдай по-хорошему, ладно?

Черепанов поглядел на Феррата. Тот молчал.

– Ладно, ребята, – сказал Черепанов. – Не драться же мне с вами в самом деле. Из-за всякого дерьма. Вот мой меч.

– Тебе не жить, Череп! – бросил ему вслед Магн. – Завтра я буду тебя судить! Тебе не жить, так и знай!

Трибун был уверен в том, что говорил. И у него были основания быть уверенным.

Геннадий об этом знал, но твердо верил в свою удачу. До сих пор эта дама его не подводила. Хотя имела склонность являться в самый последний момент.

Глава десятая Бунт

Лагерный карцер мало чем отличался от гауптвахты в современной Черепанову армии – квадратный сарай с узкими окнами под самой крышей, с «предбанником», в котором располагалась охрана.

У Черепанова забрали доспехи и регалии, включая перстень кентуриона, но шнурки и ремень оставили. И деньги тоже. Изъятое имущество сложили в отдельный мешок и опечатали. Взамен выдали грязное шерстяное одеяло и подчеркнуто вежливо препроводили в «рабочее» помещение.

Внутри было темновато. Но без труда можно было различить еще двоих заключенных. Совсем немного, если учесть общую численность легиона.

– Ты кто? – спросил один из них, немолодой уже мужик, густо обросший щетиной.

– Череп, – лаконично ответил Геннадий.

Другой штрафник, помоложе, гаденько захихикал... И тут же схлопотал от старшего сочную затрещину.

– Присядь. – Старший махнул рукой на скамью. – Слышал о тебе. За что?

– С латиклавием не поладил.

– Понятно.

– А я с увольнения опоздал! – сообщил молодой. – На трое суток. И чего теперь?

– Десять ударов, – сказал Черепанов. – И месячное жалованье. Если сам пришел.

– Сам-сам. А бить кто будет? Свои или...

– Заткнись, – уронил старший, и младший заткнулся. – Вижу, устал?

– Двенадцать часов в седле.

– Ясно. Ну отдохни. Ты, дай-ка свое одеяло.

– Да ты что, Хрис! – завопил молодой.

– Цыть!

– Да ладно, у меня есть, – запротестовал Черепанов.

– Ничего, он мне его еще вчера в кости проиграл, – усмехнулся старший. – Поспи, уважаемый. Сон слаще, когда тепло, а ночи нынче прохладные.

Черепанов спорить не стал. Взял второе одеяло, улегся на доски и мигом уснул.

Утром их всех разбудила стража. Завтрак. Никаких разносолов: по куску грубого хлеба с отрубями да по кружке воды. Вчерашний завтрак был не в пример качественнее. Но Черепанов съел все. Правило номер раз: ешь, что дают, и спи, когда удается.

Сквозь прорези у потолка пробивался утренний свет, и у Черепанова появилась возможность получше разглядеть своих «сокамерников».

«Молодой» и оказался молодым – тощим мальчишкой лет семнадцати. Видно, только-только завербованным. Старший, Хрис, костлявый, жилистый мужик. Речь мягкая, но в глазах – волчья тоска.

– Не думал, что буду тут с самим Черепом сидеть, – произнес он. – Что ж ты такого сделал, что наш алополосный ¹⁴⁰ Магн тебя сюда засадил?

– Германскую шайку побил. А потом повесил тех, кто уцелел.

– Большая шайка?

– Сотни полторы.

– А у тебя сколько было?

– Моя кентурия. И турма вспомогательных.

– Неплохо! – Хрис присвистнул. – Так тебя награждать положено. За что же в карцер?

– Нарушение императорского эдикта. Пленных варваров не вешать, а вербовать на римскую службу. А буде не согласятся – с почетом провожать домой.

– Да уж... Не повезло тебе, кентурион. За такое штрафом не отделаешься. Фракиец-то когда придет?

– А кто его знает.

– Плохо твое дело. Еще хуже моего.

– А твое – какое?

– Кентуриону своему по морде врезал.

– Ого!

– Да терпение мое кончилось. Изводил он меня. Ну, тоже понятно. Баба от него ко мне ушла. А он как узнал – так с тех пор мне никаких увольнительных. И работа самая грязная. И чуть что – палкой. Ходил первому жаловаться – еще хуже стало. – Хрис махнул рукой. – Это у тебя, слышал, в кентурии все по чести, а у нас в пятой когорте все повязаны. И все из легионеров деньги тянут, порви их Кербер! Прорвы ненасытные...

Черепанов промолчал. Что тут скажешь. Ударить старшего по званию – преступление

¹⁴⁰ Алая полоса на одеянии – знак особого достоинства. Широкая полоса – знак сенатора, узкая – знак принадлежности к сословию всадников.

первого разряда. Жаль. Мужик вроде неплохой...

Дверь распахнулась. На пороге стоял сам префект лагеря ¹⁴¹ Митрил по прозвищу Скорпион. Высокий, совершенно седой мужчина. Старый служака, бывший примипил.

– Череп, на выход!

В «предбаннике» уже распечатали черепановский мешок с изъятым имуществом. К удивлению Геннадия, тут же, на столе, лежала и его спата.

– Облачайся!

Подполковник не заставил себя уговаривать.

Вдвоем они вышли на Виа квинтана ¹⁴². Обычно в это время здесь было не протолкнуться от тренировавшихся легионеров. Но сейчас было пусто.

Митрил шел впереди. Несмотря на приличный возраст, под шестьдесят, он сохранил быстрый, размашистый шаг легионера.

Лагерь был пуст. И тих. Черепанов терялся в догадках. Они подошли к зданию принципия, штаба легиона. Охраны у ворот не было. Ничего себе! Где же все?

Митрил миновал ворота и вошел внутрь через боковой вход. Тоже не охраняемый.

По узкому коридору они прошли в главный зал, где проводились военные советы. Здесь, в специальной нише, хранились штандарты легиона: «орел», имаго – штандарт с изображением императора, вексилла – знамя легиона. Здесь, к некоторому облегчению Черепанова, охрана была. Двое стражников, как обычно.

У лестницы, ведущей на галерею, префект лагеря остановился.

– Наверх, – скомандовал он, пропуская Черепанова вперед.

На лестнице слуха Геннадия достиг странный гул. Словно очень отдаленный шум океана.

Шагнув сразу через три ступеньки, подполковник ступил на галерею и увидел закованные в доспехи спины всех шести трибунов легиона: главный, Магн, – справа, особняком.

Офицеры раздвинулись, пропуская Черепанова вперед...

Весь легион был здесь, на внутреннем дворе принципия. Все десять когорт. Не строем, как обычно, а просто толпой. Молчаливой и от этого еще более грозной. Сверкающее поле бронзовых и стальных шлемов, кое-где проросшее красными гребнями кентурионов.

Седой Митрил встал рядом с Черепановым.

– Вот он! – рявкнул префект. – Вы этого хотели?

Сначала вроде бы ничего не произошло, но потом тысячи рук разом вскинулись вверх, и толпа взорвалась ревом. Тем самым «бар-ра», повергавшим в страх врагов Рима.

«Черт возьми, – подумал Черепанов. – Я и не думал, что так популярен».

Сокрушительный звук рвал воздух над лагерем чуть больше полуминуты. Потом как бы сам собой стих, и толпа потекла из ворот на Виа принципалис, снаружи снова превращаясь в дисциплинированные когорты и кентурии.

Трибун-латиклавий Магн резко развернулся, пронесся мимо Черепанова, хлестнув его краем плаща, и, яростно стуча каблуками, скатился вниз по лестнице.

– Ну натворил ты дел, гастат, – пробасил префект Митрил, прозванный Скорпионом за почти патологическую любовь к боевым машинам. – Чуть бунта не устроил.

Черепанов молчал. Хотя, с его точки зрения, он-то был совершенно ни при чем.

– Смотри-ка, даже не оправдывается, – заметил один из трибунов.

– Ничего, – сказал другой. – Вот приедет Максимин...

Но, судя по выражениям лиц высшего офицерства легиона, не очень-то они опасались

¹⁴¹ Префект лагеря – третий по старшинству, после легата и трибуна-латиклавия, офицер в легионе. Что-то вроде главного квартирмейстера.

¹⁴² Виа квинтана – улица в римском лагере.

приезда легата-главнокомандующего. И что еще важнее, младший кентурион Череп вдруг почувствовал себя среди них своим. Но с привкусом гордости: еще неизвестно, поднялся бы легион, если бы латиклавий заправил под арест кого-нибудь из них?

Впрочем, Черепанов был почти уверен, кто затеял бучу. В любом случае, своих он в обиду не даст!

Глава одиннадцатая Приятное с полезным

Баракы, в которых размещаются кентурии, – деревянные «копии» палаточного лагеря. На каждый контуберний – своя клетушка. Правда, с отдельным входом. И с общим козырьком вдоль открытой части строения. Здесь, на ступеньках, очень удобно чистить оружие. Или овощи. Или просто чесать языками с «коллегами по работе». Не в комнатах же это делать, где еле-еле умещается восемь лежанок и столько же ларей с личным имуществом. Лари не запираются: у своих не крадут. Такое не одобряется богами и общественностью. «Общественность» за такое рубит руку. Но Черепанову всегда казалось, что эти люди богов боятся больше, чем закона. Суеверны господа легионеры, ничего не поделаешь. И религиозны. Одних праздников – штук по двадцать в месяц.

В честь государственных богов, в честь мертвых императоров и в честь живого. Традиционные праздники и индивидуальные, коих тоже немало, поскольку в каждой провинции свои местные боги.

К счастью, далеко не все праздники считаются основанием для отлынивания от работы.

Разумеется, в каждой комнатке – свой крохотный ларарий. Почти все солдаты предпочитают иметь под рукой материальные воплощения любимых божеств. «Проверенные в деле». Тоже понятно. Пуля – она, как говаривал не родившийся еще Александр Васильевич, – дура. И стрела тоже.

В кого попадет – в тебя или в соседа? Кто это решает? Ну ясно кто! Поэтому при страшной тесноте и строгом правиле «все свое ношу с собой» (вернее, на себе) все равно у каждого солдата – куча талисманов, оберегов и иных «проверенных» вещей. Черепанов с суевериями не боролся. Тем более что сам теперь стал «предметом суеверия». Пусть верят во что хотят, лишь бы дело делали.

Чуть получше с «жилплощадью» – у «двойных» и «полуторных»: одна комната на троих.

И уж совсем хорошо – у кентуриона. Аж две комнаты. Да еще канцелярия. Да еще особое помещение для хранения штандарта. И маленький склад всякой всячины. Правда, у барака общая стена с баракком пятой кентурии, а кентурион пятой, к сожалению, храпит... Впрочем, здесь все равно намного лучше, чем в карцере.

Однако к себе Черепанова не пустили.

Вся его славная «шестая» выстроилась перед баракком. В полном параде. И приданные кавалеристы тут же – во главе с Трогусом.

– Шестая кентурия десятой когорты Первого Фракийского легиона на службе Антония Александра Севера Августа! – зычно выкрикнул опцион Ингенс. – Семьдесят один легионер согласно списочному составу. Шестеро – на лечении. Двое – в карауле. Пятеро – на общественных работах! Происшествий нет. Дисциплинарных взысканий нет. Легионер Гитон за проявленное умение поощрен пятью дополнительными пайками. Докладывает опцион Гай Ингенс!

– Отлично, опцион! – похвалил Черепанов. Подумал немного и добавил: – Спасибо, ребята!

Дружно грохнули щиты. Лица легионеров сияли.

Черепанов никогда не стремился завоевать любовь подчиненных. И тем не менее чертовски приятно!

– Спасибо, ребята! Все свободны. Тренировки на сегодня отменяются.

Пусть у парней тоже будет маленький праздник.

Дружный ликующий вопль. Геннадий даже чуток взревновал: бойцы явно обрадовались дню безделья больше, чем возвращению кентуриона.

– Мы тут кое-что приготовили, кентурион, – заговорщицки произнес Мелантий Ингенс. – Прошу к нам.

– Может, лучше ко мне? – предложил Черепанов. – У меня посвободнее.

– Извини, командир, стол уже накрыт! – возразил старший брат Мелантия. – И убрать его можно одним способом, – он похлопал себя по животу.

Братья расстарались: накрыли на славу. Нет, никаких изысков. Но для солдатского желудка – лучше не бывает. Жареная поросятина с фруктовой подливкой (помнят, черти, что Черепанов их любимый селедочный гарум ¹⁴³ терпеть не может), всякие овощи, жареные грибы, лично собранные Тевдом Трогусом, разумеется, тоже присутствовавшим на пирушке. И столько амфор с вином, что часть даже не поместилась в комнатухе, и Мелантий время от времени бегал за ними в кладовку.

По ходу дела Черепанов прояснил ситуацию с «бунтом». Инициатором был, разумеется, Трогус. Но именно инициатором, а не зачинщиком. И подошел к этому делу декурион очень умно: не стал агитировать в защиту «чести и достоинства» собственного кентуриона, а пустил слух, что трибун Магн наказал Черепанова не за разгром варваров (за что тут наказывать?) и не за то, что тот живописно развесил пленных (подумаешь, мало их вешали, что ли? Максимин вот и не только варваров вешал...). А потому (гласил слухок) ополчился на Черепа сенаторский сынок, что пожелал на основании императорского эдикта присвоить взятую на варварах добычу. Домыслы хитрого декуриона с точки зрения логики и истины ничего не стоили. Все знали, что Гай Петроний Магн – очень богатый сенаторский сынок. Ему эта добыча – тьфу! Но большинство легионеров были мелкими землепашцами. И потому отлично знали, что богатые латифундисты (среди которых было довольно много сенаторов) отнюдь не брезговали небольшим земельным наделом мелкого землепашца, буде подворачивалась такая возможность. Зерна упали на благоприятную почву. Жалованье – жалованьем, а добыча – это святое.

И процесс пошел.

На маленьком празднике в честь возвращения опального кентуриона процесс тоже пошел... И довольно быстро дошел до той стадии, когда в мужских мозгах созревает и оформляется мысль: а не послать ли за лучшей половиной человечества?

Идея налета на лупанарий, располагавшийся в поселке по ту сторону лагерной стены, была с ходу отвергнута: подчиненные Черепанова авторитетно заявили, что девки там – дрянь. Может, в Августу съездить? Давай, кентурион, пиши увольнительные...

– Нет, – заявил Трогус. – Далеко. И холодно. Давайте, друзья, в термы двинем. Там сейчас пусто: все же трудятся!

– Точно! – Младший из братьев Ингенсов, уже изрядно набравшийся, уловил только последнюю часть фразы. – Все пашут, а мы вино пьем! Виват кентуриону Черепу!

Виват – это конечно.

– А в термы двух новых массажисток привезли! – гнул свою линию Трогус. – Серебром позвоним – они нам такой массаж сделают! О!

– А много возьмут? – поинтересовался скуповатый Мелантий.

– Договоримся! Что у нас, денег мало?

– Куча! – с энтузиазмом воскликнул Трогус-младший.

– А с нашим кентурионом – еще больше добудем, – заметил Гай. – Ну что, кентурион, – в термы?

– Добро, – кивнул Черепанов. – Мне после карцера помыться не помешает.

Раздался гомерический хохот.

¹⁴³ Гарум или ликвамен – соус, изготавливаемый из рыбы, соли и пряных трав. В Древнем Риме был настолько популярен, что продавался обычно в готовом виде.

«Как будто я что-то смешное сказал?» – удивился Геннадий.

А вообще хорошо. Весело. Сюда бы еще Леху...

Термы – по-русски баня. По здешним понятиям, это не столько место для помывки, вернее, даже в самую последнюю очередь место для помывки, а в первую – местный клуб. И во вторую... Да все что угодно. Вон в Августе в термах даже библиотека есть. И зимний садик – для желающих отдохнуть душой. Но это уже – за деньги. Бесплатно, вернее, за символическую плату в один квадрант ¹⁴⁴, только теплое помещение, «спортивный» зал и общий зал со слегка подогретым бассейном. Все прочее: банщики-мойщики-массажисты-массажистки, «элитный класс» и напитки с закуской – за отдельную цену. Правда, легионерам и ветеранам – полуторная скидка.

Черепанову бани в Августе понравились. Весьма. Получше, чем в московских Сандунах. Коренной римлянин Трогус утверждал, что августовские термы – так, ерунда. Вот в Риме... Далее следовало закатывание глаз и перечисление с пришепетыванием. Особенно же выделялись «недавно» построенные термы Каракаллы. Вот это – да!..

В лагере баня была – раз в десять попроще, чем даже в Августе. Зато большая. И теплая. И бассейн, хоть и без подогрева, но тридцать на тридцать. Даже и поплавать можно, если свободно.

Черепанов и поплавал. С удовольствием. Пока его подчиненные договаривались с массажистками (одна из них оказалась натуральной негритянкой) и отстегивали нужную сумму. Сегодня, по дружному заявлению «нижних чинов», командир от «общего котла» отстранялся. Сегодня его «угощали». И негритянку ему уступили – первому. По старшинству.

Отказываться было неудобно, поэтому Геннадий выбрался из бассейна и покорно побрел в «массажное» помещение.

Негритянка, высоченная девушка безупречных пропорций, уложила его на покрытый ковром пол и обработала по всем правилам. Сначала – обычный массаж, потом массаж вроде тайского, но куда основательней, поскольку фактура у черненькой была раза в три крупнее и плотнее, чем у мелких азиаток. Впрочем, Черепанову было особо не с чем сравнивать, поскольку тайский он попробовал (ну как не попробовать такую экзотику?) только однажды. И – на общих основаниях. А тут у него был «высший» статус. Да и девочка старалась. Как выяснилось, привезли ее из Августы.

А там Черепанов после истории с черным атлетом котирировался по высшему разряду. Поэтому, кроме обычных возбуждающих ласк, кентуриону Черепу было предложено еще кое-что. И не единожды, поскольку, как было сказано выше, девочка старалась. И умело использовала все, чем одарила ее природа. Черепанов же, слегка ошалевший от душных возбуждающих курений, обилия черной женской плоти, гладкой, блестящей и тоже источающей букет специфических ароматов, сдался на милость победителя и позволил делать со своим организмом все, к чему этот организм расположен. Хотя обычно всегда брал инициативу на себя.

Когда же организм перестал реагировать на любые воздействия, а сам Черепанов чувствовал себя арабским шейхом, полночи расслаблявшимся в гареме, великолепная африканка подхватила «организм» на руки (восемьдесят шесть килограммов боевого веса!) и без особого напряжения отнесла и уложила в маленький бассейн – для восстановления функций.

«Вынос тела» приветствовало трио братьев Ингенсов: свистом и одобрительными возгласами в адрес дочери Африки.

Тем не менее впоследствии никто из братьев подобной чести не удостоился. Хотя все трое напрашивались.

Так и лежал Геннадий Черепанов в теплой водичке, попивая разбавленное вино, поднесенное банной службой, когда по нагретому камню протопали подкованные калиги и у

¹⁴⁴ Квадрант – мелкая медная монета.

края бассейна присел на корточки старший кентурион Первого Фракийского Сервий Феррат.

– Ты как, Череп, серьезные вещи слушать в состоянии?

– Безусловно.

Вот так и кончается все приятное в жизни.

– Не напрягайся, кентурион, – успокоил Железный. – Казнь твоя откладывается на неопределенный срок. Наш общий друг очень хотел бы знать имена зачинщиков утреннего безобразия. Ты их знаешь?

– Ну-у...

– Все в порядке, кентурион. Я тоже их знаю.

– И что? – Вот теперь Черепанов встревожился по-настоящему.

Феррат похлопал подполковника по мокрому плечу.

– Ты думаешь, истребитель варваров, я не знаю, что происходит у меня в легионе? Или полагаешь, будто в моем легионе могут возникнуть какие-то беспорядки без моего одобрения?

– Значит, ты...

– Ни слова больше! – оборвал его Феррат. – Слушай меня. Согласно донесениям разведки, группа варваров числом до полутысячи собирается форсировать Данубий примерно в двухстах милях отсюда. Я намерен отрядить для патрулирования данной области либурну ¹⁴⁵ «Юнона Справедливая» и десять турм легкой конницы под командованием субпрефекта Азиния. Вы знакомы?

Черепанов покачал головой.

– Он из всадников (Черепанов не сразу сообразил, что имеется в виду сословие всадников ¹⁴⁶), толковый, но опыта никакого. Это его первое самостоятельное задание, так что он будет стараться.

– А при чем тут я?

– При том, что на либурне будет военный отряд численностью в одну кентурию. И командир этой кентурии будет руководить всей операцией. Ты, наверное, уже догадался, кто этот кентурион?

– Догадался, – кивнул Геннадий. – Вопрос: ты просто хочешь услатить меня из лагеря или там действительно ожидается прорыв?

– Ну-у... – Старший кентурион пошевелил толстыми пальцами. – Кое-какая информация на этот счет имеется. Но не более того. Такая информация приходит постоянно, но лишь в одном случае из двадцати оказывается правдой. Твое задание таково: патрулировать участок побережья примерно в сотню миль. Там есть два городка и маленькая крепость с гарнизоном численностью около кентурии. Всеми тамошними резервами ты тоже можешь располагать, но учти: это в основном ауксиларии ¹⁴⁷ и ослы из городского ополчения. Такие еще могут постоять на стенах, но в поле от них толку немного. Недели через три вернется Максимин. За это время ты должен обеспечить границу и организовать патрулирование так, чтобы после твоего отбытия Азиний со своей конницей справлялся там самостоятельно. Ясно?

– Более или менее.

– На подготовку два дня. У тебя потери в кентурии. Можешь набирать людей из солдат

¹⁴⁵ Либурна – основной корабль древнеримского флота, отличавшийся острыми обводами и высокой быстроходностью, прародитель более поздней галеры. До 30 м длиной и 5 м шириной, либурна вмещала до 120 человек и имела до 30 пар весел, расположенных в 1—2 ряда, по 2—3 гребца на каждое, а также абордажный мостик (корвус).

¹⁴⁶ Всадники – второй (после сенаторов) социальный класс в Римской империи.

¹⁴⁷ Ауксиларии – вспомогательные войска.

вашей когорты. Пондуса я предупредил. Все необходимое получишь в квестории. – Старший кентурион выпрямился, хрустнув коленями. – Завтра утром, сразу после пробудки – ко мне.

– Так точно. Спасибо, Феррат!

– Угу. С тебя причитается. Мне и префекту Митрилу. Он выпишет тебе документы. Уж не знаю, чем ты приглянулся Скорпиону, но это его идея.

Старший кентурион повернулся и двинул прочь. Черепанову так и не удалось раскусить этого человека. Сервий Феррат, с самого начала показавшийся ему туповатым старым служакой, как правило, выглядел именно таким. Но время от времени демонстрировал ум и проницательность, никак не укладывающиеся в этот образ.

Глава двенадцатая Варгарикс

Геннадий Черепанов – он же кентурион Череп, он же ветеран римской армии Рутгер – неторопливо и основательно потреблял вино с представителем вероятного противника.

Представитель, борода лопатой, косая сажень в плечах, килограмма три драгметаллов, равномерно распределенных по одежде и фигуре, вообще-то противником не считался. Наоборот – союзником. Поскольку жил на условно контролируемой Римом территории и получал от Рима мзду на «военные расходы». Небольшую, впрочем. Годовая смета кентурии Черепанова была раз в пять больше. Но кентурия служила Риму, а «представитель» служил исключительно себе. И своим родичам.

И, судя по отдельным косвенным репликам, тоже бывал по ту сторону «европейского Нила». И вряд ли в качестве мирного туриста.

Имя у представителя было пятнадцатисложное и трудно запоминаемое, но он охотно откликался на Варгарикса.

Был же Варгарикс племенным вождем каких-то там маннов, входящих в племя еще каких-то... маннов, которые, в свою очередь, являлись частью союза... и так далее. Черепанов в родственно-племенные связи Варгарикса не вникал, а изъяснялся с ним на дикой смеси диалекта квеманов и современного Геннадию немецкого. Получалось.

Для реализации идеи Черепанова Варгарикс был выбран (среди прочих «маннов» и «риксов») только потому, что в одной из турм субпрефекта Азиния служил его, Варгарикса, дальний родич. А сама идея была проста, как грабли, и основана на элементарной логике и личном опыте подполковника.

Взяв за отправную точку неопределенные слухи, собранные римскими торговцами о неопределенном намерении неопределенных германцев скрасить зимнее безделье молодецким набегом, Черепанов решил, что просто болтаться вдоль границы и ждать, когда же эти удалые парни набегут (если набегут), – неэффективно. То есть он, конечно, прибыл на место назначения и даже устроил профилактическую выволочку местным властям. Чтобы осознали, кто главный. Власти (в лице двух «градоначальников» и одного коменданта) осознали. И даже поднесли Черепанову «подарок», сиречь взятку. Черепанов взял. Во-первых, не взять – значит, нарушить традиции и внушить подозрения, во-вторых, он уже знал, как «подарком» распорядится.

За время своих вынужденных странствий по Готии и сопредельным землям Геннадий уяснил следующее: простодушные варвары понятия не имеют о настоящей секретности. Не в том смысле, чтобы устроить ловушку или тихонько перебраться через реку. В их тактических операциях секретность была на высоте. А вот в стратегическом смысле она была примерно на том уровне, что и у мужика, который у входа в рюмочную ищет себе «компаньонов». То есть подходит ко всем знакомым и полужнакомым и тихонько интересуется: «На троих?» Таким образом, круг «осведомленных лиц» оказывается весьма обширен, и задача состоит в том, чтобы выявить «кандидатов в собутыльники» и аккуратно опросить.

Список потенциально осведомленных Черепанов составил с легкостью. Спасибо римской бюрократии, скрупулезно фиксировавшей не только суммы, выплаченные

федератам, но и имена племенных вождей, «рассаженных» на «буферных» территориях. Даже если никого из них не окажется в списке организаторов будущего набега, то с «заманчивым предложением» к кому-то из них эти самые организаторы обратятся наверняка. А слухи в этой среде распространяются быстро.

Труднее было реализовать второй этап: вытянуть из конкретного «осведомленного» нужную информацию.

Но Геннадий нашел решение.

Было очевидно, что, явись он к любому из вождей в своем настоящем качестве – кентуриона римской армии, – ни хрена он не узнает. Варвары хвастливы, говорливы и прямодушны – со своими. С чужими же, наоборот, скрытны, лживы и лицемерны. Римский кентурион был чужим. По определению.

Значит, следовало сменить образ.

Черепанов придумал ход. И осуществил его. Вследствие чего теперь вот сидел напротив волосатого Варгарикса, угощал его фалерном и вел разговор по душам. Нет, он не выспрашивал у вождя, не собирается ли кто пограбить империю. Совсем наоборот. Он не задавал вопросов. Он только рассказывал. О себе. О своих славных друзьях, которые сейчас пируют в «общем зале» с родичами Варгарикса. О том, как выгодно было служить империи... Выгоднее только одно: грабить империю. Как жаль, что их слишком мало для этого. Ужасно жаль, потому что он, Рутгер, знает та-кие «рыбные места»...

Варгарикс слушал и кивал. Гости ему нравились. Особенно после обмена подарками, больше напоминавшем «ченч» между белыми мореплавателями и наивными туземцами. В роли «туземцев» выступали Черепанов с «товарищами». По «легенде» Геннадий Рутгер и двадцать шесть его «земляков» (плюс родич Варгарикса) успешно отслужили Риму двадцать лет, неплохо заработали и теперь намеревались возвращаться домой (неопределенный жест в сторону восхода), но было бы неплохо на прощание еще чуть-чуть приподняться...

Варгарикс слушал и кивал. «Ветераны» приплыли на большой лодке, доверху набитой имуществом. Варгарикс охотно сделал бы это имущество своим, но почти три десятка опытных воинов – это многовато. Тем более они – его гости. Щедрые гости.

Варгарикс слушал и кивал. А потом, когда славный Рутгер устал гнуть пальцы и хвастаться и решил промочить горло, заговорил сам. И через полчаса Черепанов получил нужную информацию. О некоем риксе, который как раз намеревается прогуляться по имперским землям. И мало того, имеет замечательный план, как незаметно на эти земли проникнуть. Разумеется, Рутгер не скупясь отблагодарил почтенного вождя. Дело того стоило.

Глава тринадцатая Федорикс

Его звали Федорикс. Традиционная рыжая борода, две косы, мясистый нос старого алкаша и волосатые лапы чемпиона армрестлинга. Про себя Черепанов окрестил его «дядей Федей».

Первое, чем «дядя Федя» поинтересовался: где находятся богатства, выслуженные почтенным Рутгером и его друзьями у империи?

Получил уклончивый ответ. Мол, там, где они есть, там им хорошо. И присматривают за ними тоже хорошие люди.

Они друг друга поняли. И уважение «дяди Феде» к мнимому Рутгеру поднялось на пару пунктов.

В отличие от предыдущего рикса этому Черепанов ничего дарить не стал. Наоборот, намекнул: не худо, чтобы рикс ему кое-что подкинул. Геннадий помнил, как Плавт обрабатывал рыжего вандала. Этот германец выглядел еще более жадным и хитрым. Законченным злодеем выглядел «дядя Федя». Каковым и являлся. Но Черепанов появился в его городке вовремя. Как раз когда Федорикса обуяли сомнения. Основой для сомнений послужило гадание.

Традиционно у всех здешних народов (цивилизованный Рим – не исключение) перед каждым серьезным мероприятием испрашивалось мнение богов. Своих, естественно. Методики были разные, но опять-таки традиционные. Например, по полету птиц или свежей овечьей печени. В данном случае, учитывая серьезность будущих планов, птиц и овец оставили в покое. Подошли к делу серьезно. Выпотрошили раба.

Результат тем не менее оказался неудовлетворительным.

Но упорный Федорикс от планов не отказался. Он сменил гадателя: вызвал другого шамана, а первого посадил в яму с водой. На сутки. Дескать, если ты – крутой колдун, ничего страшного, а если не очень – так шагом марш к богам: доложи, что их любящему сыну Федориксу нужна поддержка.

Шаман «выбрал» второй вариант. Не удивительно. Не лето, чай, на дворе. Холодно.

Выпотрошили еще одного раба. Опять осечка. Должно быть, первый шаман оказался неважным оратором и богов не убедил.

Процедура повторилась. И второй шаман, в свою очередь, отправился убалтывать «вышестоящих».

Черепанов с десятью товарищами прибыл аккурат к третьей попытке.

И – о радость! – наконец-то боги смилостивились.

Третий шаман, одаренный (не слишком щедро) довольным риксом, отбыл восвояси. Геннадий не сомневался, что шаман сжульничал – не захотел пойти по стопам предшественников. Но «дяде Феде» это даже в голову не пришло. Или ему было плевать на богов. Другое дело – войско. Людям нужна вера в успех. И теперь она – есть.

Черепанов с «дядей Федей» тоже поладили. Приговорили бочонок пива, потолковали по душам. «Дядя Федя» поделился планами: добыть столько золота, чтоб наполнить во-от такой бочонок. И столько серебра, чтобы не поместилось во-он в тот ларь. Еще – оружия хорошего на всю дружину. И дюжину наложниц из благородных римлянок. Желательно девственниц. И всех оплодотворить. А потом половину вернуть за выкуп. Пусть в своих патрицианских дворцах рожают сыновей Федорикса. Такой вот у него стратегический план.

Черепанов «восхищался». И поддакивал. И намекал, что знает места, где этих самых девственниц – пруд пруди. И тайные ходы в римские города знает. И где золото прячут. В общем, показывал себя нужным человеком. И активно втирался в доверие.

Верил ли ему «дядя Федя»? Трудно сказать. Верил, но не доверял. За все время ни разу не оставался с Черепановым наедине. То ли из привычной осторожности, то ли чуял глубинное желание гостя воткнуть хозяину пониже вшивой бороды сантиметров десять хорошей стали.

Еще месяцев шесть назад Черепанов, возможно, и не испытал бы такого желания. Ну пощиплют дикие варвары богатого соседа, ничего страшного. Но теперь, когда он посмотрел, как это выглядит на самом деле, когда империя из абстрактного понятия превратилась в конкретных людей: Марцию, Корнелию Гордиану, христиан-поселенцев, безропотных земледельцев, жителей Августы, – людей, совершенно беззащитных перед всякой кровожадной сволочью, – Черепанов стал относиться к таким вот «рыжим риксам» совершенно по-другому.

«Давить!» – думал он. Давить, как вшей, которые ползают у них в бородах. Рвать и резать! Чтоб другим неповадно было! Чтоб в штаны накладывали при слове «империя»!

Но попытки зарезать Федорикса он не сделал. Возможно, это и удалось бы, но оказалось чистой воды самоубийством. Да и что толку? В городке и в округе собралась в предчувствии будущей поживы почти тысяча таких вот «федориксов». И чтобы избавить провинции от этой угрозы, надо было прикончить всех. Желательно так, чтобы послужило уроком для всех прочих «риксов». Хотя этот оказался особенно хитрожопым. А его задумка – как «незаметно» проникнуть в империю – вполне могла бы сработать и вылиться в настоящее бедствие.

Но и у Черепанова уже начал складываться план. Правда, весьма рискованный, зато такой, после которого многие «риксы» десять раз подумают, прежде чем сунутся на тот

берег Дуная...

Глава четырнадцатая, в которой кентуриону Черепу в очередной раз приходится быть жестоким

Над великой рекой висел густой туман. Воины Федорикса с удовольствием поглядывали на белую клубящуюся стену. Туман – это хороший знак. Подарок богов.

Они без спешки, небольшими группами спускались к реке, рассаживались по лодкам. Свои – к своим. По племенам, по родам. Родичи везде держались вместе – ели, спали, сражались. Так заведено.

Черепанов с товарищами загрузились на «флагман» – неуклюжее с виду, но вполне устойчивое судно метров тридцать длиной.

Для них было приготовлено отдельное место: ближе к носу, рядом с Федориксом и его телохранителями. Германский вожак предпочитал держать «друга Рутгера» поблизости.

«Товарищи» Черепанова поглядывали на него с плохо скрываемым беспокойством. Кое-кто небось жалел, что согласился сопутствовать хитроумному кентуриону. Все они были не из его кентурии. Ауксиларии субпрефекта Азиния. Добровольцы.

Германцы Федорикса рассаживались вдоль бортов, разбирали весла.

За ночь вода у берега покрылась тонкой хрустящей корочкой.

Воины деловито сталкивали лодки на воду, запрыгивали в них. Дюжин пять суденышек, больших и поменьше, постепенно наполнялись людьми, скребли днищами по песку. Варвары отталкивались шестами, выходя на глубокую воду. Несмотря на холодное утро, многие стаскивали рубахи, подставляя морозцу раскрасневшиеся спины.

Черепанов наблюдал. С большим вниманием.

В действиях варваров не было безупречного автоматизма римских легионеров, но все же управлялись они довольно четко и слаженно. Отчалившие лодки держались кучей, слегка отгребаясь против течения. С ближайших поглядывали на застывшего Федорикса. Ждали. Вождь тоже ждал. Пока ему не крикнули с берега, что последняя лодка – на воде. Тогда Федорикс махнул рукой и отрывисто рявкнул:

– Пошли!

Десять пар весел одновременно упали в серую воду, и тяжелое судно неторопливо поползло к молочной стене тумана.

На остальных тоже зашевелились. Варварская армада расползлась в стороны и потянулась вслед за лидером. Вскоре многие уже опередили его. Скоростные качества «флагмана» оставляли желать...

Спустя несколько минут судно нырнуло в туман. Но продолжало двигаться так же размеренно, хотя видимость упала метров до двадцати.

На смазанных маслом черепановских доспехах поблескивали капельки влаги. Шлем он держал под мышкой. Шерстяную шапочку тоже стянул и сунул под ремень. Жарко.

Звуки в тумане странно преломлялись и множились. Скрип, плеск, приглушенные голоса...

Стена тумана оборвалась внезапно. Нос судна вынырнул из белесой дымки, и Геннадий увидел противоположный берег: двадцатиметровый обрыв, прорезанный щелью оврага, полосу стылой воды, по которой скользили обогнавшие «флагман» лодки. Не занятые на веслах напряженно вглядывались в приближающийся, нависающий берег. Многие натягивали шлемы, снимали щиты: врага не видно, но подготовиться стоит.

Черепанов надел шлем, проверился. Нормально. Как всегда. Его люди последовали примеру командира.

Федорикс покосился на «Рутгера».

– Боишься, легионер? – с усмешкой спросил он.

– Опасаюсь, – спокойно ответил Черепанов. – Не пиво пить идем.

– Это верно, – кивнул германец. – Это повеселей будет!

«Ты у меня повеселишься, – подумал Геннадий. – От души, мать твою!»

Но он и впрямь опасался. Почти тысяча варваров. Против нескольких сотен ауксилариев Азиния, сотни «ополченцев» и черепановской кентурии.

Если сборное «войско» Геннадия не сработает четко по плану – пиши пропало.

Первые лодки достигли берега. Варвары на ходу спрыгивали на мелководе, расплескивая ледяную воду...

На отвесном берегу возник всадник. Истошно завопил и метнулся прочь. Германцы тоже заорали. Гребцы заработали энергичнее. Те, кто уже выбрался на берег, нестройной толпой бросились к откосу. Те, что посообразительнее, устремились к оврагу...

Днище «флагмана» ударилось о мель. Всех бросило вперед, кое-кто не сумел удержаться на ногах...

– А-а-а! – заревел Федорикс, перемахнул через борт, плюхнулся, окунулся по пояс и ринулся к берегу.

Следом посыпались остальные. Несколько секунд – и «флагман» опустел. Зато берег ожил. Варвары лезли вверх по откосу, словно огромные и свирепые бурые муравьи.

Черепанов отвлекся и упустил момент, когда на краю откоса снова появился всадник, за ним – другой... И закрутилось.

От звериного рева сотен глоток содрогнулся сырой утренний воздух. Варвары лезли вверх по осыпающемуся откосу, срывались, снова поднимались, подталкиваемые товарищами... Вставали не все. Некоторые докатывались до самого низа да так и оставались лежать. А наверху, вдоль края, ободом бесконечного колеса неслись ауксиларии: легкая галльская конница. Недавно – такие же варвары, а теперь – верные союзники Рима, обучившиеся смертоносной карусели у исконных врагов империи – парфян. Каждый всадник, пролетевший галопом по самому краешку обрыва, успевал выпустить две-три стрелы, прежде чем его «уносила» карусель.

Германцы, которые тоже были не лыком шиты, отмахивали стрелы щитами, метали вверх дротики и копья – с ничтожным результатом. Те, у кого были луки, осознав, что нахрапом не получится, натягивали тетивы. Но сверху падали и падали стрелы. Застревали в щитах, скользили по доспехам. Или пробивали их, застревая в живом мясе. Но доспехи были едва ли у половины. Остальные, кто ради быстроты или дерзости пренебрег защитой, теперь платились. И тем дороже, что на крутой осыпи отбивать маленькие стальные жала было намного трудней, чем на ровном поле.

Но далеко не все германцы, очертя голову, бросились на откос. Примерно половина, сообразив, чем пахнет лобовая атака, бросились туда, где крутой берег прорезала поросшая кустарником щель оврага.

В плане Федорикса этому оврагу уделялось особое внимание. Хитрый варвар, прикинувшись торговцем (и заплатив изрядную взятку), не поленился прошлым летом самолично изучить ландшафт. Естественная щель, пронырнувшая под мостом приграничной дороги, протянувшаяся почти на десять километров, должна была скрыть германцев от римских дозоров и наблюдателей на вышках, чтобы, иглой пройдя между кольцами пограничной стражи, войско варваров внезапно возникло «из-под земли» там, где его никто не ждет.

Черепанова, естественно, «дядя Федя» в свои планы не посвящал, но опрометчиво поведал о них Варгариксу, которого рассчитывал раскрутить на участие в набеге. А Варгарикс был настолько простодушен, что поделился «военной тайной» с симпатичным Рутгером.

Правильно говаривал отдаленный потомок древних германцев в известном сериале: «Знают трое – знает свинья».

И вот сейчас Геннадий с носа застрявшего на отмели германского суденышка с удовольствием наблюдал за развитием событий. А события развивались отменно.

Изрядная часть германского войска уже «втянулась» в овраг, когда вопли и рев дополнил знакомый каждому римскому легионеру треск и грохот. Это вступили в действие

боевые машины.

Надо отдать должное «Федору»: боевая ярость не вымыла у него из мозгов способности соображать. И как только до него дошло, что натолкнулся он не на случайный патруль, а на продуманную засаду, рикс моментально изменил вектор атаки: набившиеся в овраг варвары (по крайней мере, большинство из них) круто развернулись и полезли обратно.

Это было совсем нехорошо, с точки зрения Черепанова. Он-то рассчитывал, что германцы будут, как это у них принято, слепо переть вперед – и планомерно перемалываться римской боевой машиной. А если они отступят и перестроятся – еще неизвестно, чем закончится дело. И уж совсем не хотелось, чтобы эти крутые ребята сейчас расселись по лодкам и отвалили домой. Целью Геннадия было не пресечь этот набег, а сделать все, чтобы отбить у германцев вкус к набегам как таковым. Его исходный план работал вовсе не на то, чтобы прикончить пару сотен варваров и не позволить остальным на этот раз проникнуть в провинцию. Ведь никто не может поручиться, что через месяцок эти ребята не повторят попытку.

– Не стоять! – заорал он страшным голосом. – Живо рубить лодки!

И сам, прыгнув вниз, принялся долбить днище «флагмана».

Но его «команда» облажалась. Сначала тупо глазели на приближающуюся толпу разъяренных варваров, а потом попрыгали в воду и бросились кто куда. Черт! Черепанов остро пожалел, что вместо этих недоумков «с варварской внешностью» не взял своих легионеров. Уж те не трусили бы.

Геннадий перемахнул через борт и по пояс погрузился в ледяную воду. Ничего, сейчас у него будет возможность согреться. Черепанов выскочил на берег, подхватил чей-то щит...

Но на него никто не обратил внимания.

Федорикс орал, сбивая людей в подобие строя. Но его союзники уже твердо решили, что битва проиграна, и устремились к лодкам.

Черепанов стоял, мокрый и злой, с мечом в руке – и ничего не делал. Только отшвыривал в сторону тех, кто сам на него натыкался.

Остановить всю эту массу в одиночку было невозможно.

Свистнула стрела. Геннадий машинально отбил ее щитом. Другая воткнулась в шею молодого, безбородого еще германца. Тот дико взвизгнул, выдернул – кровь обрызгала плечо Черепанова. Германец споткнулся и упал. Кто-то, в свою очередь, споткнулся о его тело и тоже упал. Моментально образовалась куча-мала из дюжины тел... По которой сверху начали прицельно бить из луков.

Геннадий поспешно отскочил подальше. Еще не хватало схлопотать стрелу от своих.

Метрах в двадцати от обрыва кое-как организованные воины Федорикса, построившись в подобие каре, пытались отстреливаться. Их оставалось около двух сотен. Остальные варвары в беспорядке грузились в плавсредства. Несколько переполненных лодок уже успело перевернуться, но с полдюжины уже отвалили от берега и выгребали к стене тумана. А, проклятый туман...

Ах ты, мать его!

Черепанов почувствовал, как в нем ожила надежда.

Туман отступал от берега. Медленнее, чем хотелось бы. Но... Это было уже не важно. Потому что прямо из белой стены навстречу удиравшим варварам степенно выплыла либуерна «Юнона» и двинулась навстречу переполненным германским суденышкам.

Варвары, как и следовало ожидать, этому не обрадовались. И «бросились» в разные стороны. Но шансов у них не было никаких. Два ряда весел «Юноны» неторопливо опускались и поднимались – при внешней неторопливости либуерна двигалась раза в три быстрее, чем варварские лодки. При этом маневрировала так точно и экономно, что можно было залюбоваться. Плавный разворот, «легкое прикосновение» к носу или корме германской лодки – и та уже плавает кверху днищем или просто идет ко дну. Новый разворот, недолгая погоня, изящный толчок невидимого тарана – и еще одна лодка превращается в дрова. Очень красиво. Но германцам было не до того. Увидев, что либуерна в

первую очередь гоняется за теми, кто плывет от берега, большинство лодок тут же развернулось в противоположную сторону. Видимо, их экипажи решили: лучше умереть в бою, чем побарахтаться немного в ледяной воде, а затем стать пищей для рыб и раков.

Тем не менее либурна успела отправить на дно еще пару лодок. А затем остановилась метрах в пятидесяти от берега и принялась садить из двух палубных «скорпионов». И свела на нет попытку германцев использовать лодки в качестве прикрытия от обстрела сверху.

А на Черепанова по-прежнему никто не обращал внимания. Не удивительно. По берегу металось не меньше сотни таких же потерявших соображение и ориентацию варваров. Многие были ранены, и обрызганный чужой кровью Черепанов отличался от них лишь тем, что не бегал, как оглашенный, а просто стоял на месте, следя лишь, чтобы никто не снес ему голову.

Лучшие воины Федорикса упорно держали строй, но их круглые щиты не годились для «черепахи». Посему то один, то другой варвар «выпадал» из строя, подстреленный лучниками. И «скорпионы» либурны били без промаха. Их длинные тяжелые стрелы, которым не помеха ни щит, ни доспех, иной раз пронзали по два тела сразу. Правда, плотность «огня» с берега существенно снизилась: у конников опустели колчаны.

Пожалуй, решишь сейчас Федорикс на решительную атаку, ему бы удалось покинуть узкую полосу у воды, ставшую для германцев ловушкой.

Но он не решился.

– Мы сдаемся! – заорал кто-то на ломаной латыни. – Не стреляйте!

Стрельба прекратилась, и германцы в строю разом уронили оружие. Одиночки, естественно, последовали их примеру.

Черепанов на всякий случай тоже отбросил щит. Вдруг какой-нибудь ретивый галл не признает кентуриона.

Увидев, что происходит на берегу, на либурне тоже прекратили стрельбу и спустили шлюпку.

Спустя четверть часа мрачные германцы, освобожденные от оружия и всего, что представляет ценность, ждали решения своей участи; ауксиларии субпрефекта Азиния собирали стрелы; а сам субпрефект препирался с кентурионом по поводу судьбы пленников.

Субпрефект настаивал, что их следует доставить в лагерь, как живые трофеи. И пусть начальство решает, что с ними дальше делать.

У Черепанова было другое мнение. А мнение «начальства», в частности трибуна Гая Петрония Магна, наверняка не совпадет с тем, что задумал подполковник.

Когда же Черепанов ознакомил со своими намерениями субпрефекта, тот не скрыл своего неодобрения.

– Это прямое нарушение эдикта! – заявил он. – Мне говорили, что Максимин способен на такое, но о тебе я был лучшего мнения. Череп! Это жестоко и расточительно. Почему бы нам не продать их куда-нибудь на юг? У меня есть знакомый негоциатор ¹⁴⁸, промышляющий работоторговлей. Хочешь...

– Не хочу, – отрезал Черепанов. – Я хочу, чтобы все они исчезли. Бесследно.

Наконец до Азиния дошло, что спорить с кентурионом Черепом бесполезно.

– Ты командуешь, кентурион, – заявил он мрачно. – Но мои люди делать этого не будут. Мне это не нравится.

– Думаешь, мне нравится? – буркнул Черепанов. – У тебя есть земли, субпрефект? – Азиний кивнул.

– Двадцать югеров ¹⁴⁹ и еще два югера виноградников. И еще производство

¹⁴⁸ Негоциатор – крупный торговец, специализирующийся на каком-то определенном товаре.

¹⁴⁹ Югер – около четверти гектара.

кирпичное. С него, скажу тебе, моей семьи главный доход и проистекает...

– А тебе понравится, – перебил Черепанов, – когда такие вот громилы сожгут твои виноградники, фабрику кирпичную и вырежут семью?

– Этого не будет, – надменно заявил Азиний. – Моя земля в Италии, к востоку от Капуи. Варвары до нее не доберутся. Никогда.

– Они и до Рима доберутся, если с ними цацкаться! – рявкнул Черепанов. – Ладно, субпрефект. Вели своим людям выкопать наверху ров: сорок шагов в длину, десять – в ширину. Глубиной в пять локтей. Дерн срезать аккуратно. Он потом понадобится. С остальным мы сами справимся. Опцион!

– У меня есть для тебя работа. Гай, – сказал Черепанов старшему Ингенсу. – Грязная работа...

К полудню они закончили. На берегу не осталось ни одного германца. Никого и ничего. Никаких следов. Тысячное войско Федорикса попросту растворилось в воздухе.

В этом и состоял замысел Черепанова, который решил, что бесследное исчезновение такого числа людей произведет на их родичей куда больший эффект, чем просто поражение.

Впрочем, кое-что от войска Федорикса все-таки осталось. Помимо обычных трофеев. Это «кое-что» было сложено в большой мешок, который позднее три дня провисел в коптильне одного колбасника, которому за это заплатили аж двадцать динариев.

Естественно, Черепанов составил доклад по всей форме, велел переписать его начисто и отправить старшему кентуриону Феррату.

Спустя три дня он получил «ответ». В лагерь прибыла неполная турма катафрактариев, коим было приказано «сопроводить кентуриона-гастата Геннадия Черепа» в Рим, куда тому следовало прибыть «не позднее пятого дня Сатурналий»¹⁵⁰, то есть не позднее двадцать второго декабря. А чтобы кентурион успел за оставшееся время преодолеть почти пять сотен миль, ему и сопровождающим предписывалось воспользоваться сменными лошадьми почтовой службы. То есть гонка предстояла еще та. И что ждало на финише – неизвестно.

С другой стороны, катафрактариям предписывалось «сопровождать» Черепанова, а не «доставить». Это слегка обнадеживало. И – Рим! Тот самый Великий Рим. Что таить, Геннадию очень хотелось на него поглядеть.

– Счастливчик! – с завистью сказал своему кентуриону Тевд Трогус. – Ты едешь в Рим!

– Подбери слюни, – ответил ему Черепанов. – Ты поедешь со мной!

– Да? – Декурион аж подпрыгнул от радости. – Виват Сатурналии!

И умчался собираться.

– Vol entem fata ducunt, nolentem trahunt¹⁵¹, – пробормотал Черепанов.

На следующее утро они выступили.

Мешок из коптильни колбасника они захватили с собой.

Часть четвертая Римский орел

*Sine dolore est vulnus quod
ferendum est cum victoria*¹⁵²

Глава первая Рим

¹⁵⁰ Сатурналии – праздники, посвященные богу Сатурну.

¹⁵¹ Желаящего судьба ведет, не желаящего – тащит (лат.).

¹⁵² Sine dolore est vulnus quod ferendum est cum victoria (лат.) – У победителей раны не болят (приписывается Публию Сиру).

- Ты был прав, – с чувством произнес Черепанов. – Это великий город.
– О да! – Трогус расплылся в улыбке. – Центр мира!

Они прибыли в Рим через Фламиниевы ворота, а до этого больше двух миль ехали по дороге тысяч надгробий, памятников, монументов, склепов... Во всей империи обочины любой дороги, прилегающей к городу или поселку, служили кладбищем. Нет, не кладбищем – растянувшимся на мили мемориалом многовековой римской славы. Некоторые памятники были восхитительной красоты: башни, колонны, мраморные статуи; иные – попроще: «скромная» стела с барельефом под сенью пары кипарисов; встречались, впрочем, и простые плиты с профилем умершего и лаконичной эпитафией. Все время, пока они ехали по Итальянскому полуострову, Черепанова не оставляло ощущение, что он движется по некоему огромному музею. И дело было не в том, что вокруг – третье столетие: к местному колориту он уже привык. Сходное ощущение у него возникало во многих европейских городах, живущих туризмом. Да и не только европейских. В том же Питере – тоже, если, скажем, пройти от Конюшенной проходными дворами мимо Капеллы к Дворцовой площади. Но здесь это был не отрезок в полкилометра, и даже не исторический центр Праги или Вены. Сотни миль. При том, что все эти великолепные дороги, обрамленные тысячами памятников и статуй, с храмами на холмах и не менее великолепными виллами, – все это было не приманкой для туристов, а утилитарными транспортными артериями для практичных и прагматичных римлян. Что же касается могил, то по их количеству и роскоши надгробий можно было судить о величине и богатстве города еще до того, как впереди покажутся ворота. И хотя большая часть умерших находила успокоение не под щедрым южным солнцем, а в темных колумбариях римских катакомб, любой путник мог за десяток миль до ворот убедиться, что Рим – величайший из городов. А ведь вся эта роскошь придорожного некрополя создавалась, разумеется, вовсе не для того, чтобы поражать воображение варваров.

Только сейчас Черепанов начал по-настоящему понимать, что значит для римских граждан их прошлое. Все эти бесконечные склепы и памятники были символами не смерти, но вечной славы тысячелетнего города. Нынешние граждане Рима никогда не забывали о выдающихся заслугах предков. И говорили о временах Ромула, как современники Черепанова – о Петре Первом, о временах Юлия Цезаря – словно о временах своих дедов. А войны Траяна, случившиеся более века назад, для Тевда Трогуса, квирита ¹⁵³ в пятнадцатом поколении, были примерно как война в Афгане – для самого Черепанова. Правда, в отличие от Афгана, те войны не привели к распаду империи, а расширили ее пределы и умножили славу. Уж если даже бесшабашный, не обремененный великими идеями и напрочь лишенный показного патриотизма парень вроде Трогуса ощущал себя в первую очередь гражданином Рима, то пресловутый *Pax Romana*, Римский Миропорядок, кое-чего стоил. И Черепанову было приятно ощущать себя частью этого Мира. И приятно было ощущать у себя на пальце золотое кольцо кентуриона, которое приравнивало его к сословию всадников, в то время как звание подполковника, да хоть генерала ВВС России, отнюдь не наделяло обладателя этого звания дворянским достоинством.

Ну да это все мелочи. Но именно на этих мелочах держится обратная связь между государством и теми, кто ему служит.

Тем не менее Черепанов был далек от идеализации здешнего общества. Ибо граждане его, точно так же, как и современники Черепанова, могли нагадить на мостовую в двадцати шагах от общественного туалета, вход в который стоит медяк.

Справа от дороги катил воды Тибр. Даже в это время года на нем было куда больше

¹⁵³ Квирит – римский гражданин. До 212 г. римское гражданство давало тем, кто им обладал, изрядные привилегии, включая освобождение от ряда налогов. В 212 г., незадолго до описываемых событий, император Каракалла с целью пополнить казну уничтожил эти привилегии, предоставив римское гражданство всем жителям империи.

судов, чем на Дунае во время навигации. И на дороге было множество людей и повозок. Целая вереница их теснилась у ворот. Товары с возов перегружали на ручные тележки. Как выяснилось, в дневное время движение транспорта по улицам Рима запрещено.

В этой толпе можно было застрять на полдня, если бы командир черепановского эскорта не подошел к делу по-солдатски – направил коня прямо на толпу. Самых нерасторопных и упрямых декурион стимулировал хлыстом. Восторга это ни у кого не вызвало, только шквал ругани, но в толпе образовалась щель, в которую смогли протиснуться остальные. Мимоходом Геннадий огрел своей «кентурионской» дубинкой шустрого воришку, вознамерившегося срезать бляху с узды черепановского коня. Пробившись к воротам, декурион катафрактариев показал стражникам значок правительственного курьера, и те моментально расчистили путь.

Да, Рим был велик. И великолепен. И при этом безобразно тесен. Даже относительно широкая виа Фламина напомнила Черепанову улицы Москвы в часы пик. Декурион эскорта страшно ругался и то и дело порывался пустить в дело плеть. Лишь однажды они уступили дорогу – носилкам какого-то сенатора. Всем прочим полагалось убраться с пути императорских вестников. Но «все прочие» не очень-то напрягались на этот счет. И на брань декуриона отвечали еще более цветистым сквернословием.

Однако поверх всей этой пестрой и беспокойной толпы высились потрясающей красоты строения. Черепанов с восхищением вертел головой, совершенно не огорченный тем, что они двигаются со скоростью больной черепахи.

Тевд Трогус, невероятно довольный реакцией командира на красоты Вечного Города, орал, перекрикивая гам толпы:

– Вон, гляди, кентурион, – мавзолей Августа... А это арка Аврелия... А вон там, впереди, справа – арка Клавдия...

Всадники эскорта тоже активно задирали головы. А вот их декурион был к великолепию архитектуры совершенно равнодушен. Все, чего он желал, – побыстрее доставить Геннадия начальству и напиться. За все время путешествия он позволил себе не больше дюжины кувшинов разбавленного вина. Потому что, отправляя его с поручением, примипил Феррат обозначил декуриону не только важность задачи, но и возможные жизненные перспективы, если декурион не поспеет в срок.

– Эй! – вдруг закричал Трогус, увидев, что их небольшая компания свернула с виа Фламина в щель между домами, которую не то что улицей – переулком стыдно было назвать. – Разве мы не к Палатину? ¹⁵⁴

– Нет! – отрезал декурион и злобно выругался: кто-то сверху выплеснул помой прямо под копыта его коня. – Нет! – зарычал он, едва не размазав по стенке какого-то бродягу с наполовину выбритой башкой. – К термам Диоклетиана.

– Это еще зачем?

– А затем, что рядом с ними – дом твоего легата, сожри тебя Орк!

Всю дорогу оба декуриона неплохо ладили, но римская публика хоть кого выведет из терпения.

– Ага, – удовлетворенно изрек Трогус. – Отлично! Заодно и помоемся! – и подмигнул Черепанову.

Глава вторая, в которой простой кентурион Геннадий Черепанов удостоивается внимания самого повелителя Великой Римской империи

Здесь было слишком много места. И слишком много золота и мрамора. В этом зале даже гигант Максимин казался маленьким.

Но когда он остановился перед возвышением, на котором стояли троны Августа и его

¹⁵⁴ Палатин – «квартал» в Риме, где располагались резиденции императоров.

Соправительницы, ему не пришлось задирать голову. Командующий Дунайскими легионами сдернул с головы великолепный шлем и опустился на колени. Черепанов последовал его примеру.

Император кивнул и сделал знак: «Поднимайтесь».

Геннадию рассказывали, что молодой Север не любит церемоний. А вот его матери они нравятся.

Мамея взирала на них сверху холодными бесцветными глазами. Главным образом – на Черепанова. Внучка Септимия Севера Юлия Авита Мамея терпеть не могла Фракийца. Об этом Геннадию тоже рассказывали.

– Ты просил аудиенции, – недовольно процедила она. – Зачем? И зачем ты притащил с собой какого-то кентуриона...

Вчера Максимин сказал подполковнику: «У римлянина должно быть три имени. А у тебя только два. Не хочешь взять еще одно? Мое».

«Если ты не против, – сказал Черепанов. – Я бы взял имя своего отца».

«Как звали твоего отца?»

«Павел», – ответил Геннадий.

«Хм-м... Ростом ты тоже невелик ¹⁵⁵. Ладно, сойдет. Все же не какой-нибудь там Вортигерн. Значит, так ты и будешь зваться: Геннадий Павел».

Мощный голос Максимиана гулко прокатился по залу:

– Его зовут Геннадий Павел Череп. И я хочу, чтобы ты, Август, и ты, Августа, увидели его.

Столпившиеся позади трона царедворцы недовольно загудели. Фракиец никого не баловал придворными манерами. Человек, которому сам прадед нынешнего императора Септимий Север позволял называть себя по имени, полагал, что может не утруждать себя подобострастными оборотами.

Черепанов наблюдал не столько за царедворцами в белых и белых с пурпуром тогах, сколько за окружившими тронное возвышение преторианцами. Преторианцам Максимин тоже не нравился. Это ясно читалось на их надменных физиономиях. Особенно на одной из них, принадлежащей старому знакомцу, трибуну гвардии Сексту Габинию Оптимияну, официально жениху Корнелии. Надо полагать, и этот здесь неспроста.

Да, Максимиана здесь не любили. Разве что сам император глядел на него без откровенной враждебности. Лишь с неодобрением.

Но Фракийцу всеобщая нелюбовь, похоже, по барабану.

«Не чересчур ли он храбр? – подумал Геннадий. Ведь легионы Фракийца – далеко, а преторианцы совсем близко».

– Я хочу, чтобы ты, Август, и ты, Августа, увидели его, – пророкотал Максимин. – Этот кентурион стоит многих, когда дело касается защиты Рима!

– Я что-то слышал о нем... От Антонина Гордиана, кажется... – невнятным высоким голосом проговорил император.

Он поглядел на Черепанова сверху. Голос Александра Севера был вялым, но взгляд – острым и внимательным.

– Не ты ли недавно помог моему трибуну Габинию во время набега варваров защитить дочь сенатора Антонина Гордиана?..

«А ведь это – великая честь, – подумал подполковник. – Со мной говорит глава Первой империи этого мира». Если принять во внимание здешнее воинское звание – это вообще невероятно. Все равно что какой-то пехотный старлей удостоился приема у президента. А ведь император – покруче, чем президент...

– Нет, ваше величество. – Черепанов не знал церемониала (никто не потрудился его просветить), но решил, что это обращение подойдет. – Ваше величество неверно

¹⁵⁵ Павел – маленький (лат.).

информировали.

– Разве? Значит, это был не ты?

– Это был я, ваше величество. Вас неверно информировали о роли достойного трибуна Габиния. Не хочу сказать дурного о доблести трибуна, собственноручно сразившего пятерых варваров, но если бы, хвала богам, мои разведчики вовремя не заметили дым, достойного трибуна постигла бы участь тех, кто не успел спрятаться или убежать.

И он был бы так же мертв, как те германцы, которые осмелились вторгнуться на землю Рима. Но тем не менее доблесть трибуна Габиния достойна восхищения, ибо она оберегала жизнь прекрасной дочери сенатора Гордиана в то, пусть и не слишком долгое, время, которое понадобилось моим легионерам, чтобы разбить варваров.

Тут Черепанов одарил трибуна вежливой улыбкой. Физиономия Секста Габиния побагровела от ярости.

– Это так, Габиний? – осведомился император.

– Я не унижусь до спора с каким-то кентурионом, – процедил трибун.

В толпе придворных раздались одобрительные восклицания.

– Это правда, мой Август! – Мощный голос Максимиана перекрыл все прочие звуки. – Действуя быстро и решительно, кентурия Геннадия Черепа уничтожила отряд, состоявший из полутора сотен варваров, которые за три дня до того практически без потерь захватили и разграбили пограничный городок Вессу, гарнизон которого составлял более двухсот человек. Я утверждаю: кентурион-гастат Геннадий Череп не только спас имение сенатора Гордиана и жизнь его дочери, но и столь дорогую моему императору жизнь трибуна Габиния, которому, конечно, стыдно признать, что он обязан жизнью «какому-то кентуриону». – Максимин усмехнулся. – Но у меня имеется подробный доклад, составленный на основании показаний многих свидетелей, которые подтверждают сказанное мной. Позволь вручить его тебе, Август... – Максимин шагнул вперед, протягивая свиток.

Трое преторианцев тут же преградили ему путь. Максимин усмехнулся и отдал свиток одному из них.

– Я прочту, – кивнул император. – Хотя у меня уже есть доклады трибуна Габиния и твоего латиклавия Петрония Магна, который во время этого события командовал Первым Фракийским. Кстати, в докладе Петрония указано, что твой кентурион нарушил императорский эдикт и подстрекал легионеров к бунту. – Голос Севера внезапно стал ледяным. – Это так?

– Бунт? – Максимин поднял бровь. – Мне об этом ничего не известно. Полагаю, что юный Петроний что-то напутал. Он так мало знает об армейских порядках, что вполне мог счесть бунтом какие-нибудь учения. Или, может, это был религиозный праздник? На этот счет мой Август может не беспокоиться. Я не допущу бунта во вверенных мне легионах! Скорее взбунтуются твои преторианцы, чем мои солдаты!

– А нарушение эдикта?

– Если Август не возражает, на этот вопрос ответит сам кентурион Геннадий.

– Не возражаю, – кивнул император.

– Ваше величество, я не слишком хорошо знаю законы империи, но сказано же: «Invitat culpam qui peccatum praeterit»¹⁵⁶. Трибун Петроний сообщил мне, что существует указ вашего величества о том, как следует обращаться с захваченными в плен воинами-варварами. Но сообщил уже после того, как виновные были казнены.

– А знай ты об этом эдикте, то, безусловно, отпустил бы пленников, верно? – Император благожелательно кивнул. – В таком случае я полагаю, что твой проступок заслуживает снисхождения.

– Прошу меня простить, ваше величество, но это не так.

¹⁵⁶ Invitat culpam qui peccatum praeterit (лат.) – против поступок, побуждаешь к худшему (приписывается Публию Сиру).

– Ты настаиваешь, чтобы тебя наказали? – удивился Север.
– Нет, ваше величество. Я ознакомился с эдиктом и понял, что он не имеет отношения к тем, кого я казнил.

– То есть? – Бровь императора поползла вверх. – Разве это были не варвары?

– Варвары, ваше величество. Но в эдикте сказано: «воины-варвары», а это были не воины, а просто разбойники. Разбойников же, ваше величество, по законам империи, как и по моему личному убеждению, следует вешать. И незамедлительно.

– И как же ты, кентурион, отличаешь варваров-воинов от варваров-разбойников? – осведомился Север.

– Воины воюют с воинами, разбойники грабят мирных жителей.

Среди придворных возникло оживление. Кто-то засмеялся. Улыбнулись император и императрица-мать. Даже кое-кто из каменнолицых преторианцев не смог спрятать ухмылки.

– Странная логика для того, кто недавно сам был варваром, – произнес Север. – А ты ведь из варваров, кентурион, судя по выговору. Так же, как и твой командир, Гай Юлий?

Максимин фыркнул. Ему не нравилось, когда напоминали о его происхождении. И Черепанов его понимал.

– Там, где я родился, воинов от преступников отличают именно так, – соврал Черепанов.

– Должно быть, странное место – твоя родина. Далеко она? – спросила императрица.

– До нее намного дальше, чем до восточных границ Скифии, – честно ответил Черепанов.

– И кем ты был там, у себя дома?

– Воином, – столь же честно ответил Геннадий. – Вождем.

– И сколь сильно было твое войско?

– Достаточно сильно, чтобы стереть с лица земли город размером с ваш город Аквилею
157 .

Аквилею Черепанов запомнил: они останавливались в этом городе по пути в Рим.

В общем, он опять не соврал. Несколько касетных бомб – и от Спалетто осталась бы куча развалин.

– Но мое воинское звание было не слишком высоко, – тут же уточнил Черепанов. – Примерно соответствовало вашему примипилу.

Вот так. Надо поднимать престиж Родины. Армия, в которой должность четвертого офицера шеститысячного воинского соединения считается «не слишком высокой» – это очень серьезная армия.

Дошло. Задумались. Один только трибун Габиний презрительно хмыкнул. Не поверил красавчик.

– А ведь он не врет, этот кентурион-гастат, – внезапно заявила Мамея. – Ты знаешь, сын, я всегда знаю, когда мужчины врут. Полагаю, что жизнь внуки нашего доброго Марка Антония ¹⁵⁸ дороже сотни жизней грязных варваров. Не говоря уже о потомке славного рода Габиниев. Ты согласен, Секст?

Лощеный трибун не отреагировал. Но столь мрачно уставился на мозаичный пол, словно изображенный на нем юный Геракл был его личным врагом.

– Думаю, нам следует наградить этого легионера, – продолжала Соправительница. – Возможно, даже возвысить его... В будущем. А сейчас, может быть, нам взять его в гвардию? Из варваров иногда получают отличные телохранители. Не так ли, Гай Юлий?

¹⁵⁷ Аквилея – город в восточной области Венеции. В описываемое время – важный торговый порт в северной Италии.

¹⁵⁸ Имеется в виду Марк Антоний Гордиан Семпрониан, бывший консулом при Каракалле и при Александре Севере (222 г.), а в описываемое время – проконсул в провинции Африка.

– Ты как всегда мудра, Августа, – буркнул Максимин.

– Он не хочет отдавать нам этого кентуриона, сын. – Императрица повернулась к Северу.

Император не ответил. Он некоторое время молча разглядывал Черепанова. Тот в свою очередь старательно изображал преданность и храбрость. Как и положено честному легионеру. А сам тем временем прикидывал, что делать, если вердикт императора окажется вредным для его здоровья. По всему выходило, что сделать ничего не удастся. По крайней мере здесь, во дворце, когда за каждой колонной – по дюжине преторианцев. Значит, остается уповать на удачу и собственное красноречие.

– Пожалуй, я прошу тебе тех германцев, – наконец изрек император. – Но учти: я прощаю тебя в последний раз. Наши настоящие враги – не германцы и скифы. Наш главный враг сейчас не на западе, а на востоке. Ардашир. – Север смотрел теперь не на Геннадия, а на Максимиана. – Запомните это и впредь не допускайте подобного.

В воздухе повисла пауза. Еще мгновение – и будет объявлено, что аудиенция окончена.

– Ваше величество! – быстро произнес Черепанов. – Мой долг – сообщить вам еще об одном событии, которое, возможно, покажется вам прискорбным...

– Что еще? – проворчал император.

– Декаду тому назад мне пришлось уничтожить еще одну шайку варваров.

– Сколько их было? – недовольно произнес Север.

– Девятьсот тридцать шесть, – четко ответил Черепанов.

– Сколько? – Брови императора поползли вверх.

И не только у него.

– Девятьсот тридцать шесть. Может, немного больше. Некоторая часть варваров утонула, и сосчитать их было затруднительно.

Север перевел взгляд на командующего дунайскими легионами.

– Я как раз намеревался доложить об этом Августу, – заявил Максимин.

– И что же, ты уничтожил тысячу варваров силами одной кентурии? – осведомилась Мамея. – Это были дети и женщины?

– Нет, ваше величество. Это были вооруженные разбойники, предводительствуемые неким Федориксом.

– Я слышал это имя, – пробормотал император.

– Он присутствовал на переговорах в Сирмии, – напомнила Мамея. – Отвечай мне, кентурион!

– Да, ваше величество. Кроме кентурии, в моем подчинении было десять турм вспомогательной кавалерии, которыми командовал субпрефект Азиний.

– Три сотни всадников?

– Три с половиной, ваше величество.

– И как же тебе это удалось?

– Я заманил их в ловушку, ваше величество.

– Хочу добавить, Августа, – прогудел Максимин, – что потери самого кентуриона Геннадия составили шесть человек убитыми и двадцать – ранеными.

Император и его мать переглянулись.

– В это трудно поверить, – пробормотал император. – Кто-нибудь из этих варваров выжил и может подтвердить твои слова?

– К сожалению, нет, – покачал головой Черепанов. – Мне показалось, что если шайка в тысячу варваров просто исчезнет, это произведет значительный эффект на других разбойников. Заставит их задуматься. Больше, чем обычное поражение.

– Обычное поражение! Отлично сказано! – Император оживился. На какое-то время из-под маски умного и осторожного политика выглянул азартный мальчишка.

Придворные загудели. Даже высокомерные преторианцы теперь поглядывали на Черепанова с интересом.

– Это по-прежнему не более чем слова, сын, – заметила императрица. – Только слова.

– Если ваше величество желает, я могу представить доказательства, – произнес Черепанов. – Снаружи ждет мой декурион. Доказательства – у него.

Императрица кивнула, и тут же двое преторианцев выбежали из зала.

Они вернулись через минуту, ведя изрядно смущенного Трогуса с большим мешком.

Черепанов взял у него мешок, развязал и высыпал содержимое на великолепный мозаичный пол. Содержимое, совершенно неуместное ни на этой мозаике, ни в этом зале. Сотни отрезанных ушей.

В мочках многих тускло поблескивало золото. Черепанов запретил своим выдергивать серьги. Поверх омерзительной кучи Геннадий хладнокровно водрузил еще более омерзительный предмет: отрубленную голову вождя Федорикса.

– Считают ли ваши величества это достаточным доказательством моих слов? – в наступившей тишине осведомился Геннадий.

Первой нарушила молчание императрица.

– А ведь он варвар, сын мой, – громко произнесла Мамея. – Он – настоящий варвар. Дикий варвар, который уже служит Риму. Естественно, он служит нам по-варварски. Но, заметь, его служба лучше, чем его латынь...

«Немедленно найму грамматика», – решил Черепанов. Упоминания о его «варварской латыни» Геннадия достали.

– И это – следствие нашей политики, сын мой, – продолжала Мамея. – И знак того, что боги благоволят нашему правлению.

– Ты права, – с важностью произнес Север. – Ты будешь вознагражден, кентурион. И я не стану наказывать тебя. Но впредь ты должен следовать нашей продуманной политике. Как это сделал недавно легат Одиннадцатого легиона, подписавший союзный договор с двумя захваченными в плен вождями гетов.

– Слушаюсь, ваше величество! – рявкнул Черепанов. – Позволено ли мне будет спросить?

– Спрашивай, – благосклонно разрешил император.

– Разрешено ли мне будет убивать варваров, а не брать их в плен в том случае, если на их стороне будет значительный численный перевес?

Император улыбнулся. Теперь, когда «оказалось», что Черепанов – «результат нашей продуманной политики», Север проникся к нему явной симпатией.

– Разрешаю, – кивнул он. – Но только если их будет больше, чем твоих солдат. А за то, что уже сделано, ты получишь заслуженную награду. Ты и те из твоих людей, кто проявил храбрость. Можешь удалиться. И ты, Гай Юлий Вер, – тоже.

Я вызову тебя позже.

Черепанов и Максимин синхронно поклонились, развернулись и двинулись к выходу: громадный квадратный командующий армией Данубия и Ренуса и в полтора раза уменьшенная «копия» легата – нормального роста кентурион-гастат Геннадий Череп.

– Ты храбрый малый, кентурион, – пробасил Максимин, когда они уже спускались по мраморным ступеням, мимо белых колонн, золоченых статуй и неподвижных, как статуи, преторианцев. – Твоя шкура чудом осталась целой. Видно, боги очень любят тебя.

– Как и тебя, – усмехнулся Черепанов, задрав голову, чтобы взглянуть в лицо командующего. – Скажи, что там за победу одержали легионеры Одиннадцатого?

– За такую победу легату надо голову оторвать! – рявкнул Фракиец так громко, что стайка бродивших по ступеням голубей в испуге взмыла в небо. – Если бы не твой приятель Аптус, эти скифские головорезы смылись бы со всей добычей.

А «политичность» легата Дидия Метелла стояла нам двухсот человек. Среди которых – мой принцепс Асклит, который стоял сотни таких, как этот осел Метелл. А «новые союзники», клянусь всеми богами Рима, следующей осенью опять заявятся грабить.

Я знаю обоих и ничуть в этом не сомневаюсь!

– Если так, то стоит ли вообще следовать «продуманной политике» нашего императора? – заметил Черепанов.

Максимин резко остановился.

– Слушай меня, кентурион! – прорычал он, нависая над Геннадием. – Мы будем следовать его политике! И я, и ты, и твой дружок Аптус, и все упрямые умники в моих легионах! Мы будем делать все, что прикажет нам император! Потому что он – император Рима! И пока он – император, будет только так, и не иначе! Тебе ясно, кентурион?

– Ясно! – почему-то ярость Максимиана его совершенно не испугала. Зато одна из фраз командующего намертво отложились в памяти кентуриона.

«Пока он – император, будет только так, и не иначе!» Пока Александр Антоний Север остается императором...

И в этот же миг Черепанов понял, даже не понял – осознал, что император Александр Север – не тот, кому удастся усидеть на троне Великого Рима. Слишком он мягок для своего жестокого времени. Так что «пока» – это вполне конкретное слово. А жаль. Этот умный и отнюдь не жестокий юноша, облаченный в императорский пурпур, Геннадию понравился. Но чутье говорило подполковнику: сейчас неподходящее время для мягких политиков и просвещенных монархов. Чтобы устоять, Риму нужен не политик, а полководец. Хитроумный, стремительный и жесткий. Такой, как Максимин.

Глава третья, в которой подполковник Черепанов посещает древнеримский театр

Прошло три дня. Геннадий пребывал в ожидании. В Палатин его больше не приглашали, хотя Максимин, в чьем доме жил Черепанов, ездил туда ежедневно. Иногда вместе с сыном, Максимином-младшим, потрясающе красивым юношей, умным, образованным и тактичным. И этим приятно отличавшимся от бесцеремонного и вспыльчивого отца. Впрочем, Максимин-старший не получил того классического воспитания, какое сумел дать сыну.

Познакомился Черепанов и с женой командующего. Ее звали Паулиной, она была лет на двадцать моложе мужа и все еще весьма привлекательна.

И она была единственной, кто был способен возражать Фракийцу без риска оказаться со сломанной шеей.

Жить у Максимиана было выгодно (бесплатно и к центру событий близко), но хлопотно и утомительно. В доме постоянно ели. И постоянно толклись какие-то попрошайки. И приходилось постоянно выслушивать хвастливые речи хозяина. И поддакивать, иначе хозяин обижался. И – никакого уединения. Не слишком большой (по римским меркам) дом был под завязку набит слугами: рабами, вольноотпущенниками, бедными родственниками, престарелыми ветеранами, с которыми Максимин когда-то служил... От всего этого столпотворения у Черепанова возникало чувство, будто он находится не в доме, а на каком-нибудь форуме. Вдобавок неподалеку от дома находился рынок, и всю ночь напролет под окнами черепановской спальни грохотали повозки и ругались погонщики.

Не выдержав, Геннадий велел Трогусу подыскать какое-нибудь тихое и приличное место. Подальше от рынков.

Тевд справился с задачей на удивление быстро. Снял Черепанову квартиру с отдельным входом на первом этаже небольшой инсулы ¹⁵⁹ с полной обстановкой, в которую входили рабы: повар и слуга. К числу достоинств арендованного жилища относилось наличие водопровода и канализации – большая редкость для здешних многоэтажек. Правда, и цена оказалась такой, что Черепанов только вздохнул. Он-то считал себя богатым человеком... Впрочем, Трогус заверил кентуриона, что это еще дешево. Летом,

¹⁵⁹ Инсула – большой многоэтажный дом, помещения в котором, как правило, сдавались внаем. Часть квартир в них, особенно на нижних этажах, были весьма неплохи. Иные даже роскошны. Но большинство представляли собой тесные бедные каморки. Установленная законом предельная высота инсул: четыре или пять этажей.

когда начинается «дачный» сезон, цены на жилье в Риме немного меньше, но зимой они просто сумасшедшие. И вообще, просто пофартило, что чиновник, проживающий в этих апартаментах, срочно отправляется в Капую и пробудет там до конца января.

В общем, на следующий день Черепанов переехал и впервые за все время пребывания в Риме нормально выспался.

Истый «культурный» римлянин Трогус повел Черепанова в театр. Лучший в Риме театр Марцелла, расположенный рядышком со зданием Цирка Фламиния, куда, как заявил Тевд, они тоже обязательно сходят. Когда будут гонки.

Театр Марцелла не был самым большим. Самым большим был театр Помпея, вмещавший в два раза больше народу. Что, собственно, и было его главным недостатком. Вообще-то, как сообщил Трогус, им с кентурионом повезло. Театры в Риме «работают» только с апреля по ноябрь. Но поскольку сейчас праздники, а зима довольно теплая, актеры дают несколько представлений.

То, что римский театр существенно отличается не только от тех, к которым Черепанов привык, и даже от маленького провинциального театра в Августе, Геннадий начал догадываться прежде, чем они вышли из дома. Когда Трогус прихватил с собой две пары подушек, сообщив, что, мол, и летом на мраморе можно задницу отсидеть, а уж зимой и вовсе отморозить. Но Черепанову в голову не могло прийти, насколько велики эти отличия.

Несмотря на величественность самого здания, происходящее внутри больше всего напоминало спортивный матч. Фигурки актеров где-то внизу, на сцене, казались совсем крохотными. И это при том, что Тевд откупил им места не на самом верху, а на «средних ярусах». Но если, благодаря отличному зрению, Черепанову удавалось разглядеть даже детали ярких актерских масок, то услышать что-либо на таком расстоянии было совершенно невозможно. Нет, акустика в театре была превосходной. Если бы зрители хранили молчание... Но они его хранить не собирались. На трибунах царила вполне раскованная атмосфера. Нечто среднее между футбольным матчем и грандиозной пирушкой на свежем воздухе. Внизу, на подиуме, прыгали и кривлялись актеры, сменялись декорации, происходило какое-то действие, видимо, отлично известное всем (кроме Геннадия) присутствующим, поскольку те шумно его обсуждали. На первых порах Черепанов еще получал какую-то информацию от Тевда. Например, что актер в красном – это бедняк, а смуглые маски принадлежат мужским персонажам, в отличие от бледных женских. Но потом Тевд увлекся дискуссией с соседями, и ему стало не до кентуриона.

Наблюдать за происходящим на сцене было скучно, поэтому Черепанов развлекался, наблюдая за зрителями. За исключением тех, кто расположился в самом низу (сливки римского общества), публика оттягивалась безо всяких комплексов. Орали, свистели, шипели, в полный голос подпевали хору на сцене. Будучи недовольными, кидали вниз недоеденные продукты питания, причем большинство «снарядов» до сцены не долетало, а обрушивалось на головы нижесидящим. А те в свою очередь громко высказывали свое неодобрение. Впрочем, некоторым броски удавались. Один из зрителей, сидевший на пару рядов ниже Черепанова, сдернув с шеи шарф, изготовил «пращу» и с большой сноровкой запустил в не понравившегося актера каким-то фруктом. И попал. Соседи приветствовали меткий бросок одобрительным ревом.

Нет, если говорить честно, когда Черепанов по привычке, то понял, что ему здесь поинтересней, чем на какой-нибудь там опере. Веселее. Ну разве в нормальном театре на вас сверху может свалиться пьяненькая, но вполне симпатичная женщина? Или несколько менее симпатичный мужчина, которого зато можно взять за шкирку и отправить этажом ниже?

В общем, Черепанов получил удовольствие. Хотя не совсем то, которого ожидал. Например, у него трижды пытались срезать кошелек. Когда тебе действительно срезают кошелек, это не слишком радостно. Но когда тебе удастся перехватить цепкие пальчики и отвесить их хозяину хорошего леща – совсем другое дело!

На обратном пути Черепанов с Тевдом зашли в храм Сатурна (у Трогуса были с данным богом какие-то личные дела), а затем – в ближайшую таверну. Оттуда отправились в

термы. Примерно как в клуб. Покидали мяч с какими-то парнями из Генуи, потом ополоснулись и разошлись. Черепанов – в здешнюю библиотеку, а Трогус с генуэзцами – играть в кости.

Пока Черепанов в зимнем саду изучал основы римского управления, Трогус успел продуть двенадцать динариев. Был возмущен и громогласно утверждал, что все генуэзцы – мошенники. Потом успокоился и заявил, что послезавтра в Веспасиановом Амфитеатре – мунера, то бишь травля диких зверей, а потом – гладиаторские бои. Поэтому завтра они идут в цирк.

– На войне на кровищу не насмотрелся? – буркнул Черепанов. – Мало тебе?

– Да что я – лавочник! – возмутился Трогус. – Не в этом дело!

Дело было в том, что Тевд только что «от вполне надежных людей» узнал имя ретиария 160, который завтра точно победит. С другой стороны, Игры – это не только смертоубийство, а большой праздник. Завтра сам Август будет присутствовать. И вообще, Черепанов просто обязан хотя бы разок поглядеть мунеры и все сопутствующие им церемонии.

– Ладно, – согласился Черепанов. – Так и быть, сходим.

Но когда они вернулись домой, Геннадию пришлось изменить планы. На ступеньках у входа в его квартирку сидел раб, посланный не кем-нибудь, а сенатором Антонием Гордианом. Сенатор предлагал кентуриону Геннадию встретиться с ним завтра в третьем часу. В доме сенатора.

И это было предложение из тех, от которых не отказываются. Тем более что Черепанов с самого приезда в Рим лелеял надежду увидеться с Корнелией.

Глава Четвертая, в которой Черепанов узнает о том, что является «проходной пешкой» 161.

Семейству Гордианов (как поведал Черепанову всезнающий Трогус) в Риме принадлежало довольно много домов. В том числе и знаменитый «дом Помпея» 162. Особняк, в который был приглашен Черепанов, не был столь роскошен, зато располагался в привилегированном месте: между гигантским кольцом Веспасианова Амфитеатра (который позже нарекут Колизеем) и банями, возведенными Траяном, последним из римских императоров-завоевателей.

Отделенный от шумных улочек стеной и парком, дом сенатора, несомненно, относился к числу архитектурных шедевров: почти невозможное сочетание легкости и монументальности, присущее некоторым здешним храмам. И когда после очередного поворота выложенной розовым камнем платановой аллеи дом внезапно и целиком возник над кронами высоченных деревьев, это производило впечатление. Особенно если учесть, что одноэтажное здание было значительно ниже вековых платанов. Восхищенный Черепанов замер, любуясь открывшимся великолепием. Искушенный слуга-грек остановился мгновением раньше и ждал, внимательно наблюдая за гостем. Позднее он доложит хозяину, что кентурион Геннадий не глазел на строение, аки дикий германец, а созерцал красоту, как положено цивилизованному человеку.

Черепанов, естественно, понятия не имел об этом маленьком тесте.

У колоннады, украшенной по фронтому искуснейшей лепкой, гостя встречал сам

160 Существовали четыре традиционных типа гладиаторов: ретиарий, мурмиллон, самнит и фракиец. Ретиарий – гладиатор, сражавшийся трезубцем и сетью.

161 В шахматах – пешка, которая может стать ферзем.

162 Помпей (106—48 гг. до Р. Х.) – римский консул и военачальник, один из триумвиров-соправителей, правивший вместе с Цезарем и Крассом. В 49 году, когда этот союз распался, армия Помпея была разбита войском Цезаря.

хозяин дома, благородный сенатор Антонин Антоний Гордиан. В «форменной» тоге с пурпурной каймой и с широкой улыбкой на чеканно-благородном лице, обрамленном светлой, аккуратно подстриженной бородкой. Наверняка личная встреча тоже была частью продуманной игры. Сначала Черепанова минут пять продержал по ту сторону ворот, из-за которых на него злобно рычали два здоровенных барбоса, а потом сам вышел ему навстречу.

Гость и хозяин обменялись церемонными приветствиями, после чего Геннадия любезно пригласили внутрь.

Спустя несколько минут хозяин и гость, как равные, возлежали в триклинии с венками на головах и вкушали изысканные яства, ниспосланные сенатору щедрыми римскими богами, коим, разумеется, от этих яств была пожертвована положенная толика. Богам и предкам, чьи бюсты стояли вдоль одной из стен, аккуратно под великолепной фреской, изображающей одного из пращуров сенатора рядом со знаменитым Сципионом в битве у Маргарона ¹⁶³, как явствовало из надписи. Несмотря на прошедшие четыре с лишним века, между предком и потомком наблюдалось несомненное сходство. Возможно, в этом была не одна лишь заслуга генов, но и мастерство художника. Краски фрески были слишком яркими для нескольких веков.

После соответствующих изъявлений благодарности за спасение дочери (где она сама, интересно?) и соответствующих «не стоит благодарности» со стороны Черепанова сенатор Гордиан принялся за дело. То есть за «обработку» Геннадия, целью которой было доказать, что он, сенатор, замечательный человек и лучший друг кентуриона.

Не будь Черепанов выходцем из лицемерного двадцать первого века, он вряд ли устоял бы. Впрочем, и в двадцать первом сенатор, несомненно, имел бы успех, потому что красноречие его было выше всяких похвал, а внешность, безусловно, располагающая и мужественная. Высокий, отлично сложенный сенатор, в отличие от многих своих «коллег», не пренебрегал физкультурой и не злоупотреблял обжорством: налегал в основном на фрукты. Зато, по словам того же Трогуса, слыл в Риме большим любителем женщин.

Вдобавок патриций оказался неплохим психологом и довольно быстро определил, что его «охмуряж» работает вхолостую. И с ходу сменил имидж.

– Однако ж все это пустые слова, – заявил он. – Хотя не скрою, что ты, Геннадий, мне по-человечески симпатичен. И весьма интересен как личность. Ибо ты для меня – загадка.

Черепанов вежливо улыбнулся.

– Моя дочь кое-что рассказала о тебе. – Сенатор пригубил поднесенное слугой вино, качнул головой – не то.

– Она достаточно умна, чтобы не считать дикарем любого, кто скверно говорит по-латыни. Но ее слишком увлекла твоя мужественность, чтобы заподозрить в тебе двуличие. – Сенатор отпил из другой чаши и благосклонно кивнул: хорошее вино, можно подавать.

– Двуличие?

– Да, именно так. Два лица. Как у бога Януса ¹⁶⁴ (Черепанов в очередной раз

¹⁶³ В этой битве в 202 г. до Р. Х. римляне разбили войска карфагенян, предводительствуемых Ганнибалом.

¹⁶⁴ Обращаю внимание читателя, что понятие «двуличный» в качестве отрицательной оценки возникло намного позже, вероятно, во времена Шекспира. В Древнем Риме, напротив, двуличность воспринималась как позитивный термин. Два лица бога Януса, обращенные одно в прошлое, другое – в будущее, несли положительное начало. Силу и решительность – с одной стороны, мудрость и дружелюбие – с другой. Одно из исконных (не заимствованных у греков) римских божеств, Янус считался богом Порога (границы), дверей, входа-выхода и всякого начала. Предполагалось, что он отпугивает чужаков и демонов и приглашает тех, кто приятен хозяину. То же – и на государственном уровне. Во время войны ворота храма Януса открывались, а в мирное время закрывались. Это был символический акт.

Как бог, знавший прошлое и будущее, Янус был всеведущ. Его атрибуты: две короны, посох и ключ означали, что он:

а) управляет двумя царствами (видит два пути одновременно), б) является покровителем дорог и мер (расстояний и чисел),

пообещал себе выкроить время и поплотнее заняться римской мифологией.) И меня, скажу откровенно, более интересует твое второе лицо. Позволь спросить тебя... – Тут сенатор разразился длинной фразой на незнакомом Черепанову языке. Он сумел уловить только одно слово: «Ардашир». Имя повелителя Парфии.

Высказавшись, сенатор с большим вниманием следил за реакцией Черепанова. Реакция, естественно, была нулевой.

– Что ж, – с некоторым разочарованием резюмировал Гордиан, – вижу, ты меня не понял. Следовательно, ты вряд ли являешься лазутчиком Ардашира. Но коли так, то я даже и предположить не могу, чьи интересы ты представляешь.

– Свои, – честно ответил Черепанов. – И моих друзей.

– И кто же твои друзья?

– Пожалуй, Максимин Фракиец относится к их числу, – подумав, произнес Геннадий. Сенатор рассмеялся.

– Ты умеешь говорить правду, – признал он. – И при этом не говорить ничего. Ты понравился императрице.

Черепанов пожал плечами.

– Она не любит твоего друга Максимиана. К тому же она очень умна и хитра, как волчица. Она увидела в тебе возможную альтернативу Фракийцу.

– Не понял?

– Гай Юлий Вер Максимин – лучший полководец Рима. Но он слишком независим. И слишком любим своими легионерами. Мамея увидела в тебе того, кто способен стать конкурентом Фракийцу. Ты достаточно талантлив и решителен для этого.

И у тебя есть понятие чести. Если тебя возвысить, ты будешь предан ее сыну.

– Но Максимин верен императору Северу! – возразил Черепанов. – Я это вижу!

– Ты прав. – Сенатор улыбнулся. – Гай Юлий предан императору Северу. Септимию Северу. Тому, кто поднял и возвысил его самого. В нынешнем Августе он видит лишь правнука Септимия. Мамея это знает. И ее сын тоже. Но они вынуждены доверять ему. Потому что за Фракийцем – преданные лично ему данубийские легионы. А Максимин – он далеко не глуп и очень тщательно следит, чтобы эта сила оставалась силой и стояла именно за ним. И стоило нашим Августам попытаться лишиться его этой силы, удержав легионы на востоке, как Фракиец немедленно принял меры. Сразу несколько германских племен вторглись в наши западные провинции. Как только в легионах об этом узнали, там моментально начались волнения. Тогда Максимин явился к императору и потребовал, чтобы данубийские легионы вернули с востока домой. И император вынужден был уступить.

– Я не думаю, что вторжение варваров было организовано Максиминим, – заметил Черепанов.

– Я тоже так не думаю, – мягко произнес Антонин Антоний. – Но так думает Мамея. Поэтому сейчас наши Августы озабочены тем, чтобы ослабить влияние Фракийца и перетянуть германцев на свою сторону. Хотя бы федератов.

– Но я – человек Максимиана! – возразил Черепанов. – Он дал мне это. – Черепанов щелкнул по золотому кольцу кентуриона. – И он подталкивает меня вверх по лестнице. Разве нет?

– Да. – Сенатор улыбнулся. – Сейчас все выглядит именно так. Но вчера во всеуслышание было объявлено, что ты – не варварский вождь, принятый на службу Максиминим, а «успешный результат политики императора по мирной романизации

в) является создателем и хранителем дверей и запоров (включая небесные врата). Будучи богом времени, он имел на правой руке начертание «CCC» (римское «300»), а на левой «LXV» (римское «65»), что соответствовало количеству дней в году. И это далеко не все, на что был «способен» этот римский бог. Так что слова о «двуличности» – комплимент. И небольшая иллюстрация того, как, несмотря на изрядное сходство между нами (по моему скромному мнению) и древними римлянами, отличия были тоже изрядные. Хотя все мы постоянно поминаем этого вроде бы забытого бога, поскольку первый месяц года, январь, назван в его честь.

варваров». Улавливаешь разницу?

– У тебя отличное вино, сенатор, – сказал Черепанов. – Все, что ты хочешь получить, – высшего качества, да?

– У меня самое лучшее вино, какое только можно достать в империи, – поправил Антонин Антоний. – Не «очень хорошее», а «самое лучшее». Я беру только самое лучшее, кентурион. Я понял твой вопрос.

И отвечу на него. Да, я заинтересован в тебе. Ты человек, который менее чем за год сумел стать заметной фигурой в Риме исключительно благодаря своим личным достоинствам. Еще до того, как я увидел тебя, я услышал о тебе много хорошего – от моей дочери.

И много плохого – от ее нареченного жениха.

– Да неужели? – Геннадий усмехнулся.

– Секст Габиний – настоящий римлянин. И настоящий патриций из патрицианской фамилии. Разумеется, не столь древней и славной, как моя, но весьма достойной. – Сенатор отпил вина, закусил персиком. – Ты публично унизил его. И унизил бы еще больше, если бы не заступничество моей дочери, верно?

Черепанов хмыкнул.

– Можешь в этом не сомневаться, – заверил он. – Может быть, трибун Габиний и настоящий патриций, но мне он тогда показался богатым и безмозглым наглецом. И пока я не узнал ничего, что заставило бы меня изменить мое мнение. И я опечален тем, что твоя дочь станет его женой. Она достойна лучшего мужа.

– Ты неправ, – мягко возразил сенатор. – И в отношении Секста, и в отношении того, что он станет мужем Корнелии.

Черепанов уставился на сенатора. Вот так сюрприз! Неужели...

Нет, он слишком много о себе возомнил. Сенатор вовсе не намеревался предложить ему стать зятем.

– Видишь ли, друг мой Геннадий, моя дочь допустила серьезную оплошность. Своим заступничеством она унизила храброго Секста куда больше, чем ты. Я знаю Секста с детства. Он очень горд.

И очень злопамятен. И никогда не простит Корнелии унижения. А я люблю свою дочь и расторгну помолвку. Например, потому, что предзнаменования по поводу их брака будут настолько неблагоприятны, что помолвку придется расторгнуть. Конечно, это обойдется недешево. Но я достаточно богат, а в Риме хватает юношей из родов не менее благородных, чем род Габиниев.

Сенатор поправил венок и с гордостью оглядел шеренгу «родственников» бюстов.

– Но тебе не следует забывать, – заметил он, – что ты обзавелся сильным и опасным врагом. Сексту весьма благоволит наш император, а его отец пользуется немалым влиянием в Сенате. Впрочем, не большим, чем я, – добавил Антонин Антоний не без гордости. – Однако ж вернемся к тебе, – продолжал сенатор. – Ты сейчас – самый младший кентурион в легионе. Но уже сумел доказать, что являешься отменным военачальником. И пользуешься в легионе уважением, совершенно несопоставимым с твоим скромным званием. Ты настолько уважаем, что попытка ущемить твои права вызвала чуть ли не бунт. И заместитель командующего вынужден был уступить младшему из своих офицеров.

– Я был прав, – заметил Черепанов. – И знаю, что все остальные офицеры были на моей стороне.

– Ну да, – кивнул сенатор. – Но это лишь означает, что в критической ситуации легион пойдет не за трибуном-латиклавием, а за тобой. Хотя ты – самый младший из офицеров.

– В критической ситуации легион пойдет за Максимин! – заявил Черепанов.

– Пока – да, – кивнул его собеседник. – Но у Максимиана есть один серьезный недостаток. Он – Максимин. Самый большой. Во всем. И не забывает напоминать об этом. И еще он очень вспыльчив. И очень жесток. Иногда я радуюсь, что ему никогда не стать императором. Это был бы тиран страшнее Калигулы.

– Почему ты считаешь, что Максиминоу никогда не стать императором? – заинтересовался Черепанов.

Он-то как раз считал, что из Фракийца выйдет отличный император. Правда, он почти ничего не знал о Калигуле. Тот образ, который был создан современными ему кинорежиссерами, выглядел весьма сомнительно.

– У Максимино нет опоры в Риме, – пояснил Антонин Антоний. – Он ненавидит Сенат. И Сенат отвечает ему тем же. Некоторые сейчас готовы поддержать его, потому что считают полезным. Некоторые склонны поиграть на противоречиях между ним и Мамеей... Но все мы знаем, что лев на цепи это совсем не то, что лев на свободе.

– Но, кроме Сената, есть еще и народ, – заметил Черепанов. – Народ любит победителей.

– Народ? Народ Рима? – Антонин Антоний расхохотался. – Народ Рима любит победителей, это верно! Но народ считает победителем того, о ком ему скажут: вот победитель!

Как ты думаешь, кого римляне считают победителем парфян? Максимино? Или Александра, которому Сенат устроил триумф и который закатил по поводу победы многодневные Игры? Народ Рима, Геннадий, любит тех, кто устраивает праздники и раздает зерно. А командующий Максимин никогда не станет развлекать народ, чтобы добиться его переменчивой любви. Ибо считает, что ему достаточно любви своих легионеров.

– Думаю, он прав, – сказал Черепанов. – Двух армейских легионов хватит, чтобы разогнать весь этот сброд. И еще одного – чтобы выбить спесь из преторианцев. Сколько их в городе? Три когорты?

– Две, – уточнил сенатор. – Разогнать можно. Цезарь в свое время это доказал. Но то был Гай Юлий Цезарь. А Гаю Юлию Максиминоу до него далеко. Однако мы отвлеклись. Ты знаешь, что я пригласил тебя не только чтобы поблагодарить. Ты мне интересен, Геннадий Павел. Ты мне непонятен. И это привлекает меня. Но я чувствую, что ты – человек особых достоинств. И можешь достичь многого. Поэтому я, Антонин Антоний Гордиан, предлагаю тебе свою поддержку...

– В обмен на...

– В обмен на твою дружбу. – Сенатор одарил его открытой улыбкой.

– И только?

– Дружба такого человека, как ты, Геннадий, в наше переменчивое время может стать очень большой ценностью.

Черепанов пожал плечами.

– Ты преувеличиваешь мой потенциал, – сказал он.

– Возможно. Но это мой риск. Итак, ты согласен?

– Ну разумеется! – Черепанов засмеялся.

Он прекрасно знал, что радушие политика стоит не дороже недоступности проститутки. И вряд ли в этом времени дело обстоит иначе. По крайней мере, проститутки здесь такие же. Другое дело – конкретная выгода. Но что скрывать, предложение сенатора ему польстило. Дружба с представителем одной из лучших патрицианских фамилий – это не полкило фаршированных фиников.

– И чем же мы скрепим наш союз? – спросил он. – Клятвой богам?

– Ну не контракт же нам подписывать? – усмехнулся Антонин Антоний. – Юпитер свидетель, я говорю искренне.

И плеснул немного вина в сторону того угла, где, как бы возглавляя череду «предков», возвышалась статуя Юпитера.

– В таком случае я клянусь благосклонностью Венеры, что не использую во вред сказанного тобой сегодня, – произнес Черепанов и тоже плеснул в сторону мраморного изображения богини, которая ничего не возглавляла, зато изваяна была в позе весьма фривольной.

– И пусть Янус, который явно благоволит тебе, скрепит наше начинание! – на этот раз

очень серьезно и торжественно провозгласил Антонин Антоний.

Они осушили чаши.

– А теперь, – Черепанов усмехнулся, – когда мы с тобой уже заключили союз, может, ты скажешь мне правду?

– Какую именно? – Сенатор тоже улыбнулся, обаятельно и чуточку простодушно. – Какую правду ты хочешь услышать, друг мой?

– Ту самую. Для чего потомку победителей Ганнибала, патрицию, чей род восходит к основателям Рима, понадобился какой-то младший кентурион, никому не известный и вдобавок варвар с отвратительной латынью? Неужели только потому, что этот варвар удостоился мимолетной благосклонности императора?

Сенатор засмеялся.

– Если я скажу: это желание богов? – весело проговорил он. – Ты мне поверишь?

Черепанов покачал головой.

– А если я скажу: мне нравятся твои глаза?

– Под каким соусом? Рыбным или фруктовым?

Гордиан вновь расхохотался.

А потом улыбка внезапно сошла с его лица: как будто сдернули маску.

– Ты прав, – сказал он. – Твоя латынь омерзительна, а благосклонность Августов – временна. Но есть нечто – важнее желаний богов и прихотей владык. Важнее Сената и народа Рима. Важнее его императоров... Это сам Рим, Геннадий. Вечный и неповторимый. Я вижу твои глаза, кентурион. Я вижу, как ты смотришь. Я не знаю, кто ты. Но я знаю, кем ты можешь стать. Не человеком Максимиана. Не ставленником Александра или Мамеи... Гражданином Рима!

«Да, – подумал Геннадий. – Ты прав, я могу.

И стану. Только не гражданином города Рима, а гражданином Римской империи. Я им стану! И буду драться за эту империю! И сделаю все, чтобы она – была! Она того стоит, черт возьми! А я не хочу, чтобы засранцы-политиканы просрали ее, как просрали мою Родину!»

– Теперь ты мне веришь? – сухо спросил сенатор.

– Да. И ценю твое доверие.

– Цени, – кивнул патриций. – Если ты передашь мои слова Августу, это может стоить мне должности претора.

– Ну это вряд ли... – усмехнулся Черепанов. – С моей латынью император даже и не поймет, что я ему сказал.

Гордиан расхохотался.

– В таком случае я знаю, что тебе подарить! – объявил он. – У меня есть раб, грек, который превосходно обучает грамматике и риторике. Я пришлю его тебе сегодня, Геннадий, потому что ты прав: твоя латынь ужасна. У моего друга не может быть такого произношения.

– Принимаю и благодарю. – Черепанов церемонно наклонил голову. – Право, даже не знаю, чем мне отдариться. У меня нет ничего, достойного этого дома и его хозяина.

– Ты уже отдарился, – возразил сенатор. – На много лет вперед. Твой подарок – жизнь моей дочери.

«Ну да, – подумал Черепанов. – А я в качестве ответного дара охотно принял бы не ратора, а Корнелию».

Глава пятая Колизей

Корнелию он увидел спустя два дня. На скамье подия ¹⁶⁵ Амфитеатра Веспасиана.

¹⁶⁵ Подий – широкая терраса рядом с ареной. В лучшем месте подия располагается императорская ложа. Остальные места принадлежат сенаторам, послам и т. п. Над подием располагается собственно амфитеатр, разделенный на три яруса. Размеры Колизея таковы, что он был способен вместить 50 тысяч зрителей. Первые

Сюда, на места, зарезервированные для семейства Гордианов, Черепанов был приглашен со всей обстоятельностью. И его право на проход было зафиксировано не на глиняном «билете», а на листе папируса с личной печатью сенатора.

Единственное, что слегка омрачило радость Черепанова, это присутствие расфранченного трибуна Секста Габиния. Судя по вытянувшейся физиономии последнего, появление Черепанова тоже не привело его в восторг.

Но на этот раз он воздержался от реплик по поводу «всяких варваров». Потому что за эти два дня произошло многое.

Во-первых, Черепанов удостоился еще одной аудиенции императора. На этот раз – только императора. Без «соправительницы».

На этой аудиенции Черепанову был торжественно вручен тот самый венок «за спасение гражданина», который ему прочили соратники. И денежная премия в размере двух годовых «окладов». И золотая фалера с изображениями Александра и Мамеи. Кроме того, он получил отдельную награду как «лучший кентурион» и перстень с профилем императора, дающий ему право на «личное» обращение к Августу. И еще ему было сообщено, что представленный им список наград и поощрений легионеров его подразделения, «завизированный» легатом Максиминем, императором утвержден полностью, а черепановской кентурии будет вручен специальный знак «за храбрость», который отныне будет навечно прикреплен к сигнуму подразделения. «Самая трусливая кентурия легиона» отныне официально перестала быть таковой.

Но это было еще не все.

Кентурион-гастат Геннадий Череп получал новое назначение. Из Первого Фракийского легиона его переводили в Одиннадцатый Клавдиев, *Claudia Pia Fidelis*¹⁶⁶, как было начертано на его аквиле. Тот самый Одиннадцатый, где старшим кентурионом был лучший кореш Черепанова Гонорий Плавт.

И переводили его не кем-нибудь, а аж кентурионом второй (двойной) кентурии первой когорты. То есть кентурионом-принцепсом. То есть вторым после Аптуса кентурионом в легионе. Иными словами, Черепанов с ходу перепрыгивал через десяток ступенек – снова в «подполковники».

Признаться, после разговора с сенатором Гордианом он ожидал, что его «дело» разрешится положительно. Но не думал, что его ждет такой стремительный взлет.

Похоже, даже сам командующий Максимин был изрядно удивлен, когда узнал об императорском решении. Но, разумеется, не стал возражать. И, вероятно, не усмотрел в стремительном возвышении своего протеже некоего политического подтекста. И Черепанов был этому рад. Ему не хотелось, чтобы гигант-легат заподозрил его в предательстве. Хотя вряд ли Фракиец был таким уж наивным. Не те у него должность и послужной список. И наверняка гигант-легат не однажды сталкивался с предательством. Тем более что в терминологии политиков предательство крайне редко называют собственным именем. Чаще подыскивают более гладкие обороты. «Выбор более перспективного направления», например. Или «прогрессивное решение, объективно соответствующее текущему моменту».

В любом случае Черепанов оставался подчиненным Максимина. И на пирушке, которую он, как водится, закатил по случаю повышения, «председательствовал» тоже Максимин.

Так что восседая на «сенаторской» скамье будущего Колизея, облаченный в «парадную форму со всеми регалиями», Черепанов не чувствовал себя низшим существом в сравнении с элитой города Рима. Ну разве что латынь у него пока хромала. Но это ведь дело

два яруса занимали мужчины, третий, отделенный стеной, женщины, а на самом верху, у внешней стены, имелись стоячие места для рабов. Внутрь цирка вело восемьдесят арок и четыре главных входа. Всего же проходов, ведущих в амфитеатр, было сто шестьдесят.

¹⁶⁶ *Fidelis* (лат.) – верный.

поправимое...

Да, смотреть на арену с подия – совсем не то, что с верхотуры амфитеатра. Ну просто как в хорошем клубе на свежем (весьма свежем, чтоб не сказать холодном: градусов пять, не больше) воздухе. Но здесь, на подии, от холода никто не страдал. Тем более что слуга Гордиана не забывал регулярно наполнять чашу Черепанова горячим медовым вином. Но вот у девушек-плясуний, сопровождавших торжественное шествие, стройные голые ножки порозовели от холода. И жрецам тоже было нежарко. Но они мужественно выполнили все положенные эволюции.

Антонин Антоний, который не раз бывал эдилом ¹⁶⁷, вполголоса просвещал Черепанова, во что обходятся мероприятия, подобные сегодняшнему. В переводе на финансовые мерки двадцать первого века финансовую смету одного дня Игр можно было сравнить с бюджетом хитового голливудского боевика. Всего же на Игры государство тратило двадцать-тридцать миллионов сестерциев в год. То есть примерно в два раза больше, чем государственные расходы на все строительные работы в империи за десять лет. Но Игры – политическое мероприятие. А когда речь идет о политике, власть, как известно, на расходы не скупится. А тут еще и религия приплетается...

Нет, на то, что было вначале, Черепанов смотрел с удовольствием. И на шествия, и на жонглеров с фокусниками, и на театральное представление, в котором, правда, ничего не понял, и на дрессированных зверей. Особенно ему понравился слон, посредством метлы чертивший на песке римские цифры. В общем, все то, что считалось здесь преамбулой к главному. К гладиаторским боям.

Амфитеатр выл, ревел и стонал. От подия до стоячих мест на самом верху. Но вонь выпущенных кишок и резкий запах крови здесь, внизу, были намного сильнее. И ее не могли приглушить даже старания служителей, убиравших арену после каждого боя.

– Идиот! Бездельник! Сын горбатой шлюхи! – благородный Секст Габиний Опимиян, вскочив, в ярости размахивал кулаками. – Такой удар пропустить! Безмозглый мурмиллон! ¹⁶⁸ Добей, добей его, раб! Прикончи эту свинью!

Напоровшийся на трезубец противника мурмиллон скорчился на земле, прижимая руки к животу. Его противник ждал, обернувшись к императорской ложе. Императора сегодня не было. Зато присутствовала его мать, соправительница Мамея. Императрица вяло шевельнула кистью. Ретиарий взмахнул трезубцем и проткнул шею раненого. Тот даже не попытался уклониться.

Цирк неистовствовал.

Красный от злости трибун Габиний развязал кошелек и отсчитал проигрыш. И тут же сделал новую ставку.

Черепанов с каменным лицом смотрел, как служители, зацепив крючьями труп, волокут его к выходу.

Корнелия Гордиана с любопытством смотрела на Черепанова. Тот почувствовал ее взгляд.

– Вижу, тебе не нравятся бои! – громко, чтобы перекрыть шум толпы, произнесла прекрасная дочь сенатора.

Геннадий пожал плечами.

– Удивительно! – воскликнула девушка. —

И тебя еще называют самым жестоким кентурионом империи!

– Меня так называют?

¹⁶⁷ В обязанности четырех римских эдилов входила (помимо поддержания порядка) и организация общественных зрелищ. Зачастую – на собственные деньги. Это был один из способов завоевания популярности.

¹⁶⁸ Мурмиллон – гладиатор, сражавшийся мечом и щитом против вооруженного сетью и трезубцем ретиария.

– Да! Говорят, ты всегда приказываешь добить пленных. Так любишь убивать, что не боишься даже навлечь гнев Августа.

– Ты этому веришь?

– Я сама видела! Или ты забыл, как спас меня? – Корнелия кокетливо улыбнулась.

С точки зрения Черепанова, в том, что произошло тогда в ее усадьбе, ничего веселого не было и быть не могло. Но он уже привык, что здешние граждане относились к смерти несколько иначе, чем современники Геннадия. Другая культура. Кладбища вдоль дорог, триумфальные арки на каждой улице, боги и божки в каждом углу комнаты... Удивительно, как подобный мистицизм и суеверия уживаются с превосходной бюрократической системой и расчетливым практицизмом.

– Это была необходимость! – тоже повысив голос, ответил Геннадий. – Убивать ради развлечения или находить удовольствие в убийстве – это не по мне!

– Это слова труса! – воскликнул Секст Габиний, ревниво прислушивавшийся к их разговору. – Только трус боится смерти!

Черепанов не счел нужным ответить. Его легкий парадный шлем украшал тонкий золотой венок, согопа сівиса. Никто не уточнял, за чье именно спасение получена эта награда. Но наверняка за одного (или одну) из присутствовавших на этой скамье.

Корнелия тоже не стала защищать его чести. Просто засмеялась. Но так, что гордый трибун претория немедленно обиделся. Ненадолго. На арену выпустили очередную пару: самнита в глухом шлеме, с большим щитом и коротким мечом, и фракийца – вовсе без шлема и со щитом маленьким, почти кулачным. В реальном бою воина, экипированного таким образом, прикончили бы в первые минуты. Но здесь, в индивидуальном поединке, у него были все шансы на победу.

Противники сшиблись – и сразу отпрянули. Без повреждений. Амфитеатр разочарованно взвыл.

– Я слыхала, – Корнелия понизила голос и почти касалась губами уха Геннадия, – я слыхала, Секст тоже дрался на арене. В закрытом шлеме, конечно. И всегда побеждал. Он очень храбр.

Черепанов молчал. Он вдыхал запах девушки, чувствовал ее близость – и наслаждался этим. Плевать ему было на «храбрость» трибуна.

– Ты слышишь меня?

– Да. – Ее локон щекотал скулу Геннадия.

– А ты мог бы выйти на арену? – Она прижалась к его плечу. Она дрожала. Черт возьми! Неужели это публичное потрошительство ее возбуждает? Нужно что-то сказать... Что-то правильное и достойное...

Черепанов повернулся к ней, увидел ее лицо – совсем близко. Приоткрытый рот, белую пудру на гладких щеках, блестящие глаза... Ощутил ее дыхание на своих губах...

– Я не раб, – строго произнес он. – Я – воин. И военачальник. Я не убиваю, я сражаюсь. И побеждаю. Я защищаю Рим. Власть Рима. Я не потешаю его лавочников и бездельников.

За спиной Черепанова кто-то громко захлопал в ладоши. Корнелия поспешно отодвинулась. Геннадий обернулся: аплодировал сам сенатор Гордиан.

– Отлично сказано, принцепс! – похвалил он. – Но защищая власть Рима, не забывай, что власть над Римом зачастую зависит именно от этих самых лавочников и оборванцев. И не только от них... – Сенатор многозначительно повел глазами в сторону трибуна Габиния.

Трибун подпрыгивал на скамье и вопил, брызгая слюной. И был не одинок в проявлении чувств. Это Геннадий Черепанов был одинок в своем брезгливом неодобрении.

«Интересно, – подумалось ему, – если бы здесь был Аптус, на чью бы сторону он встал: мою – или этих жадных до крови „цивилизованных граждан“?»

Ответ на свой вопрос он получил на следующий день. Потому что Гонорий Плавт Аптус, примипил Одиннадцатого Клавдиева и теперь непосредственный начальник Геннадия, появился в Рим собственной персоной.

– Сам – никогда, клянусь расположением Приапа! А вообще – одобряю! – заявил он,

когда Черепанов поинтересовался его мнением по поводу гладиаторских боев и личного в них участия. – Да, черни это нравится. А еще важнее – это нравится богам Рима!

– Ты у них что, спрашивал? – ехидно осведомился Черепанов.

– Ну это же ясно! Если бы им не нравилось, разве они позволили бы такое? Но если сомневаешься – можешь спросить. Сегодня в храме Аполлона гадания – с половинной скидкой.

Черепанов хмыкнул.

– Ты зачем приехал? – спросил он. – На праздники?

– Угу. Только не на эти.

– А на какие?

Здоровяк-примипил хитро ухмыльнулся.

– Скоро узнаешь! – подмигнул он. – Совсем скоро...

Глава шестая, в которой выясняется настоящий бог-покровитель «приаполюбца» Гонория Плавта

Снежно-белый бык рванулся что было сил, но вырваться не смог. Его убийца взметнул над головой окровавленный короткий меч и закричал. Крик этот был громче бычьего рева – эхо заметалось под сводами пещеры. Пламя факелов дрогнуло.

Белый бык – уже не белый, а бело-красный – захрипел, забулькал и упал на колени.

Человек с мечом разжал пальцы, выпустив бычий рог. Бык осел ему под ноги. Белая туша с алыми пятнами. Того же цвета, что и туника на быкоубийце.

Черепанова легонько толкнули в спину. Он шагнул вперед. Распахнул плащ и уронил его на камни. Он знал, что делать. Ему объяснили.

Он сделал ровно тридцать шесть шагов. Тридцать шесть ступенек. И оказался напротив быкоубийцы. Холодный воздух здесь напитался запахом крови. И запахом звериного страха.

Геннадия не было страшно, только холодно.

–...Во имя бога, который отделил землю от неба, свет от тьмы, день от ночи, мир от хаоса, жизнь от смерти, настоящее от прошлого, клянусь хранить доверенные мне тайны...

Где-то мерно и гулко падали капли. Потрескивали факелы.

На стенной фреске квадрига ¹⁶⁹ солнца обгоняла двойную упряжку луны.

–...Если же я предам, да постигнет меня жестокая кара!

Быкоубийца (в маске, но его все равно ни с кем не спутаешь) взмахнул мечом. Капля крови упала на щеку Черепанова. Но чуть раньше боль ожгла его грудь. Кончик меча прочертил кровавую линию от ключиц до середины живота.

Черепанов не дрогнул. Меч быкоубийцы свистнул, и поперек первой линии легла вторая. Наискось, через сердце.

Кровь человека смешалась с кровью убитого быка.

Быкоубийца наклонился, приблизил прикрытое маской лицо к спокойному лицу неофита.

– Когда-нибудь, – пророкотал Бегущий по солнцу Гай Юлий Вер Максимин. – Когда-нибудь ты сделаешь это сам.

И выпрямившись, резко, во весь гигантский рост, взметнул вверх окровавленный меч.

– Именем Непобедимого посвящаю тебя, Воин! Митр-ра!!!

– Митр-ра!!! – взревели по-бычьи сотни глоток.

– Р-ра!.. Р-ра!.. Р-ра-а!.. – подхватило эхо.

Оно еще не стихло, когда за спиной Черепанова раздался шорох босых ног – и свет на мгновение померк... Затем возник снова. Сквозь прорези серебряной маски. Ему на плечи накинули плащ. Другой. Красный плащ Воина. Со временем он сменит его на желтый плащ

¹⁶⁹ Квадрига – колесница, запряженная четверкой лошадей.

Льва. Со временем. Скоро. Быстрее, чем многие. Слишком быстро, по мнению тех, кто носил красный плащ годами. Это будет весной, когда Митра призовет в свое воинство Верховного Жреца Братства и новым Отцом станет Максимин, который и произнесет своим могучим рокошущим басом на Совете Сильных: «Не годится Львам ходить под Воином» ¹⁷⁰.

Черепанова взяли под руки. Повели (так положено) и передали поручителям. Черепанов знал обоих. Гонорий Плавт Аптус, Лев. И Перс Маний Митрил Скорпион, praefectus castrorum ¹⁷¹ Первого Фракийского легиона. Если Черепанов преступит клятву Братства Митры Непобедимого, они будут отвечать наравне с преступником. Таков закон Братства.

Черепанов не подал виду, что знает своих поручителей. Они были старшие. А по закону Братства младшие старших знать не должны. Для младших Небесный Отец-Митра еще не возжег свет Солнца. Они все еще пребывают во тьме. Но им уже ведомо, что Митра – есть. И Солнце – есть. И посмертие – тоже есть. Для воинов. Но иных в воинском Братстве не было.

Поручители расскажут неофиту, что есть и чего нет. И научат его тайным знакам. И ритуалам.

И подскажут, кого из почитаемых римских богов выбрать в качестве внешнего покровителя. И один из его поручителей будет горячо и настойчиво рекомендовать покровителя богатства и удачи Приапа, а второй – великолепного в ярости Марса-Мстителя. Тем более что именно Марс – бог-покровитель ступени Воина.

Но Черепанов выберет того, кто более других подходит его теперешнему существу. Двудикого бога Врат и Границ Януса.

Максимин и Плавт покинут Рим сразу же после окончания мистерий. По льду, сковавшему Дунай и Рейн, варварам совсем легко перебираться на римский берег.

Вместе с Максиминем из Вечного города в Паннонию уйдут две когорты преторианцев, в одной из которых трибуном благородный Секст Габиний.

А Черепанову командующий Максимин «подарит» трехнедельный отпуск, дабы будущий принцепс-кентурион проникся величием Вечного Рима и осознал, какую державу ему доверено защищать.

А Геннадий «проникался». Весьма активно. И большую часть времени проводил в доме Гордиана.

Патриций великодушно разрешил Черепанову пользоваться своей библиотекой, одной из лучших в Риме. И регулярно приглашал Геннадия на пирушки, кои устраивал ежевечерне, даже если сам появлялся уже под занавес: возложенные на Гордиана императором обязанности претора ¹⁷² отнимали у сенатора довольно много времени.

За три недели Черепанов перезнакомился с дюжиной сенаторов, полусотней наиболее известных писателей и философов. Знакомились с ним охотно: Геннадий сам считался «интересной» персоной. Но слава приходит и уходит, а полезные связи остаются. Черепанов это прекрасно понимал. Но отдавал себе отчет, что приходит в дом Габиния не столько ради свитков папируса и перспективных знакомств, сколько ради возможности вновь встретиться с Корнелией. И общество сенаторов и философов – лишь досадная помеха на этих встречах. Геннадий старался скрыть от общества эту простую истину. Потому что предполагал, что

¹⁷⁰ В культе Митры было семь ступеней: ворон, жених, воин, лев, перс, бегущий по солнцу, отец. Ступени характеризовались различными символами и были подчинены различным богам-покровителям и планетам: Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру, Луне, Солнцу и Сатурну. Культ этот довольно распространен и доступен, хотя допускались к нему исключительно мужчины. Воинское же братство митраитов было тайной, внутренней частью общей системы. Некоторую аналогию можно провести с христианскими Орденами, возникшими спустя несколько веков внутри христианской Церкви.

¹⁷¹ Praefectus castrorum (лат.) – префект лагеря.

¹⁷² Претор – городской судья. Должность весьма значительная и уважаемая.

Антонин Антоний Гордиан может и не одобрить явные устремления Черепанова и отказать тому от дома.

И лишь однажды, перед самым отъездом Геннадия, ему удалось побыть с Корнелией наедине. Совсем недолго. И тогда они почти ничего не сказали друг другу. Почти ничего действительно важного...

Глава седьмая Девятьсот восемьдесят седьмой год 173 . Март. Провинция Нижняя Мезия. Зимний лагерь одиннадцатого легиона

В принципии – штабе Одиннадцатого легиона – собрались старшие офицеры.

После положенных процедур, отдав должное богам, аквиле и императору, легат Одиннадцатого Дидий Цейоний Метелл, сравнительно молодой, но уже изрядно облысевший и разжиревший, милостиво кивнул своему датиклавию – мол, начинай.

Трибун Деменций Зима, в жилах которого, несмотря на белый «сенаторский» шарф, не было ни капли благородной крови, деловито раскатал свиток с докладом и кивнул бенефектарию: подними карту.

– У нас есть достоверные сведения, – заявил Зима, – что войска варваров, скопившиеся у устья Борисфена ¹⁷⁴, намерены, не дожидаясь осени, вторгнуться в земли империи.

– Те самые варвары, которые прошлой осенью безобразничали в Питиунте ¹⁷⁵, – уточнил примипил Одиннадцатого Гонорий Плавт.

– Те самые. Поскольку не все присутствующие знают, что было прошлой осенью, я – с позволения легата Цейония (тот милостиво кивнул) – напомним вкратце. В прошлом году мы, опираясь на сведения, полученные от наших информаторов, ожидали вторжения здесь, в Мезии, около середины октября. Однако позже нам донесли, что у готовившихся ко вторжению скифов, большей частью состоявших из германцев, готов и герулов, вышла свара с другими скифами, вероятно, аланами. И мы предположили, что вторжения не будет. Но позже опять поступили известия, что объединенное войско германцев вступило в союз с боранами и на их кораблях намеревается напасть на западное побережье Понта. Наместник Клавдий от имени императора велел префекту Понтийского флота постоянно патрулировать от устья Борисфена до Истрии. Двенадцать квинкверем и трирем и еще тридцать меньших судов держали западное побережье до самых ноябрьских штормов. А потом мы узнали, что скифы, как это у них часто бывает, передумали нападать на нашу провинцию, сушей дошли до берегов Меотиды ¹⁷⁶. – Трибун тонким кавалерийским хлыстом показал на карте, как именно двигались варвары. – А оттуда, уже морем, проскочили к Питиунту и разграбили его. А у нас так и не появились.

– И слава богам, – проворчал Аптус на ухо Черепанову. – Простой осенью нам и без них хватило.

– Насколько велико войско скифов? – спросил префект лагеря Одиннадцатого Децим Флор.

С ним Черепанов встретился в тот день, когда впервые увидел Максимиана. Так что Децим Флор вполне мог считаться его старым знакомым.

– Наш человек доносит: более пяти тысяч скифов, – ответил Зима. – На сей раз они

¹⁷³ От основания Рима, что соответствует 234 г. от Р. Х.

¹⁷⁴ Борисфен – Днепр.

¹⁷⁵ Питиунт – совр. Пицунда.

¹⁷⁶ Метиодита – Азовское море.

намерены дойти до Фасиса ¹⁷⁷, а то и до Трапезунда.

– Тогда стоит ли нам беспокоиться? – удивился легат Цейоний. – Это дело тех, кто стоит в Лазике ¹⁷⁸ и Понте ¹⁷⁹.

– Совершенно верно, – поддакнул Деменций Зима. – Я тоже полагаю, что в этом году наиболее беспокойной частью границы будет берег Данубия, а не Понта. Но обращаю внимание легата, что морской флот оттянется вон туда. – Трибун провел по карте концом хлыста. – Следовательно, по моему мнению, следует несколько усилить гарнизоны в прибрежных городах Мезии и Фракии: на случай мелких набегов. Я уже связался с наместником Марком Аврелием Клавдием: просил составить списки – куда и сколько человек надо направить. Часть судов Данубийской флотилии я предлагаю держать здесь, в Эске ¹⁸⁰, поблизости от нашего постоянного лагеря, чтобы можно было быстро перебросить пару когорт, если возникнет такая необходимость. Таким образом, силами нашего Одиннадцатого легиона мы сможем прикрыть почти все побережье Истра, Седьмой Клавдиев будет стоять пятьюдесятью милями восточнее Адрианополя ¹⁸¹ и прикроет фракийскую часть побережья, так что это тоже не наша забота. У меня все.

Трибун-латиклавий сел.

Цейоний откашлялся.

– Дельно, – заявил он. – Трибун Деменций проделал неплохую работу. Я немедленно представлю доклад на одобрение Августу. Кто еще хочет что-то добавить? – Легат оглядел своих офицеров.

– Что-то мне во всем этом не нравится, – проговорил Черепанов, наклонившись к Плавту.

– Перестань, – прошептал в ответ старший кентурион. – Мы работали над этим вместе с Деменцием. И с наместником Клавдием все обсудили. И Максимин тоже одобрил. Брось! Это дело решенное.

– Примипил Плавт! – недовольно произнес легат. – Если хочешь что-то сказать – скажи нам всем.

– Я полностью одобряю все сказанное! – отчеканил Гонорий.

– Тогда, значит, у принцепса Геннадия есть какие-то сомнения в нашем плане?

Черепанов встал.

– Да, есть, – сказал он.

– Дурак, – пробормотал Плавт.

Взгляды офицеров обратились к подполковнику. В большинстве не слишком дружелюбные.

Стремительная карьера Черепанова не прибавила ему доброжелателей.

– Против чего же ты возражаешь, принцепс? – несколько иронически осведомился Цейоний.

– Это не возражения, – уточнил Черепанов. – Некоторые сомнения. У меня вопрос к достойному трибуну-латиклавию. Насколько я понимаю, уверенность в том, что скифы нападут на восточные области Понтийского побережья, основывается на донесениях наших

¹⁷⁷ Фасис – ныне Рион.

¹⁷⁸ Лазика – государство в западной Грузии. Протекторат Рима.

¹⁷⁹ Здесь «Понт» – не Черное море (Понт Эвксинский), а римская провинция, примыкающая к Южному берегу Черного моря.

¹⁸⁰ Эск – город на побережье Дуная.

¹⁸¹ Адрианополь – современный г. Эдирне в Турции.

скифских осведомителей?

– Да, – кивнул Деменций. – Именно так.

В отличие от многих других Деменций Зима относился в Черепанову с явной симпатией. И Черепанов догадывался почему. Маска скрывает лицо участника мистерии, но фигуру, голос, походку не спрячешь.

– Те ли это информаторы, которые прошлой осенью доносили, что скифы намерены напасть на западное побережье? – спросил Геннадий.

– Да, – кивнул Зима. – Но не думаю, что это основание им не доверять. Личный агент наместника Клавдия – приближенный одного из скифских риксов. И от него уже не единожды поступали верные и крайне полезные сведения. Прошлогодня его ошибка, как мы теперь знаем, вызвана тем, что из-за внутренних столкновений скифы потеряли время и вынуждены были отказаться от прежнего намерения.

– Это – объяснение самого агента?

– Насколько мне известно – да.

Геннадий, выросший в мире, где перевербовка шпиона с целью «слива» дезинформации – обычное дело, не стал бы безоглядно доверять даже самым лучшим агентам. И он как раз собирался об этом сказать, когда вмешался Децим Флор.

– Принцепс! Стратегия – не твое дело. Твое дело – твои легионеры.

– Пусть говорит! – вступился за друга Плавт. – Я знаю Черепу: он просто так болтать не станет.

– Я согласен с Гонорием, – тут же поддержал Деменций Зима. – К чему ты клонишь, кентурион?

– Мне кажется, – Черепанов говорил медленно, тщательно выговаривая слова, хотя его латынь за полгода значительно улучшилась. – Мне кажется, основываясь исключительно на информации агента, уже однажды оказавшейся ошибочной, мы серьезно рискуем. Насколько я понимаю, на основании этой информации мы практически полностью оголяем западное побережье. Ушедший флот не будет прикрывать его с моря, так что останутся только гарнизоны в городах. Возможно, крупные города они и сумеют защитить, но не прилегающие к ним земли. Если сколько-нибудь значительное войско варваров, пусть не десять тысяч, а впятеро, вдесятеро меньше, высадится в Мезии, – нам понадобится довольно много времени, чтобы перебросить войска. Даже если под рукой будут корабли Данубийской флотилии. И в аналогичной ситуации окажется Седьмой легион, дислоцирующийся почти в центре провинции.

– Разумное суждение, – одобрительно кивнул Зима. – Но ты ошибаешься. Информация агента косвенно подтверждается донесениями наших купцов. Это раз. Кроме того, надо учитывать психологию варваров. Они – как волки. Приходят туда, где уже взяли хорошую добычу, и избегают мест, где им подпалили хвосты. В прошлый раз, когда они вторглись в Мезию, их стерли в труху. Они ведь и в прошлом году, насколько нам известно, вынашивали планы нападения именно с этой стороны. Но – не посмели. А на северном побережье, в Питиунте, им здорово повезло. Поверь, Череп, мы неплохо знаем варваров. Они пойдут на восток.

– А если мы все-таки ошибаемся? Я бы предложил оставить вот здесь, – Черепанов показал на карте, – мобильную группу тысячи в полторы.

– И что это изменит? Если случится чудо, и десять тысяч варваров ворвутся в Мезию, пара когорт все равно не сможет их остановить!

– Но связать – сможет! – возразил Геннадий. – Кроме того, насколько мне известно, варвары обычно лишь в начале вторжений действуют совместно, а после первых побед склонны разделяться на меньшие отряды.

– И кто же поделился с тобой этими ценными сведениями, принцепс? – скептически осведомился префект Децим Флор.

– Архивы, – ответил Черепанов. – Я просмотрел копии докладов и донесений за последние десять лет.

При упоминании архивов легат Цейоний зевнул.

– Принцепс, мы тебя выслушали, – сказал он. – Благодарю.

– Можно мне сказать, превосходный Цейоний? – произнес Плавт.

– Говори.

– Я полагаю, к словам принцепса Черепа стоит прислушаться! Хочу напомнить: еще недавно принцепс был риксом варваров (Черепанов мысленно поморщился – опять «варвар»), и кому, как не ему, знать ход мысли варваров. Я ничуть не сомневаюсь в правильности предложенного латиклавием Зимой. И не сомневаюсь в выводах, которые им сделаны. Но обращаю внимание на тот факт, что наличие усиленной когорты в указанной области действительно обезопасит побережье. И, с другой стороны, отсутствие одной когорты не ослабит нашего легиона. Так что у меня есть предложение: поручить Геннадию Павлу свободное патрулирование западного побережья в пределах провинции Мезия. Предоставить в его распоряжение, кроме его собственной двойной кентурии, смешанную¹⁸² когорту, набранную из состава легиона. Думаю, этого будет достаточно, чтобы пресечь возможные мелкие набеги варваров. Лично мне будет спокойнее, если я буду знать, что на случай неожиданностей у нас окажется здесь подразделение Геннадия Павла. Принцепс уже доказал, что умеет появляться в нужное время в нужных местах. Думаю, удача ему и впредь не изменит.

Легат наморщил лоб. Он был в затруднении. Он всегда оказывался в затруднении, когда требовалось пошевелить мозгами. Правда, время от времени он вспоминал, что он командует легионом. И должен отдавать приказы. И тогда – горе его легионерам.

Сейчас, впрочем, Цейоний Метелл решений принимать не стал, а с надеждой поглядел на трибуна-латиклавия.

– А что, – изрек Деменций Зима. – Мысль неплохая. Только я думаю, что сотни катафрактариев будет маловато. Предлагаю усилить смешанную когорту двумя-тремя алами легкой конницы. Армянской или нумидийской. Как считаешь, Флор?

Префект лагеря Децим Флор пожал широкими плечами:

– На твое усмотрение. Если ты согласен с Аптусом, не стану с вами спорить.

Он придерживался принципа: поддержи своих – и они поддержат тебя. Черепанов не был для него своим, зато Аптус и Зима – были.

– У кого еще есть предложения? Возражения? – осведомился Дидий Цейоний Метелл.

Предложений не было. Коли трое старших (после легата) офицеров высказались «за», то какие могут быть возражения?

Остальные присутствующие сочли за лучшее промолчать. В римской армии было не принято оспаривать решения старших. Если это не касалось денег. И если в списке предков не было пары-тройки консулов.

– Предлагаю тебе, принцепс, использовать личный состав второй когорты. Все равно ее следует доукомплектовать, – сказал Деменций Зима. – Там после прошлогодней битвы только два кентуриона осталось.

Цейоний Метелл глянул на своего латиклавия с неодобрением. Максимин уже объявил во всеуслышание, что считает легата Одиннадцатого главным виновником прошлогодних потерь. Раз командующий так считает, значит, так оно и есть. Но зачем Деменций лишний раз напоминает об этом. Нетактично.

– Значит, решено, – быстро сказал легат. – Принцепс Геннадий, ты понял, что от тебя требуется?

– Так точно!

– Писарь, составь приказ и дай мне на подпись. Что у нас дальше, Деменций?

– Телеги, превосходный. Для летней кампании нам требуется еще сто восемьдесят

¹⁸² Смешанным называлось подразделение, в которое входили одновременно пехота и конница. Иногда в подобном подразделении пехоту, для ускорения передвижения, тоже сажали на коней.

повозок. А канцелярия наместника...

Черепанов не слушал. Это был не его вопрос. Зато он уже знал, с чего начнет доукомплектование второй когорты. С перевода своей старой кентурии из Первого Фракийского сюда, в Одиннадцатый. Ему нужны надежные, проверенные парни на «сержантских» должностях. Те, на кого он может положиться. Тем более, что он однажды обещал Гаю Ингенсу, что сделает его кентурионом, а обещания надо держать.

Глава восьмая Гонец

Они высадились в разгар праздника Флоралий¹⁸³. Когда жители большинства римских провинций, прекратив работу, радовали себя и богиню плясками, подарками и карнавальными шествиями. Когда железная хватка римской дисциплины ослабела, и десятки тысяч легионеров по всей бескрайней империи на несколько дней перестали быть армией, а превратились в обычных мужчин, свободных, радующихся жизни, разомлевших и безмятежных. Когда... Они высадились, когда их не ждали. Там, где их не ждали...

Командир мобильного подразделения принцепс Одиннадцатого легиона Геннадий Павел Череп, тоже разомлевший и безмятежный, лежал в своей командирской палатке на охапках свежих цветов, а юная грация, вся одежда которой состояла из кожаной карнавальной полумаски, амазонкой оседлав кентуриона, втирала благовонное масло в его мускулистую спину. Так было принято. Веселиться и осыпать друг друга цветами. И кувыркаться на цветочных «постелях» с темпераментными поселянками. И бросать венки в воду. И многое другое, безусловно приятное. Так что даже не слишком потакавший многочисленным религиозным отправлениям (снижающим, по его глубокому убеждению, боеспособность армии) Черепанов в этот праздник разрешил своим ребятам оттянуться по полной. И сам тоже слегка расслабился. В конце концов, все мы – люди...

Прекрасное настроение принцепса Геннадия объяснялось не только праздником, но и тем, что вчера он получил очередное письмо от Корнелии.

Дочь сенатора Гордиана прислала стихи, написанные ее отцом перед отбытием в Африку. Император направлял Антонина Антония легатом в эту провинцию. Стихи были, на вкус Черепанова, весьма посредственны. А вот само письмо, где в канву светских сплетен Великого города вплеталась грустно-лирическая нотка воспоминаний о кратких встречах с «храбрым Геннадием Павлом», возбудило в душе «храброго» принцепса трепет, весьма неожиданный для столь солидного мужчины. Особенно же приписка о том, что Корнелия будет просить богов, чтобы в ближайшем будущем пути «храброго Геннадия» и Корнелии Просты непременно пересеклись, а встречи не были столь мимолетны.

Холодный разум Черепанова утверждал, что это лишь слова юной и романтической девушки, и увлекший ее образ «храброго Геннадия», спасшего ее от варваров, – всего лишь романтический образ, весьма слабо соответствующий настоящему Геннадию Черепанову. Холодный разум говорил: у юной и романтической девушки есть взрослый и совсем не романтический папа, искушенный и хитроумный политик, кичащийся собственной благородной кровью... Который так удачно отбыл на другой континент.

И подполковник велел «холодному разуму» заткнуться. Потому что если он, Геннадий Черепанов, стремился к настоящей цели, то он этой цели непременно достигал. Всегда. Ну, почти всегда...

Пропыленный, воняющий лошадиным потом гонец ввалился в палатку, давя калигами пахучие полевые цветы.

«Поселянка», младшая дочь хозяина здешних виноградников, пискнула, когда Черепанов, мгновенно перевернувшись, сбросил ее на благоухающий «ковер».

– Какого?.. – начал он. И осекся. – Где? – быстро спросил он.

¹⁸³ Флоралий – праздник-карнавал в честь богини Флоры (28 апреля – 3 мая).

– У Тумоса, – хрипло ответил гонец. – Я от префекта Маркиополя.
– Что Маркиополь?
– Удержимся. Их тысяч пять. Кораблей полтора. Мы удержимся. Тумос – вряд ли.
– Та-ак... – протянул Черепанов, поймал жадный взгляд, брошенный гонцом на кувшин с разбавленным вином, разрешил: – Глотни.

Дочка поселянина-виноградаря (годовой доход впятеро больше годового жалованья принцепса вместе с «премиальными») накинула тунику и взялась заплетать сандалии. К смуглым ножкам прилипли белые цветочные лепестки.

– Кто? – спросил Черепанов.

Гонец оторвался от кувшина, обтер губы ладонью.

– Готы, – сказал он. – В основном. Еще герулы и бораны. Это их корабли. Еще карпы. Вроде бы. Сутки скакал. Полтора. Миль. Нас троих послали, но я – первый.

– Тебя наградят, – обещал Черепанов.

Два месяца он гонял и муштровал своих легионеров, выжимая из них все, чтобы «к началу сезона» сделать из сборной солянки единую «команду». И добился своего. Все части врученного ему боевого «механизма» работали почти безупречно.

Конники-ауксиларии Трогуса: безбашенные галлы и косматые суровые армянские лучники.

Безукоризненно вышколенные фракийцы-катафрактарии субпрефекта Теренкия.

Неутомимые и неустрашимые легионеры Гая Ингенса.

Все.

В постоянной боевой готовности.

И вот теперь, когда Черепанов позволил своим командирам на время приотпустить вожжи, долгожданные варвары – тут как тут.

Вернее, не тут, а там.

Высадившиеся примерно в сорока милях от Маркиополя, у небольшого приморского городка Тумоса, варвары были именно «там», а не «тут».

В максимальном удалении от главных лагерей римских легионов. Словно специально рассчитали. И в двух днях форсированного марша от мобильной группы Черепанова. Плюс еще один день, который потребуется, чтобы собрать и привести черепановских солдат в боевую готовность.

– Мой префект будет посылать вестников ежедневно, – сказал гонец. – Если Маркиополь не обложат.

«И если гонцов не перехватят», – добавил про себя Черепанов.

– Иди отдыхай, – велел он гонцу. – Я тебя еще расспрошу. Попозже. – И, повысив голос, чтобы услышала охрана у палатки: – Эй, там! Первого кентуриона Ингенса и субпрефектов Трогуса и Теренкия – ко мне! Немедленно!

Ауксиларии Трогуса выступили через пять часов. Некоторых всадников изрядно мотало в седлах. Но на собственных ногах они и вовсе не удержались бы. Ничего, по дороге отрезвеют.

Основные силы выступили только на следующее утро. Что было крайне прискорбно: за день до Флоралий усиленной когорте Черепанова потребовалось бы не более двух часов, чтобы свернуть лагерь и построиться в маршевую колонну.

Черепанов мрачно оглядел свое почти тысячное войско.

Впереди – молодцеватые катафрактарии по «парфянскому образцу», в сверкающем «железе» от макушки до лошадиных бабок, гордо восседали на могучих конях. За ними – пехотинцы, располагавшиеся в седлах, «как коза на изгороди», по образному определению Максимиана Фракийца. То есть примерно так, как с полгода назад – сам Черепанов. Но с точки зрения боеспособности это не имело значения. Геннадий усадил их на коней исключительно для скорости передвижения. Драться они все равно будут пешими. Что-что, а драться они умеют. Почти тысяча молодцов, отлично знающих, как прикончить врага...

И все-таки Черепанов никак не мог избавиться от скверного чувства, что ведет этих

парней на смерть. Пять тысяч варваров...

Глава девятая Ночной бой

– Говорит, здесь остались только гепиды, – сообщил переводчик, маленький лысый грек. – Только гепиды. Остальные ушли. Частью – на кораблях, частью так. Пешком.

– Спроси его: почему они остались? – велел Черепанов.

Пленник, весь в крови и поту, что-то пробормотал. На командира римлян он старался не смотреть. И на палачей – тоже. Его единственный уцелевший глаз, щелочка в сплошной красно-черной влажной корке, неотрывно глядел на пожухлый пучок прошлогодней травы. Он неплохо держался, этот германец. Допросчикам потребовалось почти три часа, чтобы его разговорить.

– Остались потому, что не захотели идти за вождем-гревтунгом, – перевел толмач.

– Чем же плох вождь-гревтунг?

– Не гепид.

Коротко и ясно.

– За что я люблю варваров, – проговорил Черепанов, поворачиваясь к Трогусу, – так это за их единство.

Командир армянской и галльской конницы расхохотался.

Истерзанный гепид глядел на них, и в его расширенных зрачках плескался животный ужас.

– Что, принцепс, этого хватит или еще одного германца приволочь? – деловито спросил Лупий Ингенс, младший из братьев.

– Да вроде все ясно, – сказал Черепанов. – Шесть десятков варваров – под стенами и еще около сотни шастает по окрестностям. Этими пусть потом префект Маркиополя занимается. Хватит ему за стенами отсиживаться. А осаждающим мы завтра устроим праздник Марса-Мстителя.

Перед его мысленным взором возникла бухточка, набитая маленькими германскими кораблями, пестрый лагерь под стенами старенькой, изрядно обветшавшей крепости, в которую набилось человек пятьсот: все население городишки Тумоса.

– Завтра? – переспросил Трогус. – Лучше с рассветом. А то как бы они этого (кивок на истерзанного гепида) не хватились. Выставят дозоры. Или сядут на свои лоханки – и прощай-не горюй!

– С утра, говоришь? А ведь и верно. – Геннадий усмехнулся. – Зачем откладывать до утра то, что можно сделать прямо сейчас? Почему бы нам не устроить им ночной карнавал? В честь Сатурналий?

– Так темно же! – огласил очевидную истину Ингенс-старший, первый кентурион.

– Не бойсь! – усмехнулся Черепанов. – Мы сделаем подсветку!

Первый горшок с маслом ухнул о палубу варварского корабля примерно в семь часов ночи по римскому времени ¹⁸⁴. В начале третьей стражи. Следующий угодил в воду. Но третий тоже попал. Стража на кораблях заорала. В гепидском лагере, расположившемся неподалеку, тоже заорали. Следующий горшок упал уже в самом лагере. Три машины Черепанова метали снаряды навесом, без «пристрелки», зато не по конкретным целям, а по «площадям».

– Ну хватит, – крикнул Черепанов, когда к варварам переправилось около тонны масла. – Трогус! Давай своих стрелков.

Это очень красиво, когда в воздух взмывает одновременно несколько сотен зажигательных стрел. А потом еще несколько сотен. Но крайне неприятно, когда эти стрелы

¹⁸⁴ Римляне делили сутки на 24 части – двенадцать дневных частей и двенадцать ночных. Продолжительность каждого часа зависела от соотношения светлого и темного времени суток.

падают тебе на голову. И когда облитые маслом палубы вспыхивают, как порох.

Куда эффективней и безопасней внезапного нападения, на котором настаивал Луций Ингенс. Потому что резать спящих можно, только оказавшись с ними рядом. А забрасывать врагов стрелами можно издалека. И это очень удобно делать, когда ты находишься сверху и тебя не видно, а те, в кого ты стреляешь, – внизу. И прекрасно освещены.

Как выяснилось, одна из первых стрел досталась гепидскому риксу. Но скорее всего, общая дезорганизованность противника была связана не с гибелью вождя, а с самим характером варваров. Когда скученные борт к борту корабли превратились в один большой костер, а в самом лагере загорелась пара-тройка шатров, гепиды поняли, что дело пахнет жареным. Жареным гепидом. И бросились наверх, туда, откуда летели стрелы. Но, к их сожалению, карабкаться ночью по крутым склонам было сложновато, а удобная дорога наверх вела мимо крепости. С другой стороны, займи гепиды крепость, они вполне могли бы отсидеться...

Но в крепости тоже мух не ловили, а пустили в дело все свои ресурсы и резервы: и камешки, и кипятки, и смолу.

Черепанов потерял шестерых – десятка три гепидов все же вскарабкались наверх и сумели поработать копьями, пока их не прикончили.

Защитники крепостцы потеряли больше. Но были безумно счастливы, что сумели удержаться.

А вот многие черепановские legionеры были очень недовольны именно тем, что крепость удержалась. В отличие от Черепанова они предпочли бы, чтоб варвары взяли крепость. Потому что тогда все добытое в крепости варварами стало бы законной добычей legionеров.

Отлавливать тех германцев, которые сумели избежать ночной резни, Черепанов не стал. Послал гонца с письмом в Маркиополь. В Маркиополе – усиленный гарнизон, почти триста человек. С отловом мелких банд они сами управятся. А ему надо поспешить за остальными варварами, коих оставалось на римской земле немало. Почти две с половиной тысячи. На сей раз это было точное число, полученное на основании допросов нескольких пленных. Что ж, две с половиной тысячи – это в два раза меньше, чем пять. И всего лишь в два с небольшим раза больше, чем воинов Черепанова.

А если и впредь на одного погибшего римлянина будет приходиться сотня германцев...

На этот раз они опоздали. Хотя могли бы успеть. И все могло быть не так скверно, но варвары оказались умнее, чем хотелось бы. А командующий городским гарнизоном глупее. Поэтому, когда он увидел, как с трех дюжин боранских кораблей высаживаются не больше пяти сотен скифов, префект решил, что со своей когортой сделает из них отбивную. А может, его спровоцировало, что варвары с ходу начали резать рыбаков... Так или иначе, но спросить его было уже нельзя. Как только гарнизон вышел из укрепления и отошел достаточно далеко, две тысячи варваров, подошедших сушей, подошедших скрытно, вопреки своей обычной привычке, возникли на поле боя и отрезали городскую когорту от крепости. Возможно, будь на месте городских legionеры Черепанова, они бы сумели прорваться. Но городским не хватило выучки. Или ярости. Их взяли в кольцо и перебили. Город сдался сам. В обмен на жизни жителей. И, как ни странно, горожанам позволили уйти. Правда, потом многих догнали и перебили. Но это случилось позже. Когда опьяненные успехом варвары рассыпались на мелкие отряды и принялись бить, грабить и жечь все, что подворачивалось под руку.

Как раз за этим благородным занятием их и застали черепановские legionеры. И над тлеющими руинами выросли диковинные «растения», состоявшие из пары вкопанных в землю и сколоченных крест-накрест брусев, с которых свисало то, что совсем недавно было свирепым бородатым воином. Хотя на кресте оказывались немногие. Большинство до креста не доживало. Дрались варвары беспощадно и яростно. Римляне – тоже. Черепанов не щадил никого. Он лично руководил допросами пленных. Ни вопли, ни вонь паленого мяса его не смущали. За эти дни он досыта нагляделся на смерть. Вблизи. На сожженные фермы. На

заколотых, сгоревших, изнасилованных. Женщин, стариков, детей.

Варвары пытали крестьян, чтобы узнать, где спрятаны деньги, куда угнали скот. Черепанов пытал варваров, чтобы узнать, куда направились их сородичи, сколько их и какие у них планы. Чтобы успеть эти планы пресечь. И успевал. Почти всегда. Почти, потому что не хотел дробить силы и терять людей. И буквально на второй день он уже знал расположение всех шаек. И их намерения.

Он отлавливал их и громил поодиночке. Сначала самые крупные, потом помельче. Он атаковал внезапно и сокрушительно. Не позволял уйти ни одному врагу. Поэтому варвары далеко не сразу узнали, что их убивают. Догадались, когда начали наткаться на кресты со своими соплеменниками. Но поздно. Их было слишком мало для успешного сопротивления, даже если бы они сумели собраться вместе. А Черепанов не дал им времени на сбор. Мелкие шайки уничтожали ауксиларии. Те, что покрупнее, – пехота. Это было увлекательное дело: отлавливать и убивать убийц. И Черепанов увлекся. И забыл, что совсем недавно войско этих же варваров ухитрилось пройти семьдесят с лишним миль по вражеской территории, ничего не запалив и не раскурочив, обходя населенные пункты и при этом контролируя дорогу и отлавливая всех, кто хоть сколько-нибудь напоминал вестника. Факт, который Черепанов просто не имел права упускать из виду, потому что это было действие, разительно не типичное, совершенно невероятное с точки зрения обычной «отмороженной» варварской тактики. А это означало, что у варваров имеется вождь, который способен действовать неординарно.

И Геннадий был просто обязан пошевелить мозгами и учесть, что такой неординарный вождь может выкинуть еще какой-нибудь финт. Черепанов, изучивший и проанализировавший на основании архивных данных все варианты классической варварской стратегии, должен был заподозрить неладное, когда столкнулся с внезапным превращением продуманной тактики в безалаберный грабеж. Но не заподозрил ничего. Наверное, потому, что подсознательно расслабился, когда обнаружил, что наконец-то поведение варваров стало типичным: опьяненное успехом скифское войско наконец-то рассыпалось на множество мелких отрядов, выискивающих добычу пожирнее и побеззащитнее, а часть варваров и вовсе отбыла домой, удовлетвовавшись уже награбленным.

И потому вместо двух с половиной тысяч сплоченных головорезов, которым вполне под силу разгромить черепановскую когорту в открытом бою, легионерам Геннадия пришлось иметь дело с сотней разбойничьих шаек. Шаек, которые можно переловить поодиночке и передавить, как хозяин дома давит вытряхнутых из коробки с мукой тараканов.

Черепанов увлекся. И пять дней занимался зачисткой местности. А на шестой, когда он уже готов был писать победный рапорт примипилу Гонорию, подполковнику доложили, что некие рыбаки видели некие не римские корабли, двигавшиеся в сторону Адрианополя. И тогда Черепанов – впервые за эту неделю – выругался по-русски.

И наконец подключил мозги.

И моментально нашел свидетелей того, что часть варваров, сев на корабли и погрузив свою долю трофеев, отбыла не в северном, а в южном направлении. И корабли эти, следующие в южном направлении, видели с берега очень многие.

А следовательно, версия о том, что варвары отбыли домой, удовлетворенные размерами добычи, совершенно несостоятельна. Потому что дом варваров находился в прямо противоположном направлении.

Глава десятая Цекула

Они высадились в небольшой бухте. Вдалеке от римских селений. Так же скрытно, как и раньше, прошли почти сотню миль по не такой уж малонаселенной территории Нижней Мезии. А затем неожиданно появились прямо у ворот города Цекулы.

Но тут им не повезло. Стража все-таки успела запереть ворота. А ворота у Цекулы

были крепкие. И стены тоже. И гарнизон – четыреста солдат плюс столько же вигилов. А варваров было около тысячи. И никаких осадных машин. Тут бы им, разграбив предместья и окрестные усадьбы, и убраться восвояси. Однако они не убрались. Более того, эти разбойники, о которых было доподлинно известно, что они не способны к планомерной осаде и если уж прорвутся в какое-нибудь укрепление, то лишь с ходу, нахрапом, или обманом, неожиданно проявили просто римское хитроумие и обрушили часть городской стены. И взяли Цекулу, можно сказать, тепленькой. Поскольку ошеломленные подобным оборотом гарнизон и ополчение оборонялись крайне неорганизованно.

Далее события развивались еще более неординарно. Потому что, взяв город, германцы, вместо того чтобы, как это принято у варваров, неделю веселиться и праздновать, истребляя жителей и припасы, быстренько, практически без резни, за три дня обчистили его, напрягли население, заставив изготовить семьдесят пять «типовых» варварских фургонов, конфисковали всех лошадей в округе, часть которых запрягли в фургоны, остальных взяли под седло и уже на четвертый день двинулись в обратный путь.

Выступи они хотя бы на день раньше – ушли бы. Но этот единственный день стал для них роковым.

Ала ауксилариев Трогуса, спешно посланная Черепановым на помощь Цекуле (пока подойдут основные силы), обнаружив разоренный город и полное отсутствие в нем варваров, не стала дожидаться подмоги, а устремилась по горячим следам и буквально на следующий день настигла банду. И тут Трогус проявил себя настоящим командиром: показал, что он не только храбр, но и разумен.

Бросься он в бой со своими тремьями всадниками – и тысяча германцев стерла бы его кавалеристов в порошок. Единственная легкая ала была не в состоянии причинить германцам сколько-нибудь серьезного ущерба. Тем более что при первой же угрозе варвары перестроились. Теперь они двигались двумя уступами, так, чтобы ехавший впереди фургон защищал упряжку следующего за ним. Фронт образованного построения прикрыли, развернув головные фургоны «задом наперед», вернее, приспособив упряжки так, чтобы те не тянули повозки, а толкали их перед собой. Это существенно уменьшило скорость германского войска, но зато варвары смогли продолжать движение, игнорируя вертевшихся поблизости конных стрелков. Те, впрочем, быстро сообразили, что обстреливать фургоны издалека – попусту тратить стрелы. А подобраться поближе ауксиларии не рисковали. У варваров тоже были кони. И луки. И даже парочка захваченных в городке римских карабаллист.

Да, серьезного вреда Трогус причинить им не мог. Но он заставил германцев все время «держат» боевое построение. И постоянно чинил им мелкие пакости: вроде зажигательных стрел и беспокоящих ночных наскоков. И пресекал попытки противника высылать дозоры и выставять боевое охранение. Ауксиларии хоть и числились вспомогательными, но были отличными бойцами. Особенно армяне, которые воевали с Максиминем еще в Мидии и в совершенстве освоили тактику персидской легкой конницы: «укусил-отскочил!» Германские конники не могли с ними разделаться. Пару раз армянам, весьма ловким в обращении с арканами, удавалось даже сдернуть и уволочь германца. А потом подкинуть варварам то, что от него осталось. Трогус рассчитывал вызвать противника на более активные действия, но германцы на провокацию не поддавались: продолжали двигаться под защитой повозок.

Подобная «волчья» тактика обходилась Трогусу недешево. За три дня ала потеряла убитыми и ранеными более семидесяти человек. Потери германцев были втрое меньше: они были не в чистом поле, а под прикрытием возов. Но зато их скорость снизилась раз в шесть. И за три дня они одолели не больше сорока миль. А на четвертый день увидели основные силы римлян. Плотные шеренги с «развернутыми знаменами». Любой человек с хорошим зрением и разбиравшийся в римских штандартах без труда подсчитал бы, что имеет дело как минимум с полной когортой. Зрение у варваров было отличное, и считать (в этих пределах) они тоже умели. Но разворачивать фургоны «фортом» не стали. Уж больно место было неудобное – лощина между двумя холмами с мелкой речушкой посередине. Зато дальше, до

самого моря, тянулись фруктовые сады, а до бухточки, где остались корабли, – меньше десяти миль. Вероятно, поэтому германцы даже не остановились для боя. Их предводитель не без оснований опасался, как бы римляне первыми не добрались до кораблей. Конечно, при кораблях оставалась охрана, но против полной когорты она не устоит.

А если двигаться побыстрей, то к вечеру можно будет увидеть море. Между фруктовых деревьев римской коннице не развернуться, а пехоте придется попотеть, чтобы угнаться за вражеской колонной.

Так, вероятно, рассуждал командир варваров, потому и не принял боя, а велел нахлестывать лошадей...

Едва наглядевшийся на «художества» варваров Черепанов увидел издали пролом в городской стене, он приготовился к худшему. Однако ж все оказалось не так скверно. Когда к Геннадию привели единственного из уцелевших старшин (прочее городское начальство погибло при штурме), тот доложил, что резни не было. Побили многих при штурме (старшина чуть ли не с восторгом поведал, как хитроумные варвары обрушили стену), а потом – ну просто как и не варвары были те захватчики. То есть с виду – вылитые варвары, морды дикие, свирепые, раскрашенные зверовидно, только что слюна из пастей не капает. А у иных и капала, да только вожак у них оказался – суровый, как сам командующий Максимин. Хотя росту, в отличие от Максимиана, небольшого. Но свое «зверье» держал – как укротитель в цирке. А самые ярые варвары – при нем вроде телохранителей. Будто преторианцы или псы боевые. Скажет – на части порвут. Не из страха, от преданности. Старшина уж шестой десяток на земле живет, такие вещи различает. Суровый у варваров рикс оказался. И хитрый.

Старшине он сказал так:

«Даю вам день. Чтобы ровно через день, завтра к полудню, вот на этой площади было выгружено все ценное, что имеется в городке. И без обмана. Если после этого мои воины найдут хоть серебряную ложку – вырежем не только тех, у кого найдут, но и ихних соседей».

– Сам он так спокойно говорил, – рассказывал староста. – И глаза у него не злые. И не поверишь, что такое сделает. Но вокруг воины его размалеванные скалились, как волки, только что зубами не ляскали. Этим только...

– Погоди, – перебил его Черепанов. – Он с вами на латыни говорил?

– Не-ет, – мотнул лысой головой староста. – Он на латыни – только пару слов. На своем белькотал. Один из его громил переводил: страховидло с зеленой мордой.

– Продолжай, – велел Геннадий, несколько разочарованный: его предположение о том, что хитрый вожак прошел римскую школу, не подтвердилось.

– Ну так вот. Все, говорит, к завтраму вынесете и здесь уложите. Это первое. А второе – чтоб через два дня здесь стояло семь с половиной десятков повозок. Таких, как вам покажут. А на третье велю: сегодня принесите нам жратвы – от пуза. Чтоб моим воинам хватило животы набить. И от провианта, что в городе есть, – половину. Не бойсь, говорит, все не заберем. Возьмем, сколько требуется. И фуража для лошадей. И женщин да девок, говорит, приведете. Не старых только и не уродливых. Тоже чтоб на всех хватило. Даю, говорит, слово, что убытка им не будет. Напротив, может, кто и с прибытком останется, если боги захотят. А ежели воину какая понравится, так, может, и подарит чего-нибудь. За усердие.

– Добряк, – пробормотал Черепанов. – Гуманист.

Этот хитроумный варварский рикс его весьма заинтересовал. Если удастся взять его живьем, Черепанов не прочь с ним пообщаться. Перед тем как отправить его в лучший мир. Поскольку оставлять в живых рикса нельзя. Слишком опасен.

– И вы дали ему, что хотел, – сказал Геннадий. – Так?

– А как не дать? – вздохнул старшина. – Таким не дай – сами возьмут да еще кровью умоют. Вынули все, что ценное, да и отдали.

– Никто утаить не пытался?

Старшина снова вздохнул.

– Как тут утаишь? – сказал он. – А соседи? Соседи ведь знают, у кого что есть. А кому охота за чужое добро помирать? Хитрый варвар все рассчитал. И возы ему сделали, как он хотел. Весь запас кож на ихние верха извели.

– А женщин?

– И этих дали. Бросили меж собой жребий. Кому выпало, те под варваров и легли. Только и в этом перехитрил нас рикс.

– Это как же?

– Ущерба, верно, никто не потерпел. Только те, кто девками были, те ясно что. Но с полсотни наших с собой забрал. Кто приглянулся. Сказал, мол, что и не обещал, что все потом сразу по домам вернутся. Не обещал, говорит, но теперь обещаю: как на корабли свои сядем – ваших отпустим. С подарками.

– Значит, они забрали добычу, погрузили на свои повозки и сразу уехали?

– Нет. – Старшина качнул головой. – Потом у них шум был. Многие варвары требовали, чтоб из наших, кто покрепче – с собой забрать, да и продать, а остальных перебить. Но этот рикс не дал. Сказал: если этих вырезать, на ком мы в следующий раз добычу возьмем?

Но они шумели долго. Чуток до большой драки не дошло. Но потом один из риксовых ближних главного заводилу зарубил, и остальные уgomонились. Да только выезжать в тот день уже не стали, переночевали под городом еще одну ночь. А утром ушли.

– Когда это было?

– Два дня назад.

«Отлично, – подумал Черепанов. – Если поторопимся и Тевд не оплошает, догоним».

– Повезло вам, – сказал он искренне.

– Какое там повезло, – скривился старшина. – Ободрали начисто, девок вон... У моей сестры младшей дочку увезли... Вчера Божественной Деве петуха принес... Чтоб сохранила племянницу.

– Ты лучше Марсу жертву подари, – усмехнулся Черепанов. – Надежнее будет.

В городе они задержались ровно настолько, чтобы пополнить запасы и дать чуток передохнуть лошадям. К сожалению, сменить их возможности не было. И фураж с провиантом пришлось выдирать у города чуть ли не силой. Тоже понятно: после варваров у них оставалось только-только до урожая дотянуть. Черепанов им сочувствовал, но не мог оставить голодными своих бойцов, которым и без того тяжеленько пришлось.

Отдохнуть он им позволил только перед последним броском. Устроил привал часа за два до заката.

На следующий день Черепанов поднял когорту затемно и велел выдать каждому по усиленной пайке. Оно конечно, медицина советует идти в бой с пустым животом. На случай, если в этот самый живот чего-нибудь воткнут. Но пусть «медицина» с пустым брюхом и воюет. А черепановские legionеры сумеют защитить свои полные животы.

Информацию о положении противника Геннадий получал исчерпывающую. Два дня между ним и Трогусом постоянно сновали гонцы. Ландшафт, по которому следовал враг, Черепанов изучил на полсотни миль вперед: не поленился – сам съездил. И на варваров заодно поглядел. Издали. Риска в этом не было никакого. У германцев имелась конница, но легкая кавалерия Трогуса на корню пресекала попытки варваров высылать дозоры. А когда из-за передвижной стены фургонов появлялся более крупный отряд, рассыпавшись, вилась вокруг, словно рой пчел над медведем. В конце концов предводитель германцев решил, что обойдется без разведки. Наверняка маршрут отступления он выбрал и наметил заранее.

Когда Черепанов решил, что пора брать варваров за холку, от побережья их отделяло чуть больше десяти миль. Меньше часа для опытного всадника на хорошем коне. Чуистые носы уже улавливали запах моря, когда ветер дул с запада.

Место для будущей битвы Черепанов выбирал тщательно, благо, такая возможность была. И остановился на широкой лощине между двумя пологими холмами. Здесь, справа от дороги, текла речушка. Мелкая, воробью по колено. Дно речушки было достаточно

каменистым, чтобы замедлить передвижение фургонов. На южных склонах холмов, обступивших лощину, росли виноградники. На северных – только трава. Один из северных склонов был обращен к лощине и идеален для кавалерийской атаки. И для пешей – тоже. Сразу за лощиной начинались сады. Деревья только-только отцвели, и урожай обещал быть превосходным. Черепанову было жалко портить такое великолепие, но он решил, что люди, его люди, дороже, чем плодовые деревья. По его приказу изрядное количество их было подпилено. Так, чтобы в нужный момент можно было повалить их все разом, частично запрудить речку и перекрыть выход из лощины. По крайней мере для фургонов.

План боя Черепанов составил следующий.

Первый этап: варвары входят в лощину, а в ее верхнем, восточном конце показываются легионеры. Только две кентурии, но зато длинной шеренгой. И с маячащими позади знаками и штандартами всей черепановской когорты.

Если варвары выйдут из-за фургонов и бросятся в атаку – флаг им в руки. Для стрелков на холмах они будут прекрасной мишенью.

Если они, напротив, ускорят движение в прежнем направлении – тоже неплохо. Потому что монолитный строй фургонов при этом наверняка нарушится (камни, неровные берега), и в передвижной крепости появятся бреши. И их станет еще больше, когда обнаружится, что выход из лощины перекрыт.

Второй этап: сверху, по гладкому северному склону на варваров обрушатся основные силы римлян. Не будь фургонов, Черепанов использовал бы для прорыва катафрактариев, но в данном случае это было неразумно. Поэтому придется использовать пехоту. И надеяться, что безумные германцы не станут отсиживаться в укрытии (и тем сведут к минимуму преимущества римского строя), а по своему обыкновению полезут в атаку.

Третий этап: разгром и полное уничтожение варваров.

По замыслу Черепанова, уцелевшие германцы должны отступить по южному склону. Больше деться им некуда. С востока – легионеры, с севера – тоже. С запада – засека, за которой – тоже легионеры. А на южном склоне – виноградники, где можно вдобавок укрыться от стрелков. Но когда варвары, прячась за виноградными лозами, взберутся на гребень холма, то по ту сторону их будет ждать голый склон. И легкая кавалерия Черепанова. А если враги все-таки ухитрятся сохранить подобие строя, по ним ударят катафрактарии. При таком раскладе ни один из германцев не уйдет живым. Что и требуется, потому что даже один живой германец на свободе – это двуногая машина убийства, способная без особого труда вырезать семью римского фермера. Если, конечно, фермер – не из бывших легионеров. В этом случае германцу придется повозиться. Хотя результат все равно предreshен: Черепанов на опыте знал – лишь немногие из его ребят способны выстоять один на один против вооруженного варвара. В строю – другое дело.

В общем, никто из разбойников уйти не должен. И не уйдет. Если все получится, как задумано. Как говорится: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Черепанов об оврагах помнил. Знал, что в его плане есть слабые места. Например, варварский вождь мог обойти «удобную» лошину. Или, по крайней мере, проверить, что там, впереди. Черепанов на его месте непременно бы так и поступил. Но, с другой стороны, подполковник, будучи профессиональным военным, никогда не пренебрег бы разведкой. Особенно если противник активно этому препятствует. А вождь варваров ею уже пренебрег. Видимо, рассчитывал проскочить и так.

Второе слабое место плана: расчет на активность противника. Если вождь варваров, увидев легионеров, остановит фургоны, составит их поплотнее и предоставит инициативу римлянам, получится очень нехорошо. Конечно, у Черепанова было некоторое численное преимущество, но не такое уж большое. И даже если ему удастся выбить варваров из-за укрытия, стоять это будет очень дорого.

Но этого не должно случиться. Варвары чувствуют, что они на чужой территории. Что к противнику может в любой момент подойти подкрепление. Они с самого начала придерживались активной рейдерской тактики. Хочется верить, что они и теперь от нее не

отступят.

Глава одиннадцатая Битва

Варварское войско вошло в лощину, разделившись на две части, но сохраняя общий строй, в котором фургоны двигались двумя уступами. Каменистое дно реки оказалось скверной «дорогой», а настоящая дорога, проходившая по левому берегу речки, – слишком узкой для германского построения.

Докучавшие варварам ауксиларии вертелись на правом склоне, изредка постреливая. Их игнорировали. Стрела на излете не пробьет верх фургона – жесткую бычью шкуру.

Черепанов следил за движением варваров с левого холма, того, чей склон со стороны реки оброс виноградом.

Рядом с Черепановым потел толстый буккинатор со своей здоровенной трубой. Средство связи.

Черепанов дождался момента, когда последние фургоны втянулись в лощину, досчитал до тридцати и пихнул «средство связи» в бок. Щеки легионера тут же надулись пузырями, и гнусавый рев медной, свернутой в огромный бараний рог трубы-букины потек над лощиной.

Внизу, за фургонами, загомонили. Но темп движения не изменился. Он не изменился и тогда, когда у входа в лощину появились растянутые шеренги пятой и шестой кентурий, позади которых раскачивались многочисленные штандарты черепановской когорты.

Шеренги замерли, перекрыв варварам путь отступления, букина взревела дважды – и на правом склоне появились остальные кентурии. Появились – и тоже застыли.

По замыслу Черепанова, увидев врага, варвары должны были что-то предпринять: либо выскочить из-за фургонов и устремиться в атаку, либо погнать лошадей к «свободному» выходу. Именно так реагировали все варвары, с которыми сталкивался Черепанов. Именно так они действовали, судя по документам, которые Геннадий изучал зимой. Варвары всегда отвечали на угрозу действием. В данном случае любое действие должно было ослабить их позицию.

– Ах ты, мать твою... – по-русски выругался Черепанов.

Буккинатор удивленно посмотрел на него:

– Quod? ¹⁸⁵ – спросил он.

Черепанов молчал. Он лихорадочно размышлял. Его план рушился. Потому что варвары отреагировали нетрадиционно. Именно так, как опасался Геннадий. Они остановились! Более того, еще теснее сомкнули фургоны, загнав замыкающие возы в речку. Остановились и ждали.

«Дьявол! Они не должны так себя вести!» – подумал Черепанов.

Варвары просто не умели ждать, когда дело касалось драки.

Но эти – ждали. И его парни с той стороны тоже ждали.

А он медлил. Страшно не хотелось бросать своих солдат на стену фургонов. Черепанов пожалел, что ради скорости пожертвовал боевыми машинами. Сейчас бы пару «скорпионов», а еще лучше «онагр»...

Б-банг! Тяжелая стрела карабаллисты, прошипев в воздухе, воткнулась в землю шагов на тридцать ниже строя римлян.

Б-банг! Еще одна стрела прогудела в десяти локтях над головами легионеров.

То, о чем мечтал Черепанов, на поле боя имелось. Только не у него, а у противника.

Буккинатор презрительно фыркнул. Варвары стреляли, как рыночные торговки.

– Трубить? – спросил он. – Или как?

– Заткнись, – буркнул Черепанов.

Что же делать?

¹⁸⁵ Quod? (лат.) – Что?

Утреннее солнце золотило бронзовые шлемы легионеров, застывших щит к щиту, как на параде – на гребне холма.

Б-банг! Еще одна стрела зарылась в землю. Буккинатор хихикнул. Черепанов представил, как ухмыляются его легионеры. «Меткая» стрельба германцев явно укрепила их боевой дух.

Ба-банг! Опять – мимо.

Надо что-то делать? Что-то...

Черепанов пихнул буккинатора:

– Труби: «Виват император!»

– Чего? – Буккинатор выпучил глаза.

– Что слышал! – яростно зашипел Черепанов. – Труби, идиот!

И над ложиной мощно загудел парадный сигнал. Оставалось надеяться, что Гай Ингенс сообразит, что от него требуется.

Сообразил.

Разом грохнули щиты. И еще раз. И ликующий вопль вырвался из сотен луженых легионерских глоток...

И все-таки Геннадий оказался прав. Сто раз прав! Проклятые варвары не умели ждать! И на традиционное: «Аве кесарь!» отреагировали, как на брошенный вызов. Они начали действовать!

Воздух над фургонной крепостью вскипел от бешеного рева. И тут же сотни германцев полезли наружу, через фургоны, под фургонами, между фургонами...

Черепанов облегченно выдохнул.

– Труби атаку! – гаркнул он в самое ухо буккинатору.

Принцепс Череп не собирался проявлять благородства и давать врагам возможность построиться в боевой порядок.

– Бар-ра!!!

Даже на бегу четко держа строй, римские кентурии устремились вниз. Смятые стеной римских щитов, прижатые к собственным фургонам, германцы бились с отчаянной яростью. Бились и умирали, пропоротые мечами, пронзенные копьями, сбитые и затоптанные. Быстро, очень быстро. Потому что их было слишком мало, чтобы долго сопротивляться натиску римских кентурий. Слишком мало, потому что...

Потому что большая часть варваров осталась по ту сторону фургонов. Это было невозможно, но это было именно так!

Кто-то из легионеров сунулся под повозку... Да так там и остался, приколотый германским копьем. На правом фланге солдаты первой кентурий, сомкнув щиты, попробовали навалиться и опрокинуть фургон... Ничего не вышло. То ли варвары уже успели сцепить их вместе, то ли подперли фургон собственными плечами.

Еще кто-то попытался протиснуться между повозок – и получил железо в бок.

Если сейчас легионеры попытаются штурмовать передвижную крепость, их попросту перебьют. Преимущество римлян сохраняется только до тех пор, пока они держат строй. Вне строя каждый варвар стоит минимум двоих легионеров. Для того, чтобы штурмовать такое укрепление, необходимо минимум трехкратное превосходство.

– Труби: «Сомкнуть щиты!» – приказал Черепанов трубачу.

Команда была выполнена с похвальной быстротой. Более того, сообразительный Гай Ингенс отвел шеренги от повозок шагов на пятьдесят.

Установилось некое равновесие. Варвары постреливали изредка – без особого успеха. Атаковать, к сожалению, не пытались. Их сообразительный вождь понимал, что проиграет тот, кто первым полезет через фургоны. Вероятно, сейчас его люди возятся с боевыми машинами, перенацеливая их. Если чуток раздвинуть пару фургонов, можно бить из карабаллисты, считай, в упор. На такой дистанции промах исключен.

Черт! Надо что-то предпринимать! Штурмовать в лоб – губительно. Варваров за фургонами столько же, сколько у Черепанова пехоты. Если не больше... Подключить

кавалерию? Катафрактариев? Ударить клином, разгоном тяжелой конницы, опрокинуть пару фургонов, тех, что стоят поперек речушки...

Нет, нельзя. Даже если идея осуществится, потери тяжелой конницы, брошенной на укрепления, будут огромны, а результат – никакой. Сила катафрактариев именно в разгоне. Даже опрокинув пару фургонов, они тут же завязнут. За повозками – упряжки. Варвары ведь не распрягли лошадей. Такая каша получится... Упряжки... Однако... А ведь может получиться!

Черепанов вскочил на ноги и пихнул трубача:

– Давай за мной!

– Трогус! Сколько у тебя парней, способных пользоваться арканами?

– Да считай все армяне могут! – последовал ответ. – А что надо?

– Сейчас объясню...

Катафрактарии Теренкия выстроились двумя колоннами у входа в лощину.

Германцы их наверняка видели, но вряд ли испугались. Их вождь достаточно сообразителен, чтобы не испугаться. Если римляне хотят погубить лучшую часть своего войска в бесполезной атаке – на здоровье!

– Вперед! – скомандовал Черепанов, и его люди двинулись к фургонам. Неторопливо: всадники вровень с пехотой. До фургонов – метров триста. Вполне достаточная дистанция, чтобы не спешить.

Германцы тоже не спешили. Ждали. И легионеры Ингенса тоже ждали. Старший кентурион Гай не знал, каковы планы его принцепса, но знал: когда потребуется, он получит соответствующую команду.

Катафрактарии и растянутые в линию пятая и шестая кентурии приближались к фургонам. Мерно раскачивались штандарты, вразнобой били копыта: по земле, по воде, по дорожным плитам. Бессмысленно, но громко взрывали трубы. Все внимание варваров должно было сосредоточиться на наступающих...

Поэтому они потеряли не меньше пяти секунд, когда на вершине правого холма появились турмы легкой конницы.

С визгом и топотом лучники Трогуса помчались вниз, осыпая германцев стрелами. И тут же Катафрактарии субпрефекта Теренкия устремились вперед, обгоняя пехоту.

Секундное замешательство германцев прошло: в конников Трогуса полетели стрелы и копья, но турмы уже пронесли мимо фургонов... И не меньше полусотни серых змей-арканов взвились в воздух и упали на фургоны и – через фургоны – на упряжь, на головы лошадей, на все, что можно зацепить петлей...

Не меньше двух десятков веревок туго натянулось, увлекая за собой то, что удалось зацепить...

Оба фургона, перегородившие речушку, со скрежетом сдвинулись с места. Их упряжки бились и ржали, не позволяя хозяевам быстро обрубить веревки...

Не больше двадцати ударов сердца – и легкая конница пронеслась мимо, выдернув из строя и утянув за собой одну повозку и оттащив и опрокинув другую. Десять секунд – и в монолитной крепости варваров образовалась брешь...

...В которую с ходу ударила тяжелая конница Теренкия.

Черепанов шагнул на правом фланге пятой кентурии, когда конная лава протекла мимо него и, взбывая брызги, понеслась к фургонам. Он не видел, как сработали ауксиларии, не знал, удалось ли им оттащить фургоны и убрать с дороги тяжелой кавалерии...

Но еще через двадцать секунд он увидел: получилось! Сработало!

Разогнавшиеся катафрактарии с ходу, клином врезались в пятнадцатиметровую брешь, смяли и опрокинули ошеломленных германцев, ворвались внутрь передвижного «форта»... И увязли.

В следующие двадцать секунд варвары опомнились и с неистовой яростью набросились на катафрактариев. А биться с тяжеловооруженными всадниками германцы умели. Даже прикрытой доспехами лошади можно подрубить ноги или вспороть живот. Но еще проще

достать ее всадника, которому в тесноте не развернуться. Однако в тесном пространстве между фургонами бьющаяся на земле раненая лошадь может причинить куда больше вреда, чем ее всадник. А тут не одна, а десятки раненых, обезумевших лошадей. И еще упряжки фургонов...

Через несколько минут от монолитности германского укрепления ничего не осталось. Несколько фургонов опрокинулось. Передние упряжки кто-то «сообразительный» погнал вперед, полностью открыв один из флангов.

И тогда римская пехота показала, на что она способна. Навалившись на варваров с двух сторон, легионеры буквально расплющили германское войско...

Черепанов сражался в общем строю. Он хотел быть в строю, когда его конница осуществляла его рискованный маневр. Чтобы мужественно разделить опасность со своими солдатами...

Храбро, но не слишком умно. Вряд ли он поступил бы так, будь он пехотным подполковником, а не летчиком. В результате Геннадия ранили в ногу и, что более неприятно, он на некоторое время потерял доступ к управлению боем. И скорее всего, именно поэтому варварскому риксу с несколькими сотнями воинов удалось вырваться из тисков и даже сохранить строй. И опять события стали развиваться не так, как замыслил подполковник. Вместо того чтобы добивать разрозненные группы беглецов, прячущихся в винограднике, им пришлось атаковать плотное германское каре.

Варварский рикс до самого конца оставался молодцом. Отбиваясь от наседающих легионеров, германцы прорвались вдоль берега, обогнули засеку, спустились в речку и тем же плотным строем двинулись дальше. Расплескивая покрасневшую от крови воду, переступая через тела своих и чужих... Они очень хорошо шли, эти германцы. Неторопливо, мощно, с уверенностью идущего за плугом пахаря.

Но им не повезло. В саду их встретили конные лучники.

Вообще-то кавалерии довольно трудно, практически невозможно действовать между деревьями. Даже если это не дикий лес, а аккуратные садовые посадки. Но в данном случае, когда на обстреливаемую тяжеловооруженную пехоту с другой стороны навалилась такая же тяжеловооруженная пехота...

В общем, легионерам все-таки удалось их остановить. А когда от нескольких сотен прорвавшихся осталось меньше четверти, варвары сложили оружие. Наверное, они не знали, что сдаются принцепсу Черепу. Или им никто не успел рассказать, как принцепс Череп поступает с разбойниками. Даже если эти разбойники вырезают не всех римских граждан, с которыми их сводит судьба.

Глава двенадцатая Победа

Трофеев было множество, а вот пленных – на удивление мало. Не более двухсот. В числе «трофеев» оказались девушки, вывезенные германцами из Цекулы. Уцелели не все. Шестерых насмерть побил стрелами во время боя. Что же касается остальных... Черепанову потребовалось приложить кое-какие усилия, чтобы наиболее пылкие из его солдат уяснили: римские подданные женского пола не являются «переходящим призом» наподобие монет и иных ценностей. Другое дело, если те сами выразят желание отблагодарить спасителей. Племянницу цекульского старейшины (она уцелела) Черепанов забрал к себе в палатку. Во избежание. Но когда выяснилось, что девушка чутко обучена медицине и вполне грамотно наложила повязку на ногу принцепса, проколотую германским копьем, Черепанов отправил ее помогать медикам. В любом случае приставать к ней не будут, коли «сам принцепс положил на нее глаз». Теперь «сам принцепс» мог позволить себе передышку.

Одно из достоинств римской военной системы: четкое распределение обязанностей. Во всех случаях, не требующих творческой инициативы, эта система работала, как отлаженное производство. Без участия руководства. Дележкой трофеев занимались кентурионы, похоронами – сигниферы, ранеными – медики. Оставался открытым вопрос, что делать с

пленными.

Черепанову не хотелось применять к ним свой принцип «демонстративной жестокости». Хотя бы потому, что они не устроили резни в Цекуле. Но следовать императорскому эдикту он не собирался. Отпускать «домой» такого опасного противника нельзя. Привлечь их на службу Риму? Для этого он слишком хорошо знал варваров. И разбойников. Нет никаких гарантий их лояльности. Служба «наемников» продлится до тех пор, пока тем не подвернется случай «разбогатеть». И удрать с добычей.

«Но на их вождя я должен взглянуть, – подумал Черепанов. – Если он жив. Велю Ингенсу это выяснить».

Но он ничего не приказал старшему кентуриону.

Усталость, нервозность, приличная потеря крови...

Невзирая на боль и нарастающую слабость, Черепанов собрал старших офицеров, выслушал их доклады, огорчился потерям...

А потом дневной свет неожиданно померк.

«Неужели наступил вечер? – подумал Геннадий. – Так быстро...»

И провалился в беспамятство.

– И добрый клинок, бывает, ломается, – констатировал Мелантий Ингенс, бережно укладывая командира на походную койку.

– Ничего, оклемается, – сказал Ингенс-старший. – Я к нему ту девчонку приставлю. Очнется – напоит его вином горячим. С медом. При потере крови – самое полезное. Пошли, Луций, приятным займемся. Надо трофеи разобрать.

– А как с пленными? – спросил Трогус. – Как всегда?

– Ну да. Или ты хочешь, пока командир не видит, их маркиопольскому ланисте сбить?

Оба рассмеялись.

– Надо за хорошим деревом в имение послать, – сказал хозяйственный Мелантий. —

А то эти сливы-яблони – мелковаты. Да и жаль их рубить...

– А может, все же повременим – с повешением? – предложил командир катафрактариев Теренкий. – Вдруг принцепс по-иному решит?

– А вот это вряд ли! – Гай Ингенс усмехнулся. – Я с Черепом уже считай год вместе воюю. Он решит – как стрелой «скорпиона» ударит: прямо и навывлет. И ни разу такого не было, чтоб он разбойника-варвара пощадил.

– Это точно! – поддакнул Мелантий Ингенс. – У нашего принцепса слово – гранит!

– Ну, вам виднее, – уступил субпрефект. – Пошел я к своим. Как думаешь, Гай, по тысяче динариев на копье выйдет?

– По две. Минимум, – уверенно ответил старший кентурион. – Эти германцы два города остригли. А города здесь бога-атые!

– Отлично! – субпрефект заметно повеселел. – Пойду порадуя парней!

– Порадуй, – кивнул старший кентурион. – Пусть узнают, каково с нашим Черепом служить! И учти: это не все еще. Мы еще на кораблях ихних чего-нибудь возьмем, уж не сомневайся!

Постскрипtum

Братья Ингенсы, старший и младший, сидели на корточках в штабной палатке перед двумя кучами наиболее ценных трофеев.

Старший по очереди извлекал из одной кучи предметы, взвешивал их безменом и сообщал вес и описание изделия младшему, Луцию. Тот фиксировал сказанное на восковой табличке.

– Чаша золотая, инкрустированная камнями, с двумя Амурами, – строго произнес Гай Ингенс, извлекая из общей кучи золотой кратер с инкрустацией и двумя Амурами вместо ручек. – Тянет на четверть фунта. Не записывай. Я это командиру отложу. Он такие любит,

изысканные.

Из кратера под ноги Ингенсу вывалилась диковинная фигурка. Смешной человечек в ярких тряпках. Ингенс-старший ловко поймал его свободной рукой.

– Глянь-ка, – сказал он брату, Ингенсу-младшему. – Каков варварский божок.

– Смешной, – улыбнулся Луций Ингенс и пошутил: – Я его тоже записывать не буду. Ты его Трогусу подари. Он на него похож. Такой же длинноносый. Ну просто меньшей Трогусов братец.

– Точно. На-ка, подпиши его. – Гай сунул брату божка.

Острым стилем Луций нацарапал на спине божка: «Тевд Трогус-младший».

– Однако ж, какая кость мягкая, – заметил он. – Никогда такой не видал.

– У них, у варваров, все не как у людей. – Гай забрал уродца и сунул под ремень.

Снаружи раздался шум, потом в палатку заглянул охранник.

– Там с имения брус привезли, – сообщил он. – Тебя зовут, кентурион. Показать, где кресты ставить.

– Ага, я иду. – Гай Ингенс поднялся.

– Уродца без меня не отдавай! – предупредил Луций. – Я тоже хочу поглядеть, какая рожа станет у Тевда, когда он увидит это!

– Не отдам, – пообещал его брат, щелкнул длинноносого божка по желтой облупившейся макушке. – Впрямь чудная кость, – заметил он. – Ненашенская.

Он даже не догадывался, насколько верными были его слова.

Конец второй книги